

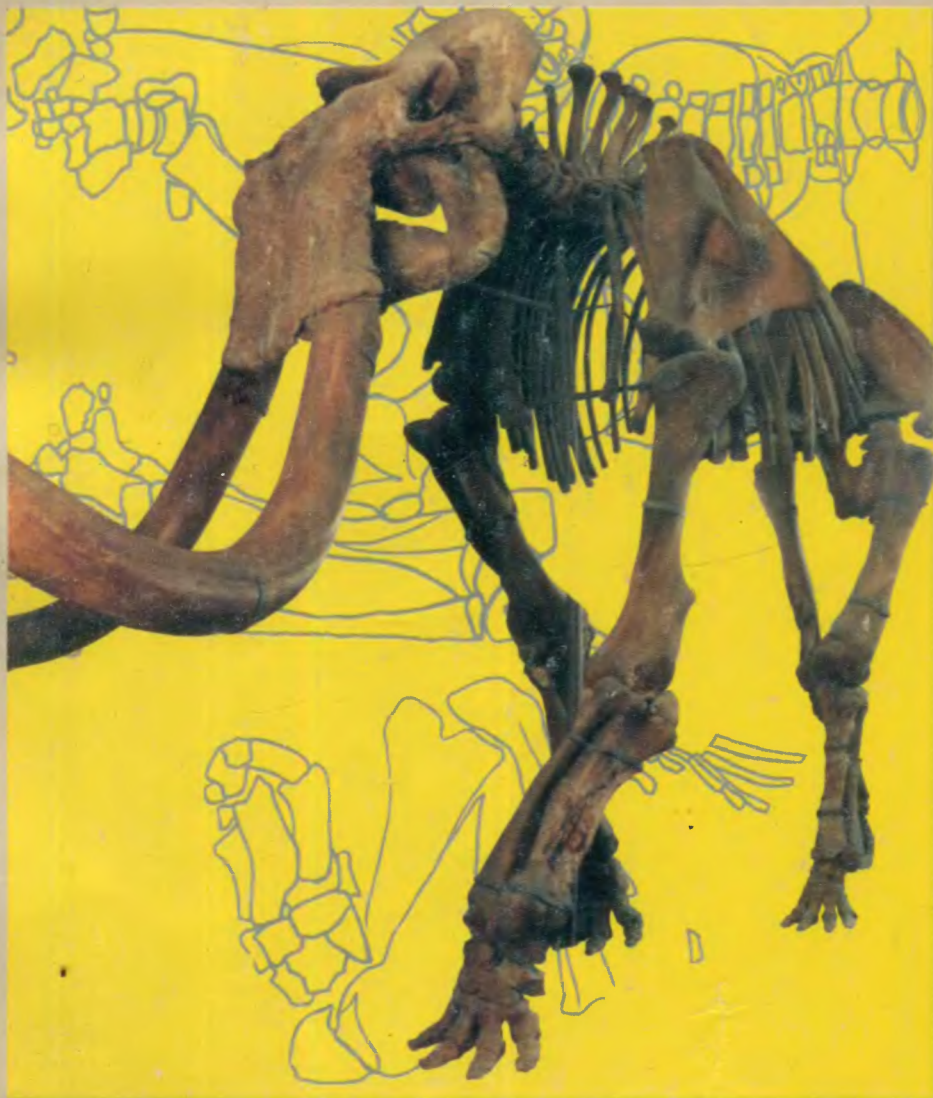
И-90
406

Азовский краеведческий музей

**Историко-археологические исследования
в Азове и на Нижнем Дону в 1995-1997 гг.**

Выпуск пятнадцатый

**Министерство культуры Ростовской области
Азовский краеведческий музей**

**Историко-археологические
исследования
в Азове и на Нижнем Дону
в 1995-1997 гг.**

Выпуск пятнадцатый

**Азов,
1998 г.**

ББК 63.4(2р 37)

И 90

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Азовского краеведческого музея

• СТЕНД ЯН773Р4 01391

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ: председатель - А.А. Горбенко;
научный редактор - кандидат исторических наук В.Я. Кияшко;
ответственный секретарь - кандидат исторических наук
С.И. Лукьяшко, М.В. Власкин, И.П. Кирсанова.

Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону
в 1995-1997 гг. Вып. 15.

Азов: Азовский краеведческий музей, 1998. - 320 с.:илл.

ISBN 5-93218-001-3

•

ISBN 5-93218-001-3

© Азовский краеведческий музей, 1998 г.

Азовский краеведческий

музей

Ответственный редактор
кандидат исторических наук
В.Я. Кияшко

К юбилею Л.М. Казаковой

На макушке лета 1997 г археологи отмечали юбилей Людмилы Михайловны Казаковой. Хитрая женщина постаралась родиться 15 июля, в самый разгар полевого сезона, когда на Дону работают не только местные специалисты, но и много приезжих исследователей из других городов страны и зарубежья. Из года в год Нижне-Донская экспедиция в Танаисе принимает в этот день гостей. И вот, юбилей !

Загорелая, энергичная, с обманчиво тихим голосом, в котором нет-нет, да и прозвучат металлические нотки, упорная и вечно куда-то не успевающая - такова именинница. И это было всегда. Школа - обязательно медаль, университет - хорошая учеба и все немыслимые кружки (от китайского языка до балалайки в струнном оркестре факультета), целина - самый первый студенческий отряд, впервые стала на лыжи - значит поход по лесам Подмоскovie, секция туризма-альпинизма - даешь горы Кавказа и многое другое. В этой цепочке есть место и первой археологической практике - раскопки курганов у хутора Нижне-Подпольный в Аксайском районе Ростовской области.

Злые языки полагают, что мощный энергетический заряд получен ею от страшного ашхабадского землетрясения, после которого, чудом избежав гибели, она попала на Дон. И, действительно, обитатели тихих кабинетов в различных южгипроводхозах-донводстроях нередко воспринимали ее посещения как стихийное бедствие и безвольно отступали от бюрократических привычек, подписывая сметы и акты. А в экспедициях, с изумлением глядя на женщину, готовую ради черепков и костей броситься под гусеницы трактора, прикусывали языки даже матерщинники-бульдозеристы, а председатели и завхозы послушно выдавали "сумасшедшим археологам" бензин

и продукты, предоставляли технику и помещения.

К счастью для наших мест, эта энергия созидательна и уже много лет направлена на охрану древностей Донской земли, на изучение, музеефикацию, пропаганду бесценных свидетельств прошлого.

Где-бы ни работала Людмила Михайловна: в Азовском ли музее заведующей отделом, в Танаисском музее-заповеднике директором, в университете заведующей археологической лабораторией, в обществе охраны памятников истории во главе секции археологии - она всегда на острие дел и событий.

Огромен диапазон ее научных интересов: от палеонтологических раскопок трогонтериевого слона, от стоянок раннего палеолита в Юго-Осетии, до позднего средневековья в Азове. За последние 25 лет под ее руководством выросла целая плеяда донских археологов, раскопаны сотни курганов, спасены тысячи памятников. Среди сумятицы полевых сезонов она ухитряется, помимо отчетов, писать научные статьи и выступать в средствах массовой информации, организовывать конференции и выставки, делать доклады, шутить и плакать, ругаться и с доброй заботой возиться с молодежью. В этом пестром бытии есть у нее и свое, заветное - работа над темой, посвященной фортификации Танаиса. Много лет назад ею опубликована книжка об этом замечательном памятнике, но до сих пор не остыл интерес к загадкам античности. И, как бы не была занята делами, как бы не болело сердце и не скакало давление, обязательно несколько раз в месяц, зимою и летом, выходит она на знакомом полустанке и идет вдоль тысячелетних руин, в сотый раз перебирая в уме цитаты древних свидетельств Страбона и Витрувия, вспоминая результаты раскопок последних сезонов.

От имени обширной археологической братии, работающей на Донской земле, мы сердечно поздравляем коллегу с юбилеем, желаем оставаться такой же обаятельной и энергичной еще многие годы и, конечно, успеха в грядущих полевых сезонах.

С добрым счастьем, Людмила Михайловна !

Редколлегия.

“Историко-археологические исследования в 1994 г.” удалось издать только в 1997 г. В том же году вышли “Донские древности” Вып.5, с публикацией докладов к III Международной конференции “Проблемы сарматской археологии и истории” В 1995 г. вышли в свет “Донские древности” Вып.4, посвященные 35-летию научно-педагогической деятельности В.Я.Кияшко.

Решив в 15-й выпуск ИАИАНД включить информацию о раскопках на Дону за три года (1995-1997 гг.), редакция преследовала две цели: первая – как можно быстрее донести широкому кругу исследователей оперативную информацию, и вторая – более рационально использовать имеющиеся финансовые средства. Кроме того, для объединения информации об исследованиях за три года существенным аргументом было то, что это время явилось, в известной степени, переломным для донской археологии и музейного дела. Это было время, когда прежние

Рис. 1. Лабораторный корпус Азовского краеведческого музея

формы организации распались, а большинство старых учреждений искали и нашли свое место в новых условиях, возникли и новые организации.

В 1997 г., в основном, закончено строительство и началось освоение лабораторного корпуса Азовского музея, сооружение которого было начато осенью 1994 г. Завершаются строительные работы и корпуса фондохранилищ, начатые во второй половине 1995 г. Воплощение этого проекта было

Рис. 2. Здание фондохранилищ Азовского краеведческого музея

связано с большими техническими трудностями в связи с тем, что строительные работы велись одновременно с реконструкцией старых помещений фондов, надстройкой новых над старыми, подведением фундаментов под существующие здания, и спасательными археологическими исследованиями на используемых площадях внутри помещения музея. Работы, которые не могли выполнить строители из-за их трудоемкости и сложности, выполнялись археологами музея. Все эти работы велись при большой финансовой поддержке Департамента культуры и искусства (директор В.А.Иванов).

1997 год был юбилейным для Азовского краеведческого музея, основанного М.А. Макаровским в 1917 году при содействии известного ростовского археолога и краеведа М.Б. Краснянского.

В 1997 г. благодаря доброй воле вдовы известного советского археолога Н.Г.Шиловой, сюда поступила библиотека Валентина Павловича Шилова, которую он собирал на протяжении всей своей жизни. Таким же образом в 1995 г. в музей-

заповедник Тапаис поступила мемориальная библиотека Дмитрия Борисовича Шелова.

С 1994 года работает областная инспекция по охране и эксплуатации памятников истории и культуры при Департаменте культуры и искусства.

От руководства инспекции и Департамента культуры и искусства теперь будет зависеть – станет ли эта организация действительно учитывать и охранять памятники, будет ли она использовать максимум поступающих средств на дело спасения и сохранения памятников или станет обычным бюрократическим учреждением, живущим за счет памятников и использующем все средства на свое содержание.

В мае 1996 г. РГПУ при поддержке РГНФ провел VIII Международную конференцию “Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века”, посвященную памяти выдающихся ученых археологов И.Б.Брашинского и Д.Б.Шелова (Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Тезисы докладов VIII международной конференции. Ростов-на-Дону. 1996.).

VII международная конференция с той же тематикой состоялась и в мае 1994 г. (Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Тезисы докладов VII международной конференции. Ростов-на-Дону. 1996 г.).

В сентябре 1996 г. музей-заповедник “Тапаис” при поддержке РГНФ провел “I-е Шеловские чтения по античной археологии Подонья-Приазовья”

В октябре 1997 г. Ростовский госуниверситет при поддержке РГНФ провел III международную конференцию “Проблемы сарматской археологии и истории” посвященную памяти К.Ф.Смирнова (Донские древности. Вып.5. Сарматы и Скифия. Сборник научных докладов III международной конференции “Проблемы сарматской археологии и истории” Азов. 1997 г.).

Новочеркасский музей истории донского казачества приступил к изданию “Краеведческих записок” (Краеведческие записки. Вып.1. Новочеркасск. 1994.; то же. Вып.2. Новочеркасск. 1997.), “Трудов Новочеркасской археологической экспедиции” (Труды Новочеркасской археологической экспедиции. Вып.1. Новочеркасск. 1997; то же. Вып.2. Новочеркасск. 1997).

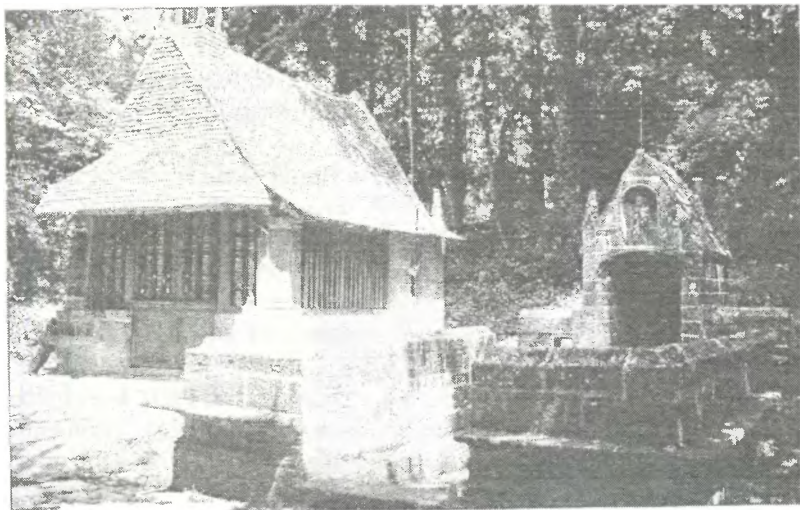

Рис. 3. Аббатство Даулас

Приходится сожалеть, что эти издания практически недоступны широкому кругу специалистов из-за их малого тиража (100 экз.). Отрадно отметить издательскую активность Новочеркасского музея, но исходя из имеющегося опыта можно рекомендовать издание более крупных по объему и тиражу сборников, объединив все "Записки" и "Труды" под одной обложкой, тем самым делая их более доступными для приобретения.

Продолжают регулярно проводиться семинары по итогам археологических исследований в Ростовской области, материалы которых появляются в ИАИАНД.

Появилась новая форма работы: проведение научных конференций и археологических исследований при поддержке РГНФ. Укрепились научные связи с зарубежными коллегами-археологами: в Танаисе с 1995 г. работает российско-германская археологическая экспедиция. Археологи из музея-заповедника "Танаис" выезжали в научные командировки в Польшу и Германию. В Азове в 1996-97 гг. раскопки производились археологами российско-французской экспедиции. Археологи Азовского и Ростовского музеев работали во французских (департамент Финистер) археологических экспедициях

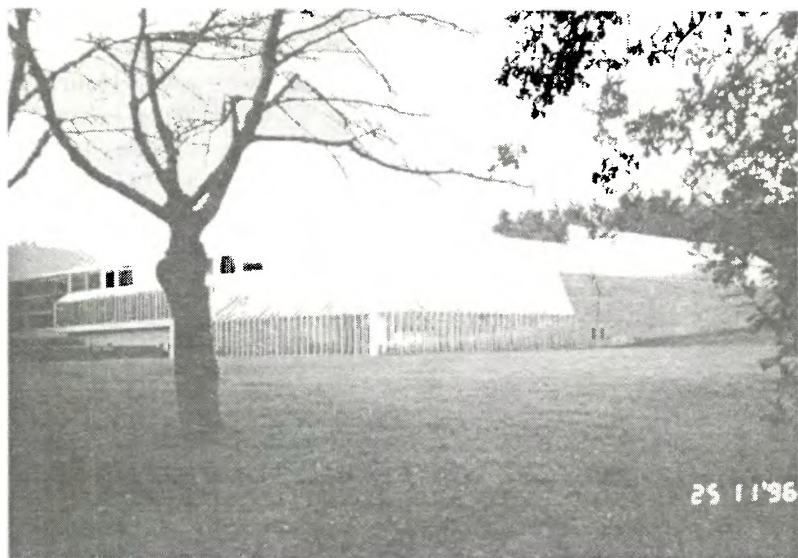

Рис. 4. Баррелл Коj

в 1995-97 гг. Археологи педуниверситета в последние годы сотрудничали с научными кругами Швейцарии.

Спад широкомасштабных археологических исследований дал возможность осмотреться и не только пачать думать о необходимости введения в научный оборот накопленного материала, но и приступить к подготовке его публикации. В связи с этим возникла необходимость научной инвентаризации, реставрации, консервации археологических находок, широкий показ их в экспозициях как у себя в музеях, так и за рубежом.

В 1995 г. Ростовский и Азовский музеи вместе с Государственным Эрмитажем приняли участие в выставке “Сарматы” в “Аббатстве Даулас”, департамент Финистер, Франция. Вышел каталог “Entre Asie et Eроpe. L'OR DES SARMATES. Nomades des steppes dans s'Antiquite 17 juin - 29 octobre 1995. Abbaye de Daoulas Finistere”

В 1996 г. в г.Глазго (Шотландия) Азовский и Ростовский музеи организовали выставку “Скифы и сарматы” в музее “Баррелл Коллекшн” (The Burrell Collection). Выставка была приурочена к 10-летию побратимских связей городов Ростова-на-

Дону и Глазго. Вышел буклет-каталог “Treasures of the Warrior Tombs” Glasgow Museums. 1995.

В 1997 г в тематическом парке “Русская деревня в Ниигата” (Япония) открылась выставка “Гигантские слоны и эволюция жизни” из фондов Азовского, Новочеркасского и Таганрогского музеев. В центре экспозиции находится скелет слона-трогоптерия, раскопанный в невероятно трудных условиях в 1964 г в Кагальницком песчаном карьере археологом Л.М.Казаковой,

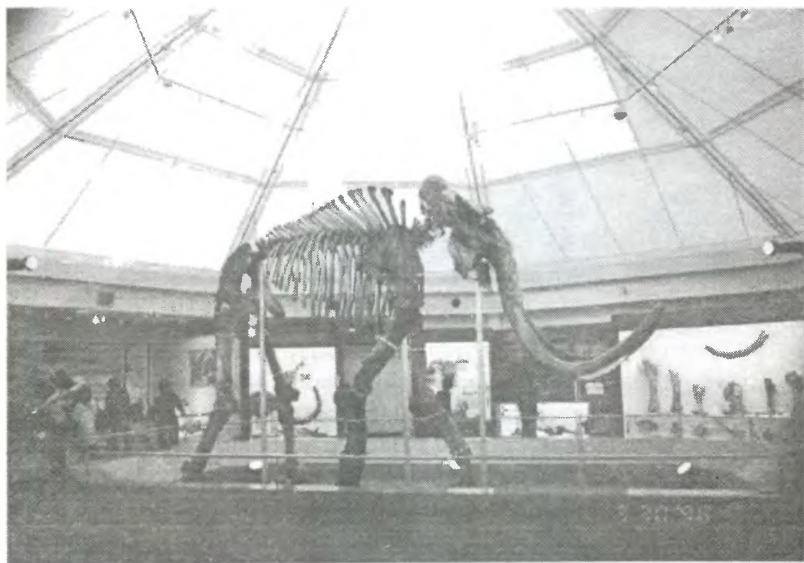

Рис.5. Трогоптериевый слон в “Русской деревне в Ниигата” (Япония).

палеонтологом В.С.Байгушевой и отреставрированный под руководством В.Б.Гарутта (Зоологический институт, Ленинград). Организацией выставки с японской стороны занимались большие энтузиасты российско-японских культурных связей Камогава Кадзуко и Нитта Киёми.

Вместе с тем, появилась на Дону и новая большая опасность коммерциализации археологической деятельности. Существуют организации, для которых археология является не только источником существования, но и источником доходов, которые

Рис. 6. Расконки кургана 2 могильника Красногоровка-III в 1996 г

направляются отнюдь не на развитие науки и тем более развитие музейного дела, укрепление материально-технической базы учета и хранения музейных фондов, в т.ч. и материалов исследований этих же экспедиций. Средства, которые должны, по идее, быть подспорьем музеям и охране памятников, уходят в частный бизнес, хотя во всем мире принято обратное - частный бизнес помогает музеям и археологической науке. Эти явления могут способствовать дискредитации как отдельных археологов, так и всей донской археологии.

Зарубежные связи подтолкнули наших археологов к более тщательным исследованиям, заставили вспомнить старый опыт, почти забытый во времена широкомасштабного ирригационного строительства. Наконец, совместная работа с зарубежными коллегами показала, что не совсем все мы плохо делаем, кое-что даже лучше. Прошел шок зарубежной новизны - мы стали просто коллегами.

Мы вместе со страной начинаем входить в международное пространство, где существуют определенные этические нормы. "Кодекс профессиональной этики" разработанный с участием

Рис. 7 Раскопки кургана 9 могилы на Красногоровка-III в 1997 г.

российских музееведов и принятый ИКОМ, может оказать существенную помощь музеям в их практической работе.

Редколлегия сборника старалась собрать как можно более полную информацию об археологических исследованиях на территории области. Мы, вместе с авторами, старались осветить не только плановые полевые исследования, но и случайные находки и наблюдения. Подавляющее большинство как донских, так и работающих на Дону столичных археологов заинтересовались и с пониманием отнеслись к этому важному делу, за что редакция выражает им сердечную благодарность.

К сожалению, по объективной причине (курган не удалось докопать из-за наступивших холодов) в сборник не попала информация Житникова В.Г. о раскопках двух курганов на территории бывшего вертолетного поля Ростова. Раскопки будут продолжены в 1998 году.

Можно также сожалеть о том, что в исследовательской части из-за ограниченного объема сборника не удалось поместить работы всех авторов, представивших свои статьи. Надеемся в следующем выпуске их опубликовать.

Т.М. Арсеньева

Работы Нижне-Донской экспедиции в 1995-1997 гг.

В 1995-1997 гг. в составе Нижне-Донской экспедиции Института археологии РАН и музея-заповедника "Танаис" принимали участие сотрудники археологической лаборатории Ростовского государственного университета и два отряда: Германского археологического института и Варшавского университета. Работы продолжались на территории основного четырехугольника Недвиговского городища и на трех участках некрополя.

В южной части городища на раскопе XIX (руководитель работ Б.Беттгер) исследовались слои и сружения, относящиеся ко всему периоду жизни города, с III в. до н.э. - до середины V в. н.э. Вдоль западного борта раскопа расчищалась улица, которая, судя по находкам, была проложена в конце III в. до н.э. и функционировала до середины III в. н.э. К ней с востока примыкали помещения и дворы, разрушенные во время тотального разгрома города в середине III в. В одном из помещений сохранились особенно интересные находки. Кроме стеклянных и керамических сосудов, склад железных изделий: сковорода, ключ и более 20 мечей, сваленных в кучу. Видимо, железные изделия были собраны для дальнейшей их переработки. Раскрыт подвал - одна из самых больших по размеру танаисских построек. Интересна деталь, отмеченная в устройстве подвала. В южной его части имелось небольшое отделение, сооруженное из двух небрежно выполненных стен, за ним был навален мощный слой мусора с обломками керамики II в. н.э. Вновь образованную завалом площадку, возможно, использовали в качестве фундамента для возведения лестницы. На полу подвала выявлены стены более ранней подвальной постройки, пока еще не расчищенной. Среди находок III в. особо надо отметить многочисленные амфоры с дипинти.

В центре раскопа исследовался еще один небольшой подвал с находками II и первой половины III вв. н.э. Среди них отметим терракотовую маску Сатира (Рис.1).

Особенно интересны на этом раскопе сооружения последних веков существования города. Они открыты на всех исследуемых

участках и сохранность их относительно хорошая. План построек и их стратегия представлены особенно четко, выявлены неширокие проулки между домами, перепланировка жилищ, запустение одних и постройка других. Выделяются три строительных периода застройки на протяжении второй половины IV - первой половины V вв. н.э.

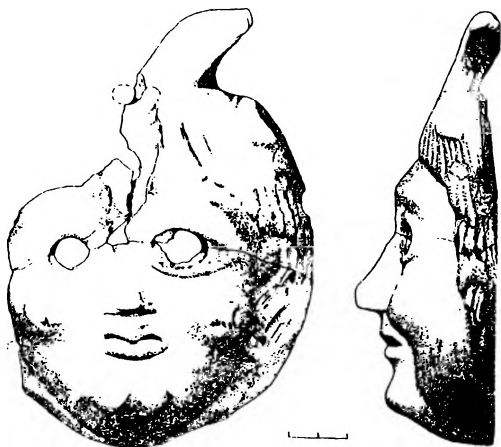

Рис. 1. Терракотовая маска Сатиры.

В центральной части городища на раскопе XX (руководитель работ С.А. Науменко) также исследовались слои и постройки всех трех хронологических периодов. Открыт перекресток двух улиц, одна из них проложена в направлении с северо-востока на юго-запад и вела к южным воротам (продолжение ее раскрыто на раскопе XIX), вторая, прослеженная вдоль северного борта раскопа, имела направление запад - восток. Обе улицы проложены в конце III в. до н.э. и использовались до середины III в. н.э. Раскрыт интересный квартал с помещениями, вымостками дворов, хозяйственными ямами. На одной из вымосток, выложенной крупными каменными плитами с лежавшими на них находками слоя пожара середины III в. н.э., расчищен прямоугольной формы мраморный алтарь, с двух сторон украшенный рельефными изображениями: с одной стороны головой быка, на другой сохранилась женская головка, другие детали отслоились. Алтарь пострадал в огне и нуждается в реставрации. Раскопано два подвальных комплекса с многочисленными находками первой половины III в. н.э. В одном из них, ниже уровня пола, был раскрыт и исследован более ранний

подвал, вырубленный в скале. Особо отметим в нем находки красполаковых блюд второй половины I в. н.э.

Севернее основного четырехугольника городища, в связи с расширением дороги и разрушением грунтового некрополя, проводились аварийно-спасательные работы (руководитель работ М.Власкин). Площадь исследуемого участка - около 1300 кв.м. Открыто 7 погребений, 20 хозяйственных ям, каменная оградка и котлован, вероятно, для добычи глины. Впоследствии это место использовалось для свалки мусора.

Второй участок работ на некрополе расположен к юго-западу от городища, вдоль южного борта раскопа XVII и был назван раскопом XVII/2 (руководитель работ Т.Шолль). Открытые погребения относятся, главным образом, к первым векам нашей эры, но большая их часть оказалась разрушенной и разграбленной. Кроме могил, расчищено множество ям хозяйственного назначения. Третий участок находится к северо-западу от городища, раскопки его были вызваны разрушением кургана и прилегающей к нему территории при сооружении газовой скважины и газопровода (работами руководил С.Ильяшенко).

Непосредственно с курганной насыпью связано лишь одно погребение III в. н.э., остальные, видимо, относятся к грунтовому могильнику. Погребения разновременны, от III в. до н.э. по IV-V вв. н.э. Могильные сооружения и обрядовые нормы разнообразны. Большая часть могил оказалась неграбленной, поэтому в них сохранился богатый погребальный инвентарь.

Т.М.Арсеньева, М.В. Власкин.

Археологические исследования северного участка грунтового некрополя Танаиса в 1996-1997 гг.

В конце 1996 и в 1997 гг. в связи с расширением автодороги были проведены аварийно-спасательные археологические исследования участка грунтового некрополя, расположенного севернее городища Танаис. Работы выполнены отрядом археологической лаборатории Ростовского госуниверситета в составе Нижне-Донской экспедиции ИА РАН. Площадь исследованного участка (раскоп XXII) составляет около 1300 кв. м.

В процессе раскопок выявлены: семь погребений (из них два - ограблены); 20 хозяйственных ям, вытянутая каменная оградка и глинище.

Захоронения совершены в круглых ямах, в подбоях и катакомбах. Погребенные находились в скорченной и вытянутой позах. Ориентировка различная. Лишь в одном месте (погр.1) инвентарь разнообразен: амфора, канфар, кувшин, изделия из бронзы - зеркало, фибула, браслет; серебряные серьги и перстень; бусы из стекла, сердолика, янтаря, гешира. В остальных захоронениях преимущественно глиняная посуда. Погребения датируются III-IV вв. н.э.

Подавляющее большинство хозяйственных ям округлые в плане, цилиндрической либо полусферической формы. У многих из них стенки тщательно заглажены. По-видимому, первоначально они использовались для хранения зерна (?), а затем заполнялись мусором. В засыпи обнаружены кости животных и фрагменты керамики, как правило, амфорной, датирующейся II в. до н.э. IV в. н.э. Помимо керамики найдены каменные рыболовные грузила и крупный терочник, меловая статуэтка.

Определенный интерес представляет аморфный котлован, который, по-видимому, образовался в результате добычи глины для нужд города. Впоследствии это глинище использовалось для выброса мусора. Из него происходит большое количество костей животных, фрагментированная амфорная, краснолаковая, сероглиняная и лепная посуда, отходы и предметы бронзолитейного и железоделательного производства, фрагменты стеклянных сосудов, а также обломки различных изделий из бронзы (зеркала, фибулы, деталь замка), железа (ножи, стержни), камня (точильные бруски, форма для отливки предмета из металла, кресальные кремни, грузило), глины (светильник, пряслица, терочник), стекла (бусы), кости (бляшка, астрагал со сточенными гранями, проколка). Материал из глинища датируется преимущественно II в.н.э.

И.В. Белинский

**Спасательные археологические раскопки в Азове
по ул. Московской, 7**

В августе-октябре 1995 года в городе Азове по ул. Мос-

18011221 110011111003111

1 110011111

ковской 7; на месте строительства здания “Агропромбанка”, были проведены спасательные археологические работы. В результате проведенных исследований раскопано 33 хозяйственных ямы, два жилища, два погребения и две каменные конструкции, получившие наименование вымостки. Практически все исследованные комплексы относятся или к золотоордынскому времени, или же к временам русской истории города, а точнее - к XVIII-XIX вв.

Наиболее интересный вещевой материал принесли комплексы XIV века, из которых по богатству резко выделяются ямы N 6 и N 25. В них было найдено большое количество разнообразной керамики, причем многие вещи восстановлены практически до полных форм. Это амфоры, амфорообразные двуручные кувшины, расписной двуручный импортный, видимо ритуальный, кувшин, рукомойник, большое количество поливных чаш и пиал, впервые в Азове реставрированная практически полностью люстровая пиала испано-мавританского производства. В других золотоордынских комплексах также были встречены довольно редкие вещи: кашинная пиала, бронзовая целая чаша и т.д.

Особо автору раскопок хотелось бы остановиться на фрагменте поливной чаши с редким для золотоордынского Азака орнаментальным мотивом: по центру чаши изображены два животных - олень и какой-то хищник, скорее всего волк, причем хищник вцепился оленю в бедро. Орнаментика сосуда выполнена в традиционной манере гравировки по ангобу, глазурь одноцветная, желто-зеленая. Для золотоордынской керамической традиции подобные орнаментальные мотивы нехарактерны, но близкие данному рисунку аналоги есть на металлической посуде хорезмийского и иранского происхождения.

Из общих выводов по раскопу и наблюдений, полученных в результате обработки керамического материала, можно вывести следующее. Несмотря на близость некрополя Крепостного городища, на исследуемой территории грунтовых погребений этого времени не обнаружено, но можно предположить, что эта территория входила в площадь курганного могильника, который, вероятнее всего, существовал на коренной террасе Азова. Об этом косвенно свидетельствует находка погребения I на данном раскопе. В золотоордынское время, уже в начале XIV в., этот участок был

плотно заселен, о чем свидетельствуют многочисленные комплексы времени правления хана Узбека. Особо следует отметить большое количество древнерусской белоглиняной керамики на данном раскопе. И это дает нам возможность предположить, что кто-то из хозяев исследованной усадьбы был выходцем из русских княжеств. Последние же золотоордынские комплексы на территории раскопа относятся к концу XIV в., т.е., вероятнее всего, ко времени погрома Азака Тимуром в 1395 г., хотя явных следов погрома не прослежено.

Хронологически следующими комплексами являются хозяйственные ямы и остатки жилища времен осады турецкого Азова русскими войсками в правление Анны Иоанновны. Вероятнее всего, здесь находился вспомогательный лагерь русской армии. Интересно, что в войсках, видимо, имелись ремесленники, включая гончаров, так как найденная здесь посуда имела характерные для русской керамики этого времени формы в сочетании с характерной для местной керамики технологией: тесто и трехцветный слоеный обжиг

К концу XVIII в. на данной территории, судя по дошедшим до нас комплексам, уже находился посад русской крепости Азов. Более подробный разбор найденных керамических материалов представлен в совместной статье с А.Н. Масловским, помещенной в этом сборнике.

Е.И.Беспалый

Курганы сельской округи Танаиса.

В 1996 г. археологическая экспедиция АМЗ “Танаис” проводила исследования в Мясниковском районе, было раскопано 14 курганов. Один - Чатал-Оба (Курган-вилка), высотой 4 м, на правом борту балки Сухой Чалтырь у шоссе Ростов-Таганрог, был сооружен в эпоху средней бронзы и содержал 13 разновременных погребений, из них девять - в катакомбах. В основном погребения типичны для правобережья Нижнего Дона. Исключение составляют две катакомбы: п. № 2 -основное для второй насыпи и п. № 11 -основное для третьей. На западной стенке входного

колодца п. № 2, над узким входом в камеру, землеройным орудием с узким желобчатым лезвием по сырой глине нанесено изображение юрты или кибитки с древом жизни на коныке (Рис.1). Вход в камеру был закрыт плоским камнем, поэтому грунт внутри не просыпался и камера предстала перед нами в первозданном виде. Хорошо прослеживались многочисленные остатки кожаных покрывал, стебли камыша, под С стенкой, у стоп погребенного лежали три деревянные палки-копалки с полукруглым рабочим краем и размочаленным от ударов камнем торцом.

Широкий вход в погребальную камеру п. № 11 был закрыт камышом и деталями разобранной деревянной повозки (сохранились куски брусков с глухими и сквозными отверстиями), затем вход был закрыт крупными (до 1.2 x 0.8 м) вертикальными плитами ракушечника, поставленными в несколько рядов, и завален менее крупными плоскими камнями. Затем до уровня верха заклада колодец был засыпан черноземом, выше шла забутовка крупным (до 0.7 x 0.5 x 0.3 м) и средним камнем без добавления грунта, а всего мощность забутовки - 3м. В насыпи встречались фрагменты светлоглиняных узкогорлых амфор II - III вв. н.э., но поскольку в центре кургана был устроен блиндаж в годы ВОВ, а затем знак триангуляции, то вполне естественно предположить, что погребение этого времени в центральной части насыпи было разрушено.

На ЮЗ окраине с.Чалтырь было раскопано 13 курганов могильника Шаумяна, расположенного по водоразделу балок Мокрый Чалтырь и Сафьянная, в 1км к северу от Мокро-Чалтырского городища римского времени. Основная масса насыпей вытянута по линии водораздела, но есть насыпи, расположенные на складках местности к В и З от линии

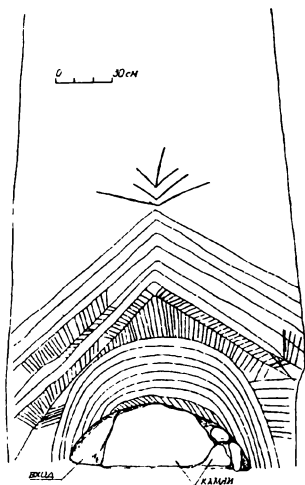

Рис. 1. Роспись над входом п.2 (западная стенка колодца). Чатал-Оба-96, к.1.

водораздела. Высота насыпей от 0,1 до 1 м. Курганы до последнего времени подвергались интенсивной распахке, лишь последние 2 года они не распахивались, т.к. поле было отдано под индивидуальную застройку. Десять насыпей было сооружено в I-II вв. н.э. и содержали до трех разновременных погребений. Три кургана было возведено в эпоху ранней и средней бронзы и содержали от 9 до 11 разновременных погребений. Погребальный обряд и инвентарь типичны для курганов бронзового века данного региона, но на всех трех курганах удалось проследить довольно редкое явление, когда в начале нашей эры насыпи курганов, включая погребенный чернозем, были скрыты для возведения соседних курганов, затем на ровной поверхности устраивались погребение I - II вв. н.э. и новая насыпь (подобное явление было прослежено нами на р.Маныч, см.Тузлуки-79, к 5). Таким образом можно говорить, что все тринадцать насыпей составляют единый курганный могильник сарматского времени, так или иначе связанный с жизнедеятельностью Мокро-Чалтырского городища.

Хотя подавляющее большинство погребений было ограблено, причем некоторые дважды, удалось получить значительную информацию о погребальном обряде. В некоторых случаях фиксировались остатки перекрытия и предметы вооружения на уровне верхнего края ямы, в одном случае (к.5) было прослежено, что насыпь начали возводить одновременно с рытьем могильной ямы, но не по всей площади кургана, а дугой с юга вокруг ямы (подобный обряд был зафиксирован нами на Доно-Кагальницком водоразделе, см. Высочино-VII-82, к.27).

Конструкции могильных ям разнообразны: простые узкие ямы, широкие прямоугольные, квадратная, подбой и одна катакомба, преобладает ориентировка С-Ю. Конструкция могильной ямы напрямую зависела от социального статуса умершего, так наиболее богатые погребения совершены в широких прямоугольных ямах и большой квадратной.

Погребальный инвентарь представлен следующими категориями вещей: предметы вооружения - кинжалы, мечи, копья, наконечники стрел трехлопастные черешковые, простые и утяжеленные; посуда - серолощенная с примесью слюды в тесте, краснолаковая представлена редкими для танаисской округи формами, бронзовые котлы и черпак, серебряный канфар и остатки

деревянной посуды; предметы быта - ножи, крюк для мяса, бритвы, шилья, оселки, костяной конек, пряслица. В одном случае в погребение был помещен набор железных землеройных орудий - тесло в виде кельта, тесло из обломка верхней трети меча, втульчатое долото (все орудия имели укороченные (до 15 см) деревянные рукояти с размоchalенными от ударов торцами, а на стенках подбоя прослеживались следы, оставленные этими орудиями); туалетные принадлежности - алебастровые сосудики, гагатовый сосудик с рельефным орнаментом (почти точная аналогия находке из Соколовой могилы), глиняный бальзамарий и курильница, остатки деревянных ларцов; детали одежды и украшения - железные и бронзовые пряжки, фибулы, железные пуговицы (?), плакированные золотой фольгой, золотые нашивные бляшки простых типов, остатки золотого шитья, стеклянные и каменные бусы, подвески из зубов марала, пастовый бисер, бронзовое кольцо с шишечками.

В ограбленном погребении кургана 13 было найдено три бронзовые монеты - 2 обولا Митридата VI Евпатора и обол Асандра, выпуска 47- 44 гг. до н.э. (реставрация и определение монет проведены С.Безугловым).

Остатки заупокойной пищи представлены, в основном, передними конечностями барана, в двух случаях в бронзовых котлах находились остатки полных скелетов (без головы, метаподий и фаланг) молодой овцы 1,5-2 лет, в одном случае встречены кости крупного копытного.

Хотя в данном могильнике остались нераскопанными еще не менее 10 насыпей, уже сейчас можно сделать некоторые предварительные выводы. Если сравнить могильник Шаумяна с раскопанными ранее Валовым и Царским, то получается, что формирование основной массы курганов происходило на протяжении незначительного отрезка времени I-II вв. н.э., при этом были снесены даже насыпи курганов эпохи бронзы. Расположение курганов очень компактно. Подобное не встречено ни на Валовом, ни на Царском могильниках. Вполне возможно предположить, что шаумяновские курганы были возведены одной племенной группой, обитающей какое-то время в окрестностях Мокро-Чалтырского городища. Надеемся, что продолжение исследований на данном могильнике в ближайшее время позволит подтвердить и дополнить наши выводы.

Исследование Хапровского городища в 1997 г.

Летом 1997 года археологической группой под руководством автора проводились спасательные работы на Хапровском городище в Мясниковском районе Ростовской области. Исследования были начаты в связи со строительством частного дома по улице Школьная 135, где в 1995 году при аналогичных обстоятельствах был заложен раскоп-I. Раскоп-II был разбит в СВ части поселения и представляет собой прямоугольник площадью 50 кв.м со сторонами 6,5х7,7 м в границах котлована под фундамент постройки. Для более тщательной стратигра-

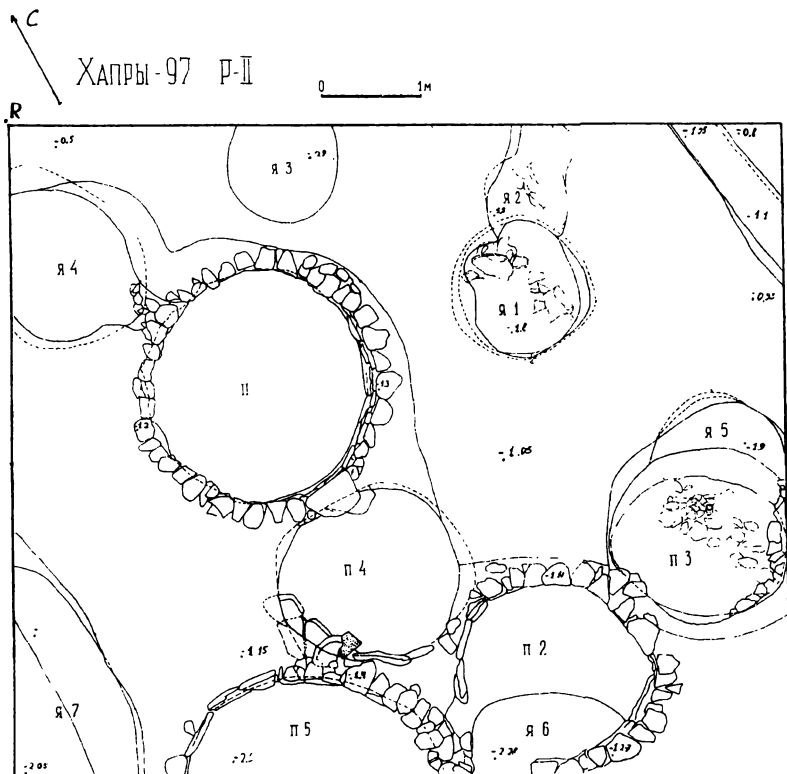

Рис. 1. Общий план раскопа.

фической фиксации раскоп был разделен бровками на четыре условных квадрата (Рис. 1). В ходе проведенных работ был открыт культурный слой, относящийся к периоду середины II-III вв. н.э. Мощность культурного слоя на данном участке составляет 0,45-0,85 м. Было зафиксировано три условных стратиграфических горизонта, отличающихся характером грунта и насыщенностью находками.

Верхний горизонт - 0,2-0,25 м от поверхности - представляет собой темный пепельный гумус, образовавшийся в результате многолетних огородных работ. Находки здесь малочисленны, на каждый квадрат приходится 25-30 фрагментов амфорной и лепной керамики, незначительное количество мелких обломков костей животных.

Следующий горизонт, мощностью 0,05-0,25 м, составляет серый мешаный гумус с вкраплениями глины. На этом уровне сосредоточено большое количество материала: развалы крупных фрагментов амфор, лепной и гончарной посуды, ряд индивидуальных находок, раздробленные кости животных. Кроме того, в слое встречены крупные куски обмазки и небольшой сегмент-развал основания турлучной стены в кв. 4. С этого уровня предположительно были впущены хозяйственные ямы 3 и 5, заполненные бытовым мусором. Данный горизонт представляет собой картину последних лет жизни поселения и его разрушения в первой половине III в. н.э.

Следующий уровень, мощностью 0,1-0,45 м, можно назвать строительным горизонтом. Его составляет глина, песок и серый пепельный гумус. Слой плотный, утрамбованный, содержит отдельные фрагменты керамики середины II-начала III века и измельченные костные остатки животных. Он образован в процессе жизнедеятельности обитателей поселения и составлен отвалами из котлованов под постройки и выкидами грунта при рытье хозяйственных ям.

В ходе работ на участке было открыто семь хозяйственных ям, пять бытовых построек-погребков, условно названных нами «помещения» и водосточная канавка в СВ углу раскопа.

Ямы - колоколовидной формы и с вертикальными стенками, диаметром 0,8-2,4 м, глубиной 0,9-2,3 м от репера. Все они заполнены мусором, но первоначальное их назначение было различным.

Яма 1 - колоколовидной формы, на дне находилась разбитая крупная широкогорлая красноглиняная амфора типа 83 [Зеест 1960] и далее, до уровня дна ямы 2, содержала в заполнении фрагменты светлоглиняных амфор типа Д (большая), лепную, краснолаковую керамику, кости животных. Яма 2 и верхний уровень ямы 1 были заполнены золой, кусками печины и фрагментами тулова крупной красноглиняной амфоры.

Яма 3 - впущена в материк на 15 см, содержала фрагменты турлука и керамику.

Яма 4 - колоколовидной формы, на дне 3-х сантиметровый слой горелого зерна. Эта яма впоследствии была засыпана золистым грунтом, содержащим незначительное количество материала.

Яма 5 впущена частично в заполнение помещения 3. Содержит большое количество материала - фрагменты амфор типа Д (большая), лепную и сероглиняную керамику, кости животных.

Ямы 6 и 7 предположительно являлись, до заполнения мусором, бытовыми постройками, но следов каменных кладок не осталось.

Помещения - в эту категорию нами включены углубленные в материк обширные котлованы диаметром 1,8-2,6 м и глубиной 1,8-2,5 м от репера, сохранившие элементы каменных кладок-облицовок стен, скрепленных глиняным раствором. Уровни, с которых было начато сооружение помещений, проследить не удалось в связи с небольшой глубиной слоя и поздними перекопами. Поэтому хронологическую привязку комплексов удалось осуществить благодаря вертикальной стратиграфии и данным анализа вещественного материала.

Так, удалось установить, что наиболее ранней конструкцией на данном участке является помещение 3 с сохранившейся деталью каменной кладки и развалом тулова амфоры типа С на дне. Близко по времени помещение 4 - сохранилась деталь кладки в ЮЗ части - три крупные плиты, стоящие вертикально. Помещения 3 и 4 частично разрушены котлованом помещения 2. Внутри - каменная комбинированная конструкция: нижний ряд составляют вертикально стоящие плиты, сверху перевязанные горизонтальной кладкой в три-четыре ряда из мелких камней на растворе. В свою очередь, помещение 5 уничтожило часть кладки помещений 2 и 4.

Котлован помещения 5 прослежен на одну треть объема, остальная часть уходит под Ю борт. Дно котлована поднято на 0,4 м подсыпкой зеленоватой супеси, которая могла служить как гидроизолятор, и затем была возведена кладка из вертикально стоящих подпрямоугольных плит, перевязанных сверху горизонтальной кладкой.

Последним на данном участке было сооружено помещение 1 (Рис. 2), внутри которого была возведена кладка стены шириной

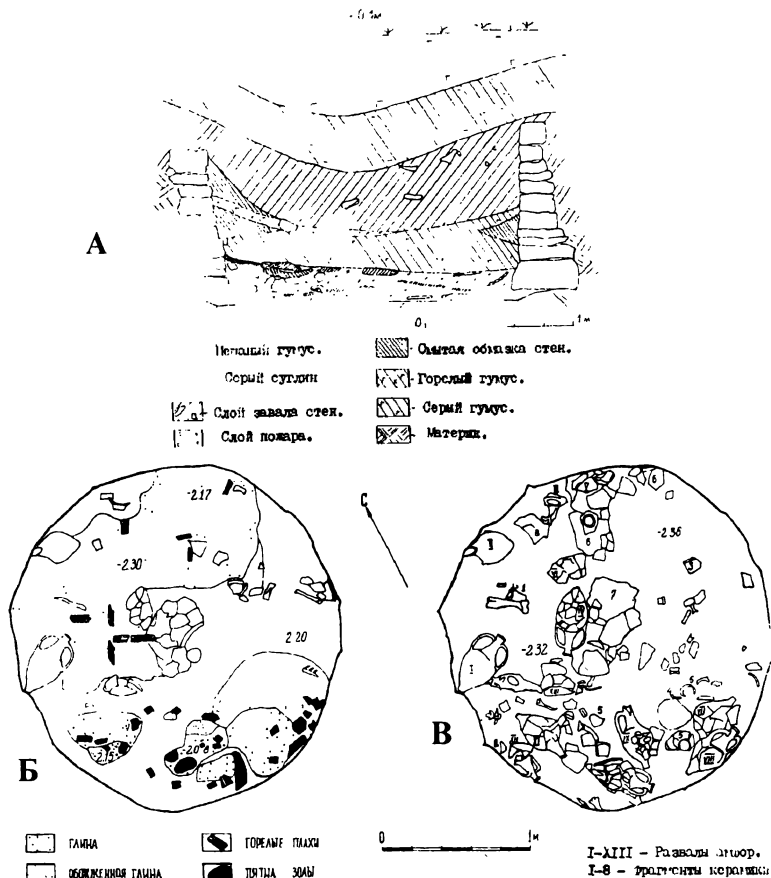

Рис. 2. А - разрез помещения 1. Б - уровень рухнувшего перекрытия. В - заполнение уровня дна.

до 0,4 м и высотой 1,25 м, составленная из крупных, горизонтально лежащих плит и небольших камней на глиняном растворе. Помещение в верхней части заполнено мусором и развалом камней. На глубине 2,2 м от репера было зафиксировано рухнувшее при пожаре перекрытие, основу которого составляли деревянные балки, перевязанные прутьями и обмазанные глиной. Рухнувшее перекрытие законсервировало остатки предметов, некогда хранив-

Рис. 3. 1-2 амфоры помещения I; 3 - клейма на горлах амфор (Д); 4 - динити на светлоглиняных амфорах.

шихся в помещении. Здесь находилось 13 амфор типа Д (большая), фрагменты трех крупных лепных корчаг, серолощенная кружка, а также отдельные фрагменты керамики, упавшие во время пожара вместе с перекрытием. Также на дне были обнаружены глиняная

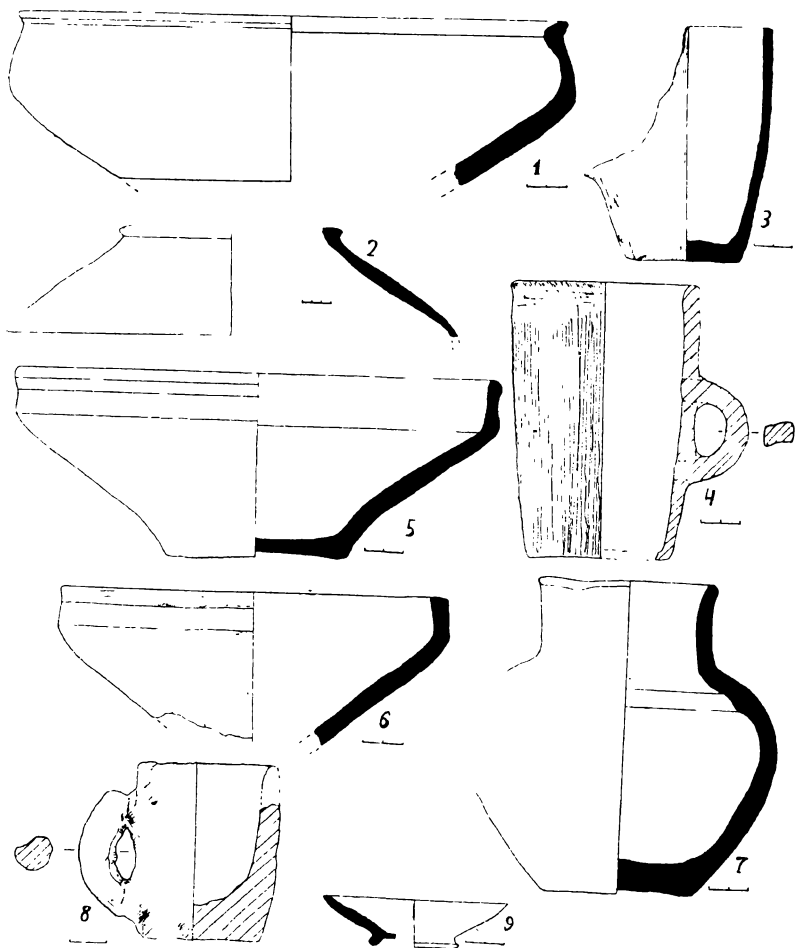

Рис. 4. 1-4 - сероглиняная керамика; 5-8 - лепная керамика; 9 - краснолаковая мисочка (1,2,3,4,5,6,7 - помещение I; 3 - яма 6; 8 - яма 7; 9 - яма 5).

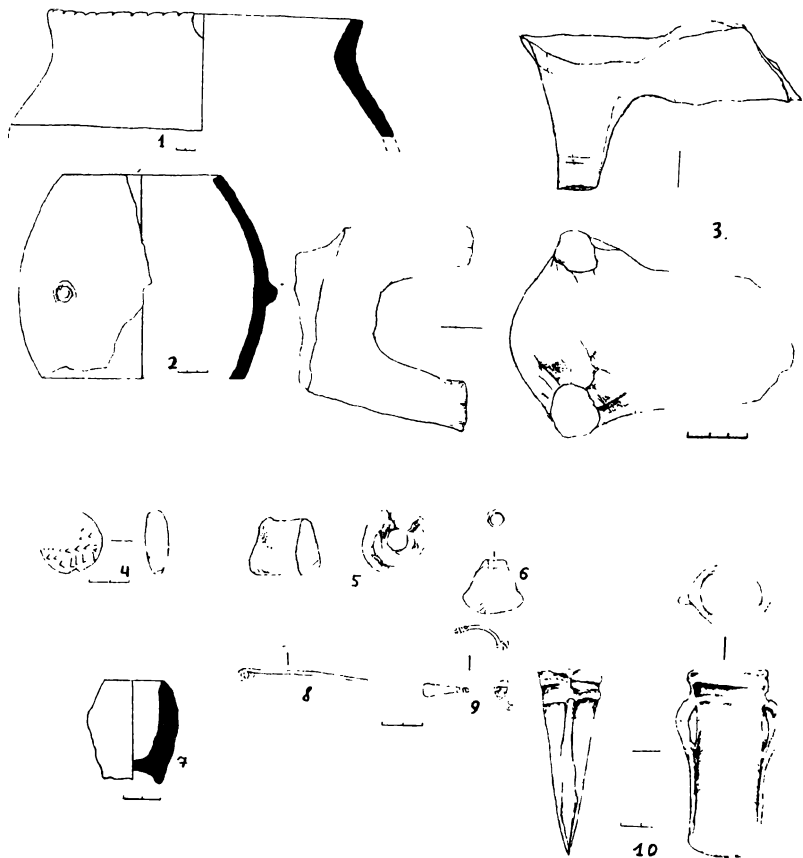

Рис. 5. 1-2 - лепная керамика; 3 - глиняная подставка; 4 - глиняная лепешка; 5-6 пряслица; 7 - лепная курьинница; 8-9 - бронзовые фибулы; 10 - бронзовый топор.

лепешка с насечками и обломок нижней части глиняного блюда (?) с ножками (Рис. 5, 3,4). В пользу внезапной гибели поселения свидетельствуют целые нераздробленные кости КРС, МРС и перасчеленные скелеты рыб, залегающие на уровне дна. Вероятно, это были части туш и вяленая рыба, подвешенная к

потолку.

Таким образом, проведенные исследования показали, что данный участок представляет собой хозяйственную периферию Хапровского городища. Жилых построек, углубленных в материк, на данном участке не зафиксировано. В границах раскопа-II сосредоточены мусорные и зерновые ямы, долговременные постройки-погребки, предназначенные для длительного хранения продуктов. Аналогичные следы жизнедеятельности мы находим и на других памятниках Нижнего Дона в начале I тысячелетия нашей эры. Так, например, на Сухо-Чалтырском городище известен тип обширной ямы с возведенной внутри кольцевой кладкой [И.Т. Кругликова, 1974 г.].

Попытаемся теперь рассмотреть вопрос о времени существования исследованного хозяйственного комплекса. Наилучшим и наиболее массовым датирующим материалом выступают узкогорлые светлоглиняные амфоры, типология которых довольно неплохо разработана на данный момент. В нижнем горизонте раскопа II и в помещении 3 обнаружены фрагменты светлоглиняных амфор, характерных для типа С, что позволяет нам отнести начало хозяйственного освоения данного участка ко второй половине II в. н.э. Наибольшее количество амфорного материала относится к малораспространенному типу Д (большая), который существует как переходный от С к Д на рубеже II-III вв. н.э. На этих амфорах встречено три типа клейм и разнообразные дипинти (Рис. 3). И, наконец, отдельные экземпляры профильных частей амфор типа Д показывают нам, что жизнь на поселении прекратилась в первой половине III в. н.э. Таким образом, застройка окраины поселения приходится на конец II в., период наибольшего расцвета жизнедеятельности городища.

Кроме амфор, большое количество находок составляет сероглиняная гончарная и лепная керамика (Рис.4, 5, 1,2). Сероглиняная керамика представлена фрагментами лошенных мисок, крупных кувшинов и кружек. Среди лепной керамики преобладают фрагменты крупных толстостенных кухонных сосудов с вертикальным, либо отогнутым наружу, венчиком. Разнообразна по форме лепная столовая посуда: горшки, лепные кружки, миски с грубым

лошением, сделанные в подражание гончарным. В целом сероглиняная и лепная керамика Хапровского городища характерна для меотского населения и имеет ряд аналогий в слоях II-III вв. н.э. на поселениях Нижнего Дона. К изделиям из глины можно также отнести лепную цилиндрическую курильницу и три пряслица (Рис. 5,5,7). Металлические предметы представлены двумя фрагментами фибул: это крупная игла с пружиной и небольшая лучковая фибула с подвязным приемником, расширенной ножкой и утраченной иглой (серия I, вариант 3 по Амброзу), время существования которой не позднее середины III в. н.э. (Рис.5,8,9).

Таким образом, исследования Хапровского городища, проведенные в 1997 г., показали, что данный памятник во второй половине II-первой половине III вв. н.э. представлял собой активную политико-экономическую единицу с бурной хозяйственной жизнью внутри сельской округи Танаиса. Гибель городища до середины III в. н.э., по-видимому, указывает на мощь степной кочевнической волны, подвергшей в этот период разрушению Танаис. Но, вероятно, пожар в помещении I указывает нам на возможность начала набегов кочевников на малые поселения в начале III в. н.э.

Поскольку Хапровское городище является двуслойным памятником, в подъемном материале постоянно встречались находки X-VIII вв. до н.э. Среди подъемного материала особый интерес представляет бронзовый топор-кельт, случайно найденный местными жителями в 40 м к 3 от Раскопа-II (Рис. 5,10).

Литература

1. Амброз А.К. 1960. Фибулы юга европейской части СССР САИ. Д1-30. М.
2. Зеест И.Б. 1960. Керамическая тара Боспора // МИА. N 83.
3. Кругликова И.Т. 1974. Работы Сухо-Чалтырского отряда Нижне-Донской экспедиции // Археологические памятники Нижнего Подонья. Т. II.

М.В.Власкин

**Археологические исследования в
гг.Ростове-на-Дону и Аксae в 1995-1996 гг.**

Весной 1995 г. одним из отрядов археологической

лаборатории Ростовского госуниверситета проводились спасательные раскопки трех частично разрушенных курганов (№№ 1-3) могильника “Северо-Западный I”, расположенного на северо-западной окраине г.Ростова-на-Дону в зоне расширения глиняного карьера. Цепочка курганов тянулась по водоразделу между восточными отрогами балки Сухой Чалтырь.

Во всех курганах в погребальном обряде использовался известняк-ракушечник, выходы которого есть в соседней балке. В наиболее крупном кургане (№ 1), высотой 1,1 м, в центре исследовано кольцо из камней, окружавшее небольшую насыпь над основным погребением, относящимся к катакомбной культуре. Кроме того, в этом же кургане прослежены остатки еще двух колец из камня, датировка их неясна.

Всего в могильнике “Северо-Западный I” исследованы 28 захоронений, из них три погребения бронзового века и два погребения железного века не имеют более точной хронологической привязки. Остальные распределяются следующим образом. Наиболее древними в данной выборке оказались восемь погребений эпохи средней бронзы, сопровождавшиеся немногочисленным инвентарем: лепной горшок, богато орнаментированные жаровни из кусков крупных сосудов, наборы овечьих астрагалов (некоторые из них сточены), кремневый скребок, терочник, бронзовые подвески. Особый интерес представляет коллективная могила с подзахоронением - всего в камере погребены четверо взрослых.

Две могилы, в которых погребенные лежат скорчено на спине, головой на З и СЗ, по-видимому, могут относиться к культуре многоваликовой керамики.

Большинство из семи погребений эпохи поздней бронзы сохранились плохо. Зафиксирован обряд, характерный для срубной культуры: погребенный сильно скорчен на левом боку, головой на В или СВ. Одно из захоронений позднебронзового века совершено в яме, заваленной камнями, стенки ямы обложены плитами, зафиксирован мощный слой тростникового перекрытия. Лишь в двух срубных погребениях оказалось по глиняному горшку.

В единственном погребении скифского времени, совершенном в подбое с широтной ориентировкой, умерший лежал в вытянутой позе на спине, головой на В. Найдены железные

предметы: два длинных копия с ворворками, втульчатые трехлопастные наконечники стрел, обломки меча и ножа с костяной рукоятью.

Значительный интерес представляют 5 раннесарматских захоронений в простых ямах и подбоях. В четырех из них прослежены решетчатые деревянные гробы. Погребенные лежали вытянуто на спине, головой на юг, лишь в одном случае зафиксирована северная ориентировка. Умершие сопровождалась жертвенным мясом овцы-козы. Инвентарь разнообразен: глиняные сосуды, мегарская краснолаковая чаша с клеймом в виде буквы "А" со сломанной перекладиной, стеклянные и сердоликовые бусы, пряслице, изделия из бронзы: дисковидные зеркала, перстни с углубленным изображением на щитках, спиралевидные подвески, лучковая подвязная фибула с низкой спинкой. В захоронении женщины с ребенком оказался сломанный в древности железный меч с серповидным навершием. Судя по инвентарю, эта серия раннесарматских погребений может быть датирована временем, близким рубежу нашей эры.

Осенью 1995 г. объединенным отрядом, в состав которого входили сотрудники областной инспекции по охране памятников истории и культуры, археологической лаборатории РГУ, археологической экспедиции при музее-заповеднике "Танаис", исследованы курганы №№ 2,3 могильника "Мухин I", оказавшиеся в зоне строительства газопровода-отвода, на северо-восточной окраине г. Аксая, на водоразделе балок Мухина и Клиновой. Курганы высотой до 1 м. Первоначальные насыпи сооружены в эпоху энеолита. Всего исследовано 13 разновременных захоронений.

В кургане № 2 обнаружены четыре захоронения эпохи энеолита-ранней бронзы. Могильные конструкции представлены подпрямоугольными ямами. Погребенные лежали скорчено, головой на З - в одном случае - на спине, в двух случаях - на правом боку, еще один скелет разрушен. В описанной выборке более ранними являются могилы с погребенными на боку. В одной из этих могил найдено скопление створок мелких раковин с отверстиями, а также бронзовая и пять сурьмяных (?) спиралевидных подвесок в 1,5 оборота. В этом же кургане исследованы два безынвентарных катакомбных захоронения,

имеющих, по-видимому, общий входной колодец, и ограбленное в древности сарматское погребение в квадратной яме, в заполнении которой встречены обломки железных предметов и обрывки золотой фольги.

В насыпи кургана № 3 расчищено кольцо, диаметром 18 м, выложенное из необработанных известняковых камней. Это кольцо, очевидно, связано с центральным основным энеолитическим погребением, совершенным в прямоугольной яме. В ней находился скелет мужчины, захороненного скорчено, головой на В. Найден кремневый нож. Зафиксирована обильная посыпка охрой. В этом же кургане исследованы четыре катакомбных захоронения, в трех из них вход в камеру заложен каменными плитами. Одно из погребений парное. Все умершие захоронены скорчено на правом боку, головой на С или З. Инвентарь разнообразен. Среди керамики, представленной горшками, реповидным сосудом, жаровнями, отметим богато орнаментированный баночный сосуд на круглом поддоне и литейную полусферическую чашу с ошлакованной поверхностью, внутри чаши находились древесные угольки и комок охры. Кроме того, найдены костяные кольца, бычий астрагал с отверстием, две пары песчаниковых выпрямителей. В заполнении одного из колодцев оказался каменный пест. В насыпи кургана № 3 исследовано срубное безынвентарное погребение.

Поздней осенью 1995 г. отрядом археологической лаборатории Ростовского госуниверситета были начаты аварийно-спасательные раскопки участка грунтового некрополя Кобякова городища, оказавшегося в зоне строительства АЗС “Ирбис” в пос. Александровка г. Ростова-на-Дону по проспекту 40 лет Победы. Археологические исследования продолжены в 1996 г., кроме того, были предприняты раскопки еще на одном участке - в зоне строительства гаражно-строительного кооператива “Тихий Дон”, расположенного на краю высокой правобережной надпойменной террасы р. Дон. Всего было заложено три раскопа, общей площадью 1160 кв.м. Исследованы десять могил: раскоп I - погребения 1-3; раскоп II - погребения 4,5; раскоп III - погребения 6-10.

Ниже приведена краткая информация об исследованных захоронениях.

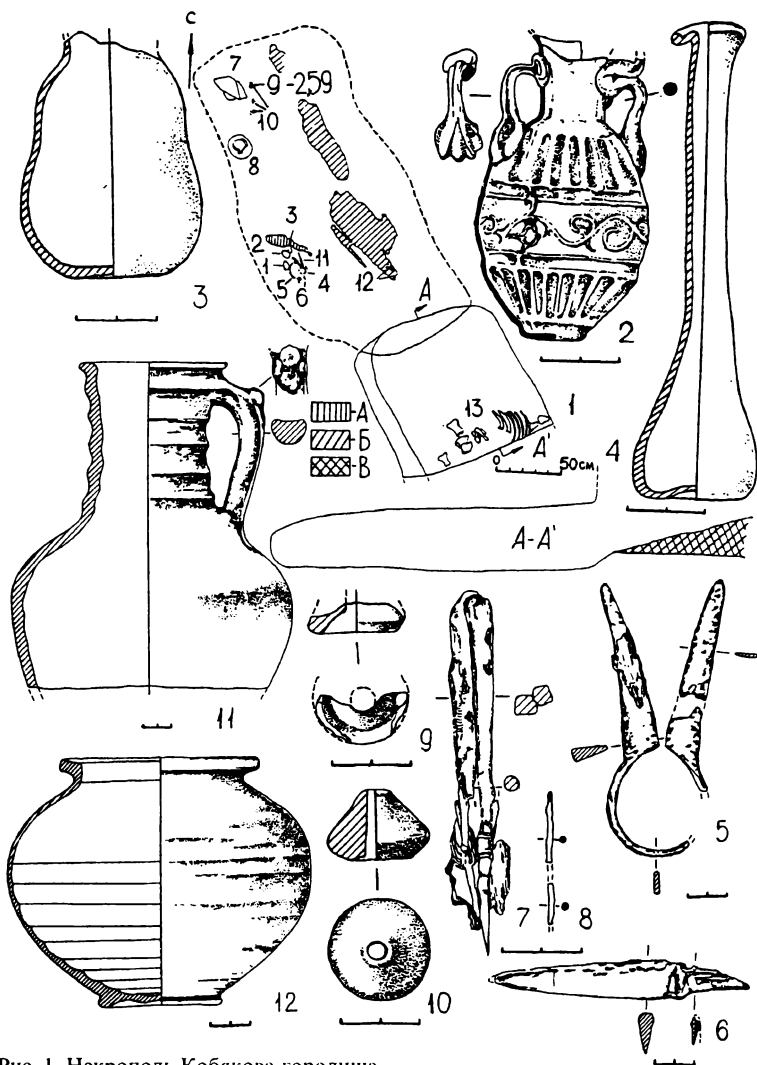

Рис. 1. Некрополь Кобыякова городища.

Погребение 1: 1 - план (А-окислы железа, Б-коричневый тлен, В-желтый суглинок; 1,2,3 - стеклянные сосуды, 4 - ножницы, 5 - отпечаток мелового предмета, 6 - нож, 7 - куски мела, 8 - глиняный сосуд, 9 - пряслице, 10 - бронзовые обоймы, 11 - иглы, 12 - бусы, 13 - кости животного); 2-4,11-12 - сосуды; 5 - ножницы; 6 - нож; 7-8 - свёрла, иглы; 9-10 - пряслица (2-4 - стекло, 5-7 - железо, 8 - бронза, 9-12 - глина).

Погребение 1 (-2,59 м)* Катакомба, длинной осью ориентирована по линии СЗ-ЮВ (Рис. 1,1). Подпрямоугольная со скругленными углами камера 2,45 м х 1,05-1,30 м находилась на одной линии с прямоугольной входной ямой шириной 1,0-1,15 м, к СЗ от нее, отделена наклонной ступенькой высотой 0,12 м, высота потолка камеры у входа - 0,5 м. Южная половина входной ямы срезана, на сохранившейся части сложен желтый суглинок, на наклонной поверхности которого обнаружены кости быка домашнего (две особи): ребра, кости ног**; среди костей прослежены пятна зеленого тлена. В заполнении у дна оказались кости ног овцы-козы. На дне камеры зафиксирован коричневый тлен, в заполнении - кусок дерева. Погребение ограблено в древности. В могиле была захоронена женщина (?) 35-40 лет, отдельные кости скелета встречались в заполнении. Инвентарь разнообразен. На дне, в юго-западной части камеры, рядом с пятном окислов железа и отпечатком мелового предмета, исследовано скопление вещей: миниатюрный амфоровидный сосудик из лилового прозрачного стекла, в средней части тулова опоясано выпуклым фризом в виде тонкой волнистой ветки с завитками, ограниченной горизонтальными рельефновыпуклыми линиями, выше и ниже фриза тулова украшено вертикальными каннелюрами, две изящные ручки, выполненные из зеленого стекла, прикреплены с противоположных сторон (Рис. 1,2); два небольших сосудика из голубоватого прозрачного стекла (Рис. 1, 3,4); три фрагментированные иглы с "прикипевшим" моточком ниток и два стержневидных сверла (Рис. 1,7). Здесь же оказались бронзовая игла (Рис. 1,8) и фрагмент черного глиняного пряслица (Рис. 1, 9). В северо-западном углу камеры стоял краснолаковый кружальный сосуд (Рис. 1, 12). Рядом с ним исследовано еще одно скопление вещей: два крупных куска мела, коричневое глиняное пряслице (Рис. 1, 10), бронзовые обоймы и скобы (Рис. 2, 2-4, 9, 10). На дне камеры перед входом собрана россыпь гешировых бус (9 экз.) (Рис. 2, 1). Остальные вещи выявлены в заполнении камеры: серолощенный кружальный

* - Здесь и ниже глубины указаны от нулевых условных реперов Р₀ (для раскопов I и II) и Р_{III0} (для раскопа III).

** - Определения всех костных остатков выполнены научным сотрудником археологической лаборатории РГУ Е.Ф. Батисовой.

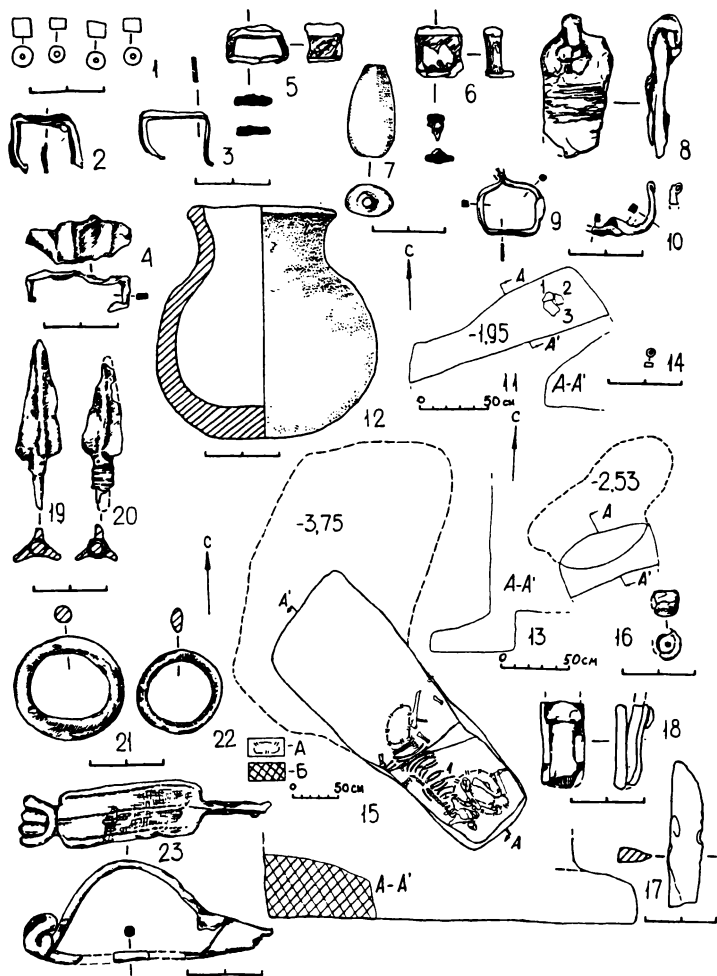

Рис. 2. Некрополь Кобякова городища.

Погребение 1: 1, 7 - бусы, 2, 6, 9-10 - обоймы, 8- пластины. Погребение 2: 11- план (1 - сосуд, 2-3 куски мела), 12 - сосуд. Погребение 3: 13 - план, 14 - бисер. Погребение 4: 15 - план (А - зеленый тлен, Б - желтый суглинок, 1 - скелет лошади), 16 - бусина, 17 - отщеп, 18 - наконечник ремня, 19-20 - наконечники стрел, 21-22 - кольца, 23 - фибула (1 - гешир; 2-4, 9-10, 21-22 - бронза; 5, 6, 8, 19, 20 - железо, дерево; 7 - янтарь; 12 - глина; 14 - паста; 16 - мрамор(?); 17 - кремнь; 18 - железо; 23 - бронза, ткань).

кувшин, ручка которого украшена наклепом, имитирующим шарнир (Рис. 1, 11), янтарная бусина (Рис. 2, 7), различные железные обоймы с остатками дерева (не менее 8 экз.) (Рис. 2, 5, 6), железная пластина с шарнирным соединением (Рис. 2, 8), невыразительные фрагменты бронзовых и железных предметов, фрагменты светлоглиняной амфоры и кружального коричневоглиняного сосуда.

Погребение 2 (-1,95 м). Сохранилась лишь северная часть погребальной камеры (Рис. 2, 11), на дне которой обнаружены два крупных куса мела и небольшой, грубо сформированный, лепной сосудик (Рис. 2, 12). В заполнении оказались фаланги лошади.

Погребение 3 (-2,32 м). Катакомба. Длинной осью ориентирована по линии СЗ-ЮВ (Рис. 2, 13). Сохранилась северная часть подпрямоугольной входной ямы шириной 0,7 м, к ССЗ от которой располагалась овальная камера 1,2 м х 0,6 м, ориентированная по линии СВ-ЮЗ и отделенная ступенькой высотой 0,3 м, высота потолка камеры у входа - 0,3 м. Судя по размерам камеры, в ней мог быть захоронен ребенок, кости которого не сохранились. В заполнении обнаружена белая пастовая бисеринка (Рис. 2, 14).

Погребение 4 (- 3,75 м). Г-образная катакомбная конструкция (Рис. 2, 15). Прямоугольный колодец 3,25 м х 0,95-1,20 м ориентирован продольными стенками по линии СЗ-ЮВ. В южной половине колодца на дне сложен желтый суглинок, поверх которого находился скелет полутонконогой лошади старше четырех лет, лежавшей на левом боку с подогнутыми ногами, головой на СЗ (череп отсутствовал). В районе задних и передних ног прослежен зеленый тлен. В заполнении колодца встречались кости быка домашнего старше четырех лет. Подпрямоугольная камера 3,30 м х 1,80 м длинной осью ориентирована по линии ССВ-ЮЮЗ, смещена относительно входного колодца к С. Погребение ограблено в древности. Кости человека отсутствовали. Остатки погребального инвентаря выявлены в заполнении могилы: фрагмент серолощеного кружального сосуда; мраморная (?) бусина (Рис. 2, 16); желто-серый кремневый отщеп (Рис. 2, 17); крупная бронзовая одночленная пружинная фибула с гладким корпусом и едва намеченной кнопкой на конце пластинчатого приемника, тетива внешняя четыреххватковая, спинка широкая ленточная,

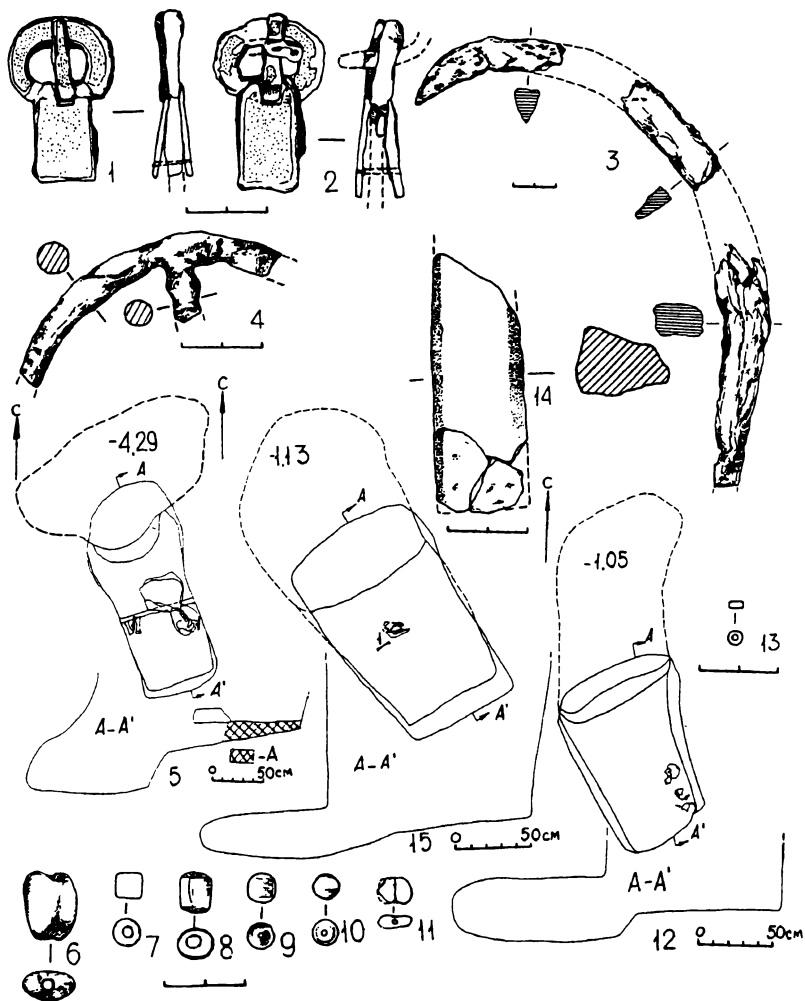

Рис. 3. Некрополь Кобякова городища.

Погребение 4: 1,2 - пряжки, 3 - серп, 4 - псалий(?). Погребение 5: 5 - план (А-желтый суглинок, 1 - кости животного), 6-11 - бусы. Погребение 6: 12 - план, 13 - бисер, 14 - кусок мела. Погребение 7: 15 - план (1 - кости животного) (1,2 - железо, золотая фольга; 3-4 - железо; 6,11 - янтарь; 7-10 - стекло; 13 - паста).

украшена тремя продольными параллельными рядами точек (до чистки на поверхности спинки зафиксированы остатки ткани) (Рис. 2, 23); два бронзовых кольца (Рис. 2, 21, 22); железные предметы: трехлопастные черешковые наконечники стрел (19 экз.) (Рис. 2, 19, 20); наконечник ремня (Рис. 2, 18); две овальные пряжки с подвижным язычком, имеющие шарнирное соединение с прямоугольным пластинчатым зажимом для ремня, крепившегося с помощью одной железной заклепки, внешние поверхности зажима, рамки и язычки плакированы золотой фольгой с точечным чеканом (Рис. 3, 1, 2); фрагменты серпа со следами деревянной рукояти (Рис. 3, 3); фрагменты колесовидного псаля (?) (Рис. 3, 4); фрагменты ножа; фрагмент клинка меча с округлым окончанием, на поверхности сохранились остатки деревянных ножен, обтянутых кожей, окончание ножен притуплено.

Погребение 5 (-4,29 м). Т-видная катакомба (Рис. 3, 5). Подпрямоугольный колодец 2,10 м х 0,75-1,0 м длинными стенками ориентирован по линии ССЗ-ЮЮВ. На дне колодца в южной части зафиксирован слой желтого суглинка, на котором находились кости быка домашнего двух-трех лет: череп с нижней челюстью на левом боку и две метаподии. Рядом лежал крупный камень. Овальная камера 1,20 м х 2,05 м, ориентированная по оси СВ-ЮЗ, располагалась к СЗ от колодца, и отделялась от него наклонной ступенькой, высотой 0,36 м. Могила ограблена в древности. В заполнении встречались кости женщины 30-40 лет и остатки погребального инвентаря: фрагмент железного ножа и бусы - две янтарные (Рис. 3, 6, 11), стеклянные красные (Рис. 3, 8-10) и синяя (Рис. 3, 7).

Погребение 6 (-1,05 м). Катакомба. Трапезиевидный входной колодец 1,17 м х 0,6-0,85 м, ориентированный по оси ЮЮВ-ССЗ, расширялся к ССЗ, к С от него располагалась вытянутая камера 1,20 м х 0,7 м, ориентированная по линии С-Ю и отделенная от колодца наклонной ступенькой высотой 0,15 м, высота потолка камеры - 0,4 м (Рис. 3, 12). Погребение ограблено в древности. В юго-восточном углу колодца, на дне и в заполнении, обнаружены кости ребенка двух-трех лет. На костях рук сохранились окислы бронзового предмета. В этом же углу в заполнении оказались остатки трех особей овцы-козы: передняя метаподия, первая фаланга (2 шт.), астрагалы - два правых и левый.

Остатки погребального инвентаря происходят из заполнения могилы: фрагменты светлоглиняной амфоры, фрагмент вертикального бортика краснолаковой миски, бирюзовый пастовый бисер (3 экз.)(Рис. 3, 13), два куса мела со сточенными гранями (Рис. 3, 14).

Погребение 7 (-1,13 м). Катакомба, длинной осью ориентирована по линии СЗ-ЮВ (Рис. 3, 15). Вытянутая камера 1,25 м х 1,05 м находится на одной оси с прямоугольным входным колодцем 1,5 м х 0,75-0,95 м к СЗ от него и отделена пологой ступенькой, высотой 0,15 м, высота потолка камеры - 0,3 м. На дне колодца обнаружено скопление костей овцы-козы двух-трех лет: фрагменты черепа с нижней челюстью, кости ног. Погребение ограблено. Кости человека отсутствовали. В заполнении могилы найден фрагмент венчика сероглиняной кружальной миски.

Погребение 8 (- 1,32 м). Подбойная могила. Подпрямоугольная входная яма 1,8 м х 0,8 м продольными стенками ориентирована по линии СВ-ЮЗ, юго-восточная стенка подбита по всей длине вглубь на 0,2-0,32 м (Рис. 4, 1). На дне в северо-восточной части входной ямы прослежено пятно белого тлена. Могила ограблена. В заполнении обнаружены кости человека 12-16 лет, череп со следами искусственной деформации. Остатки инвентаря происходят из заполнения могилы: бронзовая пряжка с железным язычком (Рис. 4, 2), фрагменты железной пряжки (Рис. 4, 3), створка раковины *Unio*.

Погребение 9 (- 0,87 м). В прямоугольной яме 2,15 х 1,10 м, ориентированной по линии СВ-ЮЗ, захоронен мужчина 35-40 лет, скорчено на спине, головой на ЮЗ, руки согнуты в локтях, ноги поджаты (Рис. 4, 4). На ребрах и костях таза прослежен белый тлен, в районе голеней пятно охры. Между правой рукой и юго-восточной стенкой на дне находились кости овцы-козы старше четырех лет: остатки черепа с нижней челюстью, правая и левая лучевые. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 10 (- 1,52 м). Подбойная могила. Подпрямоугольная входная яма 1,5 м х 1,1 м длинными стенками ориентирована по оси СЗ-ЮВ (Рис. 4, 5). Овальный подбой 1,9 м х 0,7 м, выдолбленный в юго-западной стенке, параллельно сопряжен с входной ямой, отделен ступенькой высотой 0,15 м. Могила ограблена. Все находки происходят из заполнения.

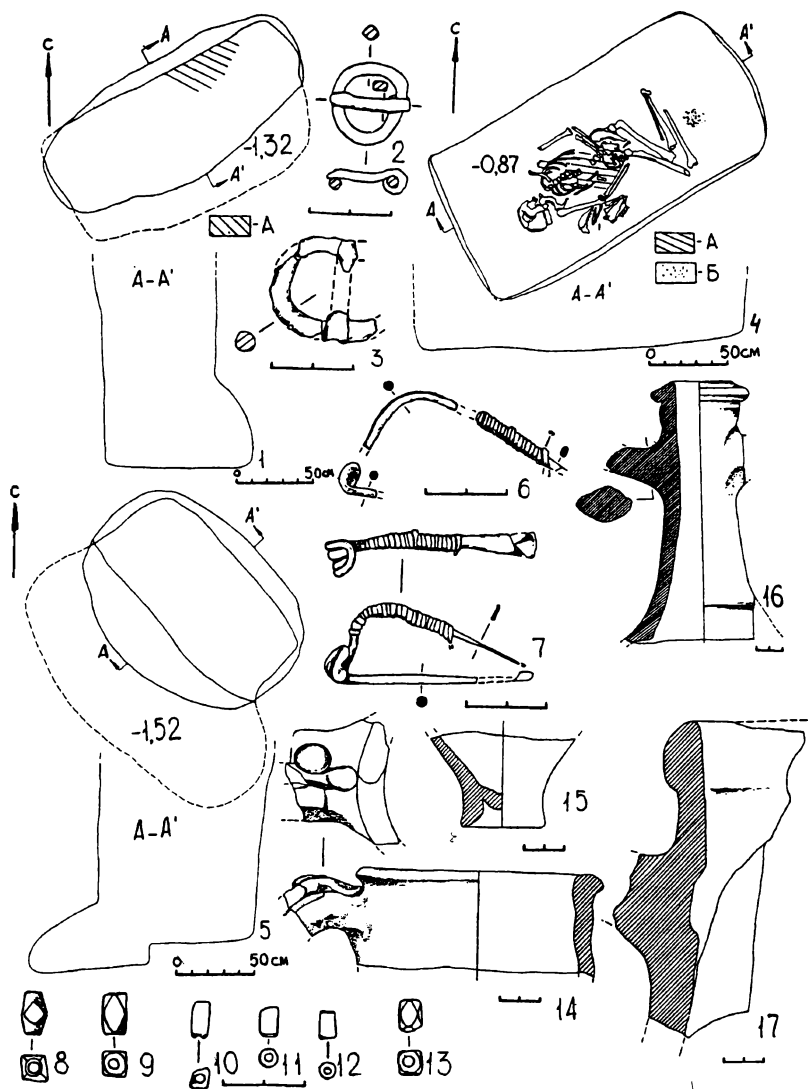

Рис. 4. Некрополь Кобякова городища.

Погребение 8: 1 - план (А-белый тлен), 2, 3 - пряжки. Погребение 9: 4 - план (А-белый тлен, Б-охра, 1 - кости животного). Погребение 10: 5 - план, 6, 7 - фибулы, 8-13 - бусы. Тризна: 14 - фрагмент кувшина, 15-17 - фрагменты амфор (2- железо, бронза; 3 - железо; 6, 7 - бронза; 8-13 - стекло; 14-17 - глина).

Выявлены разрозненные кости женщины 35-40 лет и нижняя челюсть быка домашнего четырех лет. Инвентарь немногочислен: фрагментированные изделия из железа - нож, пластина, окантовка деревянного предмета; фрагмент дна коричневого лощеного кружального сосуда; стеклянные бусы - зеленоватая (Рис. 4, 8), бирюзовая (Рис. 4, 9), лиловые (2 экз.)(Рис. 4, 10,13), красные (2 экз.)(Рис. 4, 11,12); две проволоочные одночленные лучковые подвязные фибулы с внешней тетивой и четыреххватковой пружиной, почка расширена, обмотка многовитковая (Рис. 4, 6,7).

На расстоянии 1,8-4,8 м к ЮВ, ВСВ и С от погребения 10, на глубине 0,05-0,15 м, прослежено скопление керамики. Найдены: фрагмент лепного сосуда с прочерченными линиями и наколами; горло коричневого лощеного кружального кувшина с ручкой, украшенной налепом, имитирующим шарнир (Рис. 4, 14); фрагмент горла крупной красноглиняной амфоры (Рис. 4, 17), а также фрагменты узкогорлых светлоглиняных амфор на низком узком кольцевом поддоне (Рис. 4, 15,16).

В настоящее время мало у кого из современных исследователей вызывает сомнение факт возникновения слоев Кобяковского городища римского времени и синхронного им грунтового некрополя, а также других нижнедонских городищ, в результате миграции меотского населения с берегов Кубани около рубежа н.э. Это убедительно доказано работами И.С. Каменецкого [1; 2], а затем подтверждено В.К. Гугуевым и С.И. Безугловым, представившими суммарную характеристику и сравнительный анализ двух крупных массивов донских памятников I-III вв. н.э. с одной стороны погребения Кобяковского грунтового некрополя, с другой - степные подкурганые сарматские захоронения. Они также подвергли критике предшествующие теории, связывающие появление кобьяковских памятников с сарматскими племенами [3; 4].

По количеству раскопанных погребений Кобяковский грунтовой некрополь является самым представительным из числа аналогичных нижнедонских памятников (на сегодняшний день исследовано около 500 захоронений). Значительная часть полученного материала уже введена в научный оборот. Как правило, такие публикации посвящены подробному анализу отдельных категорий погребального инвентаря и связаны с

деятельностью В.М. Косяненко [например: 5; 6; 7 и др.], В.К. Гугуева и Ю.К. Гугуева [8].

Описанная в данной работе сравнительно небольшая выборка из десяти захоронений грунтового некрополя Кобякова городища, несмотря на значительный процент ограбленных могил, тем не менее дает определенное представление о погребальных конструкциях и деталях обряда. Это обстоятельство представляется важным, поскольку по некоторым наблюдениям [4, с.20] при раскопках некрополя в 50-60-е годы, из-за сложности грунта, во многих случаях могильные конструкции не прослежены (“выявленные вначале очертания могильных пятен при дальнейшем углублении расплывались и исчезали” [9, с.104]). Особенно не везло в этом отношении катакомбным конструкциям, которые, по данным В.К. Гугуева, исследовавшего в 80-е годы около 200 погребений Кобяковского некрополя, составляют 74,4 процента [3, с.52].

Плотность исследованных в 1995-1996 гг. участков некрополя невысока. Это объясняется значительными разрушениями, произведенными во время Великой Отечественной войны и в процессе современных строительных работ, а отчасти также и расположением вскрытых участков на западной периферии могильника. Одна из могил (погр. 9) выпадает из рассматриваемой выборки, поскольку относится, судя по обряду, к раннему бронзовому веку. Возможно, это было подкурганное захоронение с несохранившейся насыпью.

Из девяти погребений тип одной камерной могилы (погр. 2) неясен, остальные захоронения совершены в катакомбах (шесть случаев) и подбоях (два случая). Несмотря на значительную вариабельность сопряжения в катакомбных конструкциях входного колодца и камеры (Г-образная погр. 3,4; Т-видная - погр. 5; коридорная (вытянутая камера находится на одной оси с входной ямой, иногда с небольшим смещением) - погр. 1,6,7), ориентировка продольных стенок колодца достаточно стабильна по оси ССЗ-ЮЮВ либо СЗ-ЮВ. Устойчива и такая деталь погребального обряда, зафиксированная во взрослых катакомбных захоронениях, как наличие глинистого выкида на дне входной ямы и присутствие в колодцах катакомб остатков жертвенных животных - лошадей, быков, мелкого рогатого скота.

Судя по найденным костям, в могиле оставлялась целая туша, шкура или чучело. Описанная деталь обряда весьма характерна для большинства кобяковских грунтовых захоронений и устойчиво коррелируется с катакомбными конструкциями [3, с.52; 4, с.22,25]. Отметим также находку в подбойной могиле (погр. 8) черепа человека с искусственной деформацией. По мнению В.К. Гугуева, подбой в Кобяковском некрополе распространяются со II в. н.э. и связываются с усилением сарматского компонента, этот тезис подтверждается появлением обычной деформации черепов [3, с.52; 4, с.25,26].

В целом, рассмотренная выкладка укладывается в хронологические рамки функционирования Кобяковского некрополя - I-III вв. н.э. Однако, для ряда погребений возможно предложить более узкую дату. Так, например, уникальный для Дона стеклянный сосудик из погр. 1 (Рис. 1, 2) имеет абсолютные аналогии в Пантикапее. Подобные амфориски изготавливались в двухстворчатых формах в сирийском городе Сидоне во второй половине I в. н.э. в мастерской, работающей в стиле Энниона [10]. Этой дате не противоречит и остальной материал из погр. 1. Более поздним временем датируется погр. 4, в котором найдена крупная одночленная пружинная фибула с гладким корпусом и кнопкой на конце пластинчатого приемника, относящаяся к "классическому" развитому варианту, датируемому А.К. Амброзом второй половиной II-III вв. н.э. [11, с.43,44, табл.5,9]. Подобная фибула, отличающаяся декором, найдена в Тапайсе в слое II в. н.э. [12, с.254, табл. VI,5]. Несколько аналогичных фибул известны в Кобяковском некрополе [6, рис.3,8,16]. В.М. Косяненко, разработав классификацию кобяковских фибул, выделила эту серию во второй вариант I типа II группы и датировала началом II в. н.э. [6, с.52]. Две лучковые подвязные фибулы, происходящие из погр. 10, относятся к третьему варианту I серии по А.К. Амброзу и датируются II в. н.э. (вероятно, первой половиной и серединой) [11, с.49,50, табл.9,7]. Иного мнения придерживается В.М. Косяненко, считающая, что в Кобяковском некрополе подобные фибулы (II тип III группы) появляются не ранее второй половины II в. н.э. и продолжают встречаться в начале III в. н.э. [6, с.56, рис.7]. Учитывая близость тризны, содержавшей амфоры типа "С", погребение 10, вероятно, можно датировать II в. н.э.

Литература

1. Каменецкий И.С. 1965. Население Нижнего Дона в I-III вв. н.э.: Автореф. канд. дисс. ист. наук. М.
2. Каменецкий И.С. 1973. Итоги исследования Подазовского городища // Археологические раскопки на Дону. Ростов н/Д.
3. Гугуев В.К. 1986. Новые данные о Кобяковском грунтовом могильнике // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе (тезисы докладов). Донецк.
4. Безуглов С.И., Гугуев В.К. 1988. Меоты и сарматы на Нижнем Дону в I-III вв. н.э. (структура и эволюция погребального обряда) // Проблемы сарматской археологии и истории (тезисы докладов конференции). Азов.
5. Косяненко В.М. 1980. Краснолаковая керамика из некрополя Кобякова городища (по материалам раскопок 1956-1962 гг.) // СА. № 3.
6. Косяненко В.М. 1987. Бронзовые фибулы из некрополя Кобякова городища // СА. № 2.
7. Косяненко В.М. 1989. Хронология сероглиняной керамики некрополя Кобякова городища (раскопки 1956-1962 гг.) // Известия Ростовского областного музея краеведения. Вып.6. Ростов н/Д.
8. Гугуев В.К., Гугуев Ю.К. 1989. Керамический импорт из Центрального Предкавказья в грунтовом некрополе Кобякова городища (по материалам раскопок 1984-1985 гг.) // Известия Ростовского областного музея краеведения. Вып.6. Ростов н/Д.
9. Капошина С.И. Раскопки Кобякова городища и его некрополя // Археологические раскопки на Дону. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского университета.
10. Кунина Н.З. 1973. Сирийские выдутые в форме стеклянные сосуды из некрополя Пантикапея // Памятники античного прикладного искусства. Л.:Аврора.
11. Амброз А.К. 1966. Фибулы юга Европейской части СССР // САИ. Вып.ДІ-30.
12. Амброз А.К. 1969. Фибулы из раскопок Танаиса // МИА.154.

**Исследования Южнороссийской комплексной экспедиции в
Приазовье в 1995-1997 гг.***

Южнороссийская комплексная экспедиция Российского НИИ культурного и природного наследия в 1995-1996 гг. проводила охранные раскопки на территории Семеновской крепости (1698-1711) на западной окраине 16-го участка с. Беглицкая Коса в Неклиновском районе Ростовской области (западнее Таганрога, левый берег Миусского лимана). Исследован разрушающийся участок побережья площадью около 350 кв. м. Наибольшее внимание уделено средневековому культурному слою, датирующемуся 40-60-ми гг XIII в. Более поздние находки, относящиеся к периоду функционирования русской крепости, единичны. Мощность культурного слоя - 10-15 см (вместе с дерном слой, лежащие выше материка, составляют до 30 см).

Поселение XIII в. на итальянских портолапах XIII-XV вв. обозначалось как Кабарди. Остатки наземных построек не обнаружены. В материке прослежены 23 ямы, землянка, небольшой участок средневекового культурного слоя, совершенно не потревоженного во время строительства крепости и в последующее время. Возможно, наиболее крупные западины в материке - это следы наземных построек. Вещевой материал очень беден: 8 железных "ледоходных" шипов, 7^{*} стеклянных полихромных бусин, 4 фрагмента стеклянных браслетов, предположительно грузинского производства, фрагменты стеклянных сосудов. В слое и одной из ям найдены 3 фрагмента чугунных котлов (венчик, стенка, стенка с пробкой). Это самый ранний пример использования технологии, принесенной монголами, в Восточной Европе. Встречены фрагменты металлических шлаков и большое количество каменного угля в слое. Следов местного керамического производства не зафиксировано.

Основой для датировки этого поселения является керамичес-

* - Экспедиции поддержаны РГНФ, проекты 96-01-18035 и 97-8-1e. Research project "Russians, Greeks, Italians and others on the Shore of Azov, 12-15th Centures" was supported by Research Support Scheme of the OSI/HESP, grant N 971/1997.

кий комплекс (большую часть материала составляет импортная тара, главным образом, амфорная, с очень выразительным соотношением групп). Доминируют амфоры “трапезундской” группы. К этому времени они эволюционируют настолько, что шов между отдельными элементами тулова приходится на место максимального диаметра или чуть ниже, а стыковочный валик на внутренней стороне приобретает характерные наплывы в нижней части. Амфоры “триллийской” группы в слое не представлены (они почти не поступают в Причерноморье в течение существования Латинской империи (1204-1261). На втором месте по численности фрагментов в слое редкие плоскодонные амфоры группы клейма SSS. Прочая керамика также импортная. Пифосы, отощенные большим количеством кварцевого песка (неизвестный источник, к этой же группе относятся массивные кувшины с ручками круглого сечения и горшки с ручками); коричнево-глиняные песчанистые горшки, вероятно, из Юго-Западного Крыма, краснолощенная керамика, вероятно, из бассейна Кубани; белоглиняные горшки из Южнорусских земель; самый близкий импорт - горшки с линейно-волнистым орнаментом, привезенные, вероятно, с Куричанского поселения (Порто Пизано). Небольшое количество красноглиняной керамики без ангоба и лощения со значительной естественной примесью мелкого песка может быть связано с импортом из Нижнего Поволжья.

Единственная золотоордынская монета 1371/72 г происходит из переотложенного слоя, что может говорить о том, что это место было посещаемо и в XIV в., но оседлой жизни здесь уже не было. Однако случайно найденные на поселении трапезундские монеты укладываются в дату, выведенную по керамическому комплексу: аспр Иоанна I (1235-1238) и 2 аспра Мануила I (1238-1265).

Охранные раскопки поселения Казачий Ерик (1996, 1997, около 72 кв. м.) имеют одну особенность: предварительно и отчасти параллельно с раскопками шло укрепление берега на прилегающем к раскопу участке. В результате была возведена стена из корабельной стали высотой около 1,5 м и длиной 31 м. Эта охранный мера исключает большие обвалы берега в ближайшее время вне зависимости от того, будут ли проводиться дополнительные исследования.

Получены данные по исторической топографии поселения. Отрезок улицы Береговой к Казачьему Ерику соответствует рву античного поселения (первых вв. н.э.), западнее (за пределами рва) античный слой, только переотложенный. Пятно раскопа попало на тот участок, где проходила улица средневекового поселения. Улица была снабжена дренажной системой, состоящей из отдельных траншей и столбиков для настила мостовой поверх них. Судя по невыразительным скоплениям обмазки на периферии раскопа, можно заключить, что рядом с улицей располагались наземные глинобитные постройки. Удалось собрать репрезентативную коллекцию керамики, дающую весьма полное представление о фоне амфорного импорта домонгольского времени. Общая дата существования поселения установлена по амфорному материалу: нижняя граница - 1130-1150 гг. верхняя - около монгольского завоевания.

Обнаруженный амфорный материал представляет особенную ценность, т.к. в нем хорошо представлены предметы самого конца XII - начала XIII в., которых недостаточно для детализации эволюционных рядов в древнерусских городах. Выделена фаза эволюции амфор трапезундской группы с ротационными следами мерного локтя в месте максимального диаметра без дополнительного глиняного кольца при стыковке основных элементов и фаза с дополнительным кольцом и соответствующим ему наплывающим валиком незначительно выше максимального диаметра. Предварительная датировка двух этих фаз укладывается в 20-40-е гг. XIII в. (заключительная фаза домонгольского периода до формирования "комплекса Кабарди"), что позволит в будущем делать очень точные датировки комплексов по фрагментам амфор. Для амфор триллийской группы удалось подобрать значительную серию образцов фазы 1130-1150 гг.

Керамические горшки древнерусского облика составляют только 6 % всего средневекового комплекса, однако это единственная группа керамики, которая может быть признана местной. Этот факт свидетельствует о том, что большую часть постоянного населения на Казачьем Ерике составляли жители древнерусского происхождения. Немногочисленные металлические и костяные предметы, встреченные в культурном слое, также

свидетельствуют о постоянных связях с территорией Древнерусского государства.

В 1995-1997 гг. выполнены разведочные исследования побережья Таганрогского залива и Азовского моря (участок от устья р. Миус до г. Приморско-Ахтарска), обследования русских крепостей Миусского полуострова со съемкой их планов. Удалось определить, какой именно археологический контекст соответствует названиям на портоланах (использованы карты, опубликованные Е.Д. Фелицыным: Анонимная веницианская XIII в. Петра Весконтэ 1318 г.; Пицигани 1367 г., Каталонская 1375 г.; Грациоза Бенинказы 1480 г.; Анонимная XV в.; Фредуче 1497 г.).

Удалось сделать следующие наблюдения: названиям на портоланах соответствуют населенные пункты почти исключительно XIII в. в редких случаях второй половины XII в.; поселения XIV в. также получили отражение на портоланах, но их локализация не совпадает с одноименными пунктами XIII в.; на более новых картах береговая линия дается все более точно, а названия исчезнувших населенных пунктов ставятся все с большими погрешностями (в основном из-за стремления равномерно распределить названия); точность обозначения топонимов, не являющихся населенными пунктами, при этом страдает меньше.

В археологическом отношении памятники XIII в. выделяются по керамическому “комплексу Кабарди” (40-60-е гг.). Набор и соотношение групп керамического импорта в нем существенно отличается и от золотоордынских и от домонгольских комплексов: трапезундские амфоры - около 1/3; амфоры группы клейма SSS - около 1/4; группа пифосов с кварцевым песком - около 1/6; остальное варьирует на разных памятниках - местная керамика и импортная более редких групп (сграффито с желтой поливой и поддонами с сегментовидной полостью, коричневоглиняная группы юго-западного Крыма, степная лощеная, древнерусская и т.п.).

Результаты разведок с использованием данных, полученных прежде другими исследователями, представлены на карте. Некоторые комментарии к карте. Река Росса-Миус (для идентификации наиболее существенны ранние портоланы и карты

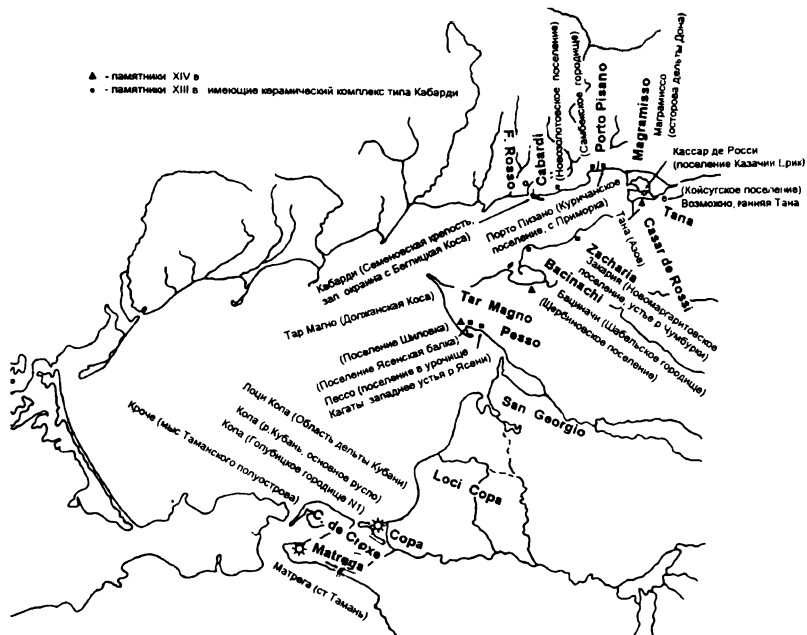

Рис. 1.

XVI в.). Кабарди - поселение на территории Семеновской крепости (возможен, но менее вероятен вариант локализации на месте синхронного Новозолотовского поселения). Порто-Пизано - Куричанское или Самбекское поселения, соответственно восточный и западный устьевые мысы р.Самбек. Возможно, памятники носили это название последовательно, но предпочтительнее связь с Куричанским поселением. Остров Маграмиссо - собирательное название островов дельты Дона. Кассар ди Росса - поселение Казачий Ерик на территории одноименного современного населенного пункта. Ни на одном из портоланов не написано выделенным, но, судя по этимологии, должно быть именно населенным пунктом. Причина несоответствия - более ранняя дата поселения. На памятнике представлен материал только второй половины XII - начала XIII вв. Наиболее вероятно, что это город Россия, упоминаемый в источниках второй половины XII в. (и более позднего времени).

Сопоставление Казачьего Ерика с Кассар ди Росса итальянских портоланов позволяет предполагать, что ранней Тане должен соответствовать не современный Азов, а какое-то поселение, расположенное восточнее. Таковым может быть Койсугское поселение. Пешо - поселение в урочище Кагаты, западнее устья р.Ясени, восточнее ст.Ясенской. Со временем поселение перемещалось в направлении моря: сначала в устье Ясенской балки, затем на место совр. с.Шиловка (XIV в.). Шиловское поселение можно отождествлять с пунктом Тар Парво (Малый Маяк), отмечавшимся на портоланах только с XIV в. Река Копа - Кубань, в устьевой части основное русло, соответствующее приблизительно современному Темрюкскому или Протоке. Копа - точно не идентифицируется. Наиболее вероятно соответствие с Большим Голубицким городищем N 1 (Суворовский Редут). Комплекс Кабарди не выделен, в подъемном материале и коллекции из раскопок 1985 г. представлен мешаный материал XI-XIV вв.

Наибольшее количество местной и импортной древнерусской керамики представлено на памятниках XIII в. побережья Таганрогского залива: Семеновской крепости, Самбекском, Куричанском (видимо, к этому же времени относились древнерусские слои Кобякова городища, не сохранившиеся до настоящего времени). В результате раскопок 1996 г. на Семеновской крепости удалось исследовать землянку с печью, характерной именно для древнерусского поселения - с квадратной глинобитной печью с остовом-духовкой. Комплекс землянки дал самое большое на памятнике количество древнерусской местной коричневоглиняной (производившейся, видимо, в основном на Куричанском поселении) и импортной (в основном, белоглиняной с городищ Северского Донца и левобережья Днепра керамики). Таким образом, можно говорить о постоянном присутствии населения древнерусского происхождения в Приазовье после исчезновения Тмутараканского княжества, по крайней мере, до 1260-х гг.

Археологические разведки в Веселовском районе Ростовской области.

Осенью 1996 г., в рамках программы “Сохранение археологического наследия народов Российской Федерации”, экспедиция Археологического научно-исследовательского бюро проводила археологические разведки в Веселовском районе Ростовской области. Район был обследован полностью.

Веселовский район (1300 кв. км) находится в центральной части Ростовской области, в нижнем течении р. Маныч. Большинство хозяйств Веселовского района располагается вдоль Маныча, лишь самые северные выходят на Сало-Манычский водораздел, и самые южные - на Манычско-Ейский. В низовьях реки Маныч четко прослеживаются пойменная и две надпойменные террасы. Большая часть пойменной террасы выше пос. Веселый затоплена водами Веселовского водохранилища.

Всего выявлено и снято инструментальным способом 192 памятника археологии (177 курганных могильников и 15 поселений), из них около 160 - впервые. Наибольшая концентрация памятников археологии отмечена в следующих местах:

1. Правый коренной высокий берег р. Маныч. Здесь вдоль берега тянется почти непрерывная цепь больших курганов, лишь условно разбитая на отдельные могильники. Судя по раскопкам прошлых лет, эти курганы насыпаны в эпоху ранней и средней бронзы и эпизодически использовались в эпоху поздней бронзы, раннего железа и средневековья.

2. Левобережная пойма р. Маныч. На всей ее территории разбросаны одиночные курганы и небольшие курганные группы. Встречены также и крупные могильники, состоящие из нескольких десятков насыпей. В ряде случаев отмечены скопления небольших компактных курганов (Соленый V, Красный Маныч IX). Предположительно, это родовые могильники эпохи средневековья. В пойме же расположены почти все обнаруженные поселения. Большинство их двуслойные, срубно-салтовские.

3. Основание первой надпойменной террасы левого берега р. Маныч (так называемая “высокая пойма”). У подножия террасы через весь район тянется почти непрерывная цепь могильников,

основу которых, видимо, составляют курганы эпохи бронзы.

По краю первой надпойменной террасы левого берега (левый коренной высокий берег р. Маныч) встречаются довольно часто небольшие группы курганов, но непрерывной цепи они не составляют. В более удаленных от реки местах отдельные курганы, группы или цепочки уже довольно редки и встречаются, в основном, на возвышенностях и водоразделах балок. В северных хозяйствах, подвергшихся почти сплошному орошению, уцелели лишь единичные памятники.

Необходимо отметить, что создание Веселовского водохранилища и разветвленной оросительной системы повлекло за собой губительные последствия для памятников археологии. Многие памятники, обозначенные на старых картах или выявленные в ходе относительно недавних разведок, нами обнаружены уже не были. Они погибли в ходе строительства различных объектов, при планировке полей под орошение, при осыпании подмытого водохранилищем берега. Часть пойменных могильников и поселений была затоплена водохранилищем или поглощена плавнями.

В.П. Глебов, В.В. Потапов, В.В. Яценко

Работы экспедиции археологического научно-исследовательского бюро в Ростовской области в 1995 и 1997 годах.

В 1995 г. отряд экспедиции АНИБ продолжил раскопки курганов в зоне строительства газопровода Починик-Северный Кавказ. В Пролетарском районе были исследованы пять курганов могильника Каменный-II и два кургана могильника Куцый-XII; в Дубовском районе - один курган могильника Дубовский I; в Аксайском районе проводились работы в зонах строительства газопровода к Новочеркасской ГРЭС и бензохранилища у г. Аксая.

Могильник Каменный II располагается на берегу балки Каменной при впадении ее в лиман Чепрак. Могильник раскопан полностью. Курган 5 был насыпан в эпоху ранней бронзы, остальные - в эпоху средней бронзы. Всего было исследовано 24 разновременных погребения.

Ямное погребение 4, основное в кургане 5, было совершено

в большой прямоугольной яме. Погребенный лежал на спине с разворотом на правый бок, ориентирован черепом на запад. Инвентарь: кремневые орудия, фрагмент бронзового предмета, обточенный минерал малинового цвета.

К периоду средней бронзы относится 13 комплексов. Погребальные сооружения - катакомбы различных типов и ямы. Катакомбное погребение 6 в кургане 1 имело две камеры: основную и боковую, причем боковая представляла собой кенотаф. Погребенные находились в скорченном положении, обычно на правом боку. В одном случае (к.4, п.4) зафиксирован обряд эскарнации. Отмечены случаи искусственной деформации черепов. В большинстве случаев погребения одиночные, дважды - парные, взрослый с ребенком. Инвентарь: орнаментированные сосуды и курильницы, жаровни, бронзовый нож, фрагмент каменного молота, кремневые отщепы. В погребальном обряде широко использовалась охра. Многие погребения сопровождались напутственной пищей - костями барана.

Погребение 3 кургана 2 относится к КМК. Погребенный лежал скорченно, на левом боку, черепом к западу. Инвентарь - костяная пряжка.

В трех погребениях эпохи поздней бронзы найдены баночные орнаментированные сосуды. Погребенные лежали скорченно, на левом боку, ориентировка - север и восток.

Эпоха средневековья представлена пятью безынвентарными погребениями, совершенными в подбоях и ямах. Ориентировка погребенных, в основном, широтная. В п.1 к.5 и п.3 к.1 костяки лежали на животе, лицом вниз. Над п.1 к.2 был сделан каменный заклад.

Могильник Куцый XII расположен на водоразделе р.Маныч и лимана Чепрак. Были раскопаны средневековые курганы 5 и 8, находившиеся в северной части могильника.

В кургане 8 было обнаружено захоронение салтово-маяцкой культуры с квадратным ровиком вокруг него. Погребение было совершено в узкой яме с заплечиками, перекрытой деревянными плашками. Погребенный лежал вытянуто, на спине, черепом к ЗЮЗ. В районе пояса погребенного было найдено около 40 бронзовых бляшек нескольких типов и две пряжки, принадлежавшие, по-видимому, к двум поясным наборам,

костяная орнаментированная амулетница с крышкой, кремь и кресало, три бараньих астрагала (два - с граффити), два ножа в одних деревянных, обитых жестью, ножнах. За черепом погребенного находилась напутственная пища - кости барана и два сосуда - лепной горшок и кружальный кувшин, стоявшие в специально сделанной пище. На перекрытии могилы были обнаружены железные детали конской упряжи - стремяна, удила, псалии, пряжки.

Курган 5 был насыпан в половецкое время. Погребение было совершено в подбое. Вход в камеру закрыт дощатым заслоном, погребенная лежала в гробу на спине, черепом к З. Гроб и заслон были сбиты железными гвоздями и скобами. При погребенной были найдены бронзовое зеркало, детали золотой серьги, железный нож, фрагмент ткани. В головах, за пределами гроба, находились медный котел с железной дуговидной ручкой и кости животного.

В могильнике Дубовский 1, находящемся на надпойменной террасе правого берега р.Сал, был раскопан курган 9. Курган содержал ограбленное средневековое погребение, ориентированное ЗЮЗ-ВЗВ.

В могильнике Аглицкий 1, расположенном на правобережной надпойменной террасе р.Аксаи, было раскопано четыре кургана, содержащих шесть погребений разных эпох. Курган 24 был насыпан в эпоху ранней бронзы. Он содержал два погребения ямной культуры. В одном из них были обнаружены лепной узкодонный сосуд баночной формы и створка раковины, в другом - кристаллический минерал (под черепом погребенного). Два других безы Inventарных погребения из этого же кургана относились, по-видимому, также к эпохе бронзы.

Курган 22 возведен над подбойным сарматским погребением, окруженным ровиком. В ровике найден развал лепного сосуда вместе с конической воронкой (крышкой?). Погребение ограблено.

Погребение кургана 112, окруженное квадратным ровиком с перемычками по углам, относилось к эпохе средневековья. Оно сопровождалось железным ножом, прямоугольной пряжкой, костями лошади и барана.

С курганом 113 связана небольшая ямка с углями и невыразительными фрагментами лепной керамики.

Могильник Октябрьский II расположен на правобережной террасе р.Тузлов. Раскопанный курган 6 содержал пять захоронений эпохи бронзы. Основным являлось погребение ямной культуры, сопровождавшееся кремневым отщепом и лепным сосудом (в заполнении). Кроме него в кургане были обнаружены два погребения эпохи средней бронзы в катакомбах. В одной из них были найдены фрагменты жаровни. Погребение КМК сопровождалось раковиной, а перекрывавшее его срубное захоронение - двумя фалангами лошади.

Два кургана "1 могильника у Аксайского поворота", расположенного на надпойменной террасе правого берега р.Аксай, были разрушены в ходе строительных работ. В кургане 8 доследована часть входного колодца катакомбы, остальное уничтожено котлованом. В кургане 7 обнаружено четыре погребения эпохи средней бронзы, одно из них культуры многоваликовой керамики.

Погребение 2 было совершено в катакомбе с прямоугольными колодцем и камерой. Вход в камеру в СЗ длинной стенке колодца был закрыт каменными плитами. Погребенный лежал скорчено, на правом боку, ориентировка - ЗЮЗ. Катакомбное погребение 3 с круглым колодцем и подпрямоугольной камерой сопровождалось лепным сосудом с валиками и налепами. Часть камеры была нарушена поздним перекопом, поэтому поза погребенного не восстанавливается. Парное захоронение 4 эпохи средней бронзы (видимо, основное), было совершено в подпрямоугольной яме. Оба костяка лежали скорчено на правом боку, ориентированы на ЗЮЗ.

Погребение 1 культуры многоваликовой керамики было совершено в прямоугольной яме с канавками по дну вдоль всех стенок. Яма была перекрыта каменными плитами, на уровне перекрытия был обнаружен костяк зайца.

В 1997 году экспедицией Археологического научно-исследовательского бюро проводились раскопки археологических памятников, расположенных в Чертковском, Веселовском, Октябрьском, Матвеево-Курганском, Родионово-Несветайском и Орловском районах Ростовской области.

В Чертковском районе на могильнике Редкодуб I был исследован курган половецкого времени. Единственное погребение

располагалось в центре кургана и имело подбойную конструкцию. В узкой входной яме на ступеньке покоилось взнузданное и оседланное чучело лошади, лежавшее головой на запад. Деревянное (оббитое кожей ?) седло было украшено костяными накладками с прорезанным и заполненным черным веществом орнаментом. Часть орнамента нанесена на кость раскаленным штампом. Вход в камеру, обустроенный в южной длинной стенке входной ямы, был закрыт деревянными плашками, опиравшимися на вертикально стоящие столбики. В самой камере была обнаружена долбленая дубовая колода с останками погребенного мужчины. Слева от костяка находилась железная сабля, вложенная в деревянные пожны, украшенные серебряной фольгой, справа лежал железный нож. На груди погребенного была обнаружена медная шаровидная с петелькой пуговица, в правой руке зажат обрубок золотой гривны.

В райцентре Веселый, у его окраины х.Москва - был раскопан курган эпохи энеолита. Помимо трех энеолитических погребений, древнейшее из которых сопровождалось кремневым кинжалом, были исследованы еще 13 захоронений. Среди них раннеямных - 1, катакомбных - 6, многоваликовых - 1, срубных - 1, средневековых - 1, неопределимых (эпохи бронзы ?) - 3. Кроме того, в кургане обнаружено половецкое святилище, содержавшее почти полностью истлевшее деревянное изваяние.

В заповеднике "Золотые горы" Октябрьского района были проведены небольшие раскопки на поселении Бессергеевка I, в раскопе I выявлен слой эпохи поздней бронзы, откуда происходит керамика и костяные изделия позднесабатиновского-раннебелозерского времени. В северной части раскопа было найдено небольшое количество фрагментов катакомбной эпохи. Из верхней части слоя происходит керамика салтово-маяцкой культуры и казачья. На раскопе II были обнаружены керамические остатки салтово-маяцкой культуры и скифо-савроматской эпохи. С последними связаны развалы амфоры, двух лепных горшков и терочник.

В Матвеево-Курганском районе совместным отрядом Донского археологического общества и Археологического бюро была проведена шурфовка поселения Кошкино. Здесь собрана небольшая коллекция срубной керамики и обнаружены остатки

каменных развалов.

В Родионово-Несветайском районе были раскопаны три кургана могильника Юдинский III. В кургане I исследовано шесть погребений, из которых основное относится к эпохе ранней бронзы и совершено в прямоугольной формы яме. Остальные относятся к эпохе средней бронзы, совершены в катакомбах. Обычный для этих погребений инвентарь - глиняная посуда.

В кургане 2 находилось восемь погребений, все они относятся к эпохе поздней бронзы, включая основное. В большинстве погребений также находилась глиняная посуда.

Курган 3 относится к сарматской культуре. Единственное погребение находилось в центре кургана. Прямоугольная яма ориентирована углами приблизительно по сторонам света. Погребение ограблено. По окружности курган был опоясан ровиком с перемычкой в западной части. В заполнении его находились кости животных и камень - остатки сползшего в ровик панциря, покрывавшего насыпь. В заполнении погребения и на дне были обнаружены фрагменты керамической посуды, кости человека, обломанный железный перстень со стеклянной вставкой "интальо" с изображением Виктории.

В Орловском районе был исследован могильник Орловский I, состоящий из одного кургана. В нем было обнаружено 15 погребений и три пустые ямы. 11 захоронений, в том числе основное, относятся к эпохе бронзы, три - к сарматской культуре и одно - позднечетвертичное, с лошадьёю, совершено в подбье.

И.В. Гудименко

**Итоги археологических исследований отряда "Дельта"
экспедиции Азовского краеведческого музея в г.Азове и Азовском
районе в 1995-1996 г.г.**

В 1995 году отряд "Дельта" производил археологические раскопки на трех объектах: поселении и могильнике домонгольского времени "Мартышкина балка" у поселка Овощной (Обильный) Азовского района, улице К.Либкнехта, ул.Лепина 49 и ул.Октябрьской 19 в г.Азове.

На поселении и могильнике “Мартышкина балка” производилось доисследование грунтового могильника и раскопки жилых и хозяйственных комплексов, начатые в 1994 году. В процессе раскопок исследовано еще двадцать восемь погребений эпохи средневековья в дополнение к раскопанным в 1994 году - итого число погребений на могильнике достигло двухсот сорока семи. Погребальный обряд не отличается разнообразием: погребенные лежали в основном вытянуто, головами ориентированы на запад с небольшими отклонениями, в некоторых случаях прослежены длинные, узкие могильные ямы со скругленными углами в основном, впущенные в предматериковый суглинок или в верхний горизонт материка. Кисти рук погребенных сложены в паховой области, располагались на ключицах, в районе поясицы или нижней части позвоночного столба. Ноги - вытянуты, стопы сведены вместе или оттянуты вниз. В отдельных случаях зафиксированы следы ритуального разрушения костяков, в основном, в районе средней части грудной клетки. Погребальный инвентарь могильника довольно беден: он состоит из немногочисленных бус, бронзовых бубенчиков-пуговиц, перламутровых подвесок, железных изделий в виде цепочек, колец и т.д. (Рис.1, 1-13). Так как в полевой сезон 1995 года, в основном, исследовались окраинные участки могильника, набор погребального инвентаря намного более скромный, чем находки, обнаруженные в 1994 году, среди которых можно отметить серебряные серьги, кольца, бубенчики с зернью и т.д. Несмотря на менее значимые результаты раскопок 1995 года, все же удалось внести некоторые коррективы в прежние выводы о могильнике, уточнить датировку и лучше представить религиозные воззрения населения. Судя по элементам погребального обряда и инвентаря, который аналогичен находкам на территории Руси и Северном Кавказе, население было полиэтничным. Прослежены и черты, присущие салтовским погребальным обрядам: захоронения собак и жертвенные ямы с костями животных и керамикой.

С северной стороны могильника исследовались остатки хозяйственных и жилых построек полуземляночного типа. Всего в процессе раскопок прослежены три помещения, частично заглубленные в материковый суглинок, одно из них - жилище I, исследовано полностью. Жилище I представляло собой землянку

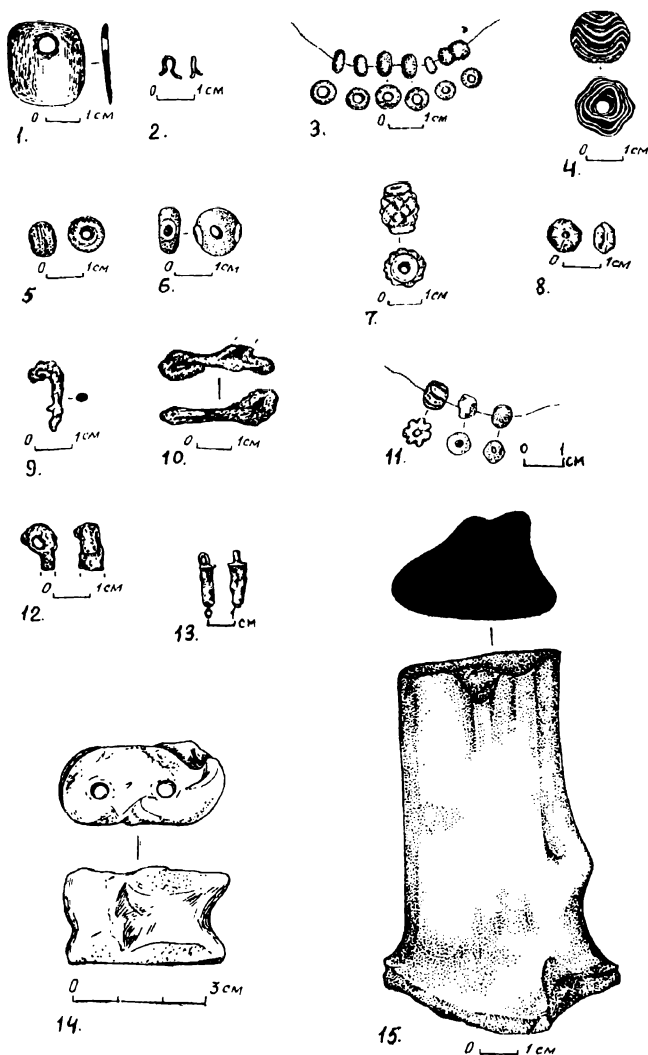

Рис. 1. Мартышкина Балка-95.

1 - перламутровая подвеска (п.220); 2 - бронзовая петля (п.220); 3 - пастовые бусы (п.226); 4 - стеклянная бусина (п.226); 5 - стеклянная бусина (п.227); 6 - стеклянная глазчатая бусина (п.228); 7 - фаянсовая бусина (п.229); 8 - сердоликовая бусина (п.231); 9 - железный крючок (п.238); 10 - фрагмент железной цепочки (п.243); 11 - пастовые бусы (п.243); 12 - железная петля (п.243); 13 - бронзовый стержень от бубенчика (п.244); 14 - астрагал со сверлиной (случ. находка); 15 - фрагмент ручки позднеантичной амфоры IV в. н.э. (случ. находка).

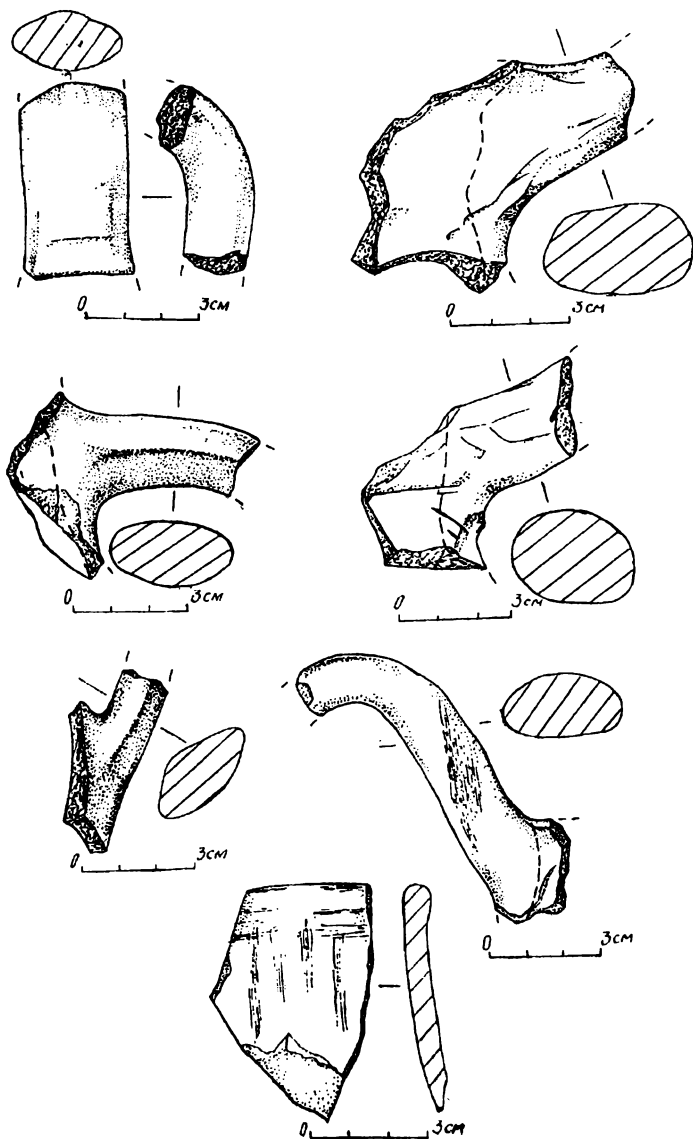

Рис.2. Мартышкина Балка-95.
Жилище I. Фрагменты ручек, горл и частей венчиков
красноглиняных сосудов из заполнения жилища.

аморфной формы, сильно оплывшую, слегка вытянутую по линии север-юг. Оно состояло из двух котлованов внешнего и внутреннего. Внутренний котлован располагался в юго-западной части внешнего и представлял собой сильно оплывшее углубление подквадратной формы, состоявшее из множества “ступенек”, располагавшихся вдоль стен. В заполнении жилища встречены фрагменты керамики, представленные, в основном, стенками и ручками красноглиняных кружальных сосудов, преимущественно амфор (Рис.2), а также небольшое количество обмазки, костей животных и стеклянистого шлака.

Жилище 2 представляло собой узкую, длинную траншею, вытянутую по линии северо-восток-юго-запад, с наклонными, сужающимися к дну, стенками. С юго-восточной стороны прослежен наклонный спуск-пандус, полого опускающийся к дну траншеи. В заполнении встречены редкие фрагменты керамики, идентичные найденной в жилище 1, а также кости животных.

С северо-западной стороны к жилищу 2 примыкало жилище 3, исследованное частично: оно представляло собой углубление аморфной формы, сильно оплывшее в результате воздействия атмосферных осадков. В заполнении найдены плоская, согнутая вдвое железная крица подквадратной формы, и железное орудие на деревянной рукояти, сильно коррозированное и в связи с этим неопределимое.

По стратиграфии жилищ их функционирование можно разделить на три этапа: наиболее древним можно считать жилище 3, так как в его заполнении прослежен длинный глинистый выкид, образовавшийся при сооружении жилища 2. Затем по хронологии следует жилище 2, пандус которого прорезала яма IV, относящаяся к жилищу 1, наиболее поздним сооружением является жилище 1.

Таким образом, в результате двухлетних раскопок можно говорить о памятнике как о крупнейшем и наиболее полно исследованном на данный момент местонахождении предмонгольского времени, раскопанном на Нижнем Дону.

Раскоп по ул. Ленина 49 А был заложен на месте предполагаемого строительства частного жилого дома. Общая площадь раскопа составила 224 кв.м. Зафиксировано три горизонта культурных напластований. Один из них датируется XVIII-XIX веками, к нему можно отнести яму 4 и верхний горизонт

культурного слоя, датирующийся тем же временем. На квадратах 2В-2Г исследована часть наземного жилого дома, от которого сохранилась часть глинобитного пола и печь-тандыр с небольшим очажком. По монетным находкам жилище датируется 30-ми годами XIV века. На уровне предматерикового суглинка выявлены хозяйственные ямы, также датирующиеся XIV веком. Все ямы служили для сброса отходов, в них обнаружен многочисленный и разнообразный вещевой материал: железная рамчатая пряжка (Рис.3,2), поливные чаши, на некоторых из них процарапаны тамгообразные знаки (Рис.3. 3-5). Довольно большое количество целых и фрагментарных керамических форм составляют туваки (Рис.4.1), и копилки (Рис.4.4). Среди относительно редких находок можно назвать профиль кашинной чаши с бирюзовой поливой (Рис.4. 2), и уникальную находку - штампованную сероглиняную флягу с двумя медальонами, украшенную стилизованным растительным и геометрическим орнаментом, а также изображениями рыб (Рис.4.3). Культурный слой золотоордынского времени был сравнительно слабо насыщен находками, в основном- мелкими фрагментами керамики.

В ноябре 1995 года, по сообщению местного жителя, на улице Октябрьской 19 было остановлено строительство частного дома в Охранной зоне города. К сожалению, до остановки работ был вырыт обширный котлован, полностью уничтоживший культурный слой, и доисследовались объекты, сохранившиеся на дне котлована. В данном случае работы производились в почти не исследованном районе города, практически на самом краю берегового обрыва, спускающегося к р.Дон. В процессе раскопок исследованы четыре хозяйственные ямы. Три из них относятся к расположенному рядом античному Крепостному городищу и датируются первыми веками нашей эры. Ямы были очень бедны, в одной из них обнаружен лепной горшок (Рис.5.1) и скелет собаки. В четвертой яме, относящейся к XIV веку н.э., обнаружены немногочисленные керамические находки и орнаментированная костяная рукоять ножа (Рис.5.2). По результатам раскопок удалось уточнить границы Крепостного городища, считавшегося до этого более компактным.

На ул.К.Либкнехта раскопки производились в 1995 г. и, частично, в 1996 году. Культурный слой XIV века на данном

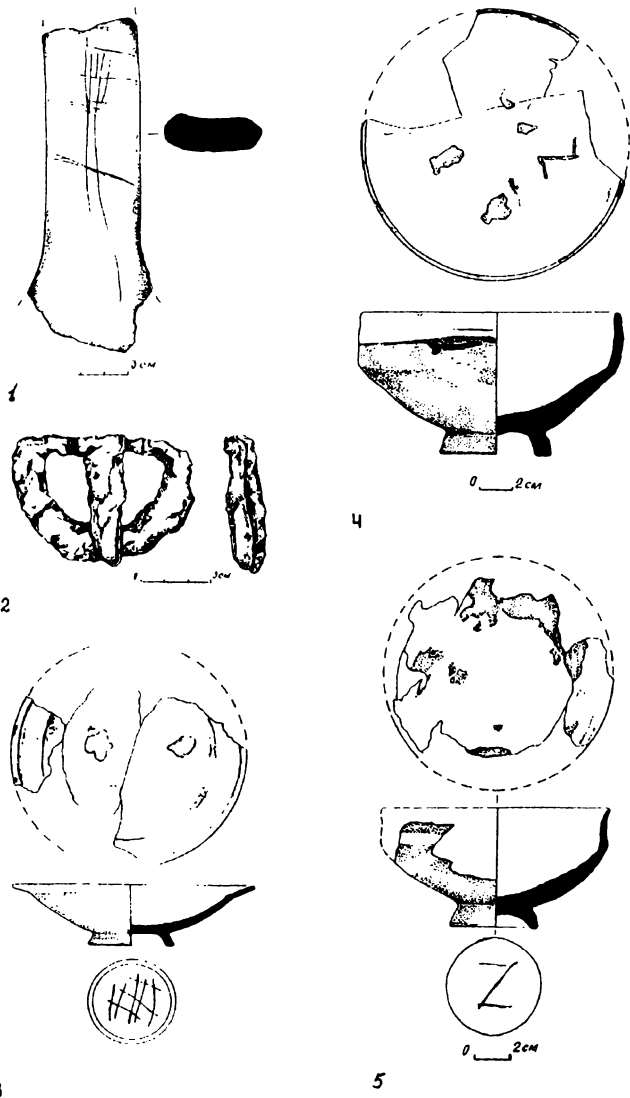
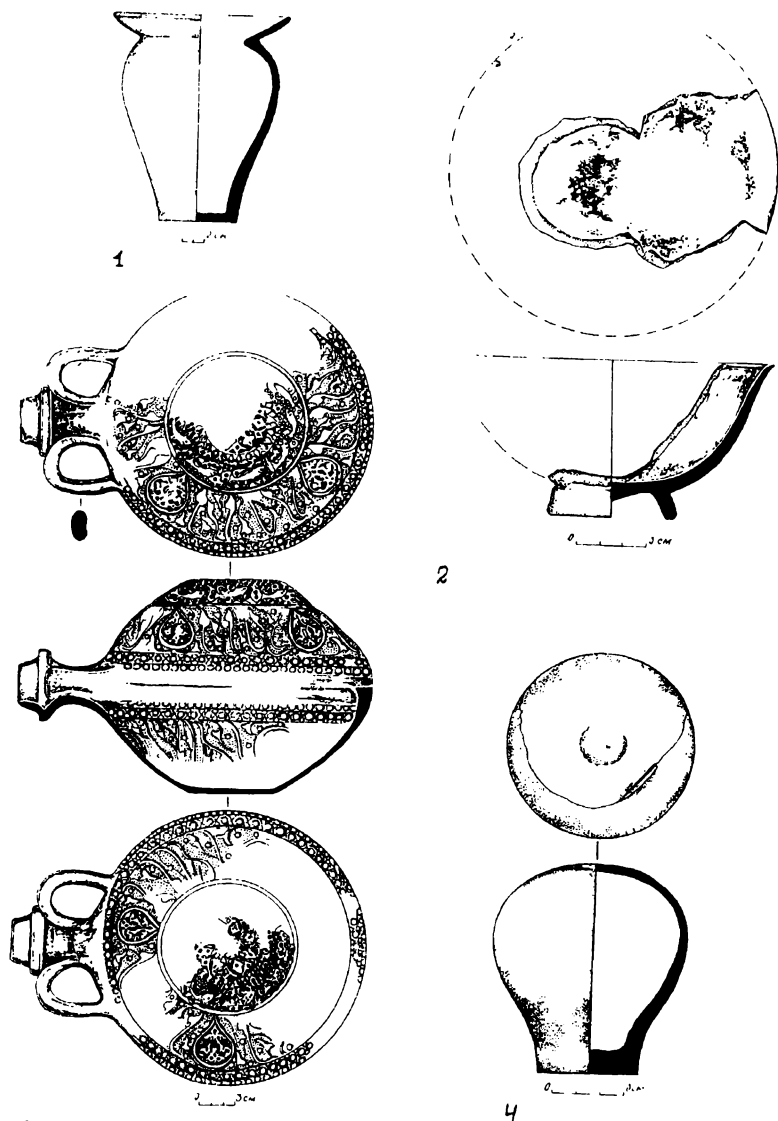

Рис. 3. Азов-95. Ленина 49А.

1 - ручка с граффити (жил. I); 2 - железная пряжка (яма 2); 3 - тарелка с граффити (яма 2); 4 - чаша с граффити (яма 2); 5 - чаша с граффити (яма 2)

3

Рис. 4. Азов-95. Ленгипа 49.

1 - коричневоглиняный тувак (яма 2); 2 - кашинная чаша с бирюзовой глазурью (яма 3); 3 - сероглиняная штампованная фляга (яма 9); 4 - копилка (яма 9).

участке оказался полностью уничтоженным хозяйственной деятельностью местных жителей в XVIII-XIX веках, от которой остались мощные золистые напластования с немногочисленными фрагментами белоглиняной керамики и обширные погребя, также заполненные золой с камышовым пеплом. На уровне материка исследовались античные погребения некрополя близлежащего античного Крепостного городища и хозяйственные ямы золотоордынского Азака XIV века. Всего было исследовано 12 хозяйственных ям и семь погребений. Почти все хозяйственные ямы впущены в материковый суглинок и имели цилиндрическую или колоколовидную форму. Находок из ям мало и они однообразны: большую часть составляли фрагменты кружальных сосудов с вертикальным полосчатым лощением и сильно фрагментированные амфоры “трапезундского” типа, а также немногочисленные поливные сосуды, в основном, чаши на кольцевых поддонах. Из наиболее интересных находок можно отметить фрагмент верхней части майоликового блюда (Рис.5.3), сланцевые литейные формочки (Рис. 5.4-5), коричневоглиняную копилку (Рис.5.6).

Большая часть погребений, исследованных на раскопе, имеет единый погребальный обряд: костяки лежали вытянуто на спине, головами на север с небольшими отклонениями (п.1-3, 6), руки простерты вдоль туловища. Погребенных сопровождал немногочисленный погребальный инвентарь: бронзовые, сильно профилированные фибулы с кнопкой на конце приемника (Рис.6.1-2), сердоликовые, стеклянные и пастовые бусы (Рис.6.2), кости рыб (п.2). Представляют интерес погребения 4 и 7, выделяющиеся из общего числа элементами погребального обряда. Погребение 4 совершено в округлой яме, на дне которой обнаружена небольшая кучка пережженных, кальцинированных костей и перевернутый вверх дном серолощенный кубок на высокой ножке (Рис.6.10). Возможно, в данном случае мы имеем дело с обрядом трупосожжения, до настоящего времени не прослеженного при раскопках античных погребений на территории Азова. Погребение 7 интересно трупоположением костяка, который лежал скорчено, на правом боку, с сильно согнутыми ногами. Этот обряд достаточно редко встречается на некрополях античных городищ, расположенных на территории города Азова.

Во время раскопок прослежена также одна довольно часто

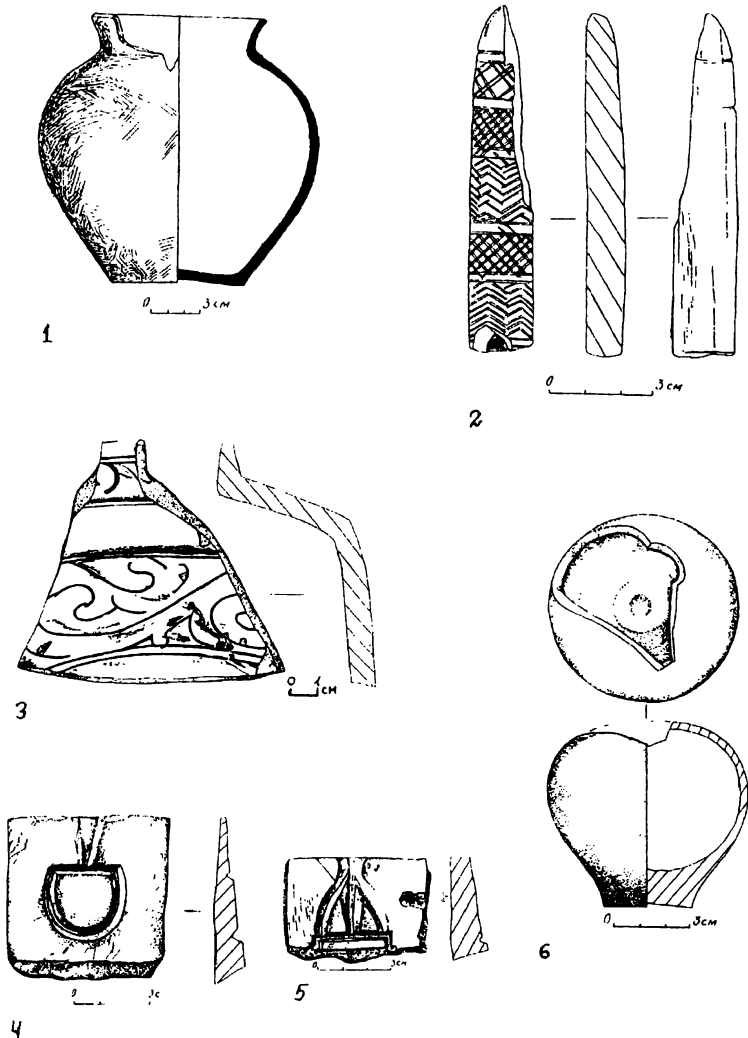

Рис. 5. Азов-95. Октябрьская 19.

1 - глиняный горшок (яма 1); 2 - костяная рукоять ножа (яма 4).
К. Либкнехта 95-96.

3 - часть тулова майоликовой тарелки (яма 12); 4-5 - сланцевые
литейные формы (яма 12); 6 - копилка (яма 12).

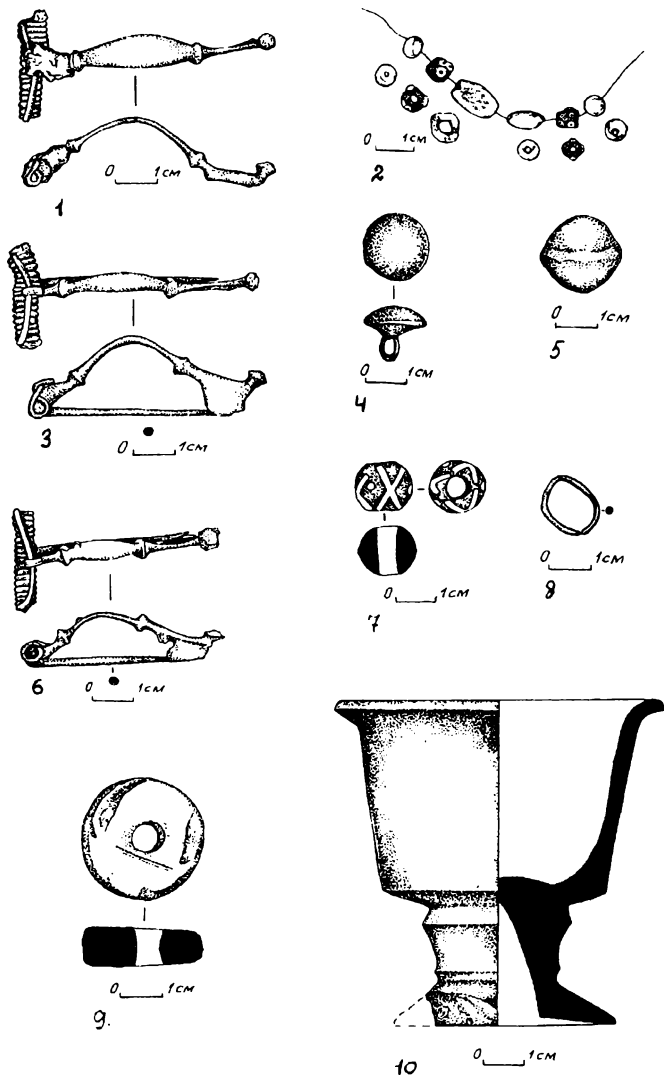

Рис. 6. Азов-95-96. К. Либкнехта 95-96.

1,3 - бронзовые фибулы (п.1); 2 - бусы (п.1); 4 - пуговица латунная (п.1); 5 - свинцовый шар (п.1); 6 - бронзовая фибула (яма 2); 7 - стеклянная бусина (яма 2); 8 - бронзовое височное кольцо (яма 2); 9 - пряслице из стенки амфоры (яма 2); 10 - серолощенный кубок (п.4).

встречающаяся деталь: часть античных погребений подверглась ограблению в эпоху средневековья, кости и инвентарь погребений были выброшены в близлежащую хозяйственную яму. В данном случае вещи и кости из полностью ограбленного погребения 5 попали в яму 2, где среди средневековых находок были обнаружены сильнопрофилированная бронзовая фибула с кнопкой (Рис.6.6), пастовая бусина с накладными стеклянными нитями и височное кольцо, "припаявшееся" к бусине. Вышеперечисленные находки достаточно четко датируются II-III веками нашей эры.

Ранней весной 1996 года, во время профилактического осмотра города, было остановлено рытье котлована под многоэтажный жилой дом по ул.Мира 14. В результате рытья котлована был полностью уничтожен культурный слой и часть заполнения хозяйственных ям, попавших в зону строительства. Доисследованием обнаружены двенадцать хозяйственных ям XIV века и одно жилище полуземляночного типа. Конструкции ям чрезвычайно разнообразны: цилиндрические, колоколовидные, ступенчатые, округлые, овальные, эллипсовидные и т.д. Находки в ямах немногочисленны: мелкие фрагменты керамики, в основном красноглиняной, с полосчатым лощением, редко встречались фрагменты поливных сосудов. По находкам монет в ямах исследованный квартал можно датировать первой четвертью - серединой XIV века.

В июле-августе 1996 года, при реконструкции помещений Азовского краеведческого музея, производились раскопки под зданием музея. Площадь раскопа составила 24 кв.м. Слой оказался практически полностью уничтоженным в результате строительства здания в конце прошлого века, поэтому все археологические объекты исследовались с уровня предматерикового суглинка или материка. Всего раскопано четыре хозяйственные ямы XIV века, содержавшие довольно многочисленный керамический материал, представленный, в основном, тарной керамикой и столовой посудой. По монетам ямы датируются 30-60-ми годами XIV века.

В 1995 г археологическая лаборатория Ростовского университета продолжила исследование двух курганных могильников, расположенных на окраинах г. Ростова-на-Дону.

На северо-восточной окраине города в “Северо-восточном” могильнике в пяти курганах (NN 10-14) обнаружено 39 погребений различных хронологических периодов. Еще один курган (N 24) был воздвигнут над площадкой, усеянной осколками светлоглиняных амфор II века.

Древнейшие погребения зафиксированы в трех курганах. Одно из них (к.10 п.9) совершено в прямоугольной яме, в которой вдоль стен были вырыты канавки под основание стен деревянного ящика, перекрытого плахами. В этой могиле находились два детских скелета, ориентированных на З, поза погребенных: на спине, ноги поджаты, колени приподняты; у изголовья обнаружены бронзовое шило и яйцевидный глиняный сосуд с веревочным орнаментом. Остальные погребения совершены в простых прямоугольных ямах, умершие скорчены на правом боку, ориентированы в западном направлении, найдены бронзовые шилья, нож, роговая молоточковидная булавка.

В исследованных курганах 40 процентов погребений относится к эпохе средней бронзы. Это катакомбы Т-видной конструкции. Обычно прямоугольный колодец с заплечиками имеет крутой спуск в овальную или подтрапцевидную камеру. В двух катакомбах вход в камеру был заложен камнями или плитой, еще в двух катакомбах-кенотафах каменные заклады разрушены. Нередко в катакомбной могиле хоронили двух, в одном случае (к.11 п.9) - четырех человек. Далеко не всегда в погребении есть инвентарь: жаровня с углями, реже - горшок, найдено несколько спиралевидных серебряных подвесок, пастовый бисер, кремневый листовидный наконечник копья, кусочки сидерита и каменного угля, испачканные охрой.

Одно из ограбленных погребений, по-видимому, относится к финальной бронзе, в нем найдены фрагменты горшка со слегка выпуклыми боками и пальцевыми вмятинами по венчику,

баночный сосудик.

В двух курганах (NN 14, 24) под насыпью зафиксированы скопления светлоглиняных амфор II в., но только в одном из них (к. 14) было погребение: катакомба с коротким колодцем, параллельно сопряженным с камерой, в которой находились кости человека с искусственно деформированным черепом. Могила ограблена, найден разнообразный инвентарь: фрагменты стеклянного сосуда, обрывки золотой фольги, золотые заклепки от деревянных ножен, серебряные пряжки и наконечники ремней и т.д.

Два невыразительных погребения - позднекочевнические.

В "Ливенцовском VII" могильнике, расположенном на западной окраине г. Ростова-на-Дону, раскопаны два кургана (NN 30, 31), в которых обнаружены 24 разновременных погребения.

Насыпь кургана 31, высотой около четырех метров, сооружалась в шесть этапов. В кургане было 16 погребений. Древнейшее из них в прямоугольной яме, погребенный скорчен на правом боку, головой на ЮЮЗ, инвентарь: терочник, пест, кремневый отщеп; захоронение относится к ранней бронзе.

Погребения средней бронзы, с которыми связано увеличение курганной насыпи, совершались в катакомбах, у которых вход в камеру иногда был заложен камнями. Инвентарь представлен разнообразной глиняной посудой, жаровнями, найдены два деревянных сосуда.

Два впускных погребения датируются железным веком. Это сарматское погребение 1 в деревянном гробовище и позднекочевническое погребение 9, в последнем в одной яме стояли два гроба, в которых были похоронены два всадника с саблями и колчанами, погребенные ориентированы на З. А в сарматском погребении 1 умершая, ориентированная головой на СЗ, имела зеркало в деревянном футляре, фибулу, бусы, красноглиняную ойнохою, лепную курильницу.

Курган 30 был возведен над катакомбной могилой 7. Кроме погребения 5, остальные захоронения датируются эпохой средней бронзы. Захоронения средней бронзы в этом кургане аналогичны катакомбным погребениям в кургане 31.

В сарматском погребении 5 скелет ориентирован на Ю. Инвентарь: спиралевидные подвески, зеркало, бусы и светлоглиняная амфора.

В.Г Житников

Раскопки курганов у пос. Ливенцовка.

В 1997 г экспедиция археологической лаборатории исторического факультета Ростовского госуниверситета провела исследования курганов, расположенных на западной окраине Ростова-на-Дону, в 0,5 км к ССЗ от Ростовской ТЭЦ-2, в 0,2 км к северу от хозяйственных построек совхоза “Нива” (пос.Ливенцовка). В ходе работ было раскопано два кургана могильника “Ливенцовский Х”

В кургане N 1, высотой 0,4 м, диаметром 18 м, было открыто 10 древних захоронений. Погребение 5, являвшееся, по-видимому, основным в кургане, было совершено в неглубокой могильной яме подпрямоугольной в плане формы, ориентированной длинной осью по линии С-Ю и имевшей размеры 1,4х1,1 м. Погребенный лежал в скорченном положении, на правом боку, головой на север. На костях фиксировалась охра темно-красного цвета. В инвентаре - кремневый отщеп и лепной плоскодонный бесшейный сосуд, у которого венчик и верхняя часть тулова украшены косыми насечками, горизонтальными оттисками перевитого шнура и пальцевыми защитами.

Еще шесть погребений также совершены в неглубоких могильных ямах подпрямоугольной или подквадратной в плане формы, однако, в отличие от погребения 5, ямы указанных захоронений длинной осью были ориентированы по линии З-В или, в одном случае, по линии СЗ-ЮВ. Погребенные покоились в скорченном положении, на правом боку, с сильно подогнутыми ногами и были ориентированы на З или (реже) на ЮЗ. В ряде могил фиксировались пятна охры. Погребения этой группы, в основном, безинвентарные, лишь в одном обнаружены кремневый отщеп и два фрагмента створок раковин. Следует отметить, что эти захоронения полукругом с востока окружали могильную яму

погребения 5. Как представляется, в погребальном обряде перечисленных захоронений, включая погребение 5, отражены черты, свойственные, с одной стороны, обряду катакомбной культуры, а с другой - погребениям более позднего времени. По-видимому, указанную группу можно отнести к периоду, переходному от эпохи средней бронзы к позднебронзовому времени.

Из погребений эпохи поздней бронзы отметим погребение 9, совершенное в насыпи: двое погребенных лежали в скорченном положении, на левом боку, головами на ЮЮВ. Инвентарь представлен костяным предметом, возможно, лощиком.

Центральная часть кургана была прорезана обширной ямой, забитой камнями. Находки из ямы (фрагменты лепной и амфорной керамики, точильная плитка) позволяют отнести ее к средневековой.

В кургане N 2, расположенном в 100 м восточнее кургана N 1, на пашне, и имевшем высоту 0,3 м, при диаметре 16 м, было выявлено пять захоронений. Древнейшим среди них являлось древнеямное погребение 4, совершенное в прямоугольной яме размером 1,5х1,1 м, которая была ориентирована по линии З-В. Погребенный (ребенок) покоился на спине, с подогнутыми и уложенными вправо ногами, головой на запад. На костях - темно-красная охра. В могиле были найдены следующие предметы: костяная молоточковидная булавка; фрагмент еще одной костяной булавки с уплощенной четырехлучевой головкой и просверленным отверстием; обломки маленького лепного сосуда, по плечу украшенного крестообразными насечками; фрагменты бронзовой бляхи и бронзовая пронызь "бочковидной" формы, свернутая из пластины.

Парное погребение 1 было совершено в прямоугольной неглубокой яме размером 2,05х1,35 м, ориентированной длинной осью по линии ЗСЗ-ВЮВ. Погребенные лежали в скорченном положении, на правом боку, головами на З и ЗСЗ. Инвентарь захоронения состоял из лепного сосуда с коротким прямым венчиком, четко выделенными высокими плечами, образующими ребро и маленьким, слегка выпуклым дном. Как представляется, это погребение относится к той же группе, что и захоронения в прямоугольных ямах, обнаруженные в кургане N 1.

Эпохой поздней бронзы, по-видимому, можно датировать два сильно разрушенные погребения - 2 и 3.

Погребение 5 было ограблено в древности. Оно было совершенно в длинной яме подпрямоугольной в плане формы, ориентированной по линии СВ-ЮЗ, с узкими уступами вдоль длинных сторон. Яма была перекрыта каменным закладом, о чем свидетельствуют многочисленные камни в ее заполнении. Здесь же найдены остатки инвентаря: бронзовые поясные пластишки и обоймы, бронзовые заклепки, железная пряжка с язычком, фрагменты лепного сосуда.

Ю.Н. Зоров

Некоторые итоги археологических разведок в Аксайском районе в 1995-1997 годах.

В 1995-1997 гг. отделом археологии Музея истории г.Аксая проведены работы по составлению археологической карты Аксайского района Ростовской области, начатые в 1993 году. Работы включали в себя контрольный осмотр известных памятников и выявление новых. Среди новых памятников, по обилию собранного подъемного материала, выделяется поселение эпохи раннего средневековья Клиновое, а также интересная находка клада кремня у Монастырского урочища.

Поселение Клиновое находится в месте впадения балки Клиновой в балку Большой Лог, на западной окраине пос.Большой Лог Аксайского района. Оно расположено на пологом склоне правого берега приустьевой части балки и мысу, образуемом слиянием двух балок. Большая часть поселения находится в зоне интенсивной распашки. Сборы находок проводились на площади около 150х80 м.

Всего на поселении собрано более 500 предметов, в основном керамики, относящейся к салтово-маяцкой культуре. Фрагменты керамики в большинстве довольно крупные, что позволяет с достаточной точностью и достоверностью установить формы сосудов. Кухонная посуда делится на несколько типов:

1. Фрагменты грубых лепных горшков, часто с косыми паль-

цевыми вдавлениями по венчику, с примесью в тесте шамота и песка, иногда с незначительной добавкой мелкодробленой ракушки (Рис.1;1);

2. Фрагменты крупных, толщиной стенок до 1,5 см, сероглиняных лепных горшков с витым венчиком и богатой примесью дробленой ракушки (подавляющее большинство) или крупного кварцевого песка. Некоторые фрагменты этих сосудов имеют копоть на поверхности, что позволяет отнести их к кухонной посуде, хотя известно назначение таких сосудов в качестве тары для хранения сыпучих продуктов [1] (Рис.1;3);

3. Фрагменты грубых, массивных, толщиной стенок до 2-2,5 см, лепных котлов с внутренними ушками, с примесью в тесте дробленой ракушки или шамота и мелкого песка (Рис.1;5);

4. Фрагменты крупных лепных горшков, покрытых зональным линейным прочерченным орнаментом, в основном небрежным, с примесью в тесте песка, шамота и пустотами от выгоревших органических частиц;

5. Единичные фрагменты кружальных сероглиняных горшков с примесью в тесте крупного кварцевого песка и пироксена, покрытые сплошными линейными прочерченными горизонтальными полосами (часто имеющие сильно закопченную поверхность).

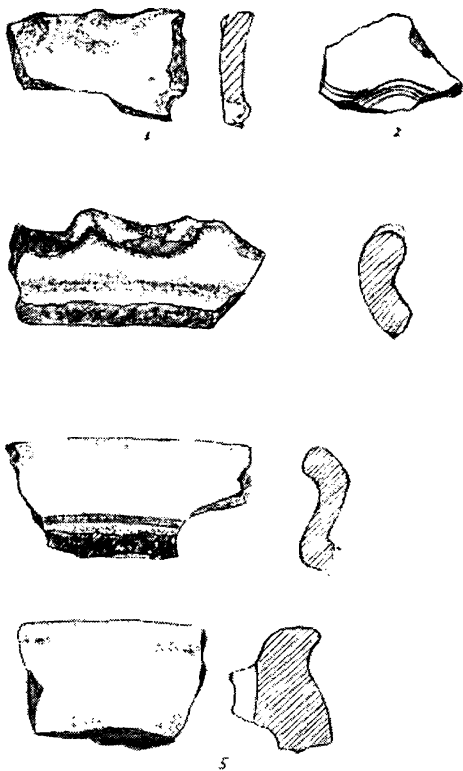

Рис.1. Клиновое. Фрагменты кухонной посуды

Столовая посуда включает в себя: фрагменты грубоватых мисок с округлыми стенками и выгнутым венчиком, часть с прочерченными линиями в месте перехода стенки к днищу во внутренней части, с примесью в тесте песка и дробленой ракушки (Рис.1;4).

Фрагменты кувшинов позволяют разделить этот тип сосудов на несколько вариантов. К первому относятся фрагменты “красноглиняных” кувшинов с рыхловатым тестом и примесью мелкого песка и органики. Поверхность некоторых из них хорошо заглажена и имеет белый или желтоватый ангоб без лощения.

Ко второму варианту относятся фрагменты сероглиняных кувшинов с хорошо отмученным тестом, без существенных примесей. Поверхность этих сосудов в большинстве случаев залощена до черного блеска.

К следующему варианту относятся фрагменты кувшинов, имеющих излом серого цвета, поверхность оранжевого цвета, а также с белым или светло-оранжевым ангобом. Тесто хорошо отмучено, без существенных примесей или с незначительными вкраплениями мелких известковых частиц. Орнаментированы они линейно-лощеном орнаментом на плечевой части сосуда (Рис.2; 6,9).

Ручки кувшинов в основном широкие, уплощенные, имеют сплошное лощение (Рис.2;4).

Фрагменты столовых кружальных горшков имеют тонко отмученное тесто, часто слоистое, поверхность их не имеет лощения, но тщательно заглажена. Все фрагменты имеют зональный прорезной линейный, часто в сочетании с волнистым, орнамент (Рис.2;5,7,8).

К тарной керамике относятся фрагменты пифосов и амфор.

Фрагментов пифосов сравнительно немного (8 экз.). Это крупные обломки, толщиной до 2,3-3 см. Тесто серого и светло-серого цвета, слоистое, сильно опесчаненное, поверхность темно-серого или серо-бурого цвета.

Фрагменты амфор отличаются единым типом. В основном это гладкостенные, часто с тщательно заглаженной поверхностью, с тонким линейным зональным орнаментом. Со слаборифленой поверхностью встречен только один фрагмент. Для ручек характерен хорошо выделенный продольный валик или легкое ребро. Венчики амфор отогнуты, закруглены снаружи и ровные

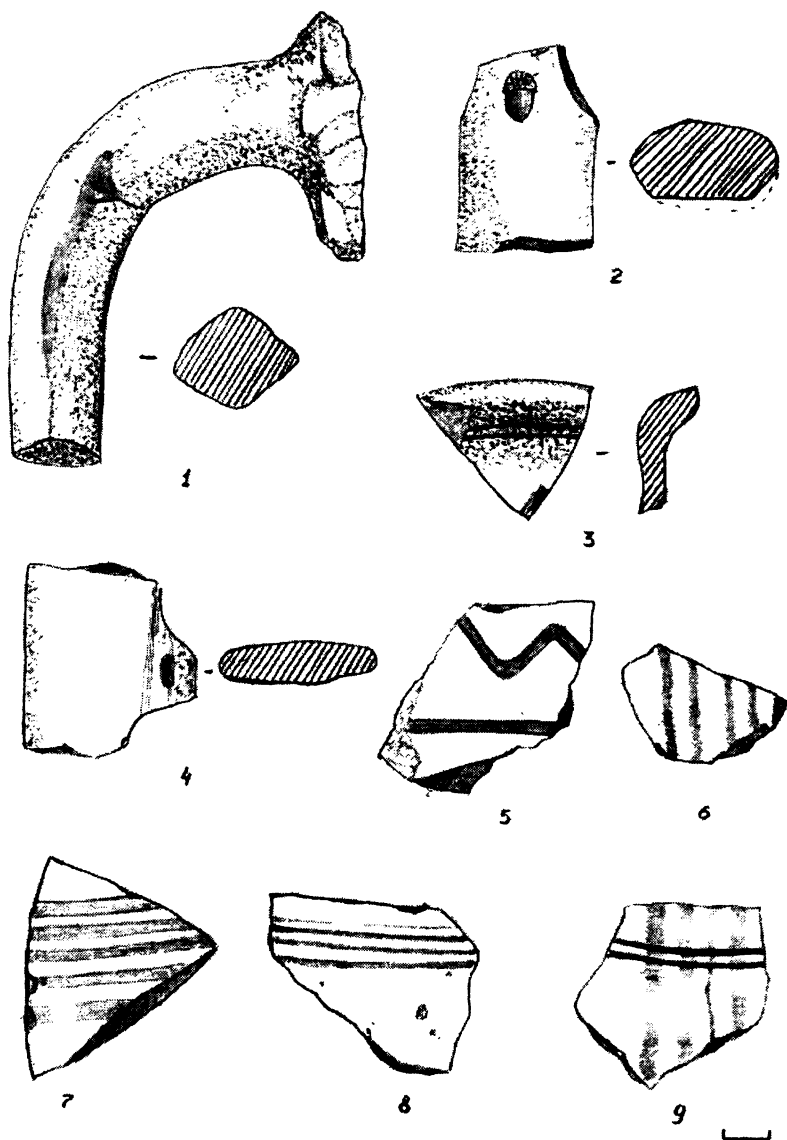

Рис. 2. Клиновое. Фрагменты тарной (1-3) и столовой (4-9) посуды

во внутренней части (Рис.2;3). По составу теста амфоры делятся на две группы:

1. Фрагменты темного кирпичного цвета, с рыхловатым тестом и примесью кварцевого песка, охристых крошек, часто с пустотами от выгоревших мелких органических веществ.

2. Фрагменты кирпичного цвета, с хорошо отмученным, очень плотным тестом с включением мелких известковых частиц.

Интересна находка ручки амфоры с оттиском маленького желудка, который можно рассматривать как клеймо (Рис.2;2). Несколько ручек амфор имеют краевую оббивку по всему периметру и плоские выравнивающие сколы, что указывает на возможную подготовку их в качестве лоцил (Рис.2;1).

Имеются также лоцила, изготовленные из фрагментов стенок амфор, подготовленные подшлифовкой одного или двух торцевых краев фрагмента.

Типологически материал поселения Клиновое мало отличается от материала других памятников салтово-маяцкой культуры [2] в данном регионе. Однако, отличие все же наблюдается, в сравнении даже с близлежащими памятниками, например, с Мишкинской группой (Мишкин 1,2,3), расположенной по правобережью р.Аксай. Отличие заключается, в основном, в преобладании на разных памятниках различных типов керамики. Например, на Клиновом найдено большое количество фрагментов котлов с внутренними ушками, которые пока неизвестны на Мишкинских памятниках, или наличие на Мишкинских фрагментах рифленых амфор, единичных на Клиновом. Но все же основной набор типов сосудов на этих памятниках достаточно однороден. Материал Клинового дает возможность говорить о гораздо большей стабильности жизни на данном поселении, нежели на Мишкинских.

В декабре 1996 года при контрольном осмотре выявленных в начале года поселениях эпохи поздней бронзы и кочевья раннего средневековья на правом берегу Дона у Монастырского урочища, расположенного в 7 км от ст.Старочеркасской, в 150 м ниже по течению от мемориального комплекса, был обнаружен клад кремня, выпавший при размыве из берегового обрыва. Находки кучно лежали на площади 1 кв.м у откоса: пять предметов и отпечатки остальных находились в стене, что позволило

зафиксировать местоположение клада.

Клад располагался на глубине 1,7 м от современной поверхности в самом нижнем слое береговых отложений. Судя по расположению оставшихся в стене находок и отпечатков, кучность клада составляла слой толщиной 15 см, шириной 30 см.

В состав клада входят 32 предмета, включающие нуклеус, нуклевидные куски, отщепы, заготовки орудий. Большинство предметов имеют одностороннюю более или менее густую патину, причем нижние находки, оставшиеся в стене, обнажения ее фактически не имеют.

Во всем наборе кремневых изделий присутствует один нуклеус (Рис.3;1). О форме и технике скалывания можно судить только по одной его плоскости. Снятия производились параллельно в одном направлении с одной скошенной площадки. Наличие на противоположной стороне негативов некрупных, грубых поперечных сколов, а также довольно уплощенная форма нуклеуса свидетельствует, по-видимому, о его дальнейшем использовании в качестве заготовки орудия. Одна из торцевых частей нуклеуса, имеющая многочисленные вмятины и забитости края, указывает на использование его в качестве отбойника.

Среди других изделий выделяется заготовка орудия с двухсторонней обработкой. Это крупный плоский отщеп, обработанный крупной, далеко заходящей на поверхность изделия, плоской ретушью с обеих сторон. Важно отметить на этом изделии наличие приемов удаления ударного бугорка крупными снятиями и подготовки ударной площади для снятия мелкой и средней полукрутой краевой

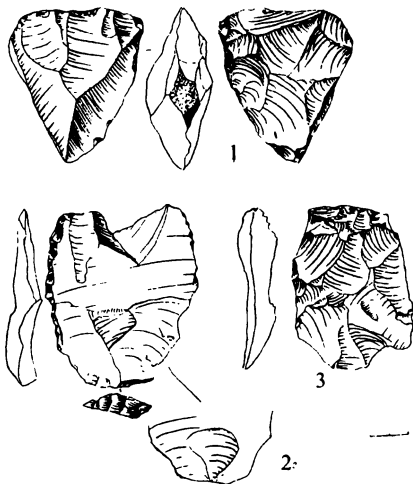

Рис. 3. 1 - нуклеус; 2 - скребовидное орудие; 3 - отщеп.

ретушью. Удачная форма отщепа, а также его обработка позволяет увидеть в нем модель листовидного двустороннеобработанного орудия, по-видимому, наконечника (Рис.5;1).

Еще три отщепа имеют начальную стадию обработки в виде уплощения крупными плоскими и глубокими, далеко заходящими на поверхность снятиями с тыльной стороны и приема удаления ударного бугорка (Рис.5;2).

Два изделия типологически относятся к скребовидным орудиям. Они представляют собой отщепы, имеющие по одному или двум краям полукруглую краевую регулярную ретушь. Однако, участки с регулярной ретушью занимают незначительные поля края, кроме того и сам край имеет зубчатые очертания, а также заломы. Это позволяет рассматривать данные изделия как орудия без вторичной обработки с ретушью использования (Рис.3;2; рис.4;2). Кроме того, имеются отщепы со значительными участками мелкой краевой регулярной ретуши и оглаженными кромками на этих участках, которые также могли использоваться как рабочие части.

Отщепы, в основном, слабоудлиненные, в большинстве подовальной формы, имеют массивные ударные бугорки, точки удара снятые и сильно выступающие указывают на то, что снимались они твердым отбойником (Рис.3,3; рис.4, 2,3). Подавляющее большинство предметовклада (отщепы, их обломки, и даже пуклеус и нуклевидные куски (2 экз.) имеют стандартные размеры. Все это позволяет судить о том, что клад является набором заготовок орудий с двусто-

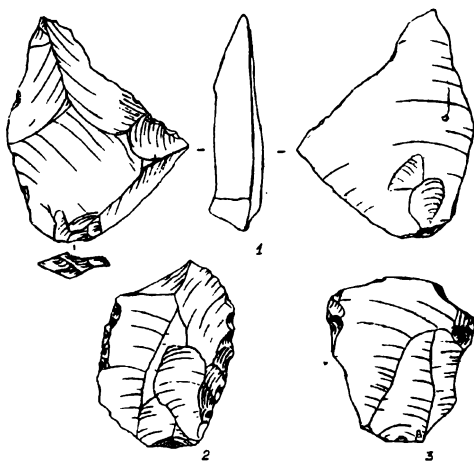

Рис. 4. 1-3 - отщепы; 2 - скребовидное орудие.

ронней обработкой, значительная часть которых имела промежуточное использование в качестве простых орудий до начала двухсторонней обработки.

Датировать клад из-за незначительного количества предметов сложно. По типологическим характеристикам

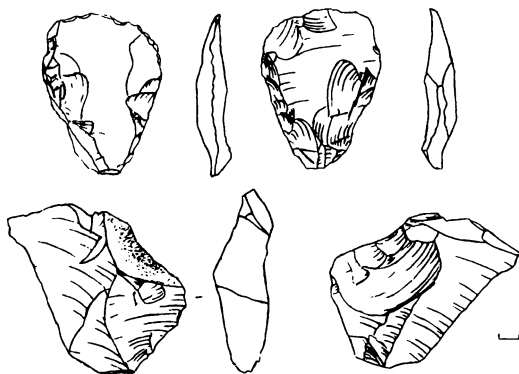

Рис. 5. Заготовки орудий.

клад можно датировать временем позднего палеолита. Аналогии подобных типов изделий можно найти в палеолитических памятниках Нижнего Дона [3]. Однако, датировку такого комплекса нужно проводить достаточно осторожно, в связи с недостаточно четкой стратиграфией находки и отсутствием других памятников в данном районе. Кроме того, на территории Нижнего Дона известны памятники эпохи энеолита, например, Константиновское поселение [4], имеющее в кремневой индустрии доминирующую технику отщепы, в системе расщепления - технику довольно архаичную, грубую, а также наличие большого количества довольно крупных двухстороннеобработанных орудий. Кроме того, известны случаи, когда палеолитическим возрастом, на основании только лишь типологического анализа, датировались индустрии гораздо более позднего времени [5]. Однако данный клад интересен в плане технологии стадии изготовления и использования изделий одной из кремневых индустрий.

Литература:

1. Тарабанов В.А. 1993. Поселения болгар на правобережье Кубани // Древности Кубани и Черноморья. Вып. 1. Краснодар.
2. Степи Евразии в эпоху Средневековья. 1981. М.
3. Матюхин А.Е. 1994. Многослойный памятник Бирючьа Балка-2 // Донские древности. Вып. 2. Азов.
4. Кияшко В.Я. 1994. Между камнем и бронзой // Донские древ-

ности. Вып. 3. Азов.

5. Матюхин А.Е. 1990. О спорных вопросах датировки палеолитического (?) местонахождения гора До во Вьетнаме // СА. N2.

**Л.М. Казакова, Г.Е. Беспалый, Е.В. Козюменко.
Итоги охранных археологических работ
на Хапrowsком городище. 1995 г.**

Хапrowsкое городище один из памятников, входящих в систему поселений округа Танаиса, возникших на рубеже н.э. и погибших почти одновременно с городом в середине III в. н.э. Оно расположено на правом высоком берегу (вторая надпойменная терраса) протоки Мертвый Донец, одного из рукавов придельтовой части Дона, на юго-восточной окраине х. Калинин (ст. Хапры) Мясниковского района Ростовской области. Памятник занимает небольшой мыс, образованный изгибом береговой линии русла Мертвого Донца; с запада и востока ограничивается естественными балками. В западной балке до недавнего времени велась добыча песка и ломка известняка, а по правому борту восточной проложена дорога, срезавшая часть городища. По предположению И.С. Каменецкого [1, с.8], здесь могла проходить граница рва поселения первых веков н.э. С севера культурный слой в значительной мере был уничтожен при строительстве железной дороги и автодороги вдоль нее. В плане городище подпрямоугольно-округлой формы. С южной стороны, по центру, в направлении С-Ю, просматривается ложбина, которая отмечена еще на первом плане, выполненном Северо-Кавказской экспедицией РАИМК в период проводимых здесь работ 1923-1925 гг. [2, с.19, рис.11]. Ложбина фиксируется также и в последующих планах и отчетах [3, с.21; 4, с.4]. Происхождение ее неясно.

В настоящее время площадь городища практически вся застроена. Начало изучения памятника связано с работами Северо-Кавказской экспедиции РАИМК под руководством А.А. Миллера, сотрудниками которой, как указывалось выше, был снят первый план городища (Рис.1,1). В 1923-1928 гг., выполняя задачу обследо-

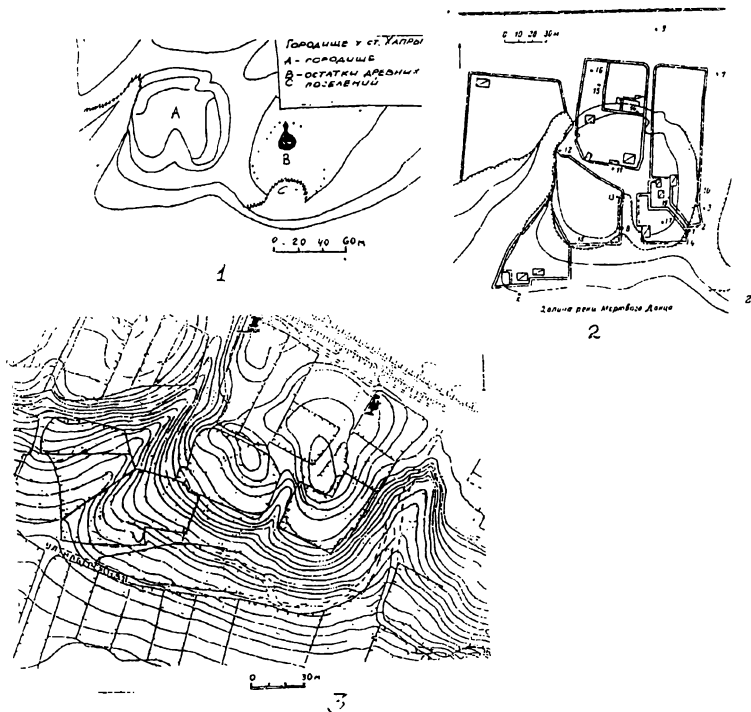

Рис. 1. Хапровское городище.

1 - Северо-Кавказская экспедиция. 1925 г.

2 - план Э.С. Шарафутдиновой. 1966 г.

3 - с плана х. Калинина Мясниковского р-на Ростовской обл. 1995 г.

дования городищ низовьев Дона, сотрудники экспедиции, видимо, не раз посещали памятник для сбора материалов и небольших шурфовок. Основное внимание уделялось периоду существования на этом месте поселения эпохи бронзы.

Небольшие разведочные работы были проведены здесь В.А. Гордцовым [5, с.3].

В пятидесятых годах городище посещалось дважды: Д.Б. Шеловым [3, с.21-22] и И.С. Каменецким [4, с.4-5]. Они также ограничились его осмотром и сбором подъемного материала.

Значительные работы по определению характера

культурных напластований памятника были проведены Э.С. Шарафутдиновой в 1966 г. В разных его частях был заложен двадцать один шурф и на этой основе выявлены особенности распространения культурного слоя эпохи поздней бронзы и перекрывающего его слоя первых веков нашей эры. Главное внимание было уделено анализу слоя эпохи поздней бронзы как остаткам поселения кобяковской культуры. В шурфе 14 была выявлена часть жилища этого периода земляночного типа с каменной кладкой в нижней части. [6, с.5, 8-11, 40, 76]. С тех пор, вплоть до 1995 г., городище лишь периодически посещалось ростовскими археологами. Правда, в течение длительного времени постоянный сбор подъемного материала здесь вели сначала Е.И. Беспалый, затем Г.Е. Беспалый, живущий в Хапрах.

В 1995 г. визуальный осмотр городища был произведен В.П. Копыловым, П.А. Ларенком, Е.И. Беспалым при участии Т. Томашевич-Бук. Тогда же было принято решение о работах в северо-западной его части, с надеждой найти ров, согласно существующей программе изучения оборонительных сооружений нижнедонских городищ первых веков н.э. Указанные работы были проведены в 1995, 1997 гг. Их результаты опубликованы Т.Томашевич-Бук [7, с.122-123].

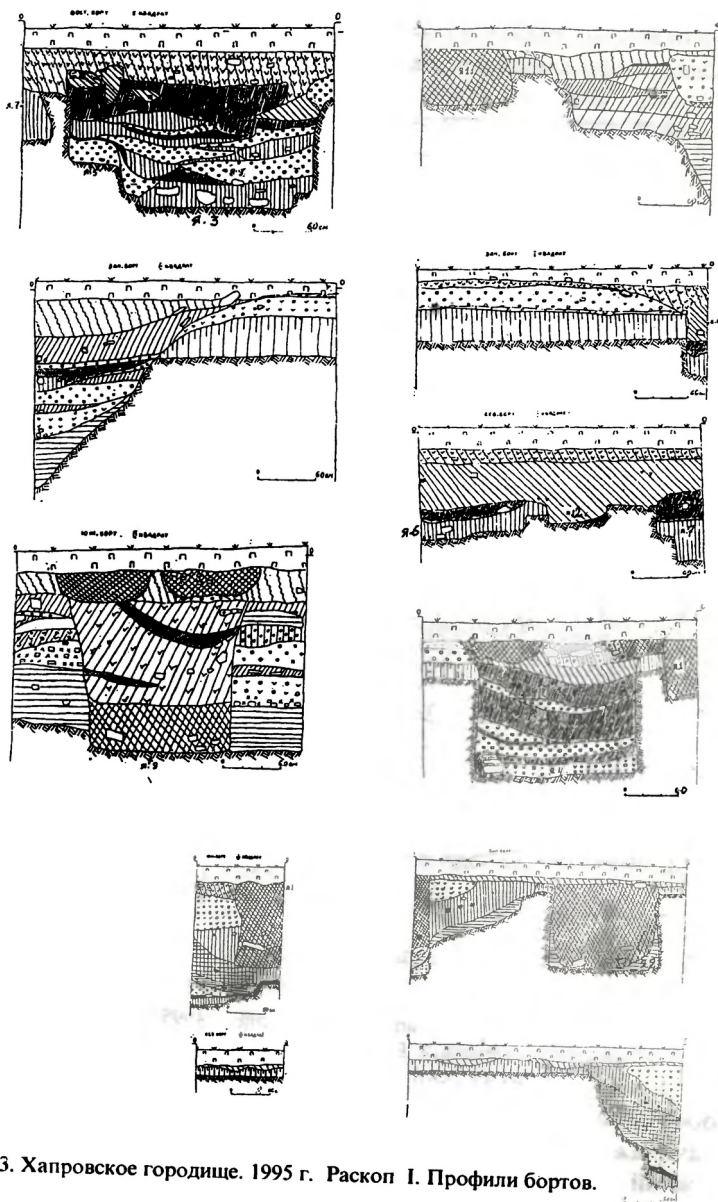
Одновременно были начаты работы в северо-восточной части городища, где благодаря сигналу Г.Е. Беспалого, удалось подключиться к исследованию участка строительства жилого дома по ул. Школьной №135 на усадьбе Селивановых. Они велись отрядом Нижне-Донской экспедиции в составе авторов и студентов исторического факультета. Большую помощь в проведении указанных исследований оказали также студенты Зимовниковского педучилища.

Остановимся на результатах работ. Исследования велись только в пределах площади, отведенной под строительство дома. К сожалению, до начала наших работ хозяин дома успел прорыть на участке траншеи, что мешало исследовать выявленные объекты полностью (Рис.2). Общая раскопанная площадь составила 25,2 кв.м. Несмотря на столь ограниченное пространство, получены интересные результаты; позволяющие судить о характере застройки и строительных периодах поселения первых веков н.э., и, возможно, получены данные о северной границе слоя эпохи

0 400

87

квадратах 2 и 3. В квадрате 3, на расстоянии 1 м от южного борта, на глубине 0,5-0,55 м по южной границе жилища N2 первых веков н.э. была выявлена траншея шириной 0,6-0,7 м. с темным золистым заполнением. Здесь встречалась керамика эпохи бронзы вместе с керамикой римского времени, кости животных и рыб. После снятия глинистой прослойки южнее траншеи (пол жилища 3) оказалось, что под ней находилось аналогичное траншейному золистое заполнение, частично срезанное в юго-западном углу ямой 1 римского времени. Ее дно отмечено камнями, сохранившимися в южном и западном бортах (Рис.3). Северо-западная граница ямы прослеживается по срезу материковой глины на глубине 1,56-1,60 м. С севера золистое заполнение залегало на материковой глине, которая несколькими уступами опускалась вниз.

Слой эпохи бронзы отличается темным золистым грунтом с рядом очень тонких глиняных прослоек в нижней части. В нем большое количество рыбьих костей, чешуи, мелких фрагментов костей животных и керамики. В юго-восточном углу в этом слое, на глубине 1,50 м, найден развал лепного сосуда с невысоким отогнутым наружу венчиком и округлым туловом (Рис.4).

Слой эпохи бронзы выявлен также в южной части квадрата 2. Как и в соседнем квадрате, северной границей слоя является довольно крутое падение вниз материкового грунта, с перепадом высот 0,80-1,00 м. По центру квадрата слой уничтожен ямой 9 поселения первых веков н.э. (Рис.2,4). Он фиксируется с глубин 1,2-1,6 м, понижаясь к западу. Его мощность здесь - 0,25-0,55 м. Это опесчаненный мешаный грунт, слегка золистый, сероватого цвета, с обломками лепной керамики, рыбьими костями и чешуей, мелкими обломками костей животных. Он перекрывает стерильный опесчаненный грунт с чередованием темных и светлых прослоек. Котлован врежется в нижележащие предскальную щебенку и песок. Нижние отметки - в пределах 1,95-2,15 м.

Скорее всего, в южной части исследуемой площади мы натолкнулись на край жилища земляночного типа, аналогичного кобяковским и нижегниловским постройкам. Правда, в нашем случае каменные конструкции не выявлены, но присутствие камней фиксируется. Вероятнее всего камень был выбран при строительных работах более позднего времени. Подтверждение тому - развалы камней на уровне дневной поверхности первоначального

Рис. 4. Хапоровское городище.

1 - керамика из слоя эпохи бронзы

2 - керамика из слоя поселения округи Танаис

строительного периода первых веков н.э.

Кобяковские землянки имели большие размеры: от 50 до 100 кв.м. с длиной стен от 6,7 до 11 м и с глубиной котлованов до 1,3 м. [6, с.13,14,21,40,43]. Тогда наши 5,77 м, на которых прослежен слой эпохи бронзы, ограниченный материковой стенкой высотой 0,80-1,20 м, вполне соответствует такому жилищу.

Е.В. Козюменко высказал предположение, что открытый нами участок сооружения эпохи бронзы может трактоваться как ров и, таким образом, как северная граница поселения этого периода. Оно основывается на отсутствии сооружений и немногочисленности материала эпохи бронзы на более северных участках городища, а также на характере слоя в западной части: наличие стерильного слоя с чередующимися по цвету прослойками, врезание котлована в предскальную щебенку и песок. В пользу этого предположения может говорить и едва заметная на современной поверхности ложбинка, идущая от юго-восточного угла нашего раскопа на ЮЮВ. Какая версия верна, без дополнительных исследований выяснить невозможно.

Полученный из слоя бронзы материал аналогичен находкам из шурфовок Э.С. Шарафутдиновой [6, с.100,126] и относится к Кобяковской культуре позднебронзового века (Рис. 4,1). Период существования Хапровского поселения округа Танаиса отмечен интенсивной строительной деятельностью. Даже на таком незначительном по площади участке, как наш, выявлено одиннадцать ям различного назначения и части нескольких жилищ, сооруженных в разное время. Представление об их характере дают относящиеся к последнему этапу жизни поселения остатки жилищ 1, 2. Несмотря на близость к поверхности, они в незначительной степени подверглись перекопам и разрушению. Жилище 1 занимает западную и центральную части квадрата 1 и северо-западную часть квадрата 2 (Рис.2). Оно выявлено после удаления перекопанного грунта по плотной глинистой поверхности с частицами мелкой щебенки, известковой крошки, дробленой керамики на глубине 0,12-0,18 м (все замеры приводятся от центрального репера). Разрез жилища представлен в профилях западных бортов кв.1, 2 (Рис.3). По ним и по наблюдениям за горизонтальной стратиграфией видно, что жилище имело на этом участке протяженность с севера на юг 3,45 м, в восточном направлении оно прослежено на 2 м (кв.1) -1,2м

ющем к нему с запада участке (Рис.5,1).

Материал, найденный при расчистке и снятии пола, представлен, в основном, фрагментами лепной керамики, стенками светлоглиняных амфор. Профильных частей мало. С учетом стратиграфического положения жилища I, а также возможной, почти одновременной с Танаисом гибелью Хапровского поселения, время его функционирования можно отнести к середине III в. н.э.

С горизонтом жилища I связана прослеживаемая по всем разрезам нивелировка поверхности предшествующего строительного периода: засыпка ям, перекрытие их сверху мелкощебеночным глинистым, часто зеленоватым, грунтом.

Еще один горизонт, связанный с какими-то более поздними перестройками этого помещения, выявлен в северной части кв. 2. Здесь зафиксирован массив из двух ярусов камней, уложенных бессистемно, но дающих сравнительно горизонтальную поверхность (Рис.2). При этом неоднократно наблюдается перекрытие этими камнями участков пола жилища I. Видимо, это заклад над траншеей-ровиком вокруг данного жилища, над просадом засыпанной не так давно ямы 4. Более ранний строительный горизонт на глубине 0,50-0,55 м соответствует верхнему уровню предматерикового коричневатого опесчаненного грунта. Лучше всего он представлен на квадрате 3 (Рис.2). Здесь выявлена часть жилища 2 с ямой 2, впущенной с данного горизонта. Южная граница горизонта определяется по траншее шириной 0,60-0,70 м, врезавшейся в заполнение верхней части котлована эпохи бронзы, отделившей его от жилища 3. Пол жилища перекрывал естественное заполнение котлована (платформу-забивку и подсыпку под ним). В более раннее время здесь, видимо, было одно помещение: его верхний пол перекрывает разделительную траншею. К этому уровню, а, скорее всего, к еще более позднему, относится яма I, впущенная в котлован эпохи бронзы и занимающая юго-западный угол кв.3. Границы жилища 2 не ясны. Это относится, прежде всего, к его западной границе и частично южной, которые должны бы заходить на территорию кв. I и кв. 2, но теряются в заполнении, соответственно, ямы 3 (более ранней) и ямы 4 (более поздней).

К этому же уровню относится горизонт в юго-восточной части кв.2, выделенный по глинистой прослойке, лежащей поверх коричневатого опесчаненного грунта. Ниже выявлено еще два

строительных горизонта. Они связаны с освоением площади котлована эпохи бронзы в ходе застройки поселения первых веков н.э. Первоначальный горизонт был выделен по наличию глинистых прослоек и линз, обломков керамики, в основном лепной, костей животных, мелких камней в уплотненном грунте. Большая его часть, за исключением юго-восточной, срезана ямами более поздних строительных горизонтов (ямы 8-10). После снятия указанного горизонта, глубина залегания которого 0,93-0,97 м, удалось проследить приемы, с помощью которых создавалась платформа для будущей застройки. С этой целью использовались камни, утрамбованные в грунте, перекрывающие части котлована, которые могли восприниматься как отдельные ямы в результате неравномерности естественного заполнения и просадок. При этом ширина заклада соответствует ширине верхнего контура котлована. Особенно четко это фиксируется в юго-восточном углу квадрата, где камни образуют заклад над его восточной частью. Глубина их залегания - 1,10 м, 1,26 м. Сверху они перекрывались мешаным грунтом, поверх которого и зафиксирован первоначальный строительный горизонт. Камень указанной платформы явно был использован для обкладки нижней части стенок ямы 9, врезавшейся в котлован эпохи бронзы почти до его дна. В соответствующих профилях кв. 2 описанный заклад-платформа также хорошо фиксируется. Его мощность - 0,20-0,25 метра.

Материал, найденный на этом горизонте, к сожалению, представлен, в основном, стенками лепной керамики, небольшим количеством фрагментов стенок амфор, и это не дает оснований для четкой датировки. Мы можем опираться, для выяснения ранней даты поселения округа Танаиса, только на материалы из заполнения отдельных ям (3;4 в нижнем горизонте), где представлен амфорный материал не ранее первой половины - середины II в. н.э.

Следующий за первоначальным строительный горизонт на этом участке прослежен на глубине 0,83-0,85 м по четко выраженной натопанности. Она перекрывает слой мощностью 0,15-0,20 м, лежащий поверх вышеописанного. С севера он срезан ямой 4, а с запада, северо-востока и юго-востока ограничен массивами глины с белоглазкой высотой 0,12-0,20 м. На этом уровне в юго-восточной части выявлен очажок овальной формы с

расположился глиняным бортиком.

Материал этих двух уровней также представлен в основном стенками лепной и амфорной керамики и также не дает обоснованной даты.

Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы:

1. Подтверждено наличие двух периодов в жизни Хапровского поселения: эпохи бронзы (Кобяковская культура) и поселения округа Танаиса.

2. Для поселения округа Танаиса получена дата - первая половина II в. н.э. - середина III в. н.э. 3. Уточнена мощность культурного слоя времени поселения округа Танаиса для северного участка городища в его нынешней сохранившейся площади: от 0,50 до 1-1,36 м. Последняя цифра связана с засыпью рва котлована эпохи бронзы.

4. Получены данные о достаточно интенсивной строительной деятельности как в эпоху бронзы, так и в последующий период жизни городища. Для поселения эпохи бронзы подтверждено наличие землянок, для поселения округа Танаиса - домов, при сооружении которых использовались приемы, уже известные по материалам раскопок Нижне-Гниловского [8, с.125-127], Кобяковского [9, с.212-213], Подазовского [10, с.212-213] городищ: использование камыша, обмазанного глиной, камня для укрепления нижних частей стен, сооружение хозяйственных ям различного назначения. Особый интерес представляет яма N4 в ее нижнем горизонте, где сохранилась укрепляющая ее кладка стен в четыре яруса камней. Следы аналогичной, но разрушенной кладки выявлены в ямах 2, 3, 9

Проведенные в 1997 г. работы на северо-восточном участке городища подтвердили полученные в 1995 г. выводы.

Литература.

1. Каменецкий И.С. 1993. Городища донских меотов. М.
2. Миллер А.А. 1925. Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции Академии Истории Материальной Культуры // Известия РАИМК. Т. IV.
3. Шелов Д.Б. Отчет о разведках в низовьях Дона // Архив ИА РАН Р-1, N446.

4. Каменецкий И.С. Отчет о работах археологической экспедиции Таганрогского музея в 1956 г // Архив ИА РАН. Р-1, N1520.
5. Городцов В.А. 1940. Археологические изыскания на Дону и Кубани в 1930 г. // Памятники древности на Дону. Вып. I. Ростов-на-Дону.
6. Шарафутдинова Э.С. 1980. Памятники предскифского времени на Нижнем Дону. Кобяковская культура // САИ VI-II. Л.
7. Tomasevic-Buck T., Kopylov V.P. 1996. CHAPRY, CHUTAR KALININA, RUSSISCH - SCHWEIZERISCHE AUSGRABUNGEN 1995 // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Тезисы докладов VIII международной научной конференции. Ростов-на-Дону.
8. Каменецкий И.С. 1957. Гниловское городище. (Раскопки 1954-1955 гг.) // ТКМ. Краеведческие записки. Вып. I. Таганрог.
9. Капошина С. И. 1962. Раскопки Кобякова городища и его некрополя // Археологические раскопки на Дону. Ростов-на-Дону.
10. Каменецкий И. С. 1974. Итоги исследования Подазовского городища // СА. N4.

В.Я. Кияшко

Работы на поселении Раздорское I в 1995-96 гг.

В 1994 г. памятник был затоплен и частично размыв катастрофическим весенним паводком. С трудом экспедиция 1994 г. закончила исследование участка в восточной части поселения. В 1995-96 гг. убиралась осыпь и заилованность, образовавшаяся после разрушения наводнением вертикальных стенок берегового обрыва. В 1995 году на площади более 80 кв.м., вдоль кромки воды были удалены напластования перемытого грунта, содержащие переотложенные находки из слоев эпохи бронзы и раннего железного века. В результате были освобождены от балласта участки с частично сохранившимися от размыва нижними слоями. В 1996 году два таких останца (площадь первого - 16 кв. м., второго - 33 кв.м.) были исследованы. В обоих случаях от разрушения

убереглись слои эпохи позднего неолита - раннего энеолита и, частично, позднего энеолита. Однако, кроме единичных стратифицированных находок, никаких объектов не встречено. Начальная расчистка остатков дала несколько десятков фрагментов керамики репинской культуры (Рис.1, 12-13). Для них характерна толстостенность, примесь толченых раковин пресноводной улитки и крупнозернистого песка, грубоватые круглодонные формы с прямо-срезанным воротничковым венчиком и орнамент в верхней части сосуда. Наиболее частые приемы орнаментирования крупновитковый веревочный оттиск, разные виды "отступающей лопаточки", "жемчужины" на переходе венчика к тулову, гусеничный штамп и прочерчивание. Неорнаментированная поверхность имеет следы грубых формовочных расчесов. Доминирующий цвет поверхности - темно-серый и буро-серый. В этом горизонте встречено несколько невыразительных кремневых отщепов.

На участке в 16 кв.м. ниже слоя репинской культуры выявлен тонкий горизонт - находок константиновской культуры с характерной тонкостенной керамикой (примесь толченых раковин речной перловицы, растительных волокон и красящего минерала), украшенной зубчатым штампом, оттиском мелковиткового шнура и личиночным штампом (Рис.1, 14). Судя по обломкам, сосуды остродонной формы с прямым или раструбным горлом и кососрезанным краем венчика. Удивительно, но этот горизонт дал еще меньше находок кремня и несколько отщепов серого кварцита.

Тонкая стерильная прослойка (10-12 см) отделила эти находки от нижележащего слоя раннего энеолита мариупольского облика. При исследованиях прошлых лет на смежных участках поселения было прослежено залегание нескольких энеолитических слоев общей мощностью до 1,5 м., разделяющих горизонты мариупольский и константиновский. В данном случае они отсутствовали, возможно, это связано с близостью уреза воды и разрушениями от наводнений в прошлые исторические эпохи.

Слой мариупольского времени, мощностью до полуметра, дал наиболее выразительную серию находок (особенно на большем участке). Встречено несколько сот кремневых отщепов (преимущественно чешуй и пластинчатых сломов) и орудия: нуклеусы (Рис.1, 1-3), концевые скребки (Рис.1, 4-5), ножевидные пластины,

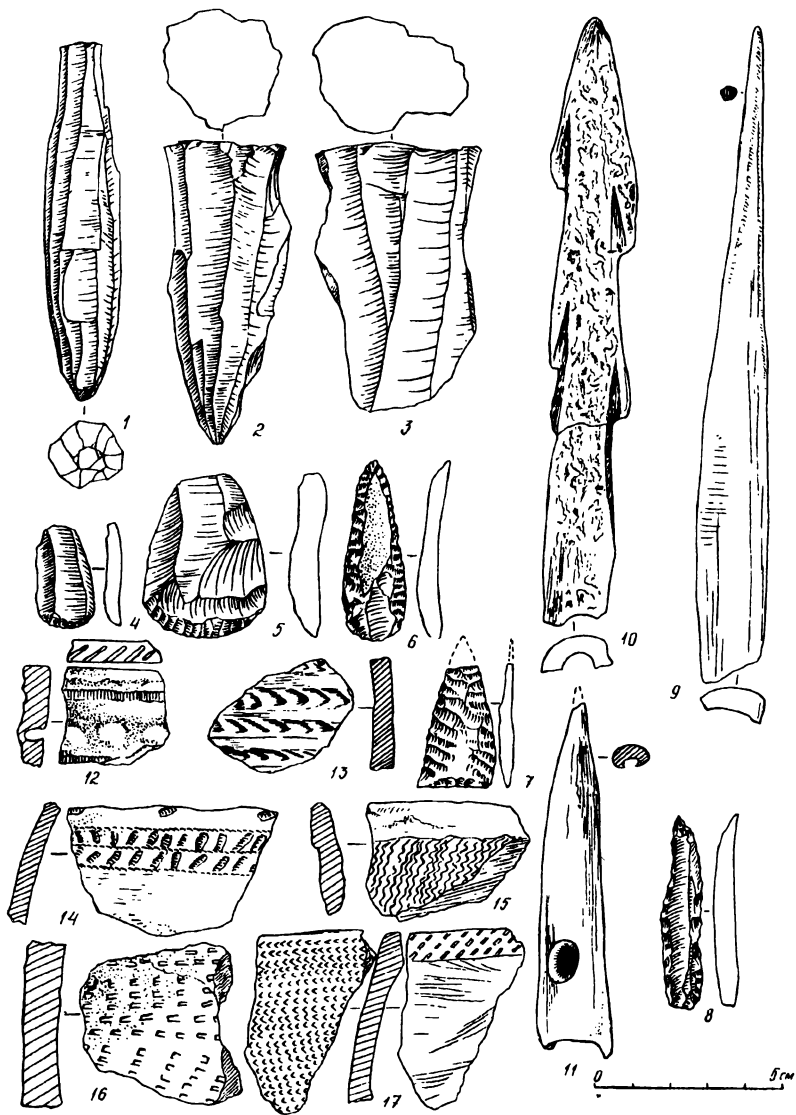

Рис. 1. Поселение Раздорское I.

1-8 - изделия из кремня; 9-11 - кость и рог; 12-17 - керамика

пожи (Рис.1, 6) сверла-провертки (Рис.1, 8), стамески (Рис.1, 7). Кремень серого и светло-дымчатого цвета разного качества. Это обстоятельство, а также разница керамики, позволяет предположить, что были расчищены сразу два горизонта мариупольского времени, так называемые слои 2 и 3 по принятой стратиграфии Раздорского поселения, хотя структурных различий в пласте на стратиграфическом разрезе не прослежено.

Керамика темно-серого, черного и буро-оранжевого цвета. В том числе фрагменты крупных сосудов с мятым воротничком-венчиком (Рис.1, 15). В тесте таких изделий - обильные включения толченой ракушки. Орнамент - отступающий накол многозубчатого штампа.

Черная, с примесью песка и мелкорастертой ракушки, керамика с внутренним наплывом венчика, орнаментированная рядами треугольного накола и гребешком (Рис.1, 17) и толстостенная плотная охристая посуда, орнаментированная оттисками прямозубчатого гребня (Рис.1, 16).

В слое найдено несколько изделий из кости и рога, в том числе проколка (Рис.1, 9) и два различных гарпуна. В верхнем горизонте слоя обнаружен грубый многозубый гарпун (возможно, заготовка изделия) на обломке оленьего рога (Рис.1, 10). На этом же квадрате, но ниже на 18 см, найден фрагментированный гарпун поворотного типа, изготовленный из трубчатой кости животного (Рис.1, 11).

Слой 1 эпохи неолита, характерный для Раздорского поселения, на данном участке отсутствовал. В 1997 году работы на поселении не проводились.

**В.П. Копылов, Т. Томашевич-Бук, А.А. Иванов
Разведочные работы на Сухо-Чалтырском городище
в 1996-1997 гг.**

В 1996-1997 гг. российско-швейцарская группа экспедиции научно-методического центра археологии Ростовского государственного педагогического университета проводила разведочные археологические изыскания на Сухо-Чалтырском городище,

которое расположено на юго-западной окраине хутора Каратаево, территория которого входит в черту г. Ростова-на-Дону. Городище находится на мысу, образованном коренным берегом р. Мертвый Донец и левым, коренным берегом р. Сухой Чалтырь. До возникновения городища мыс заканчивался площадкой надпойменной террасы, на которой и появилось городище. В настоящее время эта часть городища представляет собой усеченно-конический холм, который господствует над примыкающим участком коренного берега. Ложбина, отделяющая холм от коренного берега, возможно образовалась из первоначально искусственного рва. Поселение располагается и на коренном берегу, однако, точно определить его границы, без специально проведенных археологических изысканий не представляется возможным [1, с. 9].

Сухо-Чалтырское городище было известно археологам еще в середине XIX века [3, с.391, сл.], однако, раскопки на городище проводились лишь однажды, в 1957 году, отрядом Нижне-Донской экспедиции института археологии АН под руководством И.Т. Кругликовой [3, с. 173-185]. До сих пор отсутствовала инструментальная съемка плана городища, поэтому такая работа была выполнена специалистами Н.П. Овчаренко и В.Г. Рыловым по заказу российско - швейцарской археологической группы в 1996 году (Рис. 1). К сожалению, несовершенство глазомерного плана, опубликованного И.Т. Кругликовой [3, табл. 1, 2] не позволило нанести на инструментальный план городища раскопы 1957 года.

В настоящее время практически всю верхнюю часть площади холма занимает современное кладбище и, к сожалению, захоронения совершаются и сегодня. Лишь небольшой участок в западной части холма еще не занят могилами, так как он сильно поврежден траншеями времен войны и другими перекопами, связанными, очевидно, с добычей строительного камня местными жителями.

Разведочный раскоп I был заложен на участке, наименее поврежденном перекопами (на западном краю холма), с целью определения наличия каких-либо фортификационных сооружений и выяснения мощности и характера культурных напластований в этой части памятника.

Характеристика культурных напластований Сухо-Чалтырского городища уже давалась И.Т.Кругликовой, но отсутствие

1 500

уверенности, в том, что в ходе работ на холме действительно был достигнут уровень материка [1, с. 9], заставило вначале произвести деление на слои в разведочном раскопе размером 10 x 1,25 м, а уже затем приступить к определению последовательности залегания слоев в южной прирезке, имеющей аналогичные размеры. Используя методику, разработанную И.С. Каменецким при исследовании

довании Подазовского городища [1, с.19], за основу был взят северный борт разведочного раскопа, который, с учетом падения слоев в сторону склона холма, локальных изгибов и повреждений слоев, являлся основой для определения последовательности их залегания в южной прирезке. Учитывая, что по подсчетам Я.С.Каменецкого мощность культурного слоя на холме достигает 4,4 м, в 1996 г. было проведено деление на слои в верхних этажах культурных напластований, а в 1997 г. приступили к определению последовательности залегания слоев в нижней части стратиграфической колонки памятника. Это позволит, по завершению работ, дать более узкую хронологию слоев Сухо-Чалтырского городища.

Исследования показали, что уже сегодня (работы в разведочном раскопе еще не доведены до материка) мы можем говорить о девяти строительных горизонтах. Самый нижний из исследованных горизонтов зафиксирован на глубине 5,18 м, а уровень материка располагается на глубине около 6,5 м. Поэтому точное количество строительных горизонтов может быть определено только по завершению работ.

Каких либо следов фортификационных сооружений в этой части городища раскопками пока не обнаружено, однако, окончательное заключение можно будет делать только после завершения работ в разведочном раскопе, которые планируется закончить в 1998 году.

Строительные остатки зафиксированы в виде глинобитных и каменных построек, с отдельными из которых можно связать хозяйственные ямы. Некоторые ямы имеют каменные конструкции. Отдельные строительные горизонты несут следы сильных пожаров.

Подавляющее большинство вещественного материала, происходящего из слоев городища, относится к обломкам керамики. При этом соотношение различных групп керамики в верхних этажах культурных напластований выглядит, как правило, следующим образом: первое место (в среднем более 60 %) занимают обломки амфор, второе место занимают фрагменты кружальной керамики различных видов (красноглиняная, сероглиняная, краснолаковая) и третье место занимают обломки лепных сосудов. Статистический анализ соотношений различных групп керамики

для слоев нижней части стратиграфической колонки памятника будет произведен позже, но уже сейчас можно говорить о том, что это соотношение будет носить иной характер. Основная масса тарной керамики относится к различным типам светлоглиняных амфор типов В, ВС, С, О, однако, есть отдельные экземпляры типа Е, датирующиеся серединой IV в. н.э.* К началу IV в. можно отнести и отдельные фрагменты краснолаковых тарелок. Из красноглиняных, особо следует выделить обнаруженную на полу помещения амфору с конусовидной ножкой, профиль которой восстанавливается полностью. Сопутствующий материал позволяет датировать ее II в. н.э. Полный профиль таких амфор впервые зафиксирован в материалах нижнедонских поселений I - III вв.

Из других находок отметим бронзовую пряжку с подвижным язычком, бронзовую подвеску серповидной формы, фрагменты бронзового браслета, поделки из рога и керамический штамп для хлебцев, подобные хорошо представлены в материалах Танаиса. Местный житель хутора Каратаево показал нам золотую монету царя Евпатора, датирующуюся 162 - 163 гг. н.э. По словам хозяина монеты, она происходит с Сухо-Чалтырского поселения, но есть основания предполагать, что монета происходит из разрушенного погребения. Мы вели переговоры с хозяином монеты о передаче ее в Ростовский краеведческий музей, однако, 24 августа 1997 года монета была приобретена для личной коллекции С. И. Безугловым.

В заключение необходимо отметить, что исследования Сухо-Чалтырского городища в 1996-1997 годах позволяют внести коррективы в определение верхней хронологической границы памятника, так как впервые были обнаружены материалы IV в. н.э. Нижняя хронологическая граница городища может быть уточнена только по окончанию работ на разведочном раскопе в 1998 году.

* Искренне признательны С.А. Науменко за консультации при определении амфорного материала из раскопок Сухо-Чалтырского городища.

1. Каменецкий И.С. 1993. Городища донских мостов. Вопросы датировки. М.
2. Леонтьев П.М. 1854. Археологические изыскания на месте древнего Танаиса и в его окрестностях. "Прописки", IV, Спб.
3. Кругликова И.Т. 1974. Работы Сухо-Чалтырского отряда Нижне-Донской экспедиции // Археологические памятники Нижнего Подонья. Вып. II. М.

В.П.Копылов.

**Спасательные работы на Елизаветовском городище
в дельте Дона.**

В 1998 году исполняется 145 лет со дня начала археологических раскопок одного из узловых памятников скифо-античного времени северного Причерноморья - Елизаветовского городища и его курганного могильника. За этот период на памятнике было проведено 49 раскопочных кампаний, в результате которых была накоплена уникальная источниковая база по различным аспектам скифо-античной истории. Археологические исследования на Елизаветовском городище и его могильнике проводили такие видные отечественные ученые как П.М. Леонтьев, А.А. Миллер, В. Л. Шилов, И.Б. Брашинский, труды которых на соответствующих этапах развития археологической науки в нашей стране определяли основные направления изучения скифо-античного периода истории Северного Причерноморья.

Экспедиция Научно-методического центра археологии Ростовского государственного педагогического университета в 1996 году продолжала работы по исследованию греческого поселения, открытого в 1982 году в верхнем горизонте культурных напластований Елизаветовского городища, в пределах "акрополя", площадь которого составляет около 12 гектаров. Основной задачей экспедиции являлось дальнейшее исследование поселения греков-боспорян на участках наибольшего разрушения культурного слоя в результате сельскохозяйственной и строительной деятельности. Работы проводились на центральной части

“акрополя” (раскоп XXXV) и на северном, самом высоком участке городища, который из-за современной застройки является наименее изученным районом памятника (раскоп XXXIV). Здесь продолжались спасательные работы на месте строящегося складского помещения. * Общая площадь исследованных участков на двух раскопах составила более 600 кв. м.

На раскопе XXXIV продолжалось изучение остатков наземной сырцово-каменной постройки (дом 31), состоящей из нескольких помещений. Невзирая на разрушения, связанные со строительными работами, удалось полностью выявить границы помещения № 90, где в 1994 году были открыты остатки глинобитной гончарной печи, и оконтурить еще два помещения: № 96, 97. При исследовании впервые открытой на греческом поселении гончарной печи, под обломками рухнувшего глинобитного свода, были обнаружены два сильно обожженных красноглиняных флакона с обломанными горлышками, один из которых располагался на каменной плите у входного отверстия печи. Плохая сохранность затрудняет восстановление конструктивных особенностей печи, однако, можно уверенно говорить, что ее куполообразная верхняя часть была сооружена с использованием камышового каркаса.

При зачистке уровней пола помещений, которые прослеживались по развалам керамики и находкам отдельных целых вещей, удалось выявить в помещении № 96 следы внутренних глинобитных перегородок, разделяющих западную половину помещения на три части. Характер вещественных находок из этого помещения позволяет сделать заключение о его нежилом предназначении. Во вновь открытых помещениях, как и во многих изученных ранее, фиксировались следы сильного пожара.

Среди находок, обнаруженных в ходе работ на раскопе XXXIV, особо следует выделить категорию вещей, имеющих четкую дату. Это амфорные клейма (Рис. 1, 14-16), клеймо на боспорской черепице (Рис. 1, 17) и чернолаковый канфар с накладным орнаментом (Рис. 1, 13).

К западу от дома 31 строительные остатки отсутствовали, и

* Работами на раскопе XXXIV руководили В.Г. Житников и А.А. Иванов

при этом практически полностью отсутствовали вещественные находки. На этом участке на значительной площади была выявлена грунтовая трамбовка, мощностью до 0,3 м, границы которой полностью пока не определены. Примечательно, что эта площадь располагается к северу от храмового комплекса, открытого в 1992-93 гг., и к юго-востоку от участка городища, где А.А. Миллер предполагал наличие порта. Последующие раскопки позволяют установить назначение этой свободной от построек территории, однако, вполне вероятно предположить, что именно здесь находилась центральная площадь греческой апойкии.

На XXXV раскопе, который расположен южнее основной линии раскопов в центральной части “акрополя”, к востоку от так называемой Большой поперечной улицы, ориентированной с севера на юг ** [1, с.19,сл.; 2, с.57], удалось определить границы дома 32. Он представлял собой наземную многокамерную структуру с сырцово-каменной конструкцией стен (Рис. 2). Три помещения (№ 93-95) располагались в одну линию, помещение № 92 было пристроено к северо-западной части помещения № 93, а помещение № 98 отделялось от предыдущих узким проходом. Сохранность всех выявленных объектов крайне плохая. От полностью расплывшихся и, в значительной степени, диффузировавших в культурном слое сырцовых стен строений, дошли лишь остатки каменных цоколей. Все остальные части древних построек практически полностью уничтожены многолетней распашкой площади городища или выборками дефицитного в дельте строительного камня. Тем не менее, помещения № 94 и № 95 дали крайне интересный материал, который можно считать происходящим из закрытых комплексов, верхняя хронологическая граница которых относится к моменту гибели греческого поселения. Чтобы иметь представление о количестве керамических находок из закрытых комплексов, дадим соотношение различных групп керамики из помещения № 95, где было обнаружено 1193 фрагмента амфор, 353 обломка лепной посуды и 139 фрагментов различных кружалых сосудов. Амфоры из этого помещения представлены следующими центрами:

** Работами на раскопе XXXV руководили С.Ю. Янгуров и Э. Бобрешов.

Агафона. Обнаружение в помещении большого количества играль-ных костей, довольно большого количества кухонной и столовой керамики и обломков пифоса позволяет предположить, что оно являлось помещением типа харчевни.

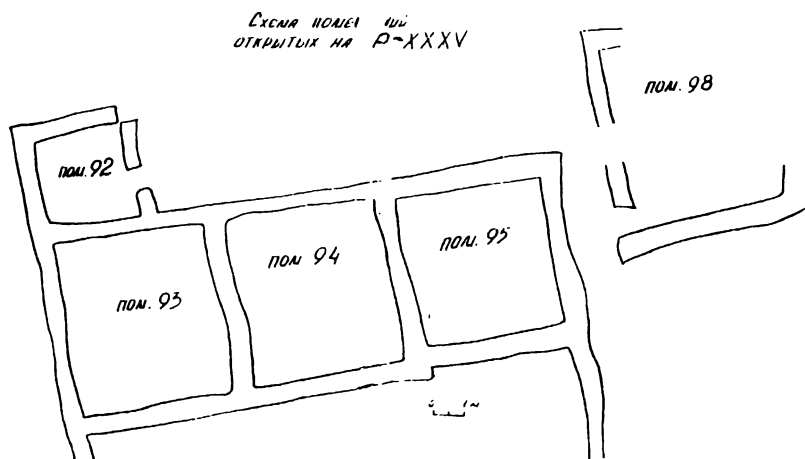

Рис. 2. Схема помещений, открытых на раскопе XXXV

Важно отметить, что синопские клейма, найденные на полах помещений № 94 и 95, дают дату не позднее 80-х гг. III в. до н.э.

К югу от блока помещений, очевидно, на территории внутреннего двора дома 32, были найдены: свинцовая гирька (Рис. 3,5), впервые найденная на территории греческой колонии бронзовая фибула (Рис. 3, 4) и статер Перисада I хорошей сохранности (Рис. 3,2), который может быть датирован 330-315 гг. до н.э. [6, р.185, р1. III, № 148]. Еще одна пантикапейская монета была найдена на поверхности городища в районе раскопа XXXIV (Рис.3,1). Монеты такого типа, по А.Н.Зографу, датируются 300-250 гг. до н.э. [5, табл. LXI, 4]

Таким образом, в результате работ 1996 года удалось спасти от разрушения еще один значительный участок уникального по своей информативности памятника скифо-античного времени - Елизаветовского городища в дельте Дона. Область устья Дона с древнейших времен играла большую роль в истории народов,

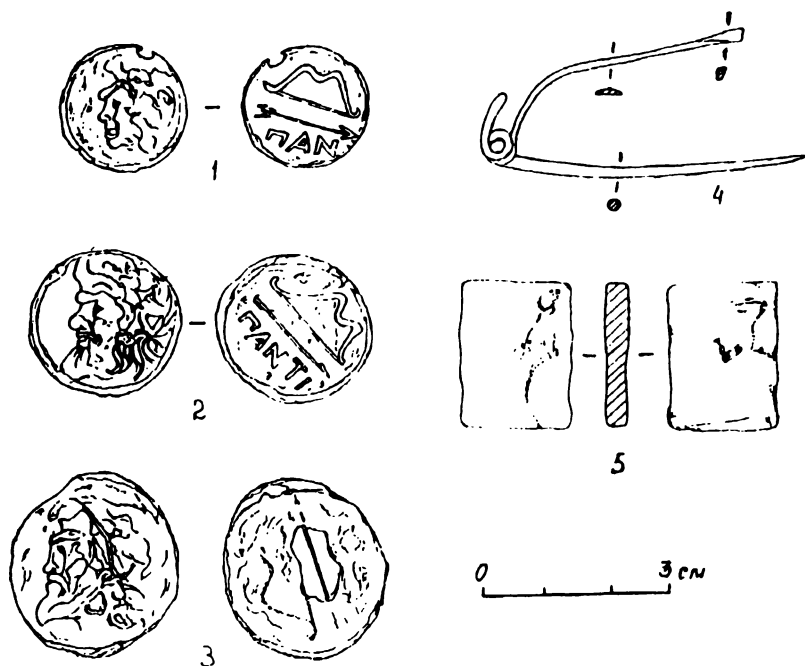

Рис. 3. Находки из помещения 95.

1-3 - боспорские монеты; 4 - бронзовая фибула; 5 - бронзовая гирька

населявших Северное Причерноморье. Особая роль в исторической судьбе региона принадлежит дельте, что во многом объясняется исключительной специфичностью этой природно-климатической зоны, а также выгодным географическим положением. Именно поэтому в дельте Дона открыт и достаточно хорошо исследован значительный фонд археологических памятников всех эпох, от камня до раннеказачьего времени, составляющий значительную часть культурного наследия народов нашей страны, который необходимо использовать в качестве мощного воспитательного средства. Археологические памятники, открытые древние комплексы, являются неотъемлемой частью окружающей среды, формирующей человека, углубляющей его историческое сознание. Именно поэтому в Правительство Ростовской области в феврале

1997 года было внесено предложение о создании в дельте Дона археологического, историко-ландшафтного заповедника. Предполагается в дальнейшем, в соответствии с Федеральной программой “Сохранение культурного наследия народов России” создать на Елизаветовском городище - узлом памятнике скифо-античного времени Юга России - экспериментальное поселение, где добровольцы из местного населения в процессе своей жизнедеятельности будут использовать преимущественно древние технологии. При этом, условия памятника позволяют отдельно представить в хронологическом развитии поселения скифов, греков-боспорян, а также раннеказачье поселение. Сегодня Елизаветовское городище находится в окружении современных казачьих хуторов, само название которых связано с древностями островной части дельты Дона (хутор Городище, хутор Курганы и др.).

Организация археологического, историко-ландшафтного заповедника с экспериментальными поселениями усилит восприятие древности на фоне современного пейзажа дельты Дона и непременно увеличит приток туристов и посетителей. Создание таких археологических, историко-ландшафтных заповедников с экспериментальными поселениями в Европе (поселение позднего палеолита в Польдере Флево в Голландии, кельтское поселение в Батсер-Хиле и другие) хорошо себя зарекомендовали и дают прекрасные результаты. Особо важно, что археологические исследования на Елизаветовском городище и создание археологического, историко-ландшафтного заповедника позволит изъять из севооборота земли, распашка которых приводит к уничтожению археологического комплекса.

Участие России в Международной лиге защиты культуры, которая функционирует под эгидой Комиссии Российской Федерации при ЮНЕСКО, дает уверенность, что в России, говоря словами великого Н.К. Рериха “памятники древности во всем их очаровании будут лучшими устоями государства... Сперва опознаем и сбережем Культуру, а затем и сами банкноты страны станут привлекательными.”

Литература

1. Копылов В.П. 1987. Исследование греческого эмпория в дельте Дона // ИИАДЭ. 1986. Азов.

2. Марченко К.К. Боспорские колонии на территории Елизаветовского городища на Дону // Вопросы истории и археологии Боспора. Воронеж-Белгород.
3. Монахов С.Ю. 1997. Об амфорных комплексах: "чистых" и "нечистых", узких и широких // Никокий и античный мир Северного Причерноморья. Одесса.
4. Крыжицкий С.Д. 1993. Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев.
5. Зограф А.Н. 1951. Античные монеты. МИА № 16. М.-Л.
6. Mielczarek M. 1989. Ancient greek coins found in Central, Eastern and Northern Europe. Wroclaw.

Е.В. Козюменко, А.Л. Бойко

Работы в Азовском районе в 1997 г.

В июле-августе 1997 г. совместными усилиями отряда экспедиции Донского археологического общества (нач. Е.В. Козюменко) и студенческой археологической практики истфака РГУ (рук. А.Л. Бойко) были проведены исследования на землях ЗАО "Обильное" (свх. Овощной) в зоне реконструкции участка нефтепровода "Лисичанск-Тихорецк". В задачу экспедиции входило обследование площади вокруг кургана "Скопин". Эту задачу обусловило обилие подъемного материала, встречавшегося на компактных участках вдоль края первой надпойменной террасы левого берега донской поймы. Местонахождения инвентаризированы как стоянки "Скопин курган" и "Кулешовка-2". Подъемный материал содержал, в основном, фрагменты средневековой керамики и обломки костей животных.

Исходя из условий договора о финансировании, экспедицией были исследованы лишь те участки, которые входили в зону отвода полосы нефтепровода в непосредственной близости от кургана "Скопин", так как в дальнейшем планировалось его полное исследование. Были проведены шурфовочные работы и разбиты линии квадратов, общей площадью около 200 кв. м, на участках наибольшего скопления подъемного материала. Выяснилось, что на глуби-

ну 0,5 м культурный слой (если таковой имелся) уничтожен плантажной вспашкой. Остатков ям и других хозяйственных сооружений не обнаружено. Раскопанные материалы представлены очень незначительным (для вскрытой площади) количеством фрагментов средневековой кружалыной и лепной керамики (и салтовского, и ордынского времени) и обломками костей крупного и мелкого рогатого скота. Это обстоятельство, а также отсутствие хозяйственных ям позволяет предположить, что стоянки вокруг кургана были более или менее кратковременными и носили характер, вероятно, больше поминальный, нежели бытовой. Зато обращает на себя внимание обилие в раскопах черепков казачьего облика - белоглиняной и поливной керамики. Единственная найденная медная монета имеет бахчисарайский чекан Гиреев и датируется не раньше середины XVII в.* Видимо, эта группа материала относится ко времени существования Скопиной крепости, упоминавшейся в системе оборонительного пояса крепости Дмитрия Ростовского. Точное место расположения этой крепости до сих пор установлено не было.

Кроме того, в рамках проведения студенческой археологической практики, в результате широких разведок вдоль течения реки Койсуг, были обнаружены и картографированы несколько пойменных курганных групп, а также, в 2,5 км к ССВ от кургана "Скопин", найдено новое многослойное поселение, названное по урочищу "Лисовин". На поселении были произведены шурфовочные работы общей площадью 18 кв. м, позволившие судить о структуре культурного слоя и о размерах и планиграфии памятника.

Поселение представляет собой плоскую возвышенность (до 2 м) на участке затопляемой поймы, вытянутую вдоль протоки, впадающей в реку Койсуг. Размеры плато - около 150x50 м. В центральной части поселения был заложен шурф 4x4 м, также небольшие шурфы имелись по краям плато, для выяснения распространения слоя. Находки фиксировались по штыкам и послойно. В целом материал делится на четыре представительные группы: керамика эпохи поздней бронзы (срубного облика), скифского времени (судя по фрагментам синопских амфор - рубежа

* -Предварительное определение монеты сделано И.В. Волковым.

IV-III вв. до н.э.), раннего средневековья (салтово-маяцкая) и ордынского времени. Для некоторых групп керамики (например, лепной, срубной и скифской) возможна более дробная характеристика по составу керамического теста и оформлению. Встречены также несколько черепков явно старше эпохи поздней бронзы. Однако, для всеобъемлющей характеристики поселения необходимы более полномасштабные раскопки. Но даже по предварительным впечатлениям отмечается большая насыщенность слоя. Найдено также большое количество костей крупного и мелкого домашнего скота.

Стратиграфия поселения дает пока определенно два горизонта. В нижнем, эпохи бронзы, обнаружены остатки сооружения типа землянки, с входом и следами очага. Слой - супесчанистый суглинок. В верхнем, черноземном слое, также фиксируются остатки хозяйственно-строительной деятельности - ямы, канавки и т.п. Отрадно, что в наши дни этот участок поймы не подвергался распашке и другим разрушениям. Безусловно, поселение "Лисовин" требует тщательного исследования для того, чтобы занять свою нишу в системе нижнедонских древностей.

П.А.Ларенок

Раскопки Таганрогской археологической экспедиции и Донского археологического общества в 1995-1997 гг.

В течение полевых сезонов 1995-97 гг. Таганрогская археологическая экспедиция и Донское археологическое общество совместно с Ростовским научно-исследовательским бюро, археологической лабораторией РГУ, новостроечной экспедицией музея-заповедника "Танаис", при участии учащихся-практикантов Зимовниковского педагогического училища и студентов РГУ проводила исследование следующих объектов на территории Ростовской области: поселение Натальевка-I, кочевье Ломакин-V, комплекс памятников Новозолотовского городища и Мокро-Чалтырского поселения, поселение Атаманово-Власовка, стоябище салтово-маяцкой культуры "Три кольца", ряд памятников каменного века: стоянки Юловская-I и Серебряки, курган-

ные могильники: Самарский-II, Покровский, Дарагановка, Волошино-IV, Юдино-X, Атаманово-Власовка-VI и V, комплекс памятников “Бухтелевский бугор”, разведочные работы на территории памятника Кременная-I.

Раскопки 1995 года.

Поселение Натальевка-I. Руководитель работ - Ларенок В.А. Поселение расположено на правом берегу Миусского лимана в 0,5 км к СВ от с.Натальевка Неклиновского района. Памятник подвергался естественному разрушению, так как был расположен на обрыве правого берега Миусского лимана. С целью выявления территории памятника было заложено три раскопа общей площадью 161 кв. м. На участках раскопов обнаружено 14 хозяйственных ям. Судя по найденному материалу: фрагментам стеклянных браслетов, гончарных горшков, железных замков, основателями поселения были переселенцы из Русского государства. Памятник датируется XII-XIII вв.

Кочевье Ломакин-V. Начальник отряда Ларенок В.А. Кочевье расположено на правом берегу Миусского лимана в 0,75 км к ЮЮЗ от х. Ломакин Неклиновского района. На территории памятника велись работы по расширению газопровода “Таганрог-Западная граница” Было заложено три раскопа общей площадью около 1000 кв. м. Памятник многослойный. Обнаружены остатки культурных слоев и 49 хозяйственных ям, относящихся к средней и поздней бронзе, салтово-маяцкой культуре и золотоордынскому времени.

Раскопки 1996 года.

Курганный могильник Самарский-II. Начальник отряда - Ларенок В.А. Могильник был расположен на землях колхоза “Победа” Матвеево-Курганского района в зоне строительства участка дороги с. Ново-Николаевка - с. Авило-Успенка. Могильник находился в 3 км к ЮЗ от х. Самарский и состоял из четырех курганов. Три кургана попадали в зону строительства и были раскопаны. Всего вскрыто 22 погребения, относящихся к эпохам ранней - поздней бронзы, средним векам. На насыпи кургана № 1 располагалось половецкое святилище, состоявшее из каменной вымостки и двух каменных изваяний. Курган № 2 имел каменную конструкцию в виде двух каменных колец, расположенную вокруг основного погребения культуры многоваликовой культуры.

Курганный могильник Покровский. Начальник отряда - Ларенок В.А. Могильник расположен на восточной окраине с. Покровского Неклиновского района и занимает водораздел на левом берегу р. Миус. Состоял из семи курганов. Были исследованы курганы №№ 1, 2 и 4, попадавшие в зону застройки нового района с. Покровское. Раскопано четыре погребения. На кургане № 1 был сооружен каменный кромлех, относящийся к эпохе бронзы и основному погребению, разрушенному норами животных. Погребение № 2 датируется железным веком, ограблено. Курган № 2 сооружен в эпоху поздней бронзы, насыпь сильно разрушена норами грызунов. Основное погребение - эпоха средней бронзы.

Курганный могильник Дарагановка. Начальник отряда - Ларенок В.А. Могильник расположен на землях бывшего колхоза им. Ленина у СЗ окраины г. Таганрога, в 0,2 км к югу от с. Дарагановка. Могильник имел шесть насыпей. В зону расширения карьера кирпичного завода попали курганы №№ 1 и 2, которые и были раскопаны. Вскрыто 19 погребений. Курган № 1 сооружен в эпоху ранней бронзы, в него впущены погребения эпохи средней бронзы, поздней бронзы и средних веков. Курган № 2 сооружен в эпоху средней бронзы над погребением № 2, погребение № 1 относится к эпохе поздней бронзы.

Новозолотовское поселение. Начальник отряда - Цыбрий В.В. Расположено на южной окраине с. Новозолотовка Неклиновского района на правом берегу Таганрогского залива. Проводились охранные раскопки по программе "Наследие" Заложены три раскопа. Раскоп 1 - к ЮВ от ул. Чкалова. Площадь 68 кв. м. Выявлены остатки культурного слоя и двух хозяйственных ям VIII-X вв., салтово-маяцкая культура. Раскоп 2 - расположен к ЮЗ от ул. Чкалова. Площадь - 100 кв. м. Выявлены остатки культурного слоя и хозяйственные ямы меотского поселения второй половины IV - начала III в. до н.э. Раскоп 3 - в срезе обрыва к ЮВ от ул. Чкалова и к ЮЗ от р. 1 обнаружены остатки гончарной печи и погребения. Заложены раскоп общей площадью около 30 кв. м. Выявлено одно погребение золотоордынского времени и остатки трех гончарных печей с фрагментами керамики в их засыпи, предположительно относящихся к XIII в.

дельты р. Дон, на Бухтелевском песчаном бугре. Раскопки проводились в связи с выборкой песка для нужд строительной организации “Ростовспецстрой”. Зафиксированы следы поселения IV в. до н.э., культурный слой разрушен ветровой эрозией, четыре погребения X-XI вв. с чучелом коня и три, видимо, золотоордынского времени. Исследовано около 200 кв. м.

Стоянка Юловская-I. Начальник отряда Цыбрий В.В. Расположена в Сальском районе у х. Юловской на левом берегу р. Маныч (Пролетарское водохранилище). Памятник обнаружен местным краеведом В.А. Симоненко в срезе обрывистого берега водохранилища. Общая площадь раскопок, включавшая раскоп, две зачистки и шурф, составила около 50 кв. м. В раскопе на глубине 1,5, 3 и 4 м зафиксированы три культурных слоя, четыре кострища и единичные находки, относящиеся к верхнепалеолитическому времени.

Поселение Нижне-Серебряковское-I. Начальник отряда Цыбрий В.В. Расположено в Белокалитвенском районе у х. Нижние Серебряки на левом берегу р. Быстрой. Проводились спасательные раскопки. Общая исследованная площадь составила 50 кв. м. Зафиксировано два слоя: эпохи поздней бронзы и энеолитического времени.

В.А. Ларенок, П.А. Ларенок

**Охранные раскопки поселения
Ломакин-IV.**

В июле-августе 1995 года Таганрогская археологическая экспедиция, совместно с новостроечной экспедицией “Танаис”, экспедицией научно-исследовательского бюро, г. Ростов-на-Дону и Зимовниковским педагогическим училищем, проводила охранные археологические раскопки на поселении Ломакин-IV в зоне капитального ремонта газопровода “Таганрог - Западная граница” в Неклиновском районе Ростовской области. Памятник располагался на правом берегу Миусского лимана у южной окраины х. Ломакин (Натальевская сельская администрация) к ССЗ от моста через лиман, по трассе Таганрог - Мариуполь.

Культурный слой памятника мощностью около 0,5 м слабо выражен, разрушен многолетней распашкой и строителями при прокладке газопровода и выборке грунта на дамбу по пойме лимана. Было заложено три раскопа: I-й южный, площадь 208 кв. м, II-й - центральный, площадь 836 кв. м, III-й - северо-восточный, площадь 240 кв. м. Общая площадь - 1284 кв. м. Раскопы I и III позволили исследовать сохранившиеся участки культурного слоя вдоль выемки под газопровод. Раскоп II был заложен для доисследования сохранившихся хозяйственных ям, впущенных в материк, по ветке строящегося газопровода. Всего вскрыто 49 хозяйственных ям и остатки слабо загубленной в материк наземной постройки.

Находки, собранные на памятнике (Рис. 1), относятся к трем хронологическим периодам: эпоха средней бронзы, VIII-X н.э. и XIV н.э.

Культурный слой эпохи средней бронзы отмечен ближе к краю террасы, частично смыт в древности. С ним связаны несколько неглубоких, округлых в плане хозяйственных ям, и видимо, разрушенные в древности погребения. Находки: фрагменты лепных сосудов, украшенных оттисками веревочки, прочерченным орнаментом и наклепными валиками; несколько кремневых орудий (часть наконечника дротика ?, скребки, отбойники) и кремневые отщепы, обломки костей животных.

Наиболее выразительный комплекс находок, с которым связана подавляющая часть раскопанных хозяйственных ям, относится к VIII-X вв. н.э. Хозяйственные ямы двух типов: I - колоколовидные, глубиной 1,2 - 2 м, диаметр по дну около 3 м, их заполнение, как правило, насыщено находками (кости животных и рыб; фрагменты керамики, остатки горевшего зерна); II - круглые в плане, глубиной 0,3-0,5 м, диаметр около 1 м, в заполнении редкие обломки керамики и костей животных. Керамика VIII-X вв. на памятнике представлена фрагментами амфор и баклажек причерноморских типов, серолощенных гончарных кувшинов, обломками лепных котлов с внутренними ушками и кухонных лепных горшков. Отметим находку двух плужных ножей.

Можно предположить, что правый берег Миусского лимана был местом сезонных стойбищ кочевников. Стойбища посещались два раза в год: весной - для лова рыбы, посева проса и пшеницы.

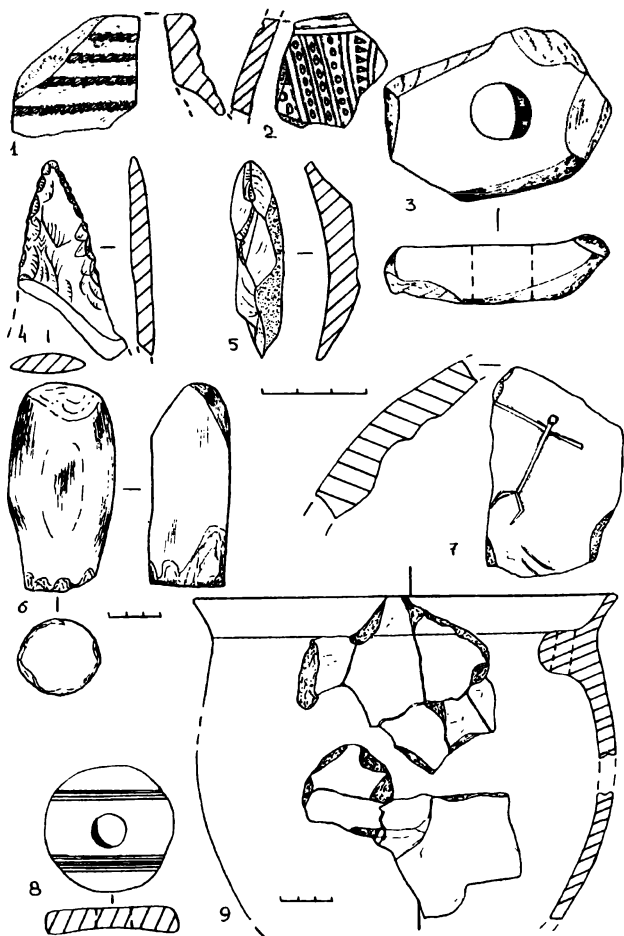

Рис. 1. Находки, собранные на поселении Ломакин-IV.

- 1 - фрагмент венчика лепного сосуда, ср. бронза, р. III, слой;
- 2 - фрагмент стенки лепного сосуда, ср. бронза, р. I, слой;
- 3 - костяное орудие, ср. бронза(?), р. III, слой;
- 4 - обломок кремневого наконечника, ср. бронза, р. II, слой;
- 5 - бронзовая пластина, ср. бронза, р. I, яма 2;
- 6 - каменный пест-терочник, ср. бронза (?), р. III, яма 6;
- 7 - фрагмент стенки лепного котла с граффити, VIII-X вв., р. III, яма 8;
- 8 - пряслице из стенки гончарного сосуда, VIII-X вв., р. I, яма 4;
- 9 - лепной котел с внутренними ушками, реконструкция, VIII-X вв., р. II, яма 23.

Отмечено, что весенние прикочевки часто сопровождались падежом скота. В хозяйственных ямах обнаружены многочисленные кости от расчлененных и целых туш животных: КРС - 29 особей, МРС - 140 особей, лошадь - 8 особей, собака - 17 особей * К концу лета для уборки урожая зерновых совершалась вторая прикочевка. Вероятно, часть собранного зерна оставалась в хозяйственных ямах до следующего года.

Небольшая часть ям относится к XIV в. Находки представлены обломками трапезундских амфор, красноощенных кувшинов и редких фрагментов поливной керамики.

Ж.П. Ле Биан, Л.С. Ильюков
Сарматский курган

В 1996 г. русско-французская экспедиция, организованная Азовским краеведческим музеем и “Культурным центром Аббатство Даулас”, приступила к исследованию курганов, расположенных между Азовом и Ново-Александровкой, на территории коллективных садов.

Одна из задач, поставленная перед участниками экспедиции, состояла в том, чтобы усовершенствовать методику исследования курганов. Французские коллеги, используя свой опыт, предложили применять для расчистки различных археологических объектов компрессор, пылесос и самую обыкновенную тяпку. Особое внимание было обращено на фотофиксацию расчищенных участков кургана. В Центре археологических исследований Финистера в г. Кампер специально для исследования курганов был сконструирован особый штатив, который позволял отвесно поднимать фотоаппарат над раскопом на высоту до 10 м и при помощи системы дистанционного управления проводить фотосъемку. Фотографии, полученные методом вертикальной фотосъемки, затем прорисовывались на кальку. В дальнейшем чертеж на кальке сканировался, информация обрабатывалась на

* - определение кандидата биологических наук Ю.Я. Мягковой, РГУ

компьютере в программе “рисунок” Этот метод фотофиксации и изготовления чертежей заслуживает пристального внимания, особенно в тех случаях, если курган имеет каменные конструкции: кромлехи, вымостки, заклады.

В могильнике Красногоровка III был раскопан курган № 2. Высота кургана 0.4 м, диаметр около 22 м. Его насыпь была выполнена из грунта серого цвета. Под ней находилось единственное погребение. Выкид из могильной ямы был сложен в виде полумесяца вдоль юго-восточной стороны ямы.

Прямоугольная яма (2.50 x 1.65 м) длинной осью ориентирована по линии СВ - ЮЗ. Ее глубина - 1.5 м от древней дневной поверхности. В могиле была похоронена женщина 18-20 лет, однако ее скелет был полностью разрушен грабителями, которые дважды разрывали могилу. На дне могильной ямы был найден овальный железный браслет, остальной инвентарь происходит из заполнения грабительских ям. Это осколки бронзового зеркала, бочонковидная стеклянная бусина, фрагмент костяной пластинки, по-видимому, от пряжки, на отполированной поверхности пластинки процарапан узор в виде сеточки. Кроме того, там же были найдены несколько невыразительных фрагментов от лепных и гончарных сосудов и метаподия лошади.

Первая грабительская яма по площади была в два раза больше самой могильной ямы. Во второй раз грабители действовали более уверенно, их яма была точно впущена в могилу. По-видимому, последние, установив, что данное захоронение разграблено, не стали расширять свою яму, и бросили ее незасыпанной. Вторая грабительская яма медленно заполнялась землей. В заполнении ее позднее был разведен костер.

Севернее могильной ямы в слое погребенной почвы, ниже линии древнего горизонта, была прослежена небольшая ямка без каких-либо находок. Еще одна неглубокая пустая яма была выявлена в погребенной почве к северо-западу от могилы. Рядом с этой пустой ямой расположена неглубокая канава длиной 4.5 м и шириной 1.4-0.8 м, одним концом упиравшаяся в край описанной выше грабительской ямы. В заполнении этой канавы обнаружены остатки дерева, невыразительные фрагменты сосудов, изготовленные на гончарном круге, и фрагменты черепа лошади. Рядом с канавой найдены фрагменты черепа и костей ног лошади,

обломок птичьей кости, некоторые кости обожжены, около них найден небольшой кусок песчаника, побывавший в огне, и несколько осколков от лепных сосудов и сосудов, изготовленных на гончарном круге. Среди последних - фрагмент горла черносеролощенного сосуда, окольцованного валиком. Происхождение этой канавы, также как и пустых ям, расположенных в стороне от могильной ямы, неясно.

Судя по типу погребального сооружения (индивидуальное подкурганное захоронение в широкой прямоугольной яме с меридиональной ориентировкой), и остаткам погребального инвентаря, этот курган датируется первыми веками нашей эры.

**Ж.П.Ле Биан, Л.С.Ильюков, Н.М.Фомичев.
Исследование кургана у г. Азова в 1997 году**

В 1997 г. русско-французская экспедиция продолжила исследование курганного могильника Красногоровка III, расположенного около юго-восточной окраины г.Азова, на территории коллективных садов. Был раскопан курган № 9. Его высота около 0.4 м, диаметр - 20 м. В кургане обнаружено 12 погребений и пять ритуальных ям.

В центре кургана находилось погребение № 1 в прямоугольной яме, ориентированной длинной осью по линии СВ-ЮЗ и перекрытой плашками. В юго-восточной части ямы, на дне, в слое охры были обнаружены фаланги руки взрослого человека; по-видимому, погребенный был ориентирован в западном направлении. Это захоронение относится к раннему бронзовому веку, оно перекрыто катакомбным погребением № 3 эпохи средней бронзы.

В эпоху средней бронзы в курган были впущены три погребения (№ 3, 9, 12). В погребении № 3 в овальной камере находился скелет мужчины, скорченного на правом боку, ориентированного на З. По-видимому, череп был искусственно деформирован. Около лица стоял приземистый неорнаментированный горшок, у коленей лежала перевернутая "жаровня", сделанная из фрагмента небольшого горшка, однако древесных углей в могиле не оказалось. В погребении № 9 овальный колодец, ориентированный длинной осью по линии СВ-ЮЗ, параллельно

сопряжен с камерой, в которой находилось вторичное захоронение останков женщины 20-25 лет (антропологические определения выполнены Е.Ф.Батиевой). На пятне коричневого тлена лежали бедренная и берцовая кости правой ноги, а на них - череп с нижней челюстью. В стороне стоял богато орнаментированный кубок донецкого типа. Погребение № 12 - это Т-видная катакомба. В прямоугольной камере, расположенной под юго-западной стенкой, была погребена женщина в скорченном виде на правом боку, головой на Ю. Инвентарь отсутствовал.

В кургане открыто восемь погребений железного века и пять ритуальных ям. Два погребения (№ 5, 6), расположенные в центре кургана, полностью разрушены грабителями.

В двух рядом расположенных сарматских погребениях, перекрытых плашками и тростником, умершие имели южную ориентировку. В одной могиле (№ 8) находился скелет мужчины, у которого был короткий меч с кольцевым навершием, железная кольцевая пряжка с подвижным язычком и стержневидный оселок. В другой могиле (№ 10) во входной яме находился скелет женщины, а в коротком подбое - скелет ребенка. В этой могиле найдены два лепных сосуда: с прочерченным узором и с сосцевидными налепами, перемежающимися пролощенными линиями.

К западу от вышеописанных сарматских погребений расположена могила подбойного типа № 4. Большая входная яма была перекрыта ритуальной ямой № 5. Дно входной ямы пологое, плавно переходит в дно большого подпрямоугольного подбоя, ориентированного длинной осью по линии С-Ю. В северной части подбоя на деревянном настиле лежали останки женщины 20-25 лет и новорожденного ребенка, оба ориентированы на Ю. Вещей не было.

Два детских погребения (№ 2, 11) перекрывали заполнения ритуальных ям (№ 2, 4). В погребении № 2, в 0.5 м к югу от черепа ребенка, найдены фрагменты придонной части тулова чернолощеного горшка. В погребении № 11 ребенок 2-4 лет был похоронен вытянуто на спине, ориентирован на СВ. Около ног стоял неорнаментированный горшок с шаровидным туловом, резко отогнутым горлом и плоским дном, в тесте примесь дробленых створок раковин и кусочков мергеля (?).

Только одно погребение (№ 7), находившееся в центре

кургана и разрушенное грабителями, относится к средневековью. Это захоронение было совершено в яме, ориентированной по линии В-З. Судя по костям ноги, обнаруженным на дне могилы, погребенный был ориентирован в западном направлении. В могиле найдены кости лошади: фрагменты костей ног и черепа.

В центре и по краям кургана расположено пять больших ритуальных ям овальной и округлой формы. В них один раз или дважды, на дне или в заполнении, или там и там, разводили костры, в которые бросали кости домашних животных: овцы, лошади или быка. В заполнении ям найдены фрагменты керамики, в том числе петлевидная ручка от серолощенного сосуда и профилированная ручка от серолощенного кувшина. В одной яме найден обломок песчаниковой плитки, обожженный кусок песчаника. В яме № 5 под слоем зольника, зафиксированного в ее заполнении, найден человеческий череп без нижней челюсти. Те зольники, которые обнаружены в заполнении ям, находились почти на одной глубине. Еще предстоит выяснить: все ли описанные ритуальные ямы появились в течение очень короткого времени или интервалы между их сооружениями были более значительными. Вероятно, эти ритуальные ямы связаны с кладбищем сарматских могил, впущенных в насыпь кургана бронзового века.

По всей насыпи кургана были разбросаны обожженные кости животных. Найдено немало отдельных фрагментов амфорной керамики античного и средневекового времени и небольшое количество невыразительных фрагментов лепной посуды.

В стороне от могильных ям, на уровне погребенной почвы, стоял большой лепной горшок с резко отогнутым горлом и плоским дном. Вся поверхность сосуда беспорядочно орнаментирована пальцевыми вдавлениями, в тесте примесь шамота.

Н.Б. Леонова, Е.А. Виноградова
Исследования стоянки Каменная Балка-2
в 1995-1997 гг.

В течение летних полевых сезонов 1995-1997 гг. Донская археологическая экспедиция кафедры археологии исторического

факультета МГУ продолжала изучение стоянки эпохи позднего палеолита Каменная Балка-2, расположенной близ хутора Недвиговка Мясниковского района Ростовской области. Исследования финансировались историческим факультетом Московского государственного университета, а также Российским Гуманитарным Научным Фондом (грант N 95-06-17295) и с 1997 года Российским Фондом фундаментальных исследований (грант N 97-06-80350).

Стоянка Каменная Балка-2 относится к каменнобалковской археологической культуре, представленной рядом памятников, и исследуется с 1957 года. Летом 1997 года мы отмечали сорокалетний юбилей исследований Каменной Балки.

Памятник расположен на правом борту урочища Каменная Балка, в 1,5 км к северо-западу от хутора Недвиговка.

Каменная Балка-2 многослойный памятник, на ней прослежены и изучены на больших площадях три культурных слоя, относящихся к разным хронологическим этапам. В последние 10-12 лет исследуются лишь два слоя: второй, который традиционно, со времени открытия памятника М.Д.Гвоздовер, называется основным и третий - самый верхний, который в силу своего характера называется верхним горизонтом находок. Наиболее древнего - первого - слоя в юго-западной части памятника не прослеживается, он был обнаружен М.Д.Гвоздовер в восточной части памятника.

Памятник раскапывается сплошной площадью, конечная цель исследования получить полностью раскопанное палеолитическое поселение, что будет впервые в мировой практике исследования палеолита. В последние годы наша экспедиция исследует юго-западную и центральную части поселения. Раскопы 1995-97 годов примыкали вплотную к раскопам прежних лет с северной и восточной сторон. В общей сложности за три сезона, длительностью по 2,5-3 месяца ежегодно, было раскопано по 117 кв. м каждого из двух культурных слоев.

Материал верхнего слоя беден и показывает, что поселение было кратковременным и небольшим по площади, здесь нет скопления культурных остатков, соответствующих жилым постройкам или производственным центрам, находки редки, очень мало костных остатков.

Рис. 1. Характер культурного сл

Материал основного слоя совершенно иной. В процессе расчистки основного слоя выяснилось, что слой представляет собой мощную брекчию, состоящую из расщепленного кремня - орудий и отходов производства, фаунистических остатков, золотистых пятен, угольков и комочков охры, раковин ископаемых моллюсков, которые, судя по просверленным отверстиям, служили украшениями.

На исследованном в 1995-1997 гг. участке можно выделить одно очень большое скопление в форме неправильного овала (его южная половина была раскопана в 1995 г., а северная в - 1996 г.) общей площадью около 30 кв. м и ряд более мелких, но очень насыщенных скоплений производственного характера. В пределах большого скопления встречены довольно глубокие, до 20 см, очаги и "ямки со вкопанными костями", около очагов - выразительные скопления расщепленной кости, пятна и пятнышки золы и небольшие участки, окрашенные охрой. В составе находок большого скопления много разнообразных орудий, как целых так и сломанных, встречаются наковаленки и ретушеры (Рис.1, 2).

С севера площади большого скопления культурных остатков располагался участок с разреженными находками, на котором

Рис. 3. Ямка со вкопанными костями.
"Упор" для столбиков (?).

выделяются несколько производственных центров, связанных с первичным расщеплением. Эти скопления связаны пространственными связями с большим скоплением. Весь комплекс может быть интерпретирован как остатки жилой площадки, включающей в себя наземную жилую конструкцию и окружающие ее производственные центры.

По определению ст. научного сотрудника ГИН РАН доктора геологических наук Э.А.Вангенгейм, среди определимых фаунистических остатков присутствуют кости дикой лошади, бизона, лося, бурого медведя.

Кроме археологических раскопок производились разнообразные геолого-геоморфологические и палеопедологические исследования строения русла балки Каменной и покровных отложений ее склонов, отбирались образцы для проведения различных анализов (споро-пыльцевой, фитолитовый, гранулометрический и т.д.).

Споро-пыльцевой анализ по материалам 1994 г., проведенный Е.А.Спиридоновой в 1995 году, дал весьма любопытные результаты, позволяющие говорить о существовании

условий лесостепных ландшафтов как во время сложения второго культурного слоя памятника, так и в предшествующие периоды. Значительная остепненность наступает лишь во время бытования стоянки Третий Мыс, которая представляется самым молодым памятником данной культуры.

Данные споро-пыльцевого анализа 1994 г. позволили говорить о средне-виюрмском возрасте красноцветных покровных отложений бортов балки Каменной, ранее диагностировавшихся как скифские глины и имевших, соответственно, раннеплейстоценовый возраст. Так как это предположение явилось абсолютно новым и, к тому же, противоречащим общепринятым представлениям в четвертичной геологии Северного Причерноморья, то оно нуждалось в тщательной проверке. Поэтому большое внимание в работах летних полевых сезонов 1995-1997 годов уделялось соответствующим исследованиям.

В настоящее время проводится повторный споро-пыльцевой анализ из нескольких шурфов, выработанных на балке Каменной, сданы новые образцы для получения радио-карбоновых дат в лаборатории России и США. Даты, полученные в последние годы, варьируют довольно широко - 12530 ± 160 , 12000 ± 120 , 13600 ± 130 , 14670 ± 105 (Лаборатория Иллинойского университета, США).

Нашими коллегами-геологами разрабатывается новая концепция строения и истории бытования балки Каменной, которая может существенно изменить складывающуюся картину истории ее заселения и системы жизнеобеспечения. Однако эти исследования далеки от завершения, в настоящее время происходит сбор и осмысление нового материала.

В 1996-1997 гг. были отобраны образцы для проведения плоскостного (планиграфического) споро-пыльцевого анализа. Такой анализ позволяет получить новые данные по палеоэкологической ситуации на момент обитания стоянки в конкретный период и дает много новых данных для понимания динамики формирования культурного слоя.

С.И. Лукьяшко, В.Я. Кияшко

Спасательные раскопки в Сальском районе.

Летом 1997 г объединенная археологическая экспедиция Азовского краеведческого музея и Ростовского госуниверситета провела спасательные исследования двух курганов в зоне береговых разрушений Веселовского водохранилища. Курганы были расположены на мысе, образованном впадением реки Юла в реку Маныч (левобережная надпойменная терраса Маныча в настоящее время является берегом водохранилища, а сама река полностью поглощена новым водоемом). Археологическая разведка 1992 года зафиксировала в зоне разрушения три насыпи. Повторный осмотр весной 1997 г показал, что за истекшее время курган N 3 полностью уничтожен береговым обрывом, обрушилась в воду и значительная часть насыпи кургана 2. Учитель Юловской средней школы В.А.Симоненко доследовал здесь

Раскопки кургана № 1

Исследование катакомбного погребения.

разрушенную катакомбу эпохи средней бронзы с большим реповидным сосудом (хранится в школьном музее). Исследование сохранившейся полы насыпи новых погребений не выявило. В процессе работ здесь найдено несколько фрагментов средневековой керамики и маленький призматический нуклеус четкой огранки - свидетельства одновременного пребывания древнего населения на мысе у слияния двух степных рек.

Курган N1, последний в этой группе, не был затронут разрушением, но находился в опасной близости от разрастающегося берегового обрыва. Насыпь высотой 1 м раскопана вручную с оставлением крестовидной перемычки, ориентированной по сторонам света. В кургане исследовано 20 захоронений.

Первоначальная насыпь кургана связана с единственным погребением ранней бронзы, судить о котором можно лишь по лепному круглодонному сосудику с ногтевым орнаментом по плечикам. Все остальное уничтожено более поздними захоро-

нениями катакомбной культуры, с одним из которых, возможно, связана существенная досыпка кургана - насыпь N 2.

Самым ранним из катакомб можно считать два погребальных комплекса (N 13 и N 20) в периферийной части кургана. В детском погребении 13, за спиной погребенного подростка, находился череп быка, а в ногах - жаровня из орнаментированного бока

Вид на юго-восточный сектор кургана.

крупной лепной корчаги. В погребении 20 со следами подзахоронения найдена различная керамика и бронзовые украшения.

Более поздняя группа погребений средней бронзы впущена в полы насыпи и даже за ее пределами (погребения 11, 14, 15) и в центре насыпи (N 17). Сопровождающий инвентарь достаточно характерен - реповидные сосуды, курильницы, бронзовый нож, бисер, каменная ступка.

Наконец в разных частях насыпи встречены впускные погребения срубной культуры (N 1, 2, 3 и др.). Их характеризует положение на левом боку и сильная степень скорченности, а также сосуды баночной формы.

В раннем железном веке в насыпь кургана, в центре, было впущено погребение 8, полностью разрушенное еще одним впуском сарматского погребения в яме с подбоем (N 7), датированным, судя по инвентарю, I в. н.э.

Предварительный осмотр смежных береговых участков водохранилища выявил серию частично разрушенных или находящихся в опасной близости от воды курганных насыпей.

Настоятельная необходимость масштабных спасательных работ требует финансового участия в этом деле не только бюджетных учреждений (РГУ и АКМ), но и других структур.

А.Н.Масловский

Работы I Азовского отряда в 1997 году.

В течение 1997 года I Азовский отряд археологической экспедиции АКМ производил спасательные раскопки на месте строительства двух жилых домов по улице Ленинградской.

На раскопе по ул. Ленинградской 72А, на месте строительства частного жилого дома, было исследовано 27 кв. м. Толщина культурного слоя на участке составляла 1.7 м. Слой слабо поврежден перекопами XIX-XX вв., сильно насыщен материалом. Закрытые комплексы XIV в. на раскопе не зафиксированы. Было исследовано безынвентарное погребение с неясной датировкой. Костяк сильно обгорел. Из находок следует отметить крупный фрагмент верхнего постава жернова (Рис. 1,1) и фрагмент изразца на кашинной основе, орнамент которого выполнен в виде белых, расцвеченных бирюзовыми точками, лепестков на ультрамариновом фоне (Рис. 1,2).

На раскопе по ул. Ленинградской 71, на месте строительства многоквартирного жилого дома² Азовских межрайонных электросетей, было исследовано 320 кв. м. Толщина культурного слоя 1-1,5 м. Слой сильно разрушен перекопами XIX-XX вв. На раскопе зафиксировано: три хозяйственные ямы, полуземлянка, наземное сооружение, три траншеи и шесть погребений. К периоду кон. XVIII -нач. XIX вв. относится траншея 1 и погребения 1-4. Траншея 1, зигзагообразно проходящая вдоль северо-западного и северо-восточного борта, датирована копеечкой 1757 года и связана с последней осадой Азова 1769 года. Погребения 1-4 относятся к тому же, или несколько более позднему времени, в них найдены бронзовый и серебряный кресты. Золотоордынским временем датируется яма 1, полуземлянка, траншеи 2-3 и наземное сооружение, возможно к кон. XIV-XV вв. относится безынвентарное мусульманское погребение 6. Полуземлянка заглублена в материк

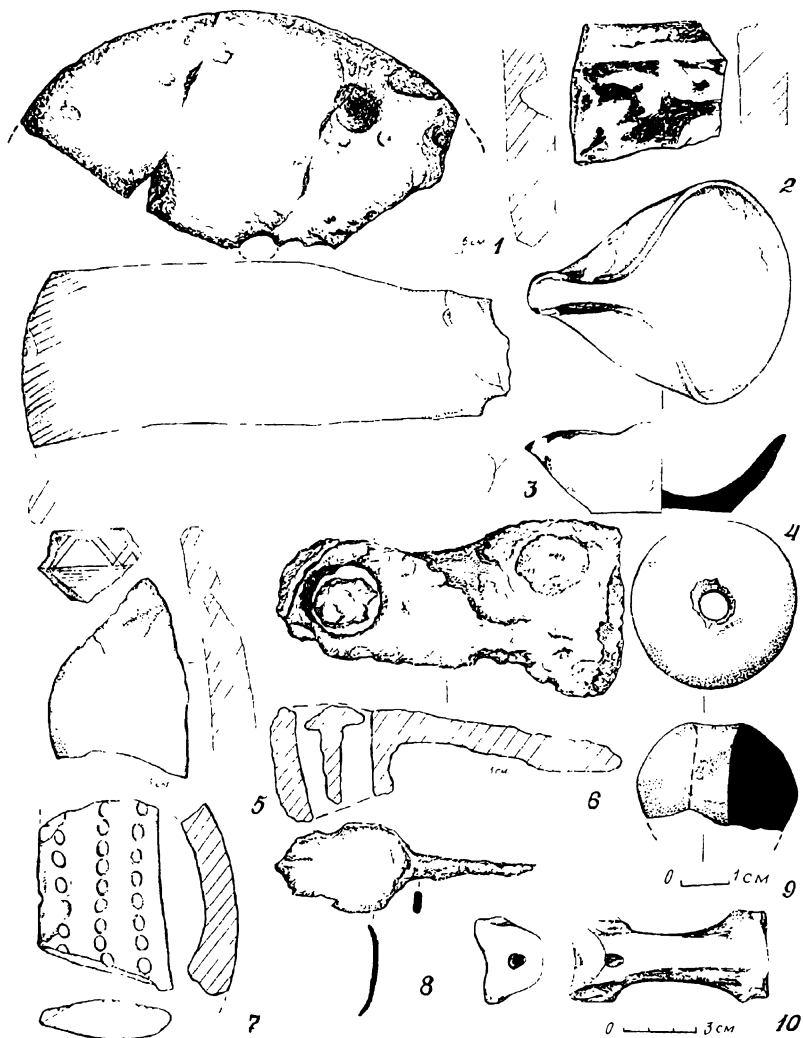

Рис. 1. Вещевой материал из раскопок по ул. Ленинградской 72а(1-2), Ленинградской 71 (3-10).

1 - фрагмент жернова (кв. 1А, шт.4); 2 - фрагмент кашинного изразца (кв. 1А, шт.3); 3-фрагмент жернова (жил. 1); 4 - поливной светильник (жил. 1); 5-фрагменты каменного котла (тр. 2); 6 - тесло, железо (я.1); 7 - ручка светлоглиняного кувшина (тр. 2); 8 - срезень, железо (жил. 1); 9 - пряслице (кв.2В, шт.5); 10 - амулет, кость (я.1).

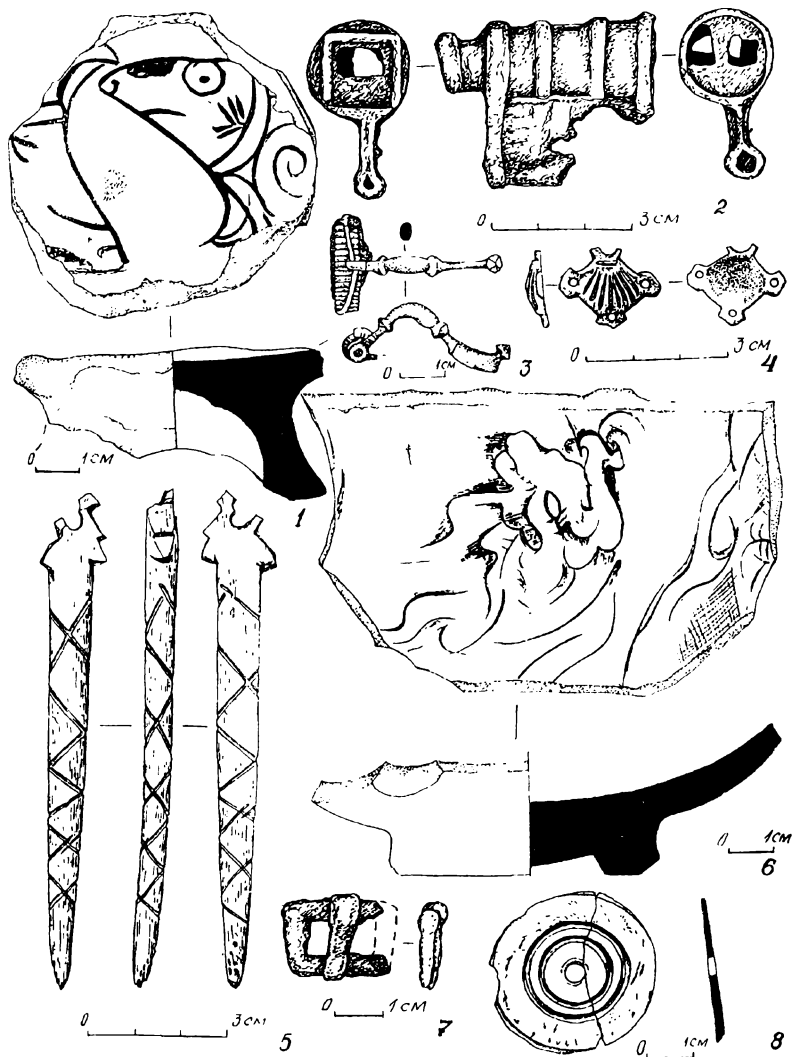

Рис. 2. Вещевой материал из раскопок по ул. Ленинградской 71.

1 - дно поливной чаши (кв. 5Б, шт.4); 2 - замок, железо (кв.3В, шт.4); 3 - микрофибула, бронза (п.6); 4 - бляшка, бронза (жил.1); 5 - булавка, кость (кв.3Г, шт.4); 6 - дно селадоновой чаши (я.1); 7 - пряжка, железо (я.1); 8 - накладка, кость (жил.1).

на 0,2-0,4 м, общими размерами 5,2х3,4 м, ориентирована длинной осью по линии С-Ю. Полуземлянка имела отопительную систему из тандыра, от которого отходил П-образный дымоход, проходивший внутри лежанки, сложенный из сырцового кирпича. У южной стенки жилища расположена усеченно-коническая хозяйственная яма глубиной 0.6 м. Вокруг хозяйственной ямы и в центральной части жилища в пол были втоптыаны крупные фрагменты трех каменных жерновов и плинфы. Один из жерновов выделяется своими размерами (диаметр более 1 м) (Рис.1,3). На полу жилища, рядом с тандыром, был обнаружен целый поливной светильник азакского производства (Рис.1,4). Заполнение жилища датируется 70-ми гг. XIV в. Полуземлянку перекрывало крупное наземное сооружение, лишь частично попавшее на площадь раскопа. Сооружение было едва заглублено в материк и имело кирпичные, несохранившиеся *in situ* конструкции, при сооружении которых, наряду с плинфой толщиной 5,0-5,5 см, использовался брусковой кирпич толщиной около 7,0-7,5, при ширине 11,5 см. Контуры сооружения фиксировались по его плотно утрамбованному полу. Ширина сооружения около 5 м, длина в пределах раскопа 17,5 м. Длинной осью сооружение ориентировано по линии СВ-ЮЗ. Насыщенность раскопа вещевым материалом слабая. Судя по монетам и вещевому материалу, данный участок пустовал вплоть до сер. XIV в., что можно связать с его близостью к могильнику, исследовавшемуся в 1992 г. по ул. Ленинградской 73-75 раскопки Гудименко И.В.), прекратившему функционировать около сер. XIV в. Из находок хочется отметить ряд редких для Азака вещей; формованное шаровидное пряслице (Рис.1,9), ручку импортного светлоглиняного кувшина, орнаментированную рядами оттисков полой трубочки (Рис.1,7), дно импортной поливной чаши с изображением двух осетровых рыб (определение Байгушевой В.С.) (Рис.2,1), дно селадоновой чаши с рельефным изображением дракона (Рис.2,6), два фрагмента котла, (выточенного из мягкого, мыльного на ощупь камня темно-серого цвета (Рис.1,5), железное тесло с остатками рукояти (Рис.1,6), фигурный срезень (Рис.1,8), навесной цилиндрический замок (Рис.2,2), железная поясная пряжка (рис.2,7), фигурная бронзовая бляшка (Рис.2, 4), амулет из I фаланги верблюда, возможно драмедара (определение Байгушевой В.С.) (Рис.1,10), костяная орнаментированная булавка

(Рис.2,5), костяная накладка (на деревянную фишку ?) (Рис.2,8).

К позднеантичному времени относится погребение 6, совершенное в катакомбе. Наклонный дромос (2,5х1,6 м) ведет в камеру размерами 1,1х 0,8 м. Погребение полностью ограблено, в заполнении камеры найдено лишь несколько детских костей. Из инвентаря сохранилась сложнопрофилированная микрофибула с крючком для иглы и короткой спинкой, датирующаяся кон. I нач. II вв. н.э., найденная в заполнении камеры, и кости лошади в нижней части дромоса. К позднеантичному времени также относятся переотложенный керамический материал, фиксировавшийся по всей площади раскопа: фрагменты светлоглиняных амфор, серолощеного кувшина с петельчатой ручкой, серолощеной миски с желобчатым бортиком и краснолакового сосуда открытой формы. Анализ материалов позволяет предположить, что погребение №6 являлось подкурганым и античная керамика на раскопе относится к его тризне.

Кроме этого I Азовский отряд проводил сборы на памятниках: Казачий Ерик, Скопин курган, Петровский, Задонье.

И.Н. Парусимов.

Раскопки в Зимовниковском и Усть-Донецком районах Ростовской области.

Экспедиция Новочеркасского музея истории донского казачества работала в 1995 году на востоке области в зонах новостроек. Исследовано 12 курганов - 10 позднесарматского и 2 хазарского времени.

Позднесарматские захоронения совершены под индивидуальными небольшими насыпями в катакомбах (7) или подбоях (2). Камеры катакомб располагались к северу, а в одном случае - к западу. Камеры подбоев - к западу. Захоронения ограблены, за исключением двух в катакомбах (Рис.1, 1,2). Погребенные имели западную ориентировку. Среди находок есть предметы быта, украшения и амулеты. Раскопано поминальное место, где в затекшем котлованчике собрана сероглиняная керамика.

Один из курганов хазарского времени относился к захоронениям представителей знати. Под насыпью исследованы два

1

2

Рис. 1. Раскопки в Зимовниковском районе.
1-2 -позднесарматские захоронения

парных одновременных погребения и значительных размеров четырехугольный ров с перемычками. Расположенная в центре могила в обширной яме с заплечиками ограблена. Инвентарь разнообразен - предметы вооружения и быта. В сохранившейся могиле погребенные лежали головой на северо-запад. Инвентарь - воинский пояс и украшения. Поверх костяков расчищено чучело лошади и наборы упряжи.

Второй курган-кенотаф с квадратным ровиком. В ровике найдены кости лошади. В 1996 г. экспедиция музея истории донского казачества продолжила свои работы в Зимовниковском районе Ростовской области.

У х. Дружба раскопано три кургана. Два позднесарматских захоронения сооружены в ямах с подбоем. Ориентировка погребенных на ССЗ. В мужском погребении найдены: железные нож и кинжал, бронзовые пряжки и наконечники ремней, серебряные детали нагайки, лепной горшок. В женском - гончарные миска и кувшин, четыре бронзовые фибулы, подвес, зеркало и спиральки, железные пожницы, пряслице, три куса смолы, янтарные, стеклянные и сердоликовые 14-гранные бусы, остатки деревянного сосуда (?). Вокруг погребения хазарского времени прослежен квадратный ровик, у западной перемычки которого обнаружены две ямы со следами кострищ. Могильная яма с подбоем к югу. На ступеньке находились мордами к западу чучела лошади и барана, скелет ягненка. Погребенный мужчина лежал на спине, головой к ЗЮЗ. Найдены колчан с наконечниками стрел, кинжал (?), костяные обкладки лука, золотая серьга с двумя жемчужинами, в лепном горшке встречены кость барана и нож.

Продолжены раскопки могильника Большая Мазанка III. В пяти исследованных курганах могилы ограблены, датируются III-IV вв. Могильные конструкции представлены катакомбами с расположением камер к С. В кургане 4 исследован кольцевой ровик с перемычкой в южном секторе. По сохранившимся *in situ* остаткам погребенных прослежена ориентировка на СЗ, З и ЮЗ. Кости животных задняя левая нога барана. Найдены: лепная и гончарная керамика, бронзовая накладка на венчик деревянного сосуда, железные мечи, ножи, пряжка, игольники, игла и шило, фибулы, бронзовые серьга, наконечник ремня и детали нагайки, костяной составной гребень, серебряная пряжка и пряжка со

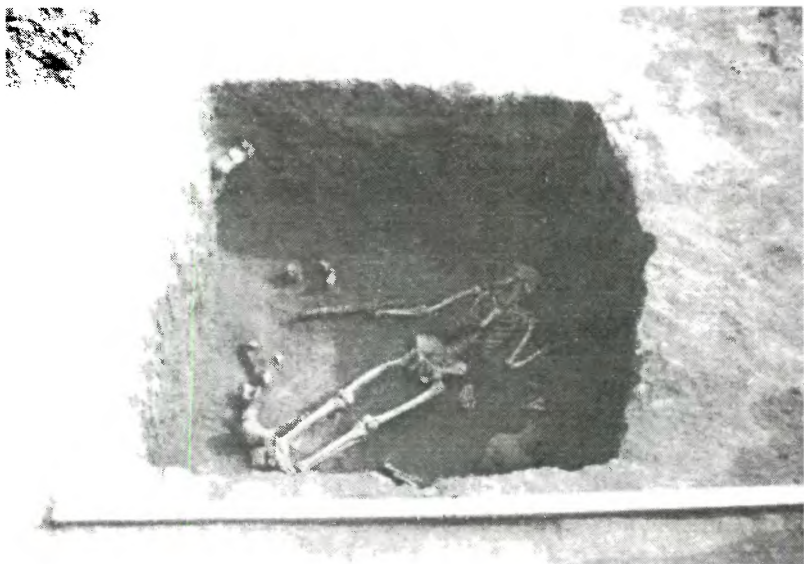

Рис. 2. Могилиник Озерский III, к. 4, п. 1.

стеклянной рамкой и бронзовым язычком, янтарные и стеклянные бусы. В кургане 8 обнаружено два меча. Один зафиксирован слева от погребенного, а другой - воткнут в камере справа от входа.

В могильнике Зимовники II исследован курган 4 - III-IV вв. Захоронение (катакомба) ограблено в древности. По сохранившейся *in situ* кисти руки восстанавливается ЗЮЗ ориентировка погребенной. Инвентарь: бронзовые серьги, железная фибула, пряслице и гагатова бусина.

В зоне расширения свалки у г. Зимовники исследован курган в могильнике Зимовники IX. Насыпь диаметром 6 м. Захоронение XI в. совершено в яме с подбоем. Вход в подбой был завален кусками дерна. На ступеньке находилось чучело лошади со сбруей, мордой к ЗЮЗ. Интересна находка седла с костяными обкладками. Костяк женщины был ориентирован головой к ЗЮЗ. Найдены фрагменты серебряного бубенчика, плакированные серебром серьги и сердоликовая бусина.

При исследовании Зимовниковского района выявлено 537 курганных могильников.

В 1997 году археологическая экспедиция Новочеркасского музея истории донского казачества проводила раскопки курагнов в Усть-Донецком и Зимовниковском районах Ростовской области.

В Усть-Донецком районе федеральной программой “Наследие” были предусмотрены раскопки курагана 3 могильника Левкии III у х. Евсеевский. Группа из трех курганов располагалась на мысу, в месте слияния балок Левкина и Калиники с поймой р. Кундрючья, по правому борту балки Левкина. Большая часть насыпи обрушилась в ручей. Местные жители разрушили захоронения, оказавшиеся в обрыве. Раскопки велись вручную. В результате работ были выявлены каменный кромлех, ровик и семь погребений эпохи бронзы. Кромлех был сложен из мелких камней и плит серого песчаника. Кольцевой ровик имел перепад глубин от 190 см до 301 см. Основное захоронение обрушилось. Могила следующих периодов: 4 средней бронзы, 2 поздней и 1 неопределенного времени. В катакомбных погребениях встречены астрагалы барана, костяные колечки, бронзовые височные кольца и фрагменты лепных горшков. Местными жителями был передан инвентарь погребений средней бронзы: бронзовые нож и шило, комки(?) охры, пять горшков, две жаровни. В насыпи кургана и при зачистке материка была собрана большая коллекция кремневых орудий и отщепов времени верхнего палеолита-мезолита. Местонахождение было названо Левкино I.

На мысу, образованном слиянием уже указанных балок, в результате хозяйственной деятельности были выявлены местонахождение времени верхнего палеолита-мезолита и салтовское поселение. Археологический комплекс получил название Левкино-II. На местонахождении собраны кремневые орудия и отщепы. Поселение дало лепной и амфорный материал, кости животных. Среди лепной керамики есть половинка жаровни. Интересна находка позднебронзового ножа.

В ст. Верхнекундрюченской было найдено каменное половечное изваяние. Статуя сильно повреждена. Читается головной убор, лицо, серьги в ушах, гривна на груди.

В Зимовниковском районе у х. Озерский был раскопан курган 4 могильника Озерский-III. Могильник из шести курганов был расположен на левом берегу р. Сал. В исследованной насыпи расчищено сарматское диагональное погребение (Рис.2). Квадратная

яма была ориентирована углами по сторонам света. В заполнении восточного угла встречен череп барана. Погребенный мужчина имел южную ориентировку. Инвентарь: два кувшина, две курильницы, нож в костях барана, меч с кольцевым навершием. Прослежены следы ритуальных действий. Так, кисть левой руки была отделена от предплечья, курильницы - разбиты.

В Крымском районе Краснодарского края у х. Веселый был раскопан курган 3 могильника Веселый-1. Могильник из девяти насыпей был расположен на правом берегу р. Адагум. Единственное безынвентарное захоронение относится к ранней бронзе. В насыпи найдены железные удила. С территории могильника собран керамический материал античного и средневекового времени.

В.И. Перевозчиков

Спасательные археологические работы на территории Азовского музея в 1995-1996 гг.

Начатые в 1994 году во дворе музея раскопочные работы [1, с.53-72] были продолжены на месте старого гаража в котловане под южную пристройку (корпус фондохранилища) к зданию музея летом-осенью 1995 г. (Рис.1). Площадь котлована, условно названная раскопом-II, составила почти 35 кв. метров, а глубина - более 3 метров (Рис.2). Археологические исследования в нем в разное время проводились сотрудниками музея И.В. Белинским, А.Н. Масловским и А.Ю. Кузьминым.

Поздние напластования XIX-XX вв., полностью уничтожившие культурный слой золотоордынского Азака, на отдельных участках достигали мощности более 2 м и были связаны, по видимому, в основном, с остатками строительной площадки, окружавшей построенное в 1905 г. здание дома городского головы. Примерно посередине котлована, на глубине около 0,5 м от современной поверхности, был обнаружен давно заброшенный коммуникационный колодец(?) с куполообразным верхом, сложенный на известковом растворе из тех же кирпичей, что и здание музея. Его размеры : 1,5х3 м, прослеженная глубина - 2,5 м. Колодец был заполнен мусором (битый кирпич, стекло, известь,

Рис. 1. Начало работ на участке под пристройку к зданию музея (раскоп II). 1995 г. (фото И.В. Гудименко)

штукатурка, песок и др.). От него в северо-западном направлении к зданию музея тянулась кирпичная стена шириной 0,8 м и высотой около 1,5 м, обнаруженная на той же глубине, что и колодец.

В процессе изучения колодца выяснилось, что он уничтожил верхнюю часть золотоордынской хозяйственной ямы, которая имела в плане подовальную форму. Её глубина от уровня обнаружения - 1,3 м. В заполнении ямы собрано большое количество керамических находок. Среди неполивных сосудов можно отметить фрагменты водолеев, один из которых покрыт красным ангобом, другой - вертикальным полосчатым лощением (Рис.3,1), верхние части небольшого узкогорлого кувшина с красным ангобом на внешней поверхности (Рис.3,2) и двух больших широкогорлых кувшинов со сливами. Один оформлен полосчатым лощением по красному ангобу (Рис.3,3), второй - небрежным полосчатым лощением непосредственно по коричневому черепку (Рис.3,4). Найдены также светильник с частью широкого дисковидного основания, декорированного врезным орнаментом (Рис.4,1), нижняя часть сосуда закрытой формы на кольцевом поддоне с красным ангобом и

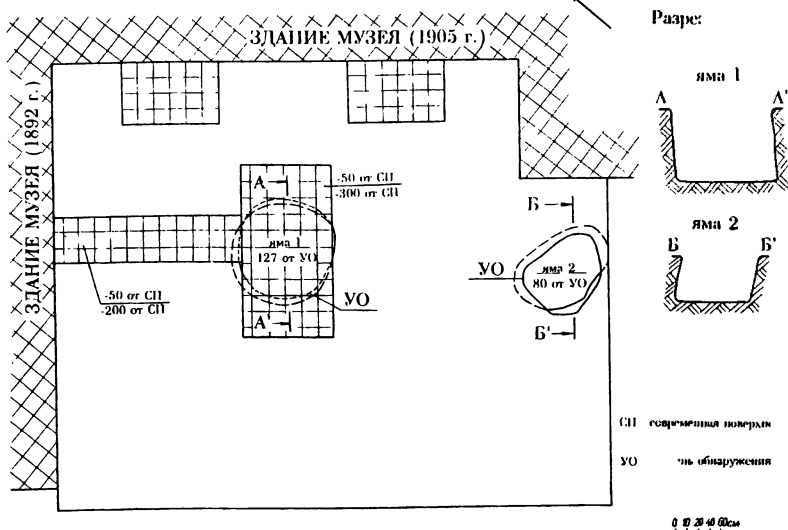

Рис. 2. Раскопки в котловане под пристройку к зданию музея в 1995 г.

остатками граффити на внешней стороне (Рис.4,2). Среди поливной посуды: широкогорлого горшковидного сосуда с зеленой поливой по белому ангобу на обеих сторонах, имевшего, судя по сохранившимся частям, четыре ручки (Рис.4,4), средняя фигурная часть подсвечника с зеленой поливой по белому ангобу на внешней стороне (Рис.3,5), фрагментированная миска с неглубокой поангобной гравировкой под неоднотонной зеленой поливой (Рис.4,5), фрагменты чаш с поангобной гравировкой (Рис.3,6-9) и выскабливанием фона (Рис.3, 10) под бесцветной поливой, а также чаш с поангобной гравировкой под зеленой поливой (Рис.4,6-8).

Вторая яма, вернее то, что от нее осталось, была обнаружена в юго-восточной части котлована. Она имела в плане форму неправильного овала и глубину 80 см от уровня обнаружения. Из собранного в яме археологического материала можно выделить: верхнюю часть большой импортной амфоры (Рис.3,12), ручку такой же амфоры с граффити в виде треугольника (Рис.3,13), нижнюю часть неполированного сосуда закрытой формы с подпрямо-

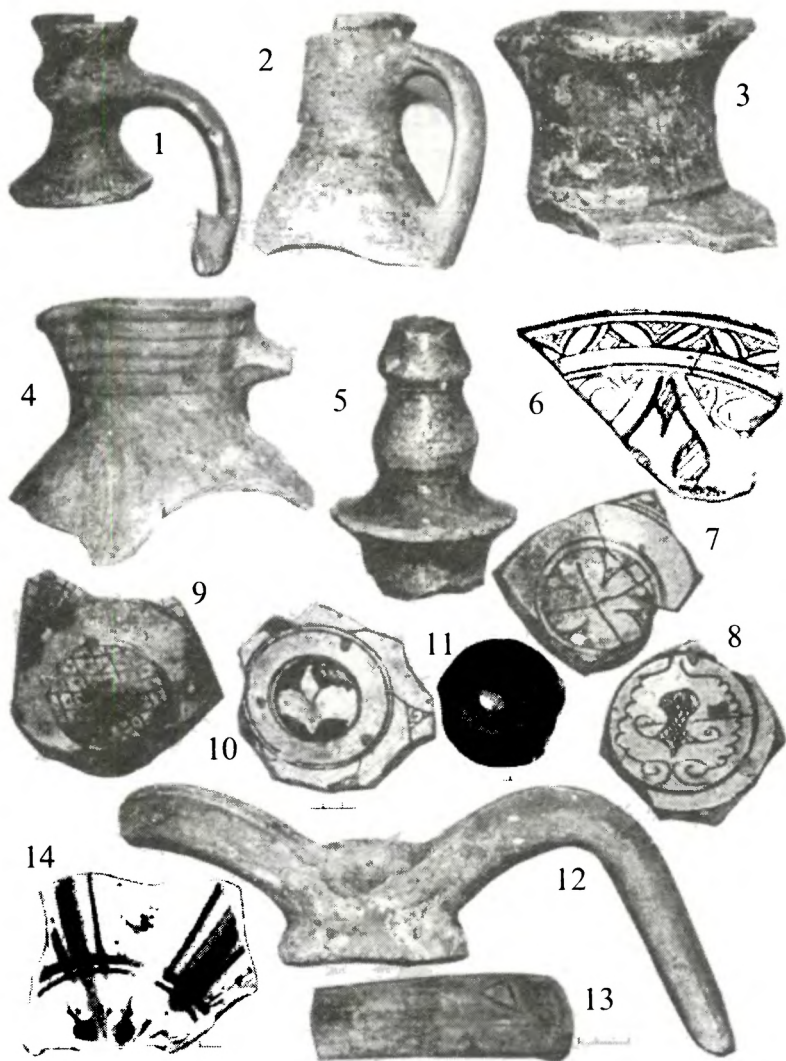

Рис. 3. Керамика из раскопок в котловане под пристройку к зданию музея (раскоп II). 1995 г

1-10 - находки из ямы 1; 11-14 - находки из ямы 2.

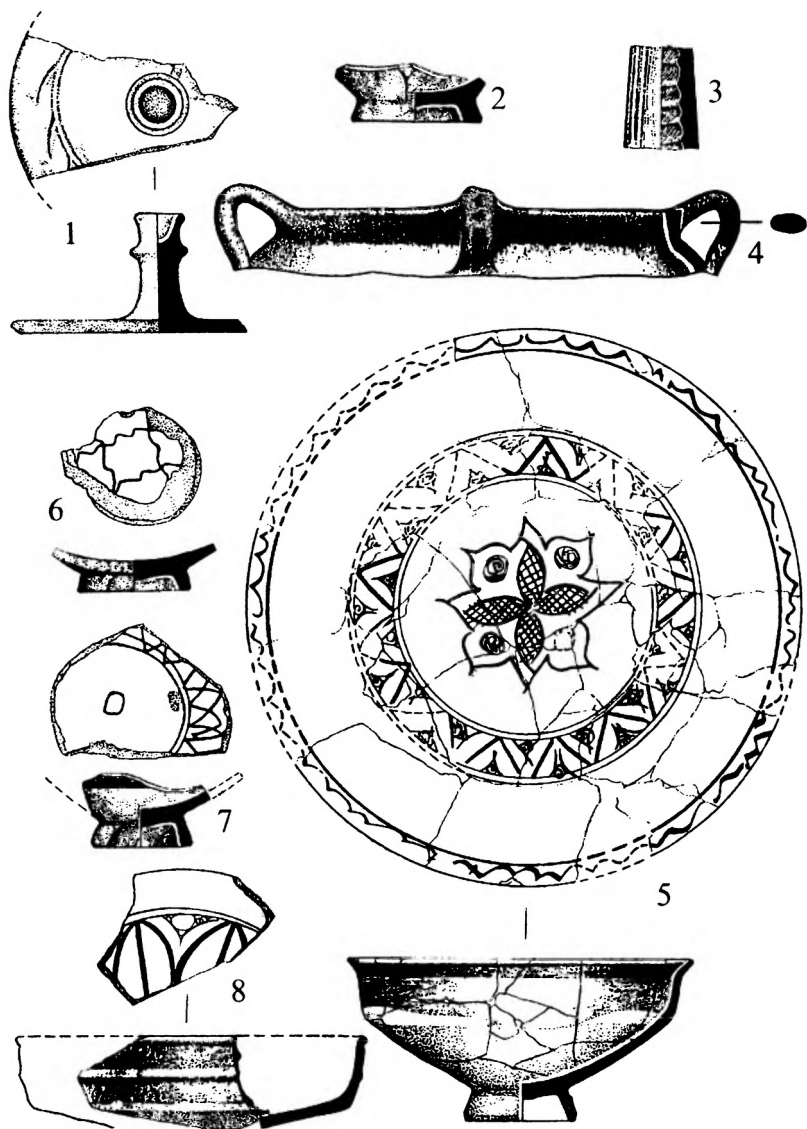

Рис. 4. Керамика из раскопок в котловане под пристройку к зданию музея (раскоп II).

1,2,4-8 - находки из ямы 1; 3 - находка из ямы 2.

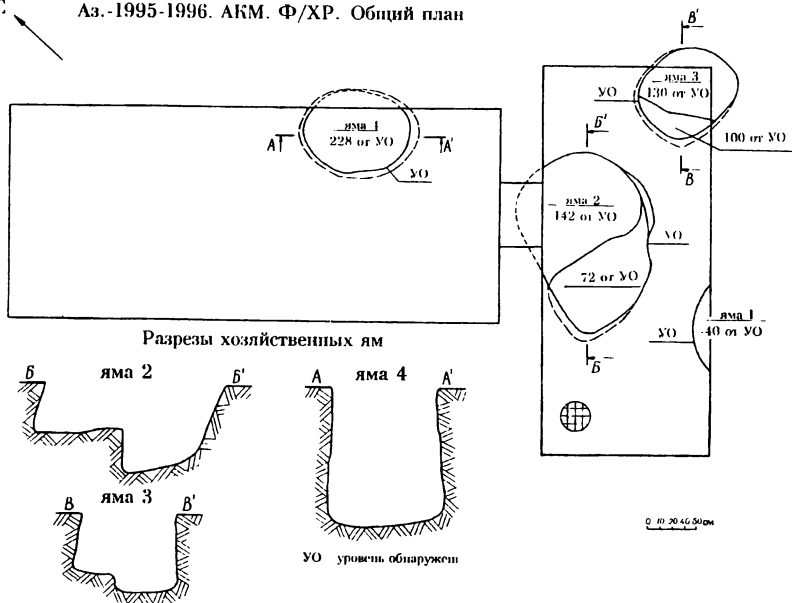

Рис. 5. Раскопки в фондохранилище археологии (подвал музея) в конце 1995 г - начале 1996 г.

угольным, тщательно отшлифованным по периметру, отверстием в дне (Рис.3,11), фрагмент узкого горла, очевидно, какого-то бутылеобразного сосуда, внешняя сторона которого сплошь покрыта вертикальным полосчатым коричневым лощением (Рис.4,3), часть дна кашинной чаши с полихромной росписью без рельефа под бесцветной глазурью (Рис.3,14).

В конце 1995 года - начале 1996 года в подвале музея, в фондах археологии, непосредственно под лестничной клеткой к новой пристройке проводились строительные работы по укреплению несущих стен здания музея. Для этого на площади 44,5 кв. м были вскрыты бетонные полы фондохранилища и произведена выборка грунта примерно на глубину 0,5 м. В процессе этой работы, на фоне материка, зафиксированы остатки заполнений четырех золотоордынских хозяйственных ям. Их археологические раскопки произвели научные сотрудники музея И.В. Грунский и А.Н. Кваша под непосредственным руководством директора

А.А.Горбенко. Описание хода работ, заполнения ям и чертежные работы (вместе с художником музея Н.В.Андрусенко) произведены автором статьи (Рис. 5).

Яма N 1 большей частью уходила под юго-восточную стену музея. Ее глубина составила около 40 см от уровня обнаружения. Заполнение: рыхлый серый гумус с включением костей животных, фрагментов неполивной и поливной керамики. Заслуживающие упоминания находки: нижняя часть пиалы с поангобной гравировкой и выскабливанием фона под бесцветной поливой (Рис.6,1) и фрагмент горла редкого кашинного кувшина с росписью черным под прозрачной бирюзовой глазурью (Рис.6,2).

Заполнение ямы N 2 частично оказалось под внутренней несущей стеной музея. Ее глубина от уровня обнаружения - 142 см. В ЮЮЗ части был зачищен широкий, занимающий примерно 1/3 часть площади ямы, порогаобразный выступ высотой 70 см от дна ямы. Характер заполнения: гумус, перемешанный с золой и пеплом, прослойки и комковатые включения материковой глины, кости животных и фрагменты неполивной и поливной керамики; дно сплошным слоем (толщиной 10-15 см) покрывала слежавшаяся зола и пепел. Из находок можно отметить лишь верхнюю часть кувшина с красным ангобом (Рис.6,6) и практически целую миску с аморфными пятнами окиси марганца под светло-салатной поливой по ангобу (Рис. 6,3).

Яму N 3 также пришлось брать подкопом под юго-восточную стену здания музея. Ее глубина составила 130 см от уровня обнаружения. Как и предыдущая, яма 3 имела в юго-западной части небольшой "порожек" высотой 30 см. Заполнение: гумус с включениями золы, пепла, костей животных и рыб, рыбьей чешуи и фрагментов керамики. Среди находок достойны упоминания только две: фрагмент верхней части тулова кувшинообразного сосуда с подангобным штампованным рельефным орнаментом под зеленой поливой (Рис.6,4) и основная часть светильника (Рис.6,5).

Яма N 4 была обнаружена позднее других (в феврале 1996 г.) после прохождения одного штыка на общем материковом фоне в виде овального пятна с бледно-зеленым контуром стенок. Дно зафиксировано на отметке 228 см от уровня обнаружения. Заполнение: рыхлый серый гумус с большим количеством

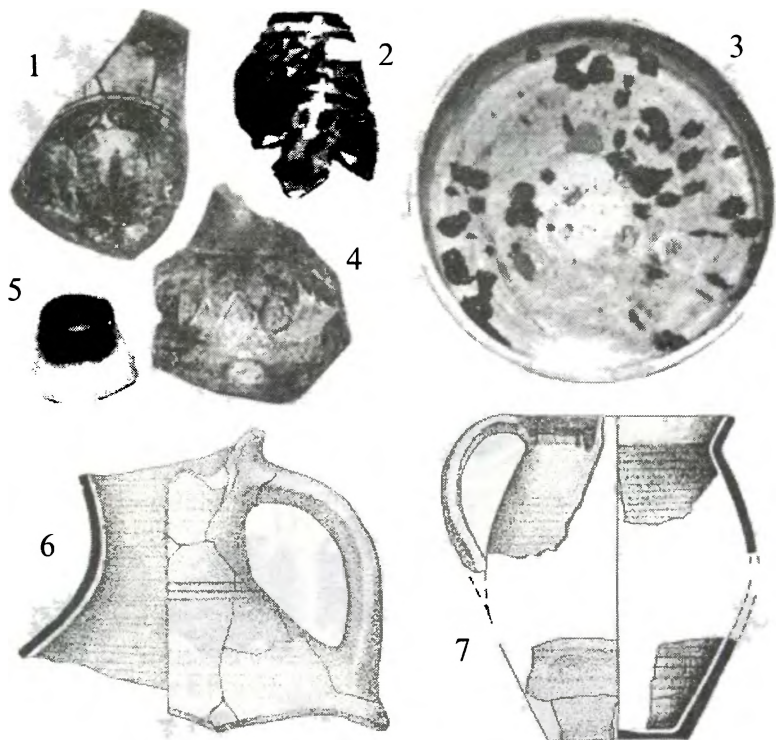

Рис. 6. Керамика из раскопок в фондохранилище археологии в 1995-1996 гг.
1,2 находки из ямы 1; 3,6 находки из ямы 2; 4,5 находки из ямы 3;
7 - находки из ямы 4.

фрагментов разнообразной керамики, стекла, костей животных, чешуи и костей осетровых и карповых рыб, а также несколькими бутовыми камнями; в нижней части заполнения прослеживалась прослойка золы и пепла. Данную яму, в сравнении с другими, отличает большое количество собранного в ней археологического материала. Из находок особо следует выделить: целую пиалу, внешняя сторона стенок которой оформлена вертикальным полосчатым красно-коричневым лощением, а внутренняя сторона венчика таким же, но горизонтальным лощением, выполненным непосредственно по черепку (Рис.7,1), ручку большого кувшинообразного “красноглиняного” сосуда, расписанную красной и

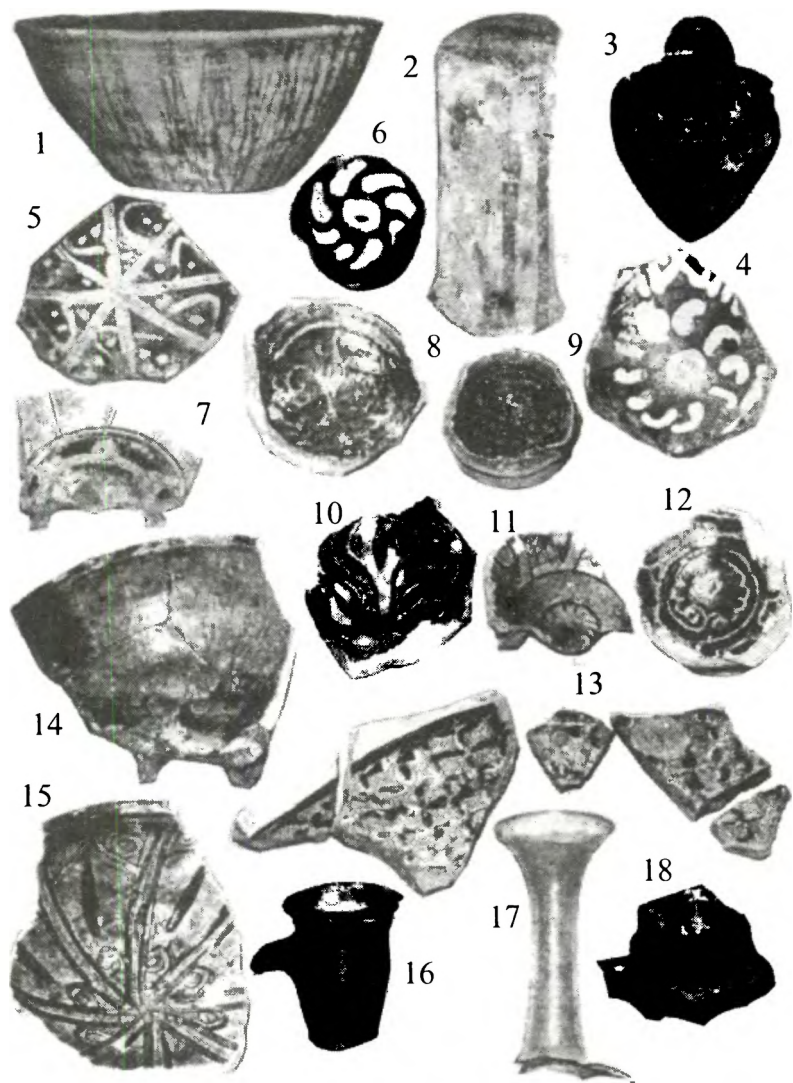

Рис. 7. Находки из раскопок (яма 4) в фондохранилище археологии в 1996 г.

белой краской (Рис.7,2), фрагменты двух однотипных сероглиняных сфероконусов с врезным штампованным “семечковым” орнаментом (Рис.7,3), части (в основном, днища) чаш с росписью белым ангобом под зеленой (Рис.7,4,5) и бесцветной (Рис.7,6) поливой, с поангобной гравировкой и выскабливанием фона под бесцветной поливой на внутренней стороне и зеленой - на внешней (Рис.7,7), с поангобной гравировкой под зеленой поливой (Рис.7,8-12), фрагменты блюда с поангобной гравировкой и бихромной росписью зеленым и темно-коричневым (Рис.7,13), полные профили пиал без орнамента (Рис.7,14) и с поангобной гравировкой (Рис.7,15) под желто-коричневой поливой, фрагменты закопченного с внешней стороны светлоглиняного горшка с желтовато-салатной поливой непосредственно по черепку на внутренней стороне (Рис.6,7), горло афтобы с зеленой поливой (Рис.7,16) и фрагмент горла трехручного кувшинообразного сосуда (Рис.7,18), горло графина из тонкого, прозрачного слегка зелено-ватого стекла (Рис.7,17).

Литература.

Перевозчиков В.И. 1997. Раскопки во дворе Азовского краеведческого музея в 1994 году // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1994 г. Вып.14. Азов.

В.В. Потапов

Раскопки курганов в Аксайском районе Ростовской области.

В сентябре-октябре 1996 года отрядом экспедиции Археологического научно-исследовательского бюро, на территории Аксайского района Ростовской области, проводились раскопки курганов, попадающих в зону капитального ремонта участка газопровода Краснодарский край - Серпухов. Работы финансировались Ростовской ПМК-2 “Мострансгаз”

Один из двух исследованных курганов входил в состав могильника Октябрьский-II, расположенного в 2,6 км севернее х.Октябрьский, в 1 км южнее края высокой надпойменной террасы правого берега р.Тузлов. В 1993 и 1995 годах автором уже прово-

дились раскопки на этом памятнике. Курган N 5, исследованный в 1996 году, содержал двенадцать могил. Первоначальная насыпь возведена над погребением N 4, представлявшим собой удлиненную яму, перекрытую каменными плитами, на дне которой были обнаружены компактно уложенные фрагменты ноги, руки и лопатки человека. Погребение, предположительно, относится к эпохе энеолита - ранней бронзы. Эпоха средней бронзы представлена десятью катакомбными могилами. Над одной из них (N 11) была возведена досыпка в северной поле кургана. Стратиграфические наблюдения позволили установить, что расположенные в том же секторе кургана погребения 8 и 9 позже погребения 11. По-видимому, этот вывод можно распространить и на остальные среднебронзовые могилы. Особенностью погребальных конструкций является использование камня для перекрытия входа в камеру (4 случая) и для забутовки входного колодца (1 случай). В двух катакомбах отсутствовали как костяки, так и находки, в одной было исследовано парное захоронение, в другой - тройное. Погребенные уложены либо на спину, либо на правый бок, умеренно скорчены, ориентация неустойчивая. Инвентарь представлен горшками, реповидным сосудом, жаровнями и деталями веревочных браслетов. Эпоха поздней бронзы представлена одним безынвентарным захоронением.

Второй курган был исследован на могильнике Аглицкий I, где в предыдущем году уже проводились раскопки. Могильник вытянут по краю надпойменной террасы правого берега р.Акса́й на протяжении 7 км. Раскопанный курган располагался в 0,8 км к северо-востоку от х.Александровка. Он содержал двенадцать погребений, относящихся к эпохам ранней и средней бронзы. Пять ямных захоронений, из которых погребение 10 является основным для кургана, были совершены в неглубоких прямоугольных и трапезиевидных ямах. Погребенные были ориентированы в западный и северный сектор. Лишь в коллективном погребении (N 3) один из трех покойников был уложен головой на северо-восток. Все они в разной степени скорчены на спине или правом боку. Инвентарь представлен фрагментами сосуда и двумя кремневыми сколами. Остальные могилы относятся к катакомбной культуре эпохи средней бронзы. Ориентация погребенных различна, они, как в ямных могилах, слабо и среднескорчены на

спине или правом боку. Одно захоронение - парное. Находки вещей ограничиваются одним лепным горшком, жаровней и бронзовыми обоймочками.

Т.А. Прохорова

**Раскопки некрополя на Беглицкой косе
в 1995 г.**

В 1995 г. были продолжены спасательные раскопки на Беглицком некрополе, расположенном на южной окраине с. Беглицкая Коса (17 участок) Неклиновского района Ростовской области (Рис. 1). Работы собирались финансировать три организации: Департамент культуры и искусства Ростовской области, администрация г. Таганрога и Институт археологии РАН, о чем были заключены соответствующие договоры. Работы на памятнике включены в целевую программу "Сохранение археологического наследия народов Российской Федерации" на

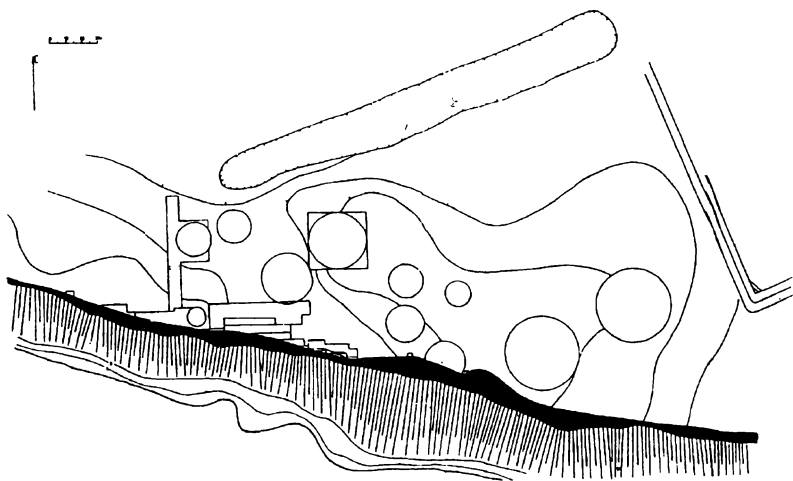

Рис. 1. План Беглицкого некрополя. Черным обозначен участок, обвалившийся за период 1990-1995 гг.

1995 г. в рамках федеральной программы “Сохранение и развитие культуры и искусства” Полевые работы были проведены на средства, перечисленные администрацией Таганрога в сумме 12,5 млн. руб. Затем финансирование прекратилось, хотя департамент культуры и администрация Таганрога обещают погасить задолженность. Исследованная площадь составляет 1006 кв.м.

Работы велись на раскопах XVI и XVII. Раскоп XVI состоял из двух площадей, размером 5х4 м, расположенных на краю обрыва, которые копались вручную, и четырех траншей, пробитых с помощью бульдозера. На стыке площадей 1-2 было исследовано погребение 1, совершенное в катакомбе. Глубина 2,34 м. Погребение ограблено. В заполнении найдены фрагменты лепной и амфорной керамики, желтая глазчатая пастовая бусина. Погребение датируется IV-III вв. до н.э.

Траншея I имела длину 50 м. В траншее исследованы погребения 5, 9, 10, 11. Погребение 5 представляло собой катакомбу глубиной 3,43 м и тоже ограблено. В заполнении найдены обломки светлоглиняного закрытого сосуда, украшенного полосками, нанесенными черным лаком, фрагменты стенок гераклейской и фасосской амфор. Железный топор, использовавшийся в ритуальных целях, железные трехлопастные наконечники стрел, костяная ворворка, глиняное пряслице, желтая пастовая пронизь, обломки зернотерки. Погребение датируется IV в. до н.э.

Погребение 9 совершено в простой грунтовой яме. Глубина - 1,26 м. Погребенный - подросток, лежал в вытянутом положении на спине, головой был ориентирован на запад. Около черепа обнаружены серьги. В районе шеи, груди, запястий были обнаружены бусы. Около правого запястья найдено проволочное серебряное колечко. Кроме того в погребении обнаружены: створка раковины-перловицы, ножка чернолакового сосуда, которая служила в качестве игрушки, бронзовый наконечник стрелы, лепной горшок, астрагал. Погребение датируется IV в. до н.э. Около погребения зафиксирован поминальный комплекс из стоящих на ребре камней.

Погребение 10 совершено в катакомбе с каменным закладом входа в камеру. Глубина - 1,39 м. Погребенный младенец, от костяка которого осталось лишь несколько зубов. Инвентарь:

красноглиняный кувшин с отбитым горлом, бусы, раковина морского моллюска, бронзовый наконечник стрелы. Погребение датируется второй половиной V в. до н.э.

Погребение II. Яма не прослеживалась. Глубина - 1,13 м. Захоронение детское. Погребенный был ориентирован на ССВ. Инвентарь: лепной горшок. Погребение датируется VIII-X вв.

Траншея II имела длину 50 м. В бровке между траншеями I и II обнаружено погребение 4. Глубина - 0,80 м. Яма не прослежена. Погребение детское. Разрушено норой. Инвентарь: три лепных сосуда, два чернолаковых канфара, две ножи от чернолаковых сосудов, красноглиняный кувшинчик, нижняя часть сероглиняного закрытого сосуда, бронзовая подвеска. В норе найдены бусы, бронзовая бляха конской сбруи, серебряный проволочный браслет, серебряная и бронзовая подвески. Погребение датируется IV в. до н.э.

Непосредственно в траншее исследовано погребение 3. Глубина - 1,46 м. Могила подбойного типа - фактически, земляной склеп. В обширном подбое обнаружены кости трех женщин. Кости потревожены, очевидно при подхоронении. Головой ориентированы на запад. Инвентарь: серебряная серьга с напускной бусиной, бусы, глиняное пряслице. Погребение датируется IV-III вв. до н.э.

Погребение 6. Глубина - 1,72 м. Погребение полностью ограблено. Яма странной конфигурации, испорчена грабителями (?).

Погребение 8. Глубина - 1,92 м. Захоронение совершено в катакомбе. Ограблено. В заполнении обнаружены горло гераклеиской и ножка херсонесской амфор, колчаный железный крюк, свинцовая пронизь. Погребение датируется концом IV - серединой III вв. до н.э.

Траншея III имела протяженность 55 м. В траншее обнаружены погребения 2 и 7. Погребение 2 разрушено. На глубине 0,73 м был обнаружен череп.

Погребение 7. Глубина - 1,41 м. Могила подбойного типа. Погребенный - подросток, лежал вытянуто на спине, головой был ориентирован на запад. Инвентарь: лепной горшок, глиняное пряслице, астрагал. Погребение датируется VIII-X вв.

В восточной части траншеи обнаружен участок крепиды кургана 8. Этот участок законсервирован.

Траншея IV имела протяженность 25 м. Участок оказался насыщенным.

Погребение 12. Глубина - 0,96 м. Яма не прослежена. Погребение детское, от костяка остались только зубы. Инвентарь: нижняя часть чернолакового канфара, бусы. Датируется IV в. до н.э.

Погребение 13. Глубина - 1,61 м. Могила катакомбного типа. Вход в камеру был заложен длинными костями и черепами лошади и коровы. Погребение ограблено. Инвентарь, найденный в заполнении: серебряное и бронзовое височные кольца, бусы, костяной и бронзовый наконечники стрел, глиняное пряслице. Погребение датируется IV-III вв. до н.э. Рядом с могилой обнаружен поминальный комплекс.

Погребение 14. Глубина - 2,20 м. Могила катакомбного типа. Ограблена. В заполнении найдена бронзовая проволоочная серьга, бусы, обломок ножа. Погребение 14 стратиграфически более раннее, чем погребение 15. Рядом с могилой располагался каменный поминальный комплекс.

Погребение 15. Глубина - 1,61 м. Могила катакомбного типа, вход был заложен камышом. Костяк женщины лежал вытянуто, на спине, на дне камеры. Погребенная была ориентирована на запад. Инвентарь: серебряная серьга, колчанный набор, представленный бронзовыми и железными наконечниками стрел, железный колчанный крюк, железная пряжка, так называемая сюльгама, железный веретенообразный стержень, железная заготовка. Погребение датируется концом V - началом IV вв. до н.э.

Погребения 1, 3-5, 8-10, 12-15 оставлены оседлым скифским населением. Погребения 7, 11 принадлежат, надо полагать, кочевникам булгарам.

Раскоп XVII располагался на краю обрыва, состоял из шести площадей, размером 5х5 м и 5х4,75 м. На площадях 3-5 обнаружены камни крепиды обвалившегося кургана 6. Работы велись вручную.

Кроме того, на краю обрыва в восточной части некрополя было доследовано частично уже обвалившееся погребение. Инвентарь и кости обнаружены не были.

Археологическая разведка на р. Маныч

Поселок Юловский Сальского района Ростовской области расположен в устье реки Юлы, впадающей в реку Маныч. Обнаруженная стоянка древнего человека находится на расстоянии 3 км от поселка, на крутом берегу реки Маныч. Долина реки Маныч сложена верхнечетвертичными морскими отложениями. В рельефе прослеживается пойма и две надпойменные террасы. Пойма почти полностью затоплена водами Веселовского водохранилища. Древняя долина реки достигала 20 км ширины. Геологическая история долины неразрывно связана с трансгрессиями и регрессиями южных морей. По Кумо-Манычской впадине осуществлялся сток каспийских вод в бассейн Черного моря. Каспийское море, соединенное с Черным посредством Манычского пролива, представляло собой единый водоем. В послеледниковье, в результате поднятия Зунд-Галгинского порога на Маныче, сток вод прекратился и Манычский пролив распался на ряд озер. Около шести тысяч лет назад связь двух морей окончательно прерывается. В долине накопилось песков и глин от 6 до 18 м толщины. Гумусный слой равен 30-40 см.

Стратиграфия памятника четко прослеживается в вертикальном береговом обрыве, высота которого достигает шести метров. Длина памятника равняется примерно 60 м. Под двухметровым слоем суглинка прослеживается слой суглины с известково-гумусными вкраплениями толщиной 1-1,5 м. Слой понижается в балку, расположенную севернее памятника, и смешивается с аллювиальными отложениями. В этом слое обнаружено очажное пятно длиной 1,5 м и толщиной около 2 см. Вокруг очага в обрыве найдены кусочки обожженной глины и ислевшая растительность, возможно, следы ветрового заслона или шалаша. Кусочки обожженной глины, видимо, остатки от обкладки очага. По обе стороны очага в обрыве найдены кремневые отщепы, ножевидные пластины, фрагменты костей. Основная масса находок сделана под обрывом. Следует сказать, что левобережье Маныча подвержено разрушению в силу климатических и географических условий, отход суши за год иногда достигает трех метров. Манычские воды, размывая

глинистые глыбы, вымыли кремневые отщепы и сколы, орудия труда, сланцевый предмет, вероятно, служивший пестиком. Концентрация найденного кремневого инвентаря позволяет говорить о стоянке-мастерской первобытного человека. Инвентарь относительно однородный, преобладает темно-серый кремнь. Отщепы и сколы массивны (от 2 до 10 см), встречаются сколы с желвачной коркой, часть которых побывала в огне (для этих отщепов и сколов характерны помутнения и трещины). Судя по ним, обработкой кремня поселенцы занимались у очага. Три одноплощадочных нуклеуса (Рис.1,2-4). Среди орудий труда преобладают ножевидные пластинки от 2 до 8 см длиной. Всего найдено 23 ножевидные пластины (Рис.1,10-12). Обнаружено 16 экземпляров скребков. Выделяются концевые скребки, изготовленные из тонких пластин шириной около 1 см и длиной 8 см (Рис.1,7-9). Все скребки имеют одностороннюю ретушь. По своей форме и размерам они разнообразны. Рабочие края оформлены крупными фасетками (Рис.1,17-19). Два заостренных пластинчатых скола удлиненной формы не ретушированы (Рис.1,15-16). Продолговатый сланцевый предмет со следами отработки, вероятно, служил пестиком (Рис.1,1). Найдена каменная плитка с характерными царапинами следами работы на поверхности (Рис.1,20). По краям она грубо оббита и зашлифована. Интересен обломок овальной формы диаметром 3 см, с просверленным внутри отверстием диаметром 1,5 см, изготовленный из песчаника (Рис.1,5). Найден кусочек краски охры (Рис.1,6). Встречаются также фрагменты костей.

Анализируя количественное соотношение орудий труда и отходов производства - сколов и отщепов, этот памятник следует рассматривать как стоянку-мастерскую. Функциональная направленность орудий труда говорит о том, что они изготавливались для обработки туш и шкур мелких и крупных животных. Что касается хронологии данного памятника, то можно предположительно отнести его к эпохе позднего палеолита. Определить культурную принадлежность автор затрудняется. Несомненно, сделанные выводы предположительны, ввиду недостаточности материала, что оставляет надежды на дальнейшее комплексное исследование памятника. Однако, уже имеющийся материал проливает свет на древнюю историю Приманьчя.

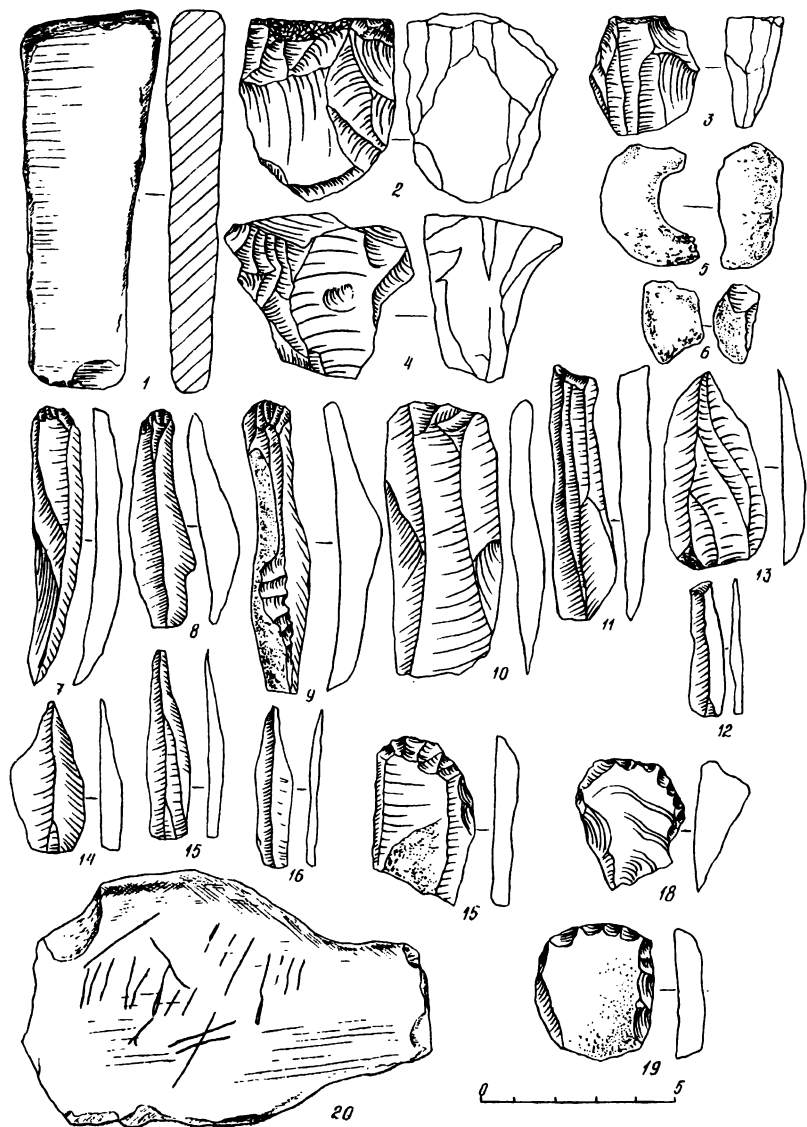

Рис. 1. Инвентарь стоянки древнего человека (обнаружена на расстоянии 3 км от пос. Юловский Сальского района Ростовской области)

**Археологические исследования на острове Поречный в
1995-97 гг.**

На протяжении трех полевых сезонов продолжались исследования памятников археологии на острове Поречный Усть-Донецкого района Ростовской области.

Могильник Матюхин Бугор раскапывался в 1995 и 1997 годах.

На площади Раскопа-1, в квадратах Ч-16 и Ш-18, было выявлено 12 погребений. Погребение 31 относится к катакомбной культуре; 25, 26, 29 - к срубной; 33 - к раннему железному веку; 22, 24, 27, 28 - к болгарскому варианту салтово-маяцкой культуры; 23 (безы Inventарное) - к эпохе развитого или позднего средневековья.

Инвентарь представлен: в погребениях эпохи бронзы подвеской в полтора оборота и сосудами; раннего средневековья - лепной, кружальной и серолощенной керамикой, деталями конской упряжи, ножом и клыком кабана.

Уникальным явлением для могильников болгарского варианта салтово-маяцкой культуры являются выявленные нами два случая прямой стратиграфии, отражающие не только факт хронологического разрыва между комплексами, но и смену погребального обряда.

С функционированием раннесредневекового могильника связаны остатки жертвоприношений, представленные черепом коня, скелетом лисы и погребением подростка (28). Обряд жертвоприношения животных и людей широко представлен в могильниках салтово-маяцкой культуры как на Дону, так и за его пределами.

Многолетний опыт работы на могильнике с супесчаными сложными грунтами, заставил нас отказаться от традиционной методики раскопок: вскрытие очередного слоя на глубину одного штыка лопаты с последующей зачисткой дна раскопа.

Использование методик углубления раскопа горизонтальными зачистками, в сочетании с более тщательной фиксацией находок и границ выявляемых конструкций, принесло положительный результат. Впервые на могильнике, в квадрате Ш-18 на фоне

относительно однородного супесчаного грунта удалось выявить в плане часть кольцевого рва эпохи бронзы и контуры сруба погребения 32.

С культурным слоем казачьего поселения, перекрывающим могильник, связаны находки фрагментов костей животных и керамики, выполненной на быстром гончарном круге.

В 1996 году нами был обследован участок острова и урочище “Дубовая Лука”. Основной объем работы выполнили студенты педагогического училища г. Зимовники в период прохождения археологической практики под руководством ст. преподавателя Лушина В.Г. Визуальный осмотр местности не дал подъемного материала. Методом шурфовки было выявлено однослойное поселение сезонного характера. Обнаруженные скромные следы жизнедеятельности происходили из верхней части древнего почвенного слоя, перекрытого свитой супесчаных и песчаных прослоек намывного происхождения. С поселением связаны линзы двух кострищ, остатки обугленных деревянных конструкций жилища, фрагменты керамики и костей животных; древесные угольки, рассеянные по поверхности погребенной почвы.

Выявленные находки не дают нам веских оснований для определения культурной принадлежности поселения; последняя может быть установлена лишь в результате проведения необходимых, гораздо больших по объему работ.

Н.М.Фомичев.

Археологическая экспедиция на острове Уэссан.

От редакции.

Развитие научных связей с зарубежьем, совместная работа в экспедициях и на конференциях с иностранными коллегами питает донскую археологию новыми впечатлениями, помогает осмыслить не только опыт, полученный в процессе такого общения, но и по-иному оценить привычную местную повседневность, увидеть плюсы и минусы дальних стран и родных мест, сравнить методики и полученные результаты. Редколлегия считает возможным поместить в сборник неформальные заметки старшего

научного сотрудника Азовского краеведческого музея Николая Михайловича Фомичева о впечатлениях от научной командировки во Францию летом 1997 г. Мы призываем всех археологов области поддержать эту рубрику и в дальнейшем публиковать краткие впечатления о научных поездках за рубеж в наших изданиях.

С 1995 г. Азовский и Ростовский музеи и культурный центр “Аббатство Даулас” вели совместные археологические исследования. Археологи музеев в течение трех полевых сезонов имели возможность работать в экспедициях, проводящих исследования в г.Кампере, аббатстве Ландевенек и на острове Уэссан, расположенных в северо-западной Бретани на побережье Атлантического океана.

Систематическое изучение археологических памятников на западе Бретани началось в 1970 г. В 1983 г. по решению Генерального Совета департамента Финистер, в г.Кампере, была создана муниципальная археологическая служба. В 1990 г. эта служба была преобразована в Центр Археологических исследований Финистера. Директором этого центра является Жан Поль Ле Биан. С 1989 г. он исследует многослойное поселение Мез Нотариу, расположенное в центре острова Уэссан. Самые древние находки на этом поселении относятся к эпохе неолита. Во второй половине II тысячелетия до н.э., здесь существовал большой поселок с каменным домостроительством. В раннем железном веке, в период гальштата, лагэна и римского времени большое влияние на жизнь местного населения оказывали исторические процессы, происходившие на материке. Известны здесь находки раннего средневековья. В настоящее время археологические раскопки на Уэссане производятся на муниципальном участке земли городка Ламполь. Археологического музея здесь нет.

Состав экспедиции в течение полевого сезона достигает 25 человек. В 1997 году в ее работе принимали участие штатные сотрудники Центра археологических исследований Финистера: Жан-Поль Ле Биан - руководитель; Ивон Ле Биан; Жан-Франсуа Виллард - фотограф (он же занимался ведением полевой документации); Ян-Лан Гоалик - инженер и программист, он спроектировал и изготовил фотоштативы для панорамного фото-

графирования раскопов. Второй год приезжает на Уэссан изучать керамику Жюлья Руссо-Ларок, директор научно-исследовательского института из города Бордо, специалист по культурам бронзового века Западной и Центральной Европы. Кроме того, здесь работали студенты различных вузов Франции.

Для размещения экспедиции были арендованы помещения Орнитологического центра, в котором имеются спальные комнаты, холл с камином, кухня, душевые с туалетами, фотолаборатория. В двух просторных помещениях археологи занимались камеральной обработкой керамики, трудились над полевой документацией и зарисовкой находок.

Вход на раскоп посторонним воспрещен. Об этом оповещает надпись на щите с фотопанорамой общего вида работ, поставленном перед въездом на территорию памятника. Отношение местных жителей и туристов к древностям таково, что позволяет оставлять раскопы открытыми даже при отсутствии археологов. Рядом поставлен передвижной металлический домик для хранения инструментов и оборудования, состоящий из двух помещений с окнами, закрываемыми железными ставнями. В домик подведено электричество, есть телефон. В одной комнате стоит рабочий стол для чертежных работ и компьютера, в другой - хранится археологическое оборудование: пылесосы, компрессоры и археологический инвентарь. Тачки складываются у домика. Для работы пылесосов и компрессоров подведен электрокабель с распределительным щитком. На участке установлен огромный передвижной фотоштатив в виде крана. В работе наши коллеги применяли стационарные компьютеры "Макинтош", "Нотебуки" и фотоаппараты "Минолта" и "Никон". Люди и оборудование перевозились на легковых автомобилях. Хорошее впечатление производит бережное отношение к археологическому оборудованию и инвентарю.

График рабочего дня спланирован с учетом максимального использования светового времени для археологических раскопок. Завтрак - с 8.00 до 8.30, работа на раскопе - с 9.00 до 18.00, с перерывом на обед с 12 до 14, ужин - с 19.00 до 21.00 часов. В субботу работа продолжается до обеда, в воскресенье - выходной. После ужина до наступления темноты остается около часа, однако руководящий состав экспедиции нередко работает до 23.00 часов,

занимаясь разборкой и камеральной обработкой находок, доработкой полевой документации и фотоработами. Руководитель экспедиции работает в постоянном напряжении, ведь ему, помимо руководства раскопками, еще приходится встречать и провожать различные делегации и отдельных гостей. Мы были свидетелями посещения раскопок большой китайской делегацией от ЮНЭСКО и делегацией муниципалитета острова Уэссан.

По прибытии на раскоп каждый сотрудник берет в домике трюэль, совок, полиэтиленовое ведро, щетку, поролоновую прокладку, чтобы было удобно в случае необходимости стоять на коленях. Археологи разматывают электрокабели и подсоединяют их от распределительного щитка к компрессорам и пылесосам, к раскопам подгоняют тачки. Перед началом работы Жан-Поль ставит задачу на день, инструктирует, как нужно копать, объясняет назначение раскапываемых комплексов, высказывает свои гипотезы и предположения.

В 1997 г. работы на поселении Мез Нотариу проводились большими площадями на двух раскопах. Лето было засушливым, но изредка моросящий дождик хорошо размачивал культурный слой, что позволяло легко работать трюэлями и тяпками. На каждом раскопе работали по 10 - 12 человек. При помощи параллельных шнуров каждый раскоп был разбит на несколько полос шириной один метр, затем с помощью длинных гвоздей были размечены квадраты 1 м x 1м. В центре каждого квадрата также был вбит гвоздь. По мере углубления раскопа гвозди забивались глубже. Культурный слой исследовался по пластам толщиной 5 см. Каждый пласт соскабливался с помощью трюэлей - маленьких лопаточек-мастерков. Иногда для работы использовались тяпки (в отличие от лопаты ее преимущество заключается в том, что при зачистке тяпкой прослеживается горельефность слоя).

Грунт между камней, разрыхленный трюэлем, собирается с помощью пылесоса. Для расчистки каменных сооружений, отдельных камней, скоплений керамики и раковин моллюсков применяются компрессоры, мощностью в восемь атмосфер. Пылесосами и компрессорами производится и зачистка раскопа для фотографирования. На каждом квадрате находки собирают в полиэтиленовые кульки, керамику и кости отдельно друг от друга. В кулек вкладывается этикетка.

Прежде коллеги Жан-Поля делали полевые чертежи на миллиметровке. Однако, в последние годы они перешли на новый метод фиксации. Сделанные в определенном масштабе фотографии всего раскопа или отдельных его объектов переводятся на специальную кальку, с нанесенной на ней сеткой квадратов. Таким образом, фиксируют как общие планы всего раскопа, так и планы отдельных комплексов. Для съемок небольших площадей используется простой фотоштатив, который французские коллеги называют “моноподом” Это самодельная, собранная из нескольких алюминиевых колен штанга, закрепляемая внизу в массивной треноге с противовесом. На самом верху штанги - кронштейн для прикрепления фотоаппаратов. Все фотоаппараты имеют дистанционное управление. Такое приспособление требует помощи 3-4 человек. Панорамные фото больших горизонтальных площадей раскопа производятся с помощью специально изготовленной сложной конструкции в виде передвижного крана, которую мы условно называем “сложным моноподом” Он представляет из себя мощную прямоугольную станину на четырех домкратах с несколькими тяжелыми свинцовыми противовесами. На этой станине закреплена подвижная эстакада с выдвижными алюминиевыми лестницами, которые можно раздвигать с помощью веревочных тросов. Наверху этой конструкции закрепляется штатив с зажимами для фотоаппаратов. Передвижение такого монопода производится с помощью 10-12 человек. Помимо этого, для фотосъемок используются небольшие раздвижные алюминиевые лестницы. Фотографии раскопов бывают готовы уже в день съемки. Стереодфотографий, просматриваемые через стереоскопы, позволяют увидеть объемное изображение каменных конструкций, необычных комплексов и находок во взаимосвязи друг с другом.

Наши коллеги много экспериментируют. Сведения о слоях вводятся в компьютер по программе “Эппл” Компьютер вычерчивает конфигурацию слоя в горизонтальной и наклонной проекциях. Как и на полевых чертежах, каждый слой или прослойка окрашиваются одним определенным цветом. Затем такие слои или прослойки можно рассматривать на экране компьютера в разных проекциях (ракурсах), и, в частности, как слои перекрывают друг друга, как они соотносятся между собой

стратиграфически.

Мойку и сортировку находок производят отдельно. За длинный стол садятся несколько человек с удобными, подквадратной формы, небольшими тазиками с водой. С помощью зубных щеток находки отмываются от грязи, затем просушивают, сортируют и снабжают этикетками. Фрагменты керамики от одного сосуда сразу же подклеивают, а наиболее интересные предметы тут же зарисовывают для публикации. Для реконструкции профиля сосуда применяются конформаторы. Это чертежный прибор, применяемый в работе скульпторами. Он состоит из двух скрепленных на концах пластинок, между которыми заложены подвижные спицы. Прижимая конформатор спицами к сосуду, получают довольно четкий его профиль.

В конце полевого сезона открытые и недоисследованные площади раскопок накрывают прочной полиэтиленовой пленкой, которую закрепляют на поверхности раскопа крупными камнями и деревянными щитами. Во избежание механических повреждений отдельные объекты обкладывают мягкими поролоновыми подушками и прикрывают сверху пленкой. В таком состоянии они остаются до начала следующего полевого сезона.

Жан-Поль Ле Биан утверждает, что методика раскопок - это целая археологическая философия. Постепенно консолидируя штат специалистов, обзаводясь оборудованием и инструментом, приборами и техникой, экспедиция целенаправленно совершенствует методику раскопок.

В. М. Косяненко

Зооморфная керамика некрополя Кобякова городища: искусство и магия

На Кобяковом городище I-III в н.э. (восточная окраина г. Ростова-на-Дону) в 1955-1962 гг. были открыты мастерские по изготовлению керамики: гончарные печи, глинища и свалки бракованной посуды [1, с.34; 2]. Кобяковский производственный центр, сложившийся, в основном, под влиянием кубанского гончарства, со временем приобрел свой особый колорит [3, с.37], одной из отличительных черт которого была вариативность изделий. Это, прежде всего, касается такой сложной керамической формы, как кувшин. Среди кувшинов была выделена группа изделий с зооморфными ручками, морфологические признаки, нестандартность форм и деталей которых, а также их хронология, изложены мною в предыдущих работах [4; 2, с. 12-17].

Однако, из-за ограниченного объема статей, ни в одной из работ по Кобяковской керамике, не стали центром внимания художественные особенности формирования зооморфных ручек и их смысловая нагрузка. Это тем более важно, что Кобяковская керамика не изобилует художественными деталями.

Перейдем к описанию зооморфных ручек.

На небольшом кувшинчике из погребения 17/1958 [4, рис. 1; 2, рис. 6,1] фигурка-ручка крепилась в трех местах: головой к горлу и конечностями к верхней части тулова. Голова животного удлинено-вытянутой формы, на ней подчеркнута большие круглые лепешки-глаза. Тело вытянутое, слегка изогнутое, в разрезе округлое, плавно переходящее в нижние конечности, и небольшой торчащий выступ-хвост. Передние и задние конечности сдвоены. Ручка заглажена и заложена узкими продольными полосами (Рис. 1,1,2).

Ручка на кувшине из погребения 27/1962 [2, рис. 6,3] также прикреплена в трех частях. На удлиненной голове подчеркнуты стоячие закругленные уши. Сложно моделировано тело животного: округлое в верхней части, оно затем уплощается с боков и

становится выпуклым в центре, а затем опять закругляется в нижней части и плавно переходит в сдвоенные задние конечности. Передние переданы в такой же манере (Рис. 1,3,4).

Туловище животного на ручке кувшина из погребения

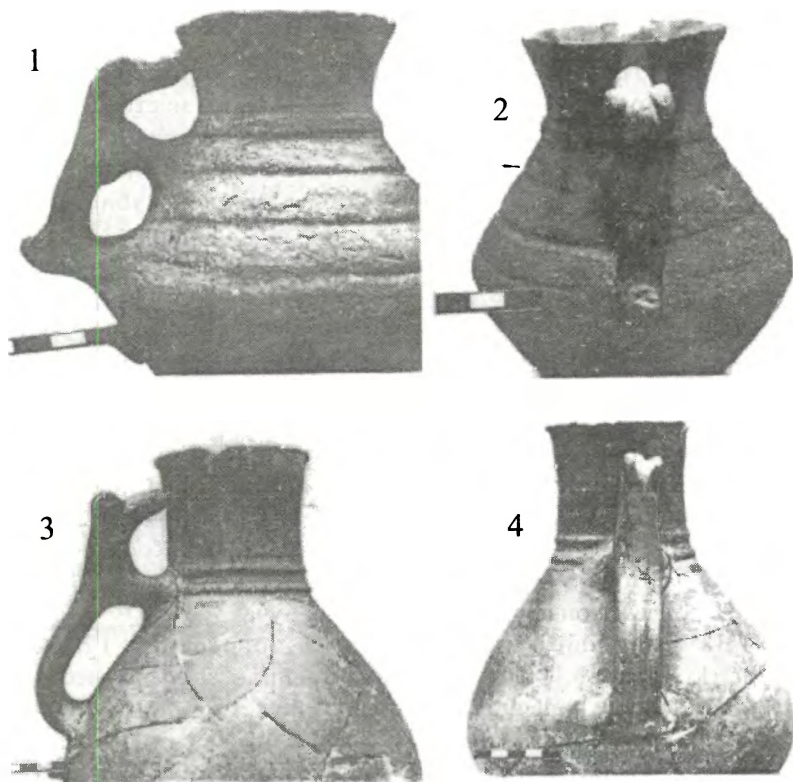

Рис. 1.

1 - профиль ручки, п.17/1958; 2 - вид ручки сверху, п. 17/1958;

3 - профиль ручки, п. 27/1962; 4 - вид ручки сверху, п. 27/1962.

28/1959 [4,3; 2, рис. 6,2] почти четырехгранное в сечении, прогнуто в передней части, плавно переходит в сдвоенные задние конечности. Передние ноги также сдвоены. По спине, бокам и задним сдвоенным конечностям проходят продольные желобки. Непропорционально вытянутая голова, в нижней части, как бы

отвисает. На ней расположены стоячие округлые уши и маленькие круглые лепешки-глаза. Такая же лепешка помещена на нижней части спины, видимо, имитирует хвост (Рис. II, 1, 2).

Аналогичная трактовка тела животного имеется на ручке

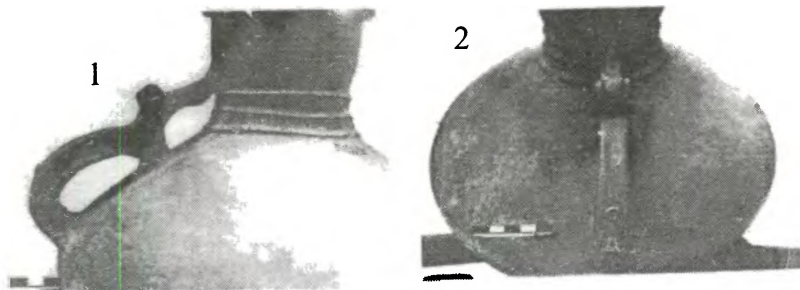

Рис. II.

1 - профиль ручки, п. 28/1959; 2 - вид ручки сверху, п. 28/1959.

кувшина из погребения 14/1960 [2, рис. 6, 5], На сохранившейся части отличия: под головой на спине круглая лепешка, а хвост в виде длинного продолговатого налета (Рис. III, 1). У животного на кувшине из погребения 11/1959 [4, рис. 2; 2, рис. 7, 1] небольшая

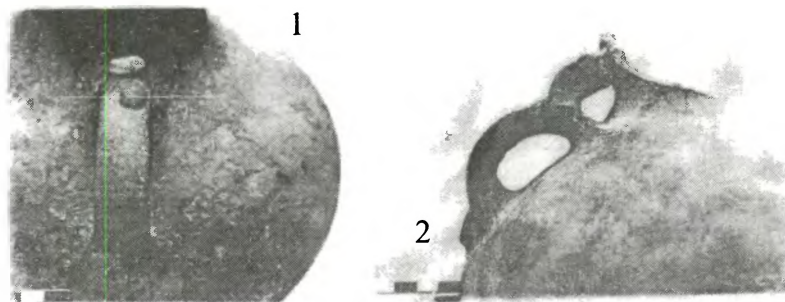

Рис. III.

1 - вид ручки сверху, п. 14/1960; 2 - случ. находка 1960 г.

удлиненная голова, округлые стоячие уши, туловище подпрямоугольное в сечении, в верхней части спины продольно сдавлено и образует гребень, переходящий между ушами в канавку, и в

круглую в сечении остальную часть тела животного. В месте перехода туловища в задние сдвоенные конечности помещена круглая лепешка - "хвост" Передние ноги также соединены вместе (Рис. IV,1,2).

На ручке кувшина, случайно найденном при земляных

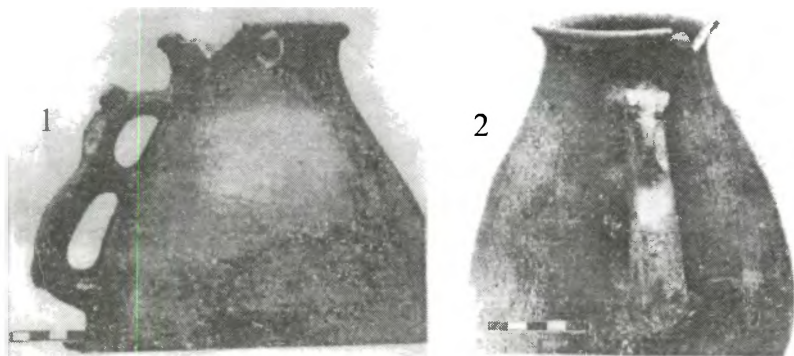

Рис.IV

1 - профиль ручки, п.11/1959; 2 - вид ручки сверху, п. 11/1959.

работах на поверхности могильника в 1960 г [2, рис. 6,4], просматривается небольшая головка с круглыми лепешками-глазами, четырехгранное в сечении туловище, изогнутое в средней части и имеющее продольную канавку по спине. В переходе фигурки в тулово сосуда прикреплен продольный налеп-хвост. Конечности трактованы в уже известной манере (Рис. III,2).

Морфологически от предыдущих отличается изображение животного на ручке кувшина, случайно найденного на могильнике в 1966 г. при строительных работах. Здесь каждая нога изображена отдельно, конечности широко расставлены и края их округлены. Голова и туловище круглые в сечении, уши переданы в форме продолговато-округлых выступов (Рис. V,1,2). Помимо могильника, обломки кувшинов с зооморфными ручками происходят и из культурного слоя городища. В основном они повторяют полностью или отдельные элементы ручек подобных кувшинов, открытых в погребениях [5; с. 40, рис. 9,1,2](Рис. VII,2; X,1,2). Как мною отмечалось, зооморфность распространялась и на кувшины с другими морфологическими качествами, в том числе

и на ручки-петельки [3, с.24; с. 18, рис. 7,3-11]. Обычно это подчеркивалось небольшими, но выразительными деталями (Рис. VI,1,2; Рис. VII,1,3). На ручке, найденной в культурном слое в 1962 году, и представляющей удлиненную петлю, помимо небольшого выступа-хвостика, выполнена удлиненно-заостренная объемная голова с двумя округлыми выступами-ушами (Рис. VI,3,4). Подобный реализм изображения на ручке-петельке обнаружен впервые.

В редкой манере изображено животное на фрагменте, найденном в хозяйственной яме на городище в 1955 году.

Ручка сохранилась частично, но можно определить, что тело и голова животного были округлые в сечении, ноги изображены отдельно расставленными, стоячие уши подпрямоугольной формы. Впервые встречены налепы в форме пирамиды из круглых лепешек, расположенной за головой на туловище. Лощение полосчатое (Рис. V,3).

Редкими являются и ручки с изображением барана. Они обнаружены только на городище в 1962 г., в слое II - нач. III вв. н.э. [4, рис.4]. На одной ручке голова и тело животного круглые в сечении, морда короткая, на которой подчеркнуты круто загнутые рога. Ручка крепилась к сосуду в трех местах. На поверхности вдоль ручки, сохранились лощенные полосы.

Второе изображение барана более реалистичное, но,

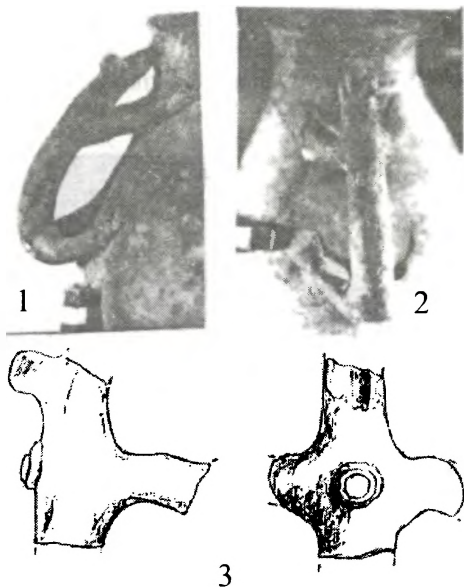

Рис.V

1-профиль ручки, случ. пах. 1966 г.;
2-вид ручки сверху, случ. находка
1966 г.; 3-ручка из ямы, городище
1955 г

к сожалению, сохранилась только голова и небольшая часть туловища. Голова удлинённая, тщательно проработана, на ней изображены круглые лепешки-глаза и мощные, красиво изогнутые,

Рис. VI.

1 - профиль ручки, случ. находка 1957 г.; 2 - вид ручки сверху, случ. находка 1957 г.; 3 - профиль ручки, городище 1962 г.; 4 - вид ручки сверху, городище 1962 г.

рога. В отличие от всех ручек сероглиняных кувшинов, эта выполнена из красноватой глины и хорошо залощена.

В результате исследования зооморфных ручек можно отметить, что они являются деталью, украшающей кувшины, т.е. художественным дополнением к его форме. Зависимости

типологически одинаковых зооморфных ручек с определенной формой кувшина не наблюдается, правда у нас нет и достаточно больших серий морфологически близких кувшинов с зооморфными ручками. Можно лишь отметить, что наиболее реалистичные фигурки животных крепились к кувшинам, на которых ручка и зверек сливались в единое целое, ноги изображения становились креплением ручки, а голова, прикрепленная к горлу сосуда, упором для руки человека при пользовании посудой.

На кувшинах с другими ручками (вертикальные и ручки-петельки) присутствуют лишь схематичные зооморфные детали [3, с.9] (Рис. VIII,1,2; Рис. IX,1,2). Отмечая зооморфные ручки, как художественный элемент местной сероглиняной керамики

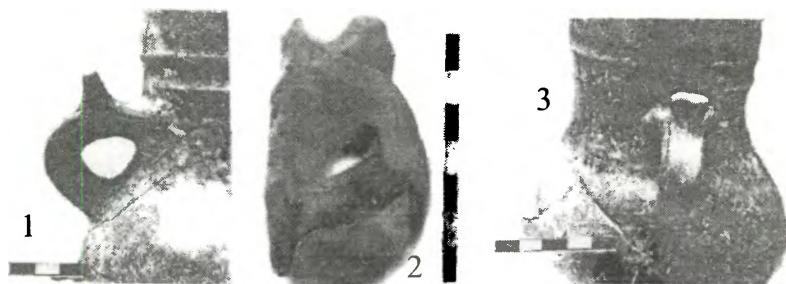

Рис. VII.

1 - профиль ручки, п.26/1962; 2 - ручка с городища;
3 - вид ручки сверху, п. 26/1962.

Кобякова городища, следует сказать, что он не единственный. На керамике есть такие декоративные украшения как: рифление (Рис. IX,1,2), разное использование витых стержней в ручке, слабые попытки орнамента из лощеных полос, налепы и знаки под нижним краем ручки (Рис. VIII,1,2), а также продолговатые и круглые налепы на верхней части ручек. Относительно последних есть мнение, что это подражание шарнирам на металлических сосудах-прототипах, а не деградация зооморфного стиля [5, с.41, с. 39, рис. 8,4-9, с. 40, рис. 9,4-9].

В работе не проводится анализ этих художественных средств, а лишь отмечается их наличие. При этом следует подчеркнуть, что

зооморфные ручки в первые века н.э. превращаются в главный мотив изобразительного творчества в сероглиняной керамике.

Несмотря на разнообразие кобьяковских зооморфных ручек, в них прослеживаются общие художественные элементы. При

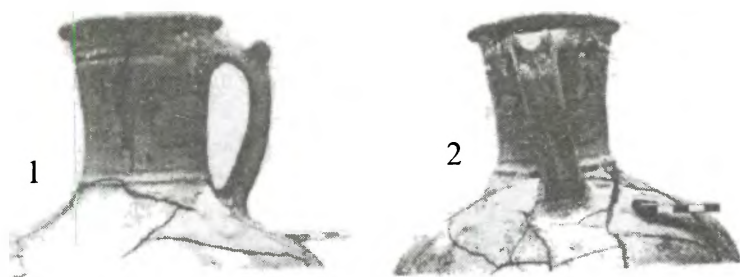

Рис. VIII.

1 - профиль ручки, п. 20/1956; 2 - вид ручки сверху, 20/1956.

формировании ручки учитывалось не только ее функциональное назначение, но и то, что она одновременно является телом животного. И ей придавалось сходство с туловищем животного определенным характерным изгибом в верхней или средней части стержня ручки. Характерный изгиб ручки-зверька сохранялся даже на изделиях поздней группы, когда стилизация достигает апогея.

Изображение туловища зверька на ручках отличалось монументальной простотой, без особой детализации. Однако, в двух случаях (27/1962 и 11/1959) сдавливанием ручки с боков в верхней части придавалось сходство с холкой животного.

Реалистические приемы передачи тела животного сочетались с элементами стилизации. Тело животного могло быть подпрямоугольным в сечении и украшаться каннелюрами.

Немалое значение придавалось изображению головы: она всегда четко сформована и узнаваема, изгибом или канавкой подчеркивался переход в туловище. Детально голова не прорабатывалась, и у разных ручек-животных она морфологически и стилистически похожа. Обязательно на ней подчеркнуты крупными штрихами глаза и уши, реже - рога. Глаза передавались в форме круглых лепешек, уши - в виде вертикальных наклепов или тоже круглых лепешек. Иногда использовались

круглые лепешки разных размеров и для изображения хвоста. В одном случае, две лепешки помещены одна над другой и расположены около головы на спине животного. К сожалению, смысл этой детали пока необъясним.

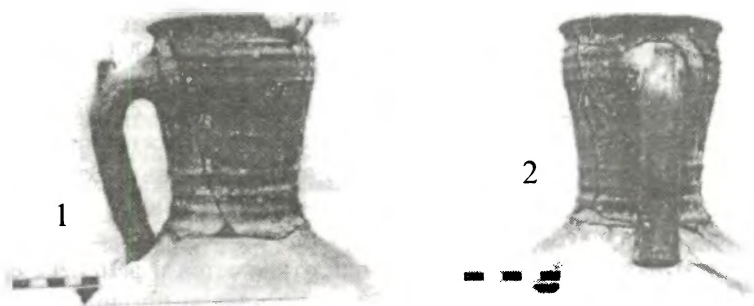

Рис. IX.

1 - профиль ручки, п.12/1957; 2 - вид ручки сверху, 12/1957.

Хвост животного чаще всего формировался в виде выступа (торчащий хвост) или в форме продолговатого налета (опущенный хвост).

Элемент стилизации отразился в изображении конечностей. В большинстве случаев передние ноги животного переданы одним массивом. Интересным способом формировались задние ноги. Как правило, туловище, загибаясь, плавно переходит в задние конечности. В ряде случаев этот переход подчеркивается каким-либо налетом-хвостом. И только в двух случаях (случайная находка 1966 г. и ручка городища 1955 г.) ноги изображены по другому. Здесь наблюдается более реалистичный подход к изображению конечностей: животное изображается на четырех ногах. Ноги хорошо проработаны и даже края их оформлены закруглениями, создающими впечатление мягкой округлой лапы.

Мастера, создававшие зооморфные ручки, как правило, придавали фигуркам статичность, и только в одном случае животное показано в динамике, в определенной живой позе (случайная находка 1966 г.) [3, с.17].

Вопрос о биологическом соответствии животных на кобьяковских ручках уже поднимался [4, 202]. В большинстве

случаев он неразрешим, так как этой задачи, а именно соответствия фигурки с живым прототипом, мастера перед собой не ставили.

Скорее всего, гончар стремился передать среднестатистическое понятие-животное, подчеркивая те детали, которые по его мнению были особенно важны. И он добился этого. Даже сейчас, совсем в иное время, при беглом взгляде на кувшин с зооморфной ручкой, мы отмечаем изображение зверька (без определения вида), подчеркнутые глаза, уши и рога, которые занимают большую часть головы. Своеобразная стилистика изображения животного была не только художественным решением, но и отражала определенные верования. Это был специфический идеологический феномен, отражающий веру в чудодейственную силу звериного образа.

Уважение к зооморфной ручке отражается и в манере ее лощения: она аккуратно и тщательно залощена продольными

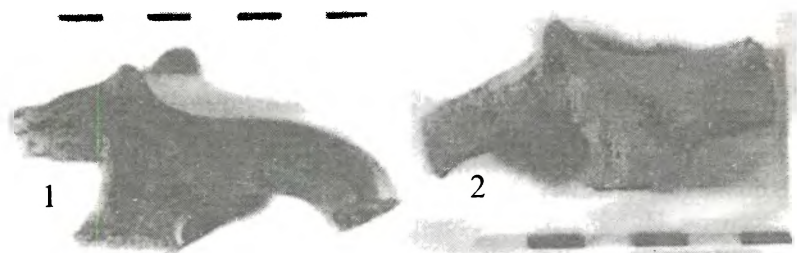

Рис. X.
1-2 - ручки с городища.

полосами, которые местами сливаются в единое лощеное пространство. По наблюдениям известно, что придонная часть сосуда, стенки под ручкой, горло под венчиком могли не покрываться лощением; это были малозаметные части сосуда. В зооморфных ручках отразились верования, в которых животные выступали как ипостаси различных божеств и их спутников, или как самостоятельные персонажи. Изображение животных на ручках представляло собой символы, которые хорошо были известны и мастеру, и пользователю. Гораздо труднее понять их нам.

На основании этнографических параллелей К.М. Скалон

отмечала предохранительные функции зооморфных ручек. В XIX веке этнографы на Кавказе видели кувшины с ручками в форме животных. Хозяева объясняли, что такие ручки охраняют содержимое сосуда от воздействия злых сил [6, с. 183, 206; 7, с. 247].

В данном контексте становится понятным преувеличенное внимание древних гончаров к тем органам животных, которые символизировали зоркость, остроту слуха, ловкость и смелость в борьбе: глаз, ухо и рог превращали ручку в оберег. При помощи глаз и ушей животное могло увидеть врага живого или потустороннего, и вовремя на него отреагировать, отпугнуть и т.п. Изображение типичных рогов, даже на плохо проработанной ручке, создает образ барана и видовая принадлежность животного уже не вызывает сомнения. При помощи рогов животное тоже могло сокрушить недруга.

Важность изображения глаз, ушей и рогов состояла еще и в том, что таким образом подчеркивались магические черты, заложенные в первоначальной фигурке зверька-ручки. Такое стремление увеличить его эффектность показывает, как широко была распространена вера в хранительные силы звериного стиля. Согласно магическим представлениям, вполне достаточно было заменить цельный и реалистичный образ его условной схемой. Возможно, это и способствовало в дальнейшем распространению в зооморфном стиле орнаментализма и схематизма. Хорошо известно, что согласно магии, изображение животных или отдельных частей их тела способствовало переносу на предметы, или даже их владельцев, присущих этим животным черт.

В плане рассматриваемой темы, возможно, обладатель кувшина с зооморфной ручкой считал себя защищенным от врагов. Этим можно объяснить распространение изделий с зооморфными ручками и на городище (культурный слой, ямы, жилища, гончарная печь), и в погребениях могильника.

Сосуд с зооморфной ручкой - красивое, наделенное магической силой изделие, был вполне уместен в жизни и быту его владельца, и также находил свое место при погребении. Такие изделия не предназначались специально только для культовых целей, а употреблялись и как домашняя посуда.

В погребениях они не имеют приоритета перед другой посудой, а обычно стоят рядом с изделиями без следов

зооморфности. В то же время, при некоторых захоронениях кувшины с зооморфными ручками сочетаются с другими предметами, имевшими охранительные функции: курильницы, мел, зеркала, колокольчики. В количественном плане, по сравнению с сероглиняной керамикой, сосуды с зооморфными ручками занимают небольшой процент. Может быть, достаточно было человеку или семье именно небольшое количество таких изделий, чтобы охранить себя (в погребении больше одного не найдено).

Погребения с зооморфной керамикой не выделяются ни ориентировкой, ни особым положением погребенного. В тех случаях, где была возможность провести антропологические исследования, пол и возраст распределяются так: три детских, три мужских и два женских костяка. Судя даже по небольшой выборке, можно считать, что кувшины с зооморфными ручками могли помещать в любое погребение.

Таким образом, кувшины с зооморфными ручками использовались населением Кобякова городища в быту и при погребении, а также несли в себе как художественный, так и магический смысл.

Литература

1. Братченко С.Н. 1966. Кобяково городище. Гончарные печи // САИ. Вып. Г 1-20.
2. Братченко С.Н., Косяненко В.М. 1994. Нижнедонской гончарный центр первых веков нашей эры (по материалам гончарных мастерских Кобякова и Подазовского городищ) // Донские древности. Вып. 2. Азов.
3. Косяненко В.М. 1969. Хронология сероглиняной керамики некрополя Кобякова городища (раскопки 1956-1962 гг.) // Известия Ростовского областного музея краеведения. Вып. 6. Ростиздат. Ростов на Дону.
4. Косяненко В.М. 1968. Сарматские кувшины с зооморфными ручками с Кобякова городища и некрополя // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л.: Наука.
5. Капошина С.И. 1963. Одна из групп керамики с Кобякова городища // КСИА. № 94. М.
6. Скалон К.М. 1941. Изображение животных на керамике сармат-

ского периода // Труды отдела истории первобытной культуры. Т. 1. Л.

7. Кастанаян Е.Г. 1951. Сарматские сосуды из Тиритаки с ручками в виде животных // СА. XV

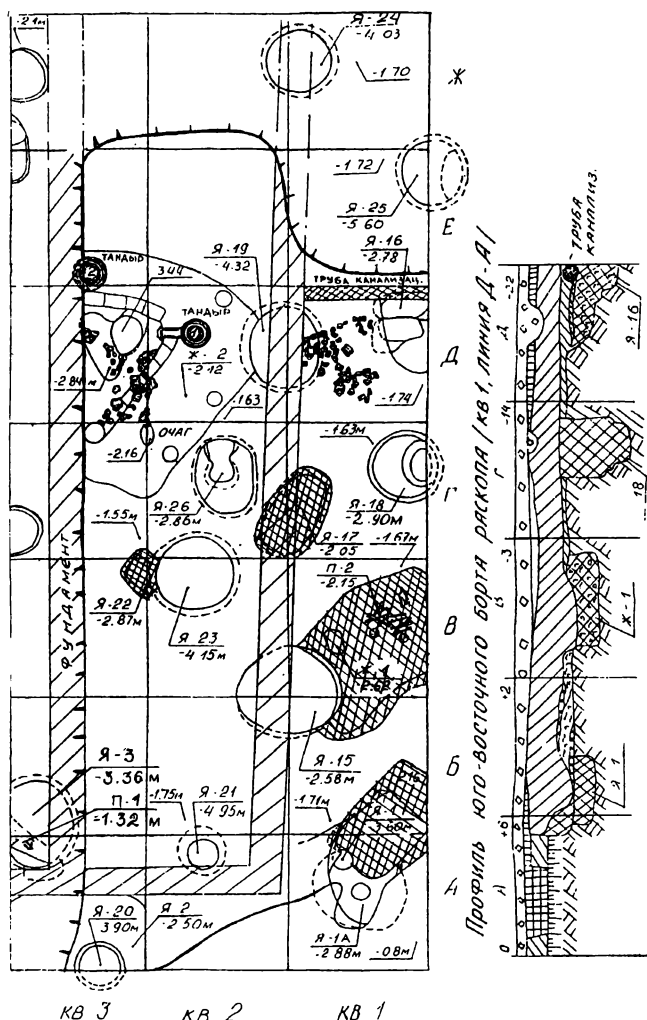
И.В. Белинский, А.Н. Масловский

Типологическая характеристика материалов раскопок участка золотоордынского Азака (г. Азов, ул. Московская 7)

За несколько десятилетий спасательных археологических раскопок золотоордынского Азака, проводившихся рядом исследователей, накоплен огромный материал, который не нашел, на наш взгляд, полного отражения в публикациях. Информативные возможности коллекций использованы не в полной мере, хотя значение материалов Азака сложно переоценить.

Библиография работ, посвященных древностям Азака, насчитывает уже несколько десятков названий. Значительная их часть информативна, остальные в большинстве посвящены анализу керамического материала. Среди них есть объемные статьи [Перевозчиков В.И., 1993] и работы обобщающего характера [Волков И.В., 1992А]. Однако, в публикациях пока не отражена целостная картина яркой и своеобразной культуры Азака. Для этой цели необходимо введение в научный оборот больших по объему материалов. Поскольку издание каталога материалов Азака технически сложно из-за гигантского количества находок, представляется полезной, как промежуточное звено, публикация материалов отдельных, наиболее характерных, раскопок. Одним из таких является раскоп по ул. Московская 7. По объему и разнообразию материалов данный участок занимает далеко не последнее место. Здесь встречены не только практически все группы керамики, которые устойчиво представлены в археологическом комплексе Азака, но также и ряд групп, встречающихся спорадически. Интересны и другие категории находок. Отражены все периоды жизни города на протяжении XIV в.

Задачей авторов являлось: 1) систематизированная публи-

- СЛОЙ НАЧ. Х
- ЗАПОЛНЕНИЕ
- ГУМУС, ГЛИНА
- КИРПИЧ, ГЛИНА, УГОЛЬ, КОСТИ
- ГУМУС, СЫРЦОВАЯ ГЛИНА
- МАТЕРИК

продолжение рис. 1

кация всего вещевого и фактического материала раскопок; 2) суммирование некоторых итогов предыдущих исследований; 3) попытка количественной оценки явлений; 4) попытка наметить некоторые направления дальнейших исследований.

Раскопки были проведены в 1995 году под руководством И.В. Белинского. Часто работа велась спешно, в тяжелых условиях, буквально из - под ковша экскаватора. Исследовано 784 кв.м. В пределах раскопа было зафиксировано 26 хозяйственных ям, одно заглубленное в грунт жилище, остатки второго и вымостка (Рис.1). В юго-западной части раскопа строителями до начала исследований был выбран материковый грунт и, соответственно, уничтожены комплексы на глубину 1,0 м, а в северо-западной части даже до 1,5 м. Большую часть раскопа, кроме его южного угла, занимал обширный котлован неясного назначения с почти вертикальными стенками, сооруженный в золотоордынское время (позднее ямы N I, которую он пререзает, но не позднее 70-х гг. XIV в. - времени сооружения вымостки 1).

Слой XIV в. (гумус темно-серого цвета) наибольшей мощности - 0,5 м - достигает в южном углу раскопа. На остальной исследованной площади он сохранился лишь небольшими разрозненными участками толщиной 0,1-0,2 м, лежавшими непосредственно на материке (Рис.1). Вымостка N I лишь на 0,1-0,2 м выше материка. Вероятно, для сооружения котлована было использовано природное углубление, дополненное подчисткой его склонов и выборкой раннего культурного слоя и предматерика. Цель столь значительных по объему земляных работ неясна. В XVIII в. видимая западина котлована жилища 2, была вторично использована для сооружения дома. Именно в это время был сильно поврежден культурный слой, местами выбранный до материка, и часть объектов (Рис.1). Котлован был засыпан не ранее конца XVIII в. Некоторые комплексы были повреждены и в последующий период.

Жилище N2 (Рис.1;2,1) было лишь незначительно заглублено в материковый суглинок. Северо-западная часть жилища уничтожена ленточным фундаментом современного кинотеатра "Родина" Западный угол прорезан ямой N19 60-х гг. XIV в. Как отмечалось, в 30-х гг. XVIII в. в котлован жилища было впущено более крупное сооружение (Рис.1), которое разрушило стенки и

уничтожило в значительной части заполнение жилища. Этот процесс датирован полушкой 1731 года, попавшей в верхнюю часть заполнения тандыра I. Жилище N2 ориентировано углами по сторонам света, имело близкую к подквадратную форму, очевидно, несколько вытянутую по оси СВ-ЮЗ, (длина-6,6 м, максимально сохранившаяся ширина-5,2 м). Вертикальные стенки сохранились на высоту 0,15-0,4 м. Дно понижается в восточном направлении на 0,25 м. Вход, по-видимому, располагался в почти полностью уничтоженной юго-западной стенке, где с трудом фиксировался выступ тамбура. Сохранились четыре столбовые ямки от несущих конструкций: две - вдоль юго-восточной и одна у северо-восточной стенки. Между столбовыми ямками и стенкой имеется зазор. Еще одна яма расположена в 1,0 м от юго-западной стенки в углу центрального котлована. Диаметр столбовых ям - 0,32-0,34 м, глубина - 0,1-0,15 м, с почти вертикальными стенками. Реконструкция несущей конструкции по сохранившимся элементам невозможна, но нужно отметить, что она представляется излишне мощной для простого заглубленного в грунт сооружения таких размеров. Центральная часть жилища представляла собой котлован глубиной 0,4-0,5 м и длиной около 4,5 м. Стенки котлована были обложены сырцовым кирпичом с примесью песка и органики, на глинистом с органикой растворе. Формат сырца - 0,4х0,2х0,1 м. Жилища с такими углубленными центральными котлованами изучались и ранее в Азове, известны они и на памятниках предмонгольского времени (Мартышкина балка-1995, жил1.; см. информационную статью И.В. Гудименко "Итоги археологических исследований отряда "Дельта" экспедиции Азовского краеведческого музея в г. Азове и Азовском районе в 1995-1996 гг." в данном сборнике). В западной части котлована расположена аморфная впадина с прокаленными вертикальными стенками глубиной 0,3 м, заполнение которой содержало большое количество углей и пепла. В ее центре находится округлая яма диаметром 1,16 м и глубиной 0,53 м с вертикальными стенками. Ее заполнение имело характерный для сливных ям зеленоватый цвет из-за большого количества перегнившей органики. В жилище имелось два тандыра разных размеров и, очевидно, разного функционального назначения. Тандыр N I (Рис.2,1) расположен у восточного угла центрального

котлована, сохранившаяся его высота - 0,6 м, верхний диаметр - 0,44 м, нижний диаметр - 0,62 м. Тандыр до половины высоты врезан в пол жилища. Изнутри стенки покрыты бессистемными волнистыми вертикальными и горизонтальными шестиполосными расчесами. В нижней части северо-западной стенки имелось арочное отверстие, в которое горизонтально была вставлена керамическая труба-кубур. Шейка трубы выходила в центральный котлован и была вмазана в его сырцовую обкладку. Эта отопительная система оригинальна и в такой степени сохранности в Азаке встречается впервые. Тандыр N2 (Рис.2,1) находился в северной части жилища у стенки, высота-0,47 м, диаметр верхний-0,84, диаметр нижний-1,04 м, частично врезан в пол. Стенки изнутри также покрыты расчесами. Использовался, очевидно, преимущественно для приготовления пищи. Жилище прекратило свое существование, судя по монетным находкам (Таб.1,24-25), около сер. XIV в., что подтверждается стратиграфическими данными (Рис.3). От второго заглубленного в грунт жилища сохранилась лишь нижняя часть тандыра на кв.4 Б. (Рис.1), диаметром около 1,0 м. На квадрате 1 Д была исследована вымостка, которая сохранилась лишь частично. Сохранившаяся часть вымостки имела подковообразную в плане форму (Рис.1) 2,4х2,2 м и сделана из рваного ракушечника и фрагментов плинфы. Уровень ее залегания (-1,56-1,74 м от Рц) маркирует уровень дневной поверхности конца XIV в. Вымостка перекрывает заполнение ямы N19, что позволяет датировать ее 70-80-ми гг. XIV в. Вымостка была, очевидно, связана с наземным жилищем, от которого не осталось никаких следов. Здесь следует сказать о диагностике наземных жилищ. На большей части территории Азака плохое состояние культурного слоя не позволяет надеяться на сколько-нибудь значительные находки конструкций наземных жилищ *in situ*, и это приводит порой исследователей к парадоксальным выводам о том, что ремесленное население Азака было полукочевым и обитало в юртах и кибитках [Перевозчиков В.И., 1990 А с.23]. Нам кажется, что есть более правдоподобное объяснение явления. Вплоть до конца XVIII-нач. XIX в. местонахождение древних жилищ еще фиксировалось визуально. На месте построек XIV в. могли неоднократно сооружаться новые дома и это прослеживалось ранее [Гудименко И.В.,

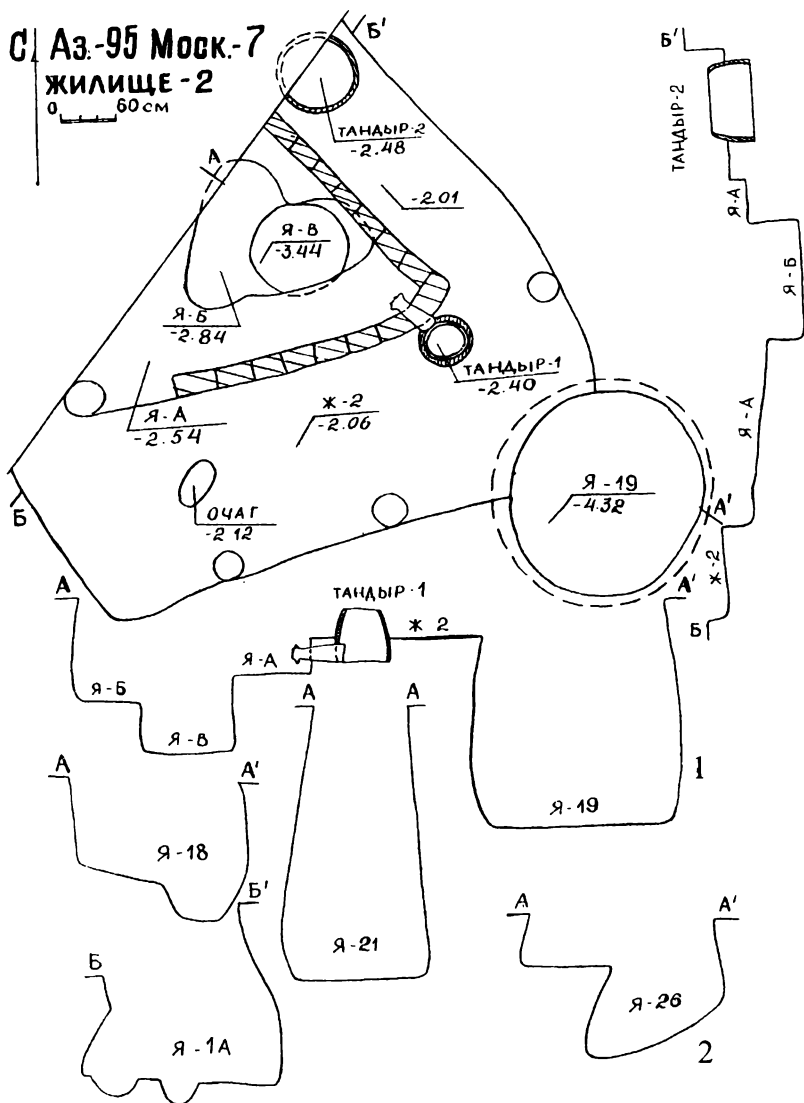

Рис. 2.

1 план и разрез жилища № 2; 2 - разрезы наиболее характерных хозяйственных ям.

1997, с.73]. Капитальные кирпичные постройки разбирали для использования строительного материала, как это происходит до настоящего времени на золотоордынских городищах Поволжья. Находки же наземных, турлучных или саманных жилищ в условиях Азова, где маломощный золотоордынский слой интенсивно перекапывался еще в XIV в. и большей частью либо переотложен, либо уничтожен вовсе, дело случайное. Между тем, видимо, именно турлучные постройки составляли большинство наземных жилищ. Они известны на территории Нижнего Подонья и Приазовья в первых веках нашей эры [Каменецкий И.С., 1974, с. 212-214], во времена салтово-маяцкой культуры [Ляпушкин И.И., 1958, с. 266-271], на памятниках предмонгольского времени [Гадло А.В., 1964, с.42]. Найдены они в Азове [Булатов Н.М., 1988, с.53]. В тех редких случаях, когда сохранность слоя хорошая, их остатки фиксируются достаточно часто. Очевидно, количество наземных жилищ превосходило число жилищ, заглубленных в грунт, но их диагностика остается проблемой. Фиксацию капитальных построек помогают проводить учет и картографирование находок непосредственно с ними связанных (оконное стекло, изразцы, черепица, кубуры, скопления плинфы, печины и ганча). Наблюдения показывают, что, например, находки кубуров происходят в непосредственной близости к жилью. Картографирование перечисленных находок на описываемом участке позволяет предположить наличие на раскопе не менее двух наземных капитальных построек и наметить пустыри, свободные на всем протяжении XIV в. от хозяйственных ям, где они могли находиться (Рис.3). Время их появления - не позднее 40-х гг.XIV в.

На раскопе было исследовано 26 хозяйственных ям. Учитывая, что в западной части раскопа было снято от 1,0 до 1,5 м материка, можно предположить уничтожение двух-трех ям небольшой глубины. Именно в хозяйственных ямах было найдено подавляющее большинство материалов. Ямы разнообразны по форме и размерам. Исчерпывающую их классификацию создать невозможно, потому что, во-первых, при сооружении вряд ли пользовались каким-то стандартом, во-вторых, первоначальная форма в большинстве случаев не сохранялась, в-третьих, функциональное назначение ям могло неоднократно меняться. Можно лишь реконструировать наиболее типичную их форму.

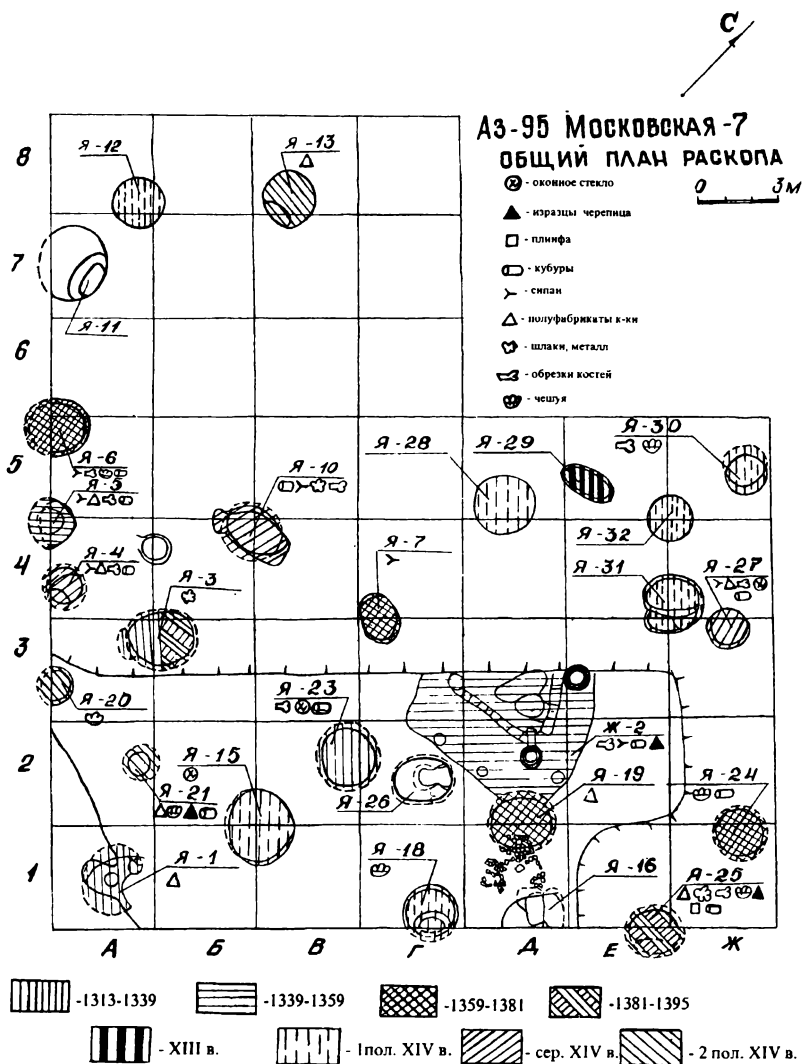

Рис. 3. План-схема раскопа.

Приблизительная оценка первоначальной их глубины показывает, что большинство (21 из 26) имели глубины 1,7-3,3 м; при диаметре верха 1,0-2,0 м и диаметре дна-1,6-2,2 м. Лишь яма 25 имела значительно большую глубину (более 4м) и четыре ямы были мельче (ямы 15,16,18,26). Некоторые из ям в разрезе имеют колоколовидную форму. Мощные завалы материковой глины в заполнении вдоль стен (рухнувшие верхние части стенок) говорят о том, что такой первоначально была форма всех ям. Особенностью хозяйственных ям на данном раскопе является устойчивое наличие дополнительных элементов конструкции (Рис.1; 2,2). Восемь ям имели углубления в дне у одной из стенок (для установки крупной керамической тары ?). Семь ям имели различные по форме и размерам ступеньки. Очевидно первоначальная функция большинства хозяйственных ям - погреб. Затем большая часть из них была использована как мусорные. Ряд ям по характерному зеленому цвету заполнения и стенок определяется как фекальные (ямы 5,19,21,25,27,30). Период использования ям как мусорных не превышал нескольких лет, а идеальная сохранность стенок некоторых ям, например N 1, говорит об их одномоментном заполнении. Это позволяет считать их закрытыми комплексами, находки из которых характеризуют определенный, достаточно короткий, этап развития вещевого комплекса. Возможно, конечно, и попадание в них более ранних находок или, что куда менее вероятно, проседание в верхнюю часть заполнения находок более поздних. При этом, чем насыщеннее материалом яма, тем больше вероятность того, что данный комплекс является неслучайным и одновременным. 10 комплексов (9 ям и жилище) датированы монетами. Хотя, конечно, нельзя исключать попадания в комплексы и более ранних монет, чем находки из них, что иллюстрирует яма 6 (Таб.1,9-11), наблюдения показывают, что период обращения золотоордынских медных монет был относительно кратковременным [Федоров-Давыдов Г.А., 1964, с.169-170,174] и, как правило, монеты синхронны сопутствующему им материалу.

Из датированных монетами ям происходит 2/3 всех находок. Весь материал можно распределить по четырем периодам: 1) время правления Узбека 1313-1339 гг. (я. 1А,3,23); 2) время правления Джанибека-Бирдибека 1339-1359 гг. (я.5, жил.2); 3) "великая

Таблица 1. Монетные находки.

№№	Шифр	Имя хана	Город чеканки	Год		металл
				г.х.	от Р.Х.	
1	кв. 1А шт.3	Анонимный времени Джанибека	Сарай ал-Джедид	751	1350/1	медь
2	кв. 1Д шт.5	Анонимный кон. XIII- нач. XIV вв.	Крым (?)			медь
3	вымостка 1	Анонимный 50-60-х гг. XIV вв.	Сарай ал-Джедид (?)	тип 751/3	1350/3	медь
4	яма 1А	Узбек	Крым	715	1315/6	медь
5	яма 3	Анонимный времени Узбека	Азак (?), Сарай	?	?	медь
6	яма 4	Неопределимая	?			медь
7	яма 5	Анонимный времени Джанибека	Сарай ал-Джедид	тип 751/3	1350/3	медь
8	яма 5	Неопределимая	?	?	?	медь
9	яма 6	Анонимный кон. XIII- нач. XIV вв.	?	?	?	медь
10	яма 6	Анонимный времени Узбека	Тип Сарая	тип 737	1336/7	медь
11	яма 6	Анонимный времени Узбека	Тип Сарая	тип 737	1336/7	медь
12	яма 6	Неопределимая	?	?	?	медь
13	яма 6	Абдуллах	Без места (Азак)		без года	медь
14	яма 7	Анонимный времени Узбека	Тип Сарая	тип 737	1336/7	медь
15	яма 7	Анонимный времени Джанибека с надчеканом 60-х гг. XIV в.	Сарай ал-Джедид		1360-е	медь
16	яма 19	Анонимный	Сарай ал-Джедид	761	1359/0	медь
17	яма 23	Анонимный времени Узбека	Сарай		без года	медь
18	яма 23	Анонимный времени Узбека	Азак		без года	медь
19	яма 23	Анонимный времени Узбека	Сарай	734	1333/4	медь
20	яма 24	Абдуллах	Без места (Азак)		без года	медь
21	яма 24	Абдуллах	Ал-Джедид	770	1368/9	медь
22	яма 25	Тохтамыш	Крым	796	1393/4	серебро
23	яма 27	Неопределимая	?	?	?	медь
24	жил. 2	Анонимный времени Узбека	Тип Сарая	тип 737	1336/7	медь
25	жил. 2	Анонимный времени Джанибека	Сарай ал-Джедид	тип 751/3	1350/3	медь

Примечание: определение монет выполнено ст. н. с. А.К.М. Н.М. Фомичевым

замятня" 1359-1381 гг. (я.6,7,19,24); 4) время правления Тохтамыша 1381-1395 гг. (я.25) (Таб.3-6).

Данные периоды соответствуют определенным этапам монетного обращения и особенностям внутригородской жизни Азака. При статистических подсчетах материалов по периодам я.3 была исключена, т.к. в верхнюю часть ранней ямы был впущен комплекс конца XIV в. и возможности четко разграничить находки нет.

Говорить о элементах городской планировки сложно. В пределах исследованных участков Азака сплошная городская застройка отсутствовала. Вероятно, для преобладающего типа турлучных жилищ она была невозможна. Концентрация большого числа ям на определенных участках предполагает наличие обширных дворов. Основой планировки города являлись очевидно усадьбы, в пределах которых существовало более одной жилой постройки. Усадебная планировка характерна для всех золотоордынских городов [Федоров-Давыдов Г.А., 1994, с.63]. На территории данного участка их было не менее двух. Направление

улиц может быть определено по направлению арыков, выполнявших функции ливневой канализации, неоднократно раскапывавшихся в Азаке. К сожалению, на данном раскопе они не зафиксированы. Один из таких арыков проходил в направлении с юга на север в сторону Дона, в нескольких метрах восточнее раскопа (судя по данным раскопок И.В. Белинского по ул. Чехова, 3, раскоп II, 1997 г.).

На раскопе обнаружены материалы, связанные с несколькими ремеслами (Рис.3). Практически по всей площади раскопа, в комплексах всех периодов найдены фрагменты полуфабрикатов поливных чаш и тарелок (17 фрагментов в девяти комплексах) (Рис.10,12,14) и сипаи (11 шт. в семи комплексах и один из слоя) (Рис.7,5-10). На раскопе встречены также немногочисленные обрезки кости (18 шт. в девяти комплексах), единичные находки шлаков (в трех комплексах), сопло (Рис.7,13) и фрагмент крупного тигля (Рис.26,6), пласты рыбьей чешуи (шесть ям). По техническому уровню (гончары, металлурги), либо объему деятельности (рыбообработка) эти производства не могли быть домашними. Наличие в пределах одного комплекса следов нескольких ремесел характерно для Азака [Рязанов С.В., 1991, с.21; Перевозчиков В.И., 1990 Б, с.23,27]. Также типично малое количество находок, связанных с этими производствами. Возможно, большая часть производственных отходов утилизировалась вне пределов усадеб, например, в ныне засыпанных оврагах, один из которых, частично исследованный в 1985 г., проходил поблизости от раскопа [Ларенок П.А., 1986, с.18]. Накопленные к настоящему времени материалы позволяют начать работу по определению районов концентрации разных видов ремесленной деятельности. Социальный статус обитателей усадеб определить затруднительно хотя бы потому, что следы нескольких различных производств (гончары и металлурги) оказывались в пределах одной усадьбы, т.е. в ее пределах проживало более одного ремесленника. Ряд находок (изразцы, люстр, цветное стекло и др.) вряд ли принадлежали простым ремесленникам. Что касается имущественного статуса жителей этого участка, следует отметить, что с течением времени он заметно повысился, насколько это возможно проследить по датированным ямам. На обитателях этого участка, по-видимому, не отразились

драматические события 60-80-х гг. XIV в., напротив, именно ямы этого периода дают самый высокий процент стекла и кашинных сосудов, а также высококачественной красноглиняной поливной керамики.

При обработке керамический материал был разделен на группы, в которые объединялась посуда, происходящая из одного или нескольких близкородственных производственных центров (мастерских) на основании устойчиво фиксируемых особенностей технологии (Таб.2).

Внутри групп материал подразделен по функциональным категориям. В работе были использованы результаты ряда предыдущих исследований, прежде всего Волкова И.В. (общая схема классификации, локализация ряда производственных центров) [Волков И.В., 1992 А], и его ценные устные консультации о степени встречаемости тех или других групп керамики в материалах других золотоордынских городов и вероятном месте их производства, за что авторы выражают свою глубокую признательность. Был использован ряд других работ, в частности, очень детальные описания местной керамики Перевозчиковым В.И. [Перевозчиков В.И., 1993], тезисные публикации В.А. Ларенок, посвященные поливной керамике Азака и др. В задачи авторов не входила развернутая классификация форм керамики и типов ее орнаментации, но при изложении материал сгруппирован по отделам (виды технологий), видам (общие морфологические признаки сосудов) и типам (устойчивые разновидности технологических, морфологических признаков и размеров). На материалах данного раскопа встречено до 50 групп. Даны описания 31 группы, которые встречаются в Азаке устойчиво, или, если и встречаются редко, то обладают очень характерными признаками. В качестве иллюстративного материала привлечены из массовых групп керамики только наиболее сохранившиеся или интересные находки. Для редких групп - фрагментарный материал, если он отражает характерные их особенности.

К бесспорно местному производству следует отнести две группы керамики (1-2), которые имеют разные генетические корни. В совокупности они составляют 60,5 % всей керамики раскопа. Наличие двух не связанных общим происхождением керамических производств характерно почти для всех городов Золотой Орды

Таблица 2. Группы керамики. Распределение по комплексам.

№ п/п	я № 1а	я № 3	я № 4	я № 5	я № 6	я № 7	я № 10	я № 11	я № 12	я № 13	я № 15	я № 16	я № 18	я № 19	я № 20
1-2	17	304	209	446	1022	189	124	5	154	201	80	23	480	103	58
3 а	12	76	45	80	270	21	15	2	21	9	15	1	31	20	37
3 б	3	28	14	10	20	3	7	1	4	6	11		28	4	1
4	3	18	5	1	9	9	7		5	1	4		77	8	2
5					2				2				13		
6	1	36	6	1	7		9		2	1	5	2	14	14	1
7		8	4	2	5	2	2		9		1		8		3
8	33	94	28	38	98	3	31		58	21	43	4	48	31	3
9		3	4		55	4							3		1
10	1	9			11	2	1		1	1	1	2	2		
11															
12					1		1		5	1	1	1	6		
13		4	1	1			2								
14		3		2	9								2	1	
15а															
15б		9	35		3		1		1	1	1		2		
16													5		
17													3		1
18		1	1		2	1	1		1		6				
19а	1	3					1		1						
19б	1	1					2								
19в		3			6										
19г															
19д		1													
19е		1		3	1										
20		1	12		4		2				1	1	39	2	
21		2	1	1	2								14		
22		5		4		1			1				9		
23															
24	2	5	17	10	6	17			1	1	2	1	50	2	
25					2										
26															
28															
29					3								2		
30															
31					1						1				
Прочее	10	79	22	19	1	1	4	-	11	3	6	-	2	-	1
Итого:	84	694	404	618	1540	244	213	8	277	246	179	35	845	185	108

Таблица 2. Группы керамики. Распределение по комплексам. (Продолжение)

№№№	№ № 21	№ № 23	№ № 24	№ № 25	№ № 26	№ № 27	№ № 28	№ № 29	№ № 30	№ № 31	№ № 32	жил. № 2	Итого: кв. / комплексы
1-2	176	442	82	1260	16	357	54	-	60	97	32	263	6254
3 а	51	137	6	62	4	40	5	4	10	1	42	18	1035/27
3 б	2	17	11	11	1	25	16	2	2	4	4	3	209/22
4	4	30	4	9	1	3	16	14	14	16	3	39	279/23
5	1	8	1	1	1	1	1	1	1	6	36	17	25/5
6	1	45	1	15	2	5	1	1	1	6	36	17	228/23
7	3	6	2	14	7	7	45	5	1	10	1	3	91/19
8	16	211	1	151	5	54	1	3	30	36	23	19	1129/26
9	4	4	1	1	1	1	6	3	3	1	2	6	98/16
10	1	4	1	5	5	1	1	1	1	1	2	2	44/15
11	2	2											2/1
12	1												2/2
13	2	11				1	1	3	1	2	1	1	5/3
14	3					1	1	1					39/15
15а													21/7
15б													2/1
16	25			1	2	3				1	2		76/4
17	1	1											8/3
18	1	1				1							25/13
19а	2	1		1		1	5	2	3	2	2	2	23/12
19б	26			4			2		1	2	2		35/7
19в	4			1					1	1			23/6
19г	7	1											8/2
19д						1	1		1	1	1	12	21/6
19е		4	2	5		1	1		1	1		2	22/11
20	2	2		6		3			2	1		1	74/12
21	1	1					6		1			1	25/9
22	12	1	1	6								1	47/11
23	10	10	5	90		16			2	1	4	4	256/21
24													3/2
25	1	4											4/1
26												1	1/1
28													15/6
29		5		3		1							2/2
30		1											13/2
31	8	12											206
Прочее	289	1036	9	5	31	525	140	21	10	178	158	398	4098 + 6254 = 10352
Итого:													

Примечание: 1 - в таблице не учтены материалы из слоя;

2 - № 3п обозначает Ю-В Крым поливн. керамику, № 3н обозначает Ю-В Крым неполивн. керамику.

[Волков И.В. 1992 А, с.4-5]. Поскольку ранее были уже опубликованы весьма детальные характеристики керамики местного производства [Перевозчиков В.И., 1993], мы ограничимся самым кратким ее описанием.

1 группа керамики (Рис.4-9; 10,1-15). Характерные признаки. 1) Формовочные массы среднепластичные с примесью мелкодробленного шамота или глиняного концентрата, с небольшой естественной примесью точечных известковых включений, мелкого песка и блесок слюды. 2) Обжиг трехслойный, с четкими границами слоев. Сердцевина черно-серая, края светло-коричневые, теплых тонов. 3) Изготавливалась на этапах РФК-3-5 (здесь и далее РФК - развитие функций гончарного круга (по А.А. Бобринскому)[Бобринский А.А., 1978, с.26-66] скульптурная лепка основной части сосуда. Внешняя поверхность имеет следы машинного заглаживания. Значительная часть керамики покрыта тусклым красным ангобом и полосчатым лощением (прежде всего керамика традиционных форм - кувшины, корчаги). Крупноформатные сосуды оформлялись горизонтальными налепными валиками треугольного сечения по стыковочным швам в месте соединения отдельных частей сосуда. 4) Крайне бедная и редкая орнаментация ограничивается налепными валиками, горизонтальными и волнистыми врезными линиями. Среди этой группы нет поливной керамики. По характеру обработки поверхности можно выделить четыре отдела: А) без дополнительной обработки; Б) ангобированная; В) с полосчатым лощением по черепку; Г) с полосчатым лощением по ангобу. Последние два отдела учитываются нами суммарно, т.к. не всегда могут быть уверенно разделены по фрагментарным находкам (Таб.3). Отдел Б представлен очень небольшим количеством находок. Вопреки мнению некоторых исследователей [Перевозчиков В.И., 1993, с.220] производство керамики этой группы было строго стандартизировано. Это касается набора форм, их типологии, оформления профильных частей, элементов и размещения орнамента. Некоторая вариабельность наблюдается в размерах и концентрации шамота в тесте для крупных (корчаги, кувшины) и мелких форм, что объясняется функциональными требованиями к различным видам керамики. Вариабельность наблюдается также в общих пропорциях сосудов закрытых форм

Таблица 3. Структура керамического комплекса раскопа по ул. Московская, 7

	Всего		Узбек		Джанибек		60-70гг.		Тохтамыш	
	ед	%	ед	%	ед	%	ед	%	ед	%
Всего керамики	10556	100	1693	100	1015	100	2074	100	1633	100
в т.ч. местной	6382	60,4	704	41,7	709	69,8	1396	67,3	1260	75,68
в т.ч. импортной	4174	39,5	989	58,5	306	30,2	678	32,7	403	24,2
лепной	15	0,1	0	0	3	0,3	3	0,1	1	0,1
нелощеная	2683	25,4	305	18,1	254	25	649	31,3	531	31,9
в т.ч. местной	2137	79,6	217	71,2	227	89,4	603	92,9	491	92,5
в т.ч. импортной	546	20,3	188	28,8	27	10,6	46	7,1	40	7,5
ангобированная	521	4,9	50	3	80	7,9	61	2,9	92	5,5
в т.ч. местная	227	41,2	15	30	11	13,7	27	44,3	85	92,4
в т.ч. импортная	294	58,8	35	70	69	86,3	34	55,7	7	7,6
лощенная	3041	28,8	448	26,5	181	17,8	610	29,4	364	21,9
в т.ч. местная	2557	84,1	347	77,5	166	91,7	572	93,8	337	92,6
в т.ч. импортная	484	15,9	101	22,5	15	8,3	38	6,2	27	7,4
амфоры	1504	14,2	406	24,1	188	18,5	161	7,8	206	12,4
в т.ч. местные	322	25,4	28	7	131	69,7	25	15,5	51	24,8
в т.ч. импортные	1182	74,6	378	93,1	57	39,3	136	84,5	155	75,2
сфероконысы	3	0,03	1	0,05	1	0,1	0	0	0	0
неполивная										
штампованная	56	0,5	16	0,9	5	0,5	3	0,1	6	0,4
прочая неполивная	82	0,8	2	0,1	4	0,4	55	2,7	0	0
красноглинная полива	2366	22,4	445	26,3	285	28,1	519	25	351	21,1
в т.ч. местная	1114	47,1	97	21,8	171	60	184	35,5	285	81,2
в т.ч. импортная	1252	52,9	348	78,2	114	40	335	64,5	66	18,8
кашиная	250	2,4	20	1,2	13	1,9	29	1,4	84	5
прочая полива	25	0,2	0	0	1	0,1	2	0,1	18	1,1

и концентрации природных примесей. Это, по-видимому, объясняется существованием ряда мастерских, использовавших разное сырье. Указанная вариабельность, однако, невелика. Для керамики I группы данного раскопа характерна некоторая удлиненность пропорций. Видовой состав включает в себя амфоры, двуручные амфоровидные кувшины, корчаги, разноразмерные одноручные кувшины, котлы, горшки с ручкой, горшки, чаши, миски, тарелки, ямы, афтобы, туваки, копилки, светильники, кубуры и др. Точное процентное соотношение различных видов установить затруднительно, т.к. на статистику такого рода влияет ряд сложно учитываемых факторов. Поэтому подобные данные, опубликованные в некоторых исследованиях [Перевозчиков В.И., 1990Б, с.125; 1993 с.165], могут использоваться лишь для приблизительной оценки. В целом можно сказать, что среди ассортимента преобладают кувшины различных размеров, афтобы, корчаги. Такая же картина наблюдается в материалах других золотоордынских городов [Волков И.В., 1991, с.29].

Тарная керамика. Амфоры (Рис.4,1-6). Представлены два типа. I тип наиболее распространенный (Рис.4,1-2,4-6). Это сосуды с яйцевидным корпусом, коротким воронковидным горлом и высоко поднятыми над венчиком овальными в сечении

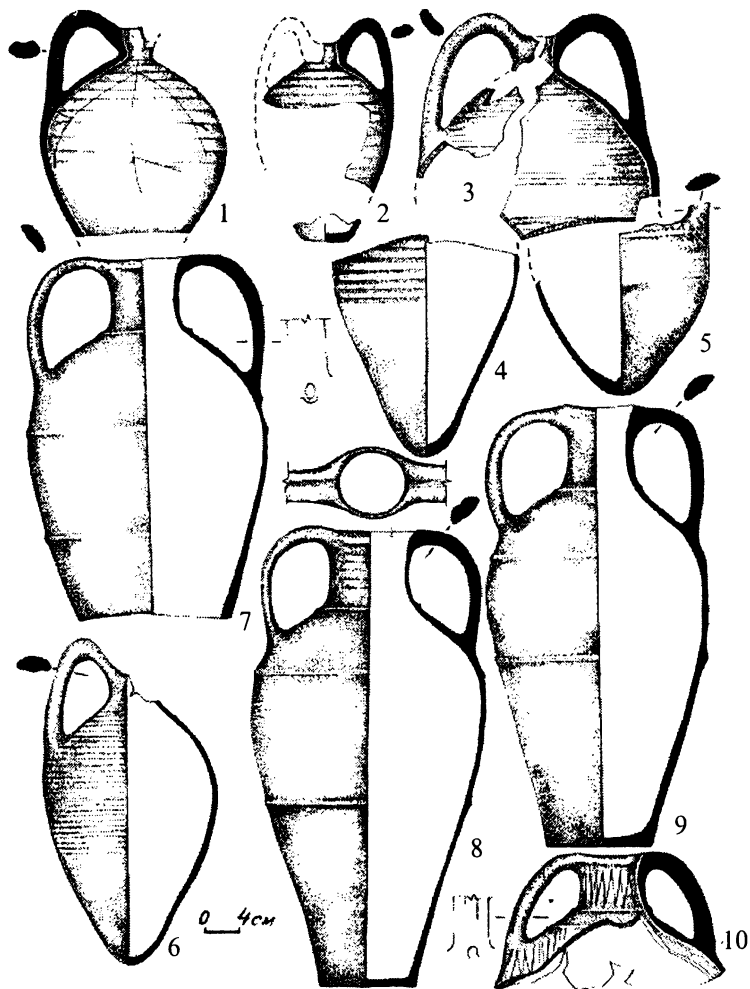

Рис.4. Керамика 1 группы. Азак.

1-6 - амфоры; 7-10 - тарные кувшины.

1 - я. 4; 2 - жил. 2; 3-5 - я.25; 6-9 - я.6; 10 - я. 13.

профилированными ручками. Днища округлые или маленькие плоские. Верхняя часть корпуса покрыта редким рифлением, с желобками угловатого контура. Сосуды могут быть разделены на подтипы по пропорциям. Встречено несколько форматов амфор, впервые встречена амфора очень мелкого формата (Рис.4,2). Кроме Азака производство местных амфор в небольшом количестве было налажено лишь в Маджаре [Волков И.В., 1991, с.27, рис.1,27-29]. Прототипом этих амфор ранее считались “трапезундские” амфоры [Волков И.В., 1992А, с.6; Перевозчиков В.И., 1993, с.181]. В настоящее время их прототипом можно считать амфоры, выделенные И.В. Волковым [Волков И.В., 1994А] в группу амфор типа клейма SSS, которые в изобилии встречаются в материалах поселений Нижнего Подонья предмонгольского времени Семеновская крепость [Ларенок П.А., 1994, с.77, рис.1,1,2], Пешково-1, Скопин курган, Мартышкина балка, и датируются XII-XIII вв. В Азаке подобные амфоры пока не выявлены. Сходство прослеживается в общих пропорциях, форме деталей, а главное, в специфическом характере рифления. Данный тип керамики I группы сложился в XIII в., очевидно, вне пределов Азака.

Тип 2 (Рис.4,3) впервые встречен на данном раскопе. Этот сосуд имел грушевидную форму. Его прототипом были трапезундские амфоры. На нем было воспроизведено характерное рифление, в т.ч. лишенная рифления средняя часть тулова, деталь в данном случае не оправданная технологически. Эта амфора датируется концом XIV в. Функция амфор как тарной керамики предполагает, что основная их масса шла на экспорт. На месте оставалось лишь небольшое количество сосудов. Увеличение процента амфор в керамическом комплексе в отдельные периоды, по-видимому, говорит о нарушении товарообмена, а поскольку они предназначались для транспортировки морем (об этом говорит и их отсутствие в Поволжских городищах), то увеличение числа амфор, очевидно, должно совпадать по времени с перебоями в Черноморской торговле. Такие аномалии действительно наблюдаются (Таб.4). Возможно, амфоры предназначались для экспорта рыбной икры, поскольку предполагать экспорт из Азака в западном направлении вина или растительного масла невозможно. Двуручные амфоровидные кувшины (Рис.4,7-10), с яйцевидным корпусом и уплощенными профилированными ручками, верхний прилеп

Таблица 4. Структура производства посудной керамики Азака.

	Узбек	Джанибек	60 - 70 гг.	Тохтамыш
Всего	100%	100%	100%	100%
нелощеной	30,8	32,1	43,3	39
ангобированной	2,1	1,6	1,9	6,8
лощеной	49,3	23,5	41	26,8
амфор	4	18,5	1,8	4
поливы	13,8	24,4	13,2	22,6

которых располагался на венчике. Это наиболее стандартизированный по форме, размерам и профилировке отдельных частей вид местной керамики. При их изготовлении использовался, очевидно, мерный стандарт. Следует отметить, что

Таблица 5. Структура импорта посудной керамики Азака.

	Узбек	Джанибек	60-70гг	Тохтамыш
Всего	100%	100%	100%	100%
нелощёная	19,3	10,1	14,9	9,9
ангобированная	3,5	22,5	5	1,7
лощёная	10,2	4,9	5	6,7
амфоры	38,2	18,6	20	38,5
сфероконусы	0,1	0,3	0	0
полива	37,2	41,7	54	42

три почти идентичных кувшина встречены в одном комплексе (Рис.4,7-9). Корчаги (Рис.5,1-4) с яйцевидным корпусом, на средней части которого расположены две маленьких ручки-скобки, и с короткой отогнутой наружу шейкой, профилированной горизонтальным валиком. Общая форма и профилировка отдельных деталей строго стандартны. Можно выделить три формата корчаг, при изготовлении которых могли использоваться мерные стандарты. Наиболее редки большеразмерные корчаги (Рис.5,1). Не найдено ни одного археологически целого экземпляра. Они лишены другого орнамента, кроме полосчатого лощения. Среднеразмерные и мелкие корчаги (Рис.5,2-4) встречаются более часто, имеют стандартную общую форму и могут быть классифицированы по вариантам формы ручек и деталей декора. В оформлении плечей и средней части тулова могли использоваться узкие пояски врезных линий (нескольких прямых (Рис.5,4) или

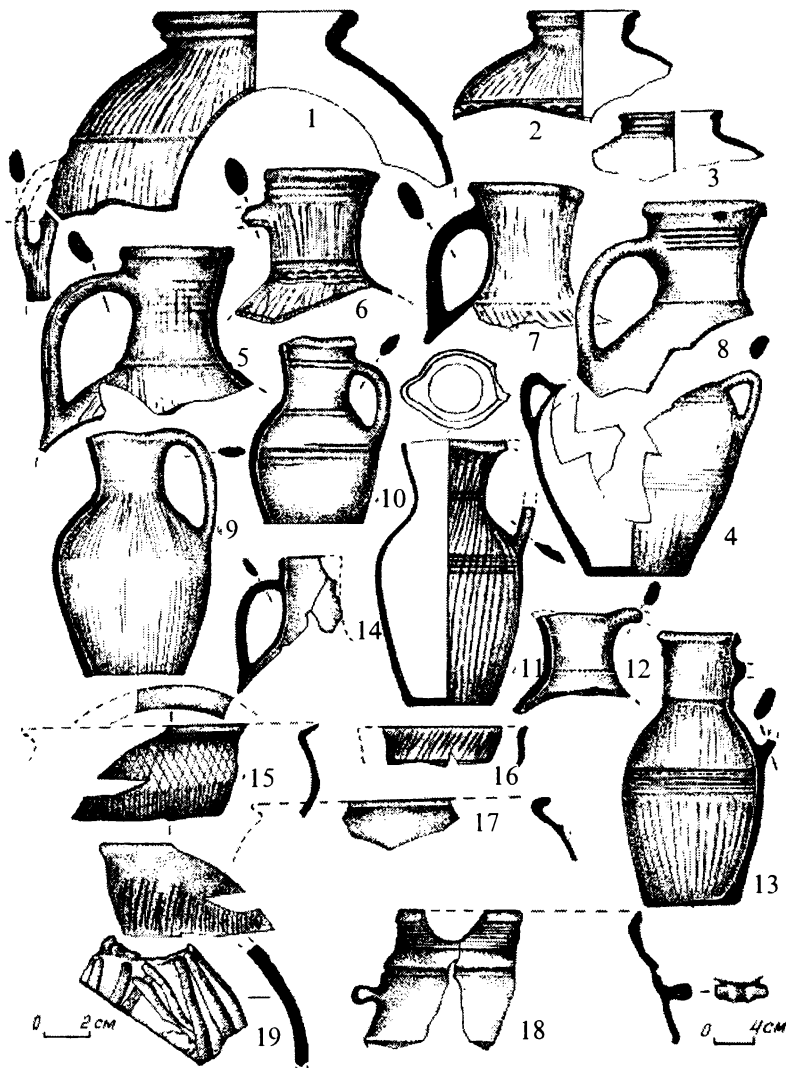

Рис. 5. Керамика 1 группы. Азак.

1-4 корчаги; 5-14 одноручные кувшины; 15-17 чаши; 18 котел;
19 - сосуд закрытой формы с врезным орнаментом.

1-10 - я. 6; 2,11 - я. 13; 3,4,12,15,19 я. 21; 5-7 я. 23; 8,9 - я. 5; 13 - я. 3;
14 - я. 25; 16,18 - я. 27; 17 - я. 30.

волнистой линии между двух прямых (Рис.5,2)). Достаточно часто для оформления этих частей применялось лощение в сетку. Корчаги также строго стандартизированный вид керамики. Кувшины одноручные тарные (Рис.5,5-8) со сливом различаются только деталями декора. Только для этого вида керамики характерно оформление верхней части горла несколькими горизонтальными наклепными валиками (Рис.5,6,8). Валиками или врезным орнаментом оформлено место перехода от тулова в горло. Средняя часть тулова также оформлялась пояском врезного орнамента. Одноручные кувшины среднего и мелкого формата (Рис.5,9-14) с яйцевидным корпусом наименее стандартизированы по своим размерам и деталям своего оформления. Способы выделения перехода горла в тулово и средней части тулова аналогичны с предыдущим видом. Встречаются кувшины с приземистым каплевидным туловом. Судя по частой закопченности стенок, кувшины эти имели многофункциональное назначение. Другие виды столовой и кухонной керамики немногочисленны. Горшки с ручкой (Рис.6,8-10) имеют приземистое тулово. Верхний прилеп ручки расположен на венчике, нижний - на месте максимального диаметра тулова. Высокая отогнутая наружу шейка часто профилирована горизонтальными валиками (Рис.6,9). Горшки с одной ручкой имеют причерноморское происхождение. Они хорошо представлены на некоторых памятниках Нижнего Подонья предмонгольского времени [Ларенок П.А., 1994, с.79]. При этом для некоторых из них можно говорить о их местном происхождении [Рязанов С.В., 1990, с.11, рис.2,14,15]. Прочие типы горшков еще малочисленнее. На раскопе встречен единственный фрагмент горшка с короткой отогнутой наружу шейкой и рифленным туловом, имеющий многочисленные аналогии в керамике салтово-маяцкой культуры (Рис.6,11). Редки котлы I группы. Единственный экземпляр, собирающийся до профиля (Рис.5,18), имеет прямую рифленую шейку, усеченно-коническое тулово и короткие горизонтальные ручки-налепы. Нужно еще раз подчеркнуть, что кухонная керамика I группы малочисленна. Столовой керамики еще меньше, что объясняется ее вытеснением поливной посудой. Встречены фрагменты трех чаш разных размеров и форм с ручками (Рис.5,17) или без ручек (Рис.5,15-16). Чаши лощили с двух сторон, часто использовалось лощение в

Рис. 6. Керамика 1 группы (1-4, 7-15) и 2 группы (5, 6, 16, 17). Азак.

1-4 ямы; 5 молочник; 6 одноручный кувшин; 7 ручомойник; 8-10 - горшки с ручками; 11 - горшок; 12-15 - афтобы; 16 - одноручный кувшин; 17 - тувак.

1-4, 7, 9, 17 - я. 6; 5, 6, 12 - я. 25; 8 - я. 18; 10, 11 - я. 21; 13, 15 - я. 3; 14 - я. 19; 16 - я. 27.

косую сетку. Найдена часть плечика небольшого столового сосуда закрытой формы с необычным для Азака резным орнаментом, покрывающим всю поверхность сосуда (Рис.5,19). К керамике хозяйственно-бытового назначения относятся каракорумские чаши (ямы) (Рис.6,1-4), различающиеся деталями профилировки венчиков и плечиков. Керамика этого вида никогда не ложились. Форма привнесена извне.

Афтобы (Рис.6,12-15) - наиболее варибельный по форме вид керамики. По профилировке горла и форме тулова может быть выделено несколько типов. Первой находкой подобного рода для Азака является рукомойник (Рис.6,7) с биконическим туловом и уплощенной ручкой, переброшенной над шейкой с прилепами на венчике. В Азаке уже находили горла с подобным принципом размещения ручки, принадлежащие небольшим кувшинам. Единичны находки подсвечника-канделябра (Рис.7,1) и чашевидного светильника с ручкой выступом (Рис.7,2), копилки (Рис.7,4). Также к 1 группе относятся практически все трубы-кубуры (Рис.7,11,12) и сопло (Рис.7,13). На раскопе не встречено выразительных экземпляров туваков и некоторых редких видов керамики. Генетически данная группа связана с салтовскими (в широком смысле) традициями, которые сохранялись на оседлых поселениях Нижнего Подонья. Наиболее традиционные формы корчаг, кувшинов, некоторые горшки. Часть других видов была включена в производство еще в домонгольское время (горшки с ручкой, амфоры, туваки). Уже в золотоордынское время в него были включены афтобы, каракорумские чаши, копилки, в производстве которых допускались небольшие отступления от традиций. На всем протяжении XIV в. данный комплекс изменялся очень слабо, главным образом за счет включения в его состав новых видов. Время его сложения следует отнести еще к XIII в. В Азак он, вероятнее всего, был привнесен достаточно однородной группой гончаров. К сожалению, поселения XII - первой половины XIII вв. ближайшей округи Азака изучены слабо и известны, в основном, по подъемному материалу. Да и в целом изучение памятников этого времени Нижнего Подонья находится на своем начальном этапе.

2-я группа местного производства (Рис.6,5,6,16,17; 7,3,5-10; 8,9,10, 1-15). Характерные черты: 1)Формовочные массы почти без

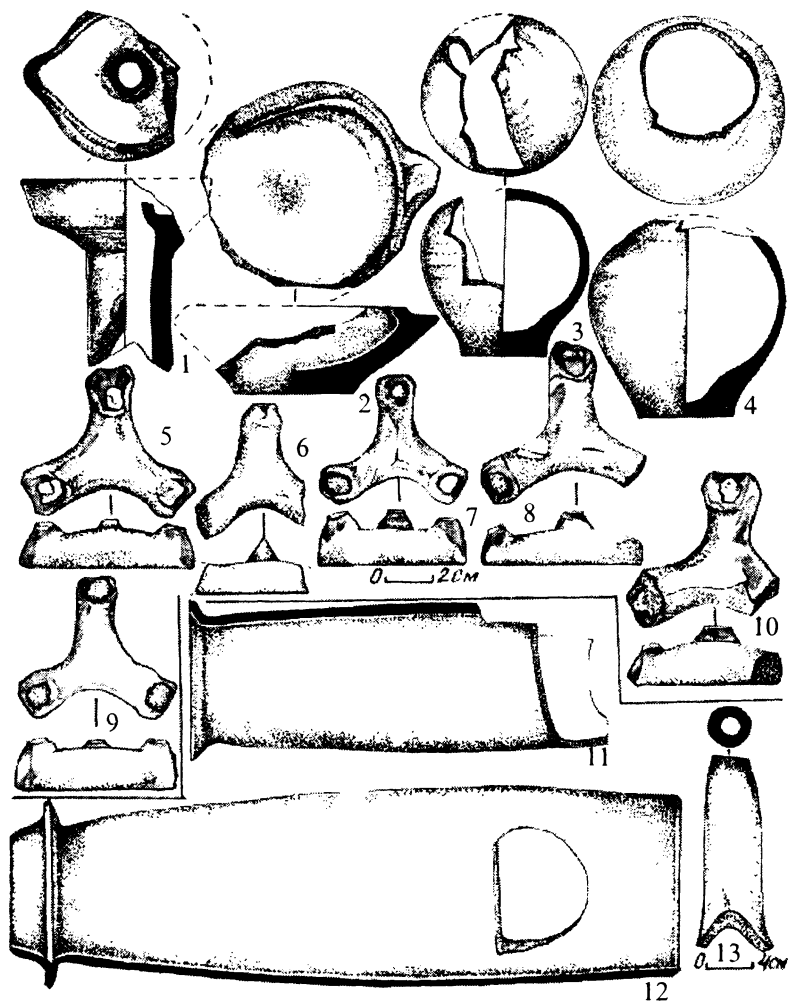

Рис. 7 Керамика 1 группы (1,2,4,11-13) и 2 группы (3,5-10). Азак.
 1 - светильник-подсвечник; 2 - светильник; 3,4 - копилки; 5-10 - сипаи;
 11,12 - трубы-кубуры; 13 - сопло.
 1,7 - я. 6; 2,13 - я. 21; 3,4,9 - я. 5; 5 - кв. IД, шт. 5; 6 - я. 27; 8 - я. 4; 10 - я. 10;
 11,12 - жил. 2.

искусственных примесей, со значительной естественной примесью мелкого песка. 2) Обжиг сквозной, с преобладанием коричнево-оранжевых, теплых тонов. Не покрытая поливой поверхность значительно темнее, чем излом. 3) Мелкие изделия изготовлены на этапе РФК-6-7. При формовке крупных сосудов могли использоваться более архаичные технологии. Керамика относительно толстостенная (5-9 мм).

Изготавливалась как поливная, так и неполивная керамика. Неполивная керамика не покрывалась ангобом и не ложила. Ее ассортимент включает в себя малоформативные кувшины, горшки с ручкой, афтобы, туваки, каракорумские чаши, светильники, кубуры, копилки, дигирные сосуды. Однако, неполивная керамика

Таблица 6. Красноглиняная поливная керамика по технике орнаментации.

Техника орнаментации	В целом		Узбек		Джанибек		60 - 70 гг.		Тохтамыш	
	ед.	%	ед.	%	ед.	%	ед.	%	ед.	%
Местная										
Открытые формы	750	100	44	100	99	100	91	100	233	100
гравировка	275	36,7	8	18,2	18	18,1	32	35,2	103	44,2
расцветка пятнами	18	2,4	1	2,3	11	11,1	1	1,2	0	0
гравировка с расцветкой	1	0,1	0	0	0	0	0	0	0	0
резерв	35	4,66	0	0	33	3	2	2,2	10	4,3
без орнамента	271	36,1	34	77,3	36	36,4	24	26,4	49	21
роспись ангобом	150	20	1	2,3	31	31,3	32	35,1	71	30,5
Закрытые формы	370	100	14	100	49	100	84	100	51	100
гравировка	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
расцветка пятнами	1	0,3	0	0	0	0	0	0	0	0
роспись ангобом	2	0,54	0	0	2	4,1	0	0	0	0
штампованный	20	5,4	2	14,3	3	6,1	1	1,2	3	5,9
без орнамента с ангобом	261	70,5	10	71,4	35	71,4	49	58,3	34	66,6
без ангоба	86	23,2	2	14,3	9	18,5	34	40,5	14	27,4
Импортная										
Открытые формы	850	100	103	100	83	100	249	100	72	100
гравировка	308	36,2	26	25,2	35	42,2	106	42,6	49	68,1
расцветка пятнами глаз	113	13,3	25	24,3	0	0	11	4,4	5	6,9
роспись ангобом	7	0,8	1	0,2	0	0	0	0	4	5,5
гравировка с расцветкой	143	16,8	10	9,7	14	16,9	56	22,5	6	8,3
резерв	23	2,7	0	0	16	19,3	2	0,8	0	0
роспись красками	6	0,7	0	0	5	6	0	0	0	0
без орнамента	250	29,4	41	39,8	13	15,7	74	29,7	8	11,1
Закрытые формы	620	100	78	100	42	100	90	100	67	100
гравировка	27	4,4	2	2,6	15	35,7	0	0	0	0
расцветка пятнами	10	1,6	2	2,6	2	4,8	1	1,1	0	0
роспись ангобом	4	0,7	0	0	3	7,1	0	0	1	1,5
гравировка с расцветкой	2	0,4	0	0	0	0	0	0	1	1,5
роспись красками	2	0,3	1	1,3	0	0	0	0	0	0
штампованный	154	24,9	30	38,5	1	2,4	9	10	2,9	43,9
без орнамента с ангобом	263	42,4	26	33,3	19	45,2	74	82,2	36	53,7
без ангоба	156	25,2	17	21,8	2	4,8	6	6,7	0	0

этой группы очень малочисленна, в сравнении, например, с аналогичными видами керамики I группы. Из всего ассортимента на раскопе встречены выразительные экземпляры лишь некоторых

типов мелкоформатных кувшинов (Рис.6,6,16). Наиболее интересен кувшин (Рис.6,16) с приземистым, почти шаровидным, туловом и раструбным горлом. Кувшин-молочник (Рис.6,5) возможно является полуфабрикатом поливного сосуда. Кроме того, найдены два идентичных тувака (Рис.6,17), копилка (Рис.7,3). К керамике 2 группы относятся также лепные трехпалые подставки-сипаи (Рис.7,5-10). По формовочной массе к ней относятся и маленькие глиняные шарики (Рис.23,7-9). Основную часть ассортимента 2 группы составляет поливная керамика, видовой состав которой включает в себя чаши, одноручные кувшины, молочники, горшки с ручкой, кружки, горшковидные сосуды с петельчатыми ручками на плечиках, афтобы, туваки, светильники, кувшины со штампованным орнаментом. Основу ассортимента поливной керамики составляли чаши, которые могут быть разделены на два типа, в зависимости от своих размеров (Рис.3,1,3-6; 9,1-11; 10,1-6), значительно реже встречаются тарелки (Рис.8,2;10,7) и блюда (Рис.9,6). Для их орнаментации использовались различные технологии: гравировки по ангобу (сграфитто), иногда с частичным выскабливанием ангоба (Рис.8,2-6; 9,3-5; 7, 9-11), подглазурная роспись белым ангобом (Рис.9,1-2,8), “резерв” (Рис.8,1; 9,8) (Таб.6). Многочисленна неорнаментированная керамика (Рис.10,1-7). В редких случаях полива расцвечивалась аморфными буро-коричневыми пятнами. Вопреки мнению некоторых авторов [Ларенок В.А., 1986, с.30; Романчук А.И. Перевозчиков В.И. 1990, с.96] в Азаке не изготавливали посуду с гравированным орнаментом расцвеченным цветными пятнами. Имеются единичные фрагменты, где на желтом фоне проступают зеленые пятна, но это результат случайности. В задачи авторов не входит описание орнаментальных сюжетов и их классификация, это тема отдельной большой работы. Из закрытых форм представлены кружки с ручкой (Рис.10,8,9,11), покрытые изнутри прозрачной поливой непосредственно по черепку, молочник с зеленой поливой по белому ангобу на внешней поверхности (Рис.10,13), горшковидный сосуд с петельчатыми ручками (Рис.10,10). Особый отдел поливной керамики составляют одноручные кувшины со штампованным шаровидным туловом (Рис.10,15). В Азаке найдены фрагменты матриц - колыбы для их изготовления [Перевозчиков В.И., 1993, с.195,197, рис.12,9]. Сосуды

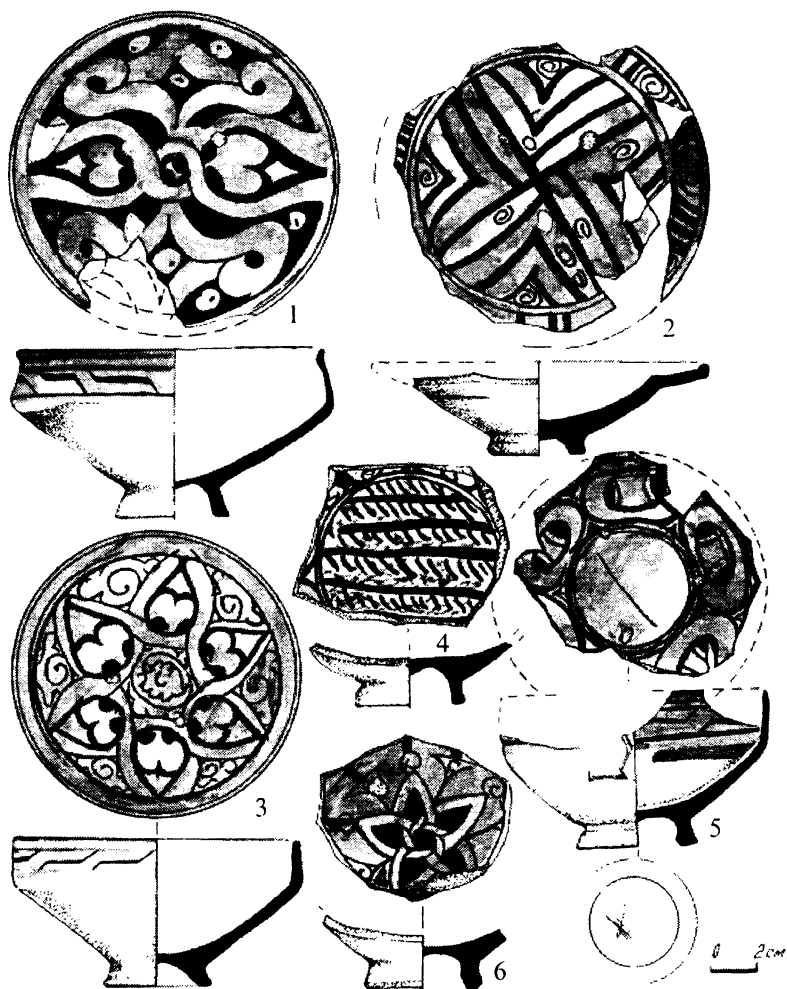

Рис. 8. Керамика 2 группы. Азак.

1,3-6 - чаши; 2 - тарелка.

1 - я. 18; 2,4 - я. 5; 3 - случайная находка; 5 - я. 25; 6 - я. 6.

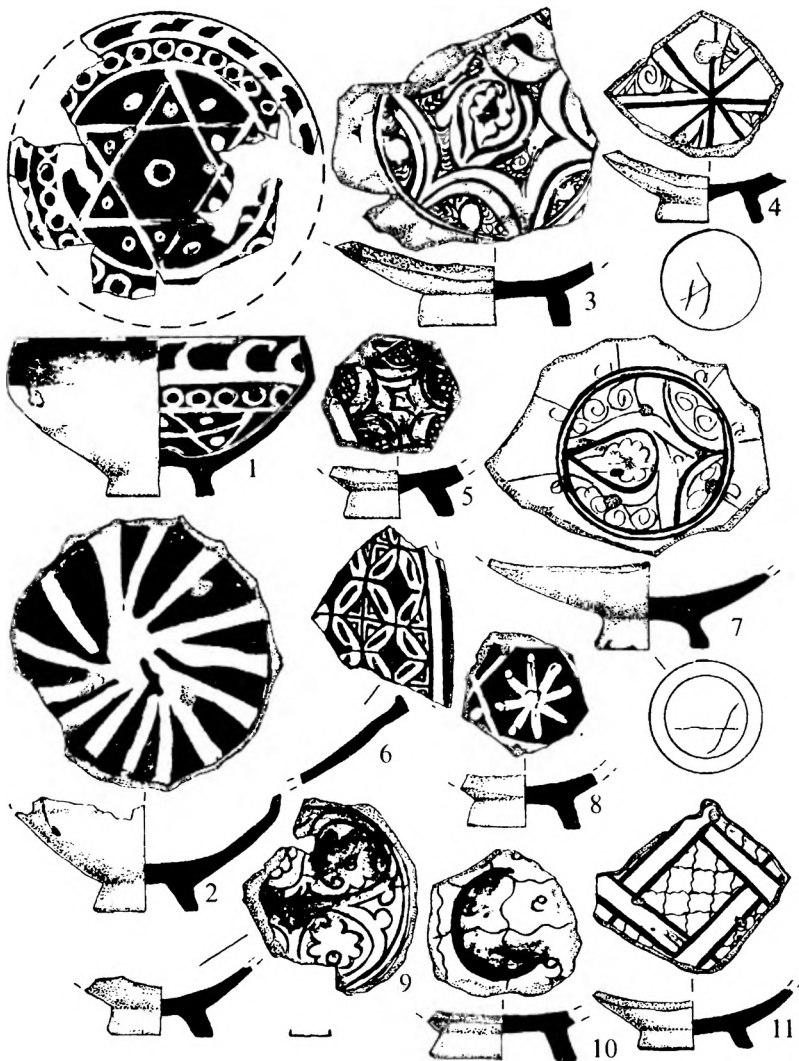

Рис. 9. Керамика 2 группы. Азак.

1-5, 7-11 - чаши; 6 - блюдо.

1,4,5,10 - я. 25; 2 - жил. 2; 3 - я. 23; 6 - я. 13; 7 - я. 24; 8 - я. 5; 9 - я. 10;
11 - я. 27.

закрытой формы, за исключением штампованных, практически не орнаментировались. Особо среди них стоят горшки и кружки с поливой, нанесенной на внутренней поверхности непосредственно по черепку. На раскопе было найдено небольшое количество полуфабрикатов поливной керамики (Рис.10,12,14, орнаментированных, но непокрытых глазурью. 2-я группа керамики не имеет местных корней. Организация ее производства связана с переселением в Азак гончаров извне, вероятно, этнически неоднородных. Волков И.В. связывает это явление с переселением в Азак большой общины армян из Сарая [Волков И.В., 1992А, с.6]. Большое влияние на сложение 2-й группы оказало также керамическое производство городов Юго-Восточного Крыма. Изготовление керамики данной группы начинается в начале XIV в. и продолжается на протяжении всего столетия.

Керамическое производство Азака в настоящее время изучено неплохо [Галкин Л.А., 1975; Перевозчиков В.И., 1990Б; 1993]. Раскопано 11 гончарных горнов, форма которых восходит к салтовским традициям [Перевозчиков В.И., 1993, с.160-163]. Следует отметить, что наряду с мастерскими, в которых изготавлилась керамика только 1 группы [Перевозчиков В.И., 1990Б, с.124] есть участки, где производство 1и 2 групп керамики сосуществовало [Перевозчиков В.И. 1993, с.218-219], хотя, очевидно, осуществлялось различными мастерами. Отсюда наблюдающееся взаимовлияние этих групп, и как следствие - появление сосудов, несущих на себе признаки обеих групп (Рис.5,14). В Азаке не встречены такие крупные производственные комплексы, какие известны, например, по раскопкам Селитренного городища (Сарая) [Федоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М., 1989]. Производство было рассредоточено по значительной территории [Перевозчиков В.И.,1993, с.220]. Существовала, очевидно, и определенная специализация. Так, например, не найдены мастерские, производившие крупноформатные сосуды 1 группы. К сожалению, в публикациях Перевозчикова В.И. отличающихся тщательностью, не оговаривается особо импортное происхождение некоторых материалов. Например, кувшины с узким горлом и гофрированным туловом [Перевозчиков В.И.,1993, с.173, рис.4,5А,13] имеют заведомо северо-кавказское происхождение. Это заставляет сомневаться в местном производстве

некоторых других опубликованных сосудов.

Значительную часть керамического комплекса Азака составляет привозная керамика. Вопреки мнению некоторых исследователей [Перевозчиков В.И. 1993, с.220] ввозилась не только поливная керамика. Импорт составляет 22,2% неполивной посуды, найденной на раскопе (Таб.3). Нами была предпринята попытка выделить все группы импортной керамики, устойчиво встречающиеся в Азаке по материалам данного раскопа (Таб.2). Возможно, какая-то часть керамики, относимая нами к импортной (это относится к тем группам, для которых допустимо предположение о домашнем производстве), могла производиться в Азаке этническими группами, сохранявшими свою обособленность, например, славянами. Однако большая ее часть, несомненно, привозная. Вместе с тем, возможно к местной керамике была отнесена какая-то часть импортов, сходных с ней в силу общего генетического происхождения. Работы такого рода предпринимались неоднократно. Наиболее основательной является диссертация Волкова И.В. [Волков И.В., 1992А], большая выборка поливной импортной керамики представлена в работе Перевозчикова В.И., Романчук А.И. [Романчук А.И., Перевозчиков В.И., 1990]. Имеется ряд тезисных работ. В работе были использованы результаты этих исследований. Основная часть импорта относится к производству четырех центров, которые могут быть локализованы с достаточной долей уверенности.

3 группа (Юго-Восточный Крым-Сугдея, Солхат, Каффа) (Рис.10,16-18; 11-16; 17,2-3) - 1241 ед., 30,4 процента всего импорта, найдена во всех комплексах раскопа. Возможно выделение подгрупп - продукции отдельных центров [Волков И.В., 1992А, с.9-10, таб. II, 5-12]. Характерные признаки: 1) Формовочные массы пластичные, очень однородные, без визуально заметных песчанистых включений. В качестве примеси использовался крупнодробленый шамот в различной концентрации. Имеется естественная примесь крупные включения обломочного известняка. 2) Обжиг - сплошной, равномерный. 3) Технологический уровень производства высокий. Использование различных РФК определялось только размерами сосудов. Неполиванная керамика часто покрывалась ангобом красно-коричневого, коричневого или почти черного цвета. Лощение, как

правило, не применялось, но есть единичные образцы с полосчатым лощением. Есть специфические детали технологии изготовления и форм отдельных видов изделий. Например, для кувшинов - воротничковые или дутые, с отогнутым внутрь краем венчики, размазывание в стороны нижних прилепов ручек, для которых никогда не использовался дополнительный глиняный жгут с внутренней стороны, полосы мелкого рифления по плечикам крупноформатных сосудов. Большую часть керамики 3 группы, поступавшей в Азак, составляла поливная керамика, однако, в небольших количествах поступали и неполивные сосуды самого широкого ассортимента: крупные тарные кувшины, в очень небольшом количестве амфоры (13 фрагментов), пифосы, черепица, горшковидные одно - двуручные сосуды-подойники, афтобы, копилки, туваки, ангобированные кувшины со штампованным орнаментом. На раскопе встречены выразительные фрагменты лишь двух подойников, один из которых восстанавливается почти до полного профиля (Рис.10,16,17) и горло афтобы (Рис.10,18), но представлен почти весь ассортимент. Намного чаще встречается поливная керамика. Поливная керамика III-й группы составляет не только 74% импорта поливной керамики, но и 44,0% всей поливной керамики, найденной на раскопе. Получена очень выразительная выборка поливной керамики III группы, которая включает почти весь ее ассортимент, поступавший в Азак: чаши (Рис.11,1-3; 12,1,3-6; 13,1-6; 14,1-4,6-9; 15,1-2,4-7), чаши большого размера (Рис.12,2), блюда (Рис.11,4), тарелки (Рис.14,5;15,3), светильники (Рис.15,8-11), альбарелло (Рис.16,1), кувшины со штампованным орнаментом (Рис.16,4-5), разнообразные по форме и размерам кувшины (Рис.16,3,6-9), крышка (Рис.16,2), по своим размерам подходящая к горшкообразным сосудам с петельчатыми ручками (Рис.17,2-3). Орнамента сосудов открытых форм исключительно богата и разнообразна по технике исполнения: гравировка с расцветкой чередующимися пятнами зеленого и коричневого цвета (Рис.11; 12,1,3-6) или только зеленого цвета (Рис.12,2) по желтому фону, гравировкой (Рис.13,1-6; 14,1-7,9; 15,1,5), роспись ангобом (Рис.15,2,7), расцветка аморфными пятнами буро-коричневого цвета по желтому фону (Рис.15,6), рельефным орнаментом (Рис.15,4), и неорнаментированная, встречающаяся достаточно

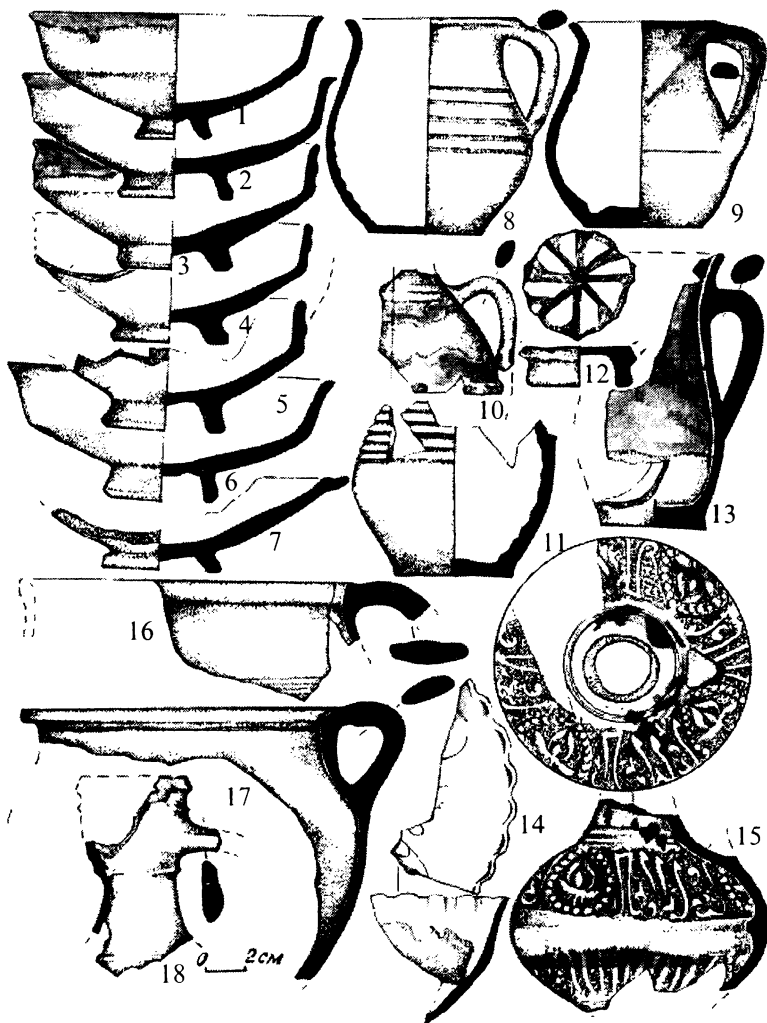

Рис.10.Керамика 2 группы (1-15), Азак и 3 группы (16-18), Ю-В Крым.
1-6 - чаши; 7 - тарелка; 8,9,11 - горшки с ручкой; 10 - горшковидный сосуд;
12,14 - полуфабрикаты поливных чаш; 13 - молочник; 15 - штампованный
кувшин; 16,17 - подойники; 18 - афтоба.

1,12,14 - я. 25; 2,9 - я. 5; 3,4 - я. 20; 5 - я. 19; 6 - я. 3; 7,17 - я. 27; 8,10,11 - я. 7;
13,16 - я. 18; 15 - я. 4; 18 - я. 30.

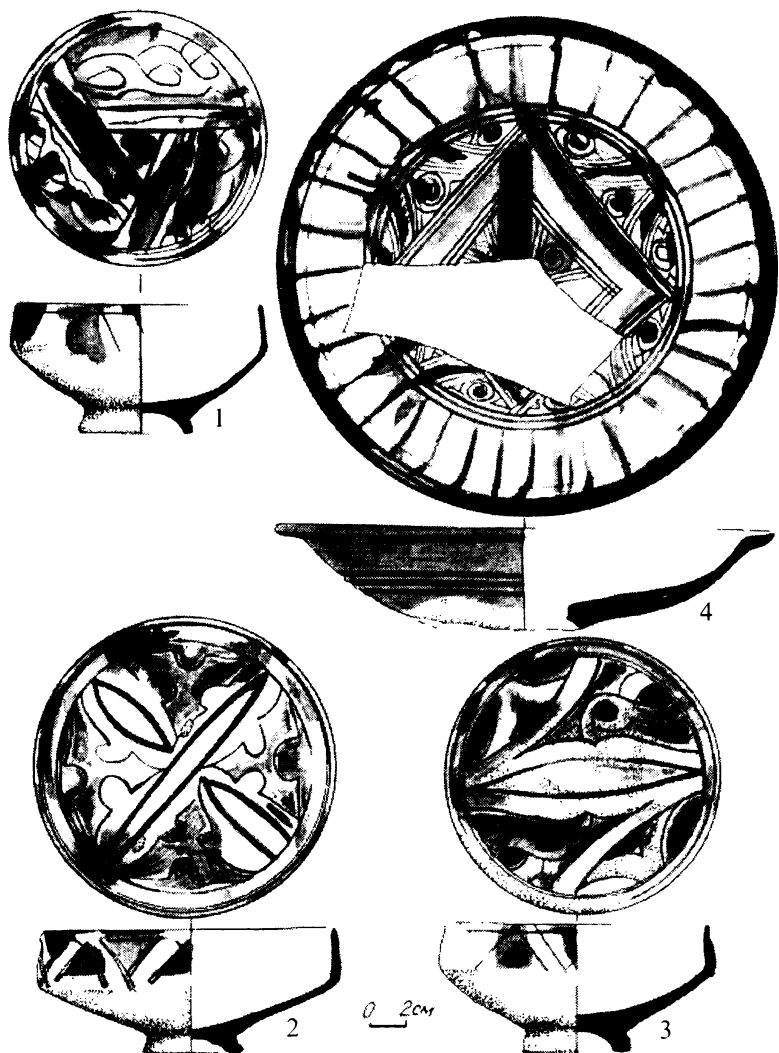

Рис. 11. Керамика 3 группы. Ю-В Крым.
 1-3 чаши; 4 - блюдо.
 1 - я. 21, 2-4 - я. 6.

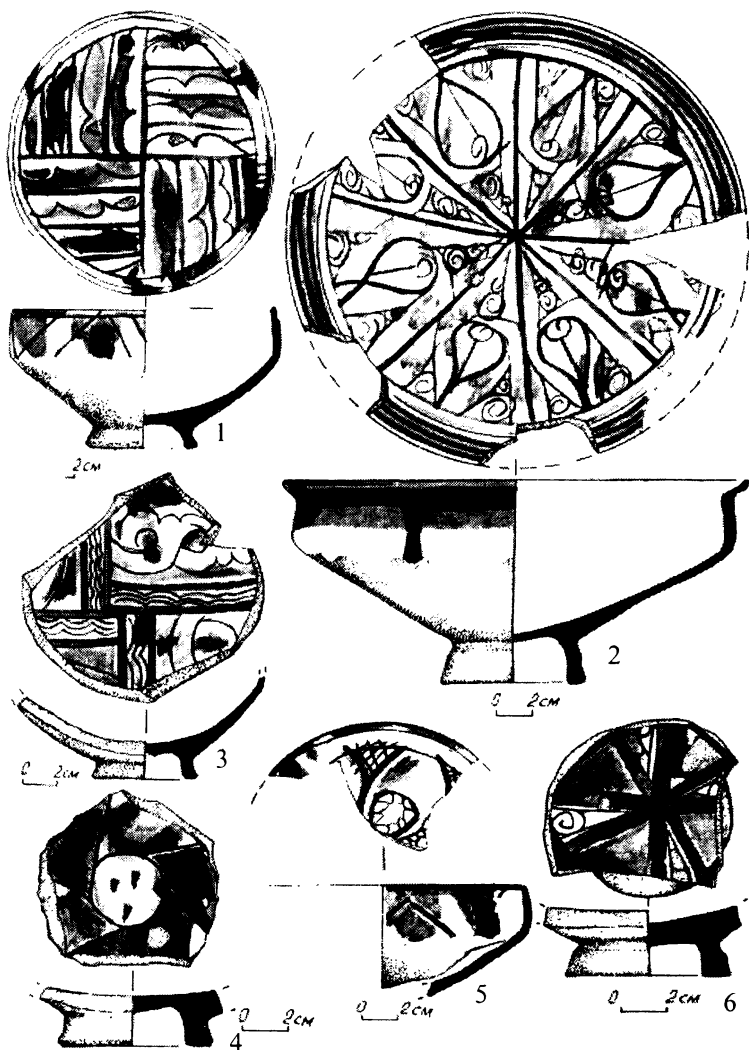

Рис. 12. Керамика 3 группы. Ю-В Крым.

1,2-6 - чаши.

1 - я. 21; 2 - я. 20; 3,5,6 - я. 6; 4 - я. 5.

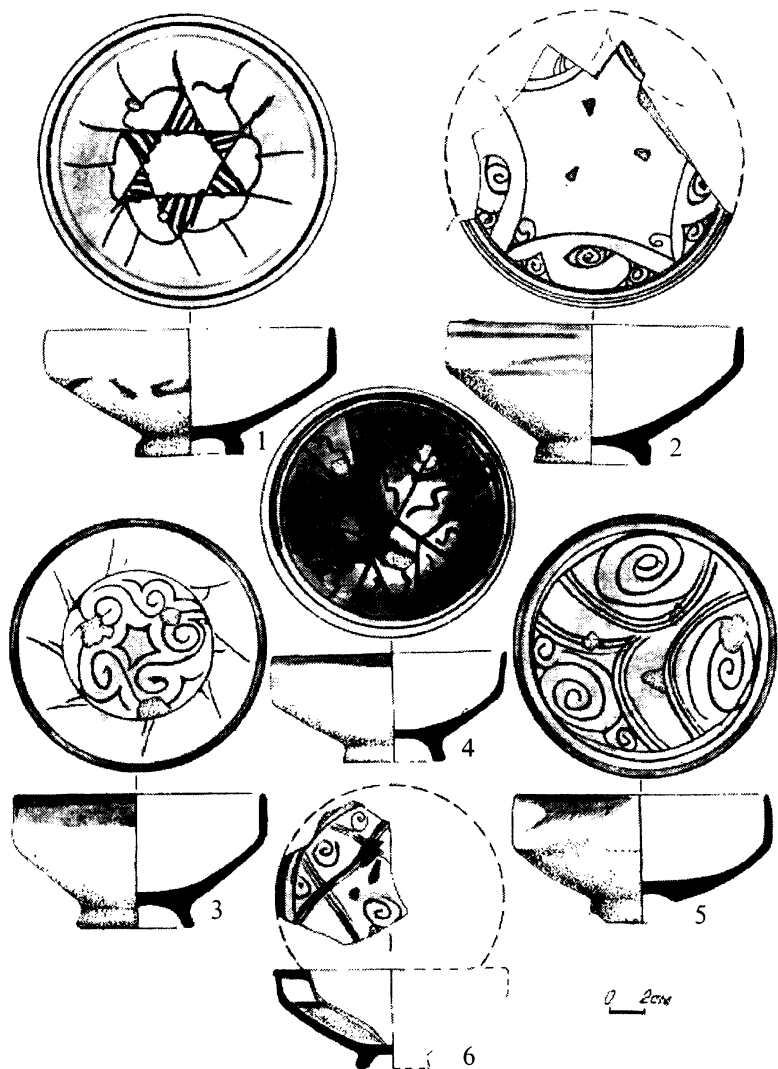

Рис. 13. Керамика 3 группы. Ю-В Крым.

1-6 - чаши.

1-3 - я. 25; 2 - я. 5; 4 - я. 6; 5,6 - я. 21.

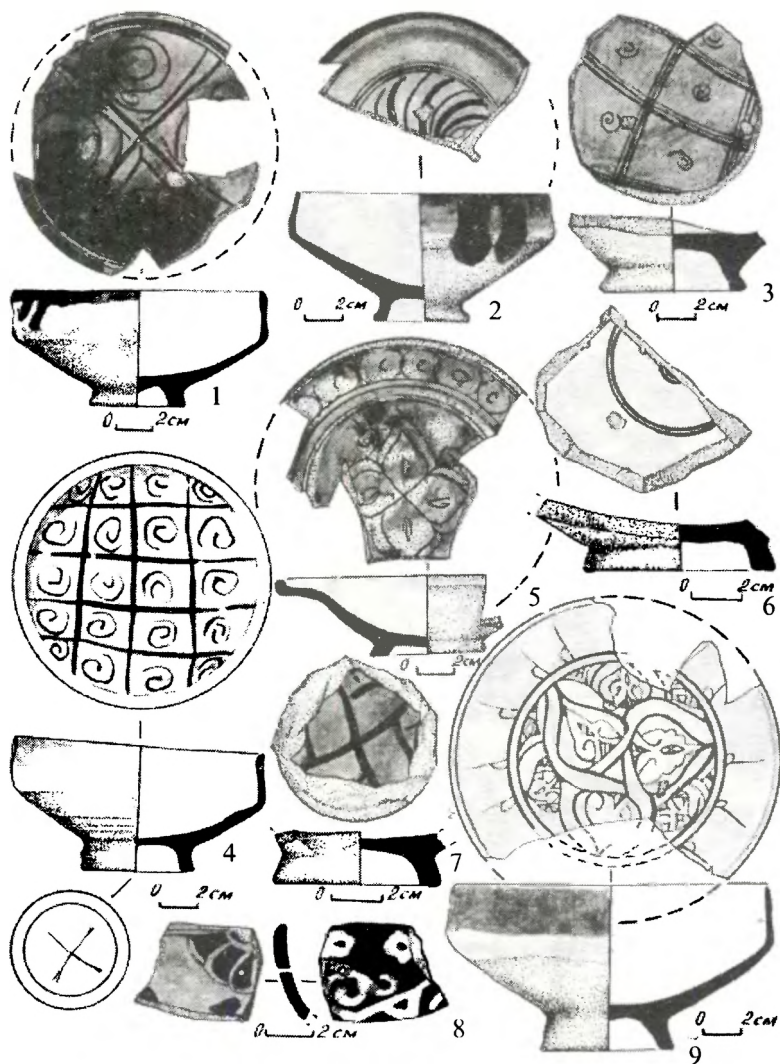

Рис. 14. Керамика 3 группы. Ю-В Крым.

1-4,6-9 - чаши; 5 - тарелка.

1-4 - я. 6; 5 - я. 25; 6,8 - я. 29; 7 - я. 5; 9 - я. 20.

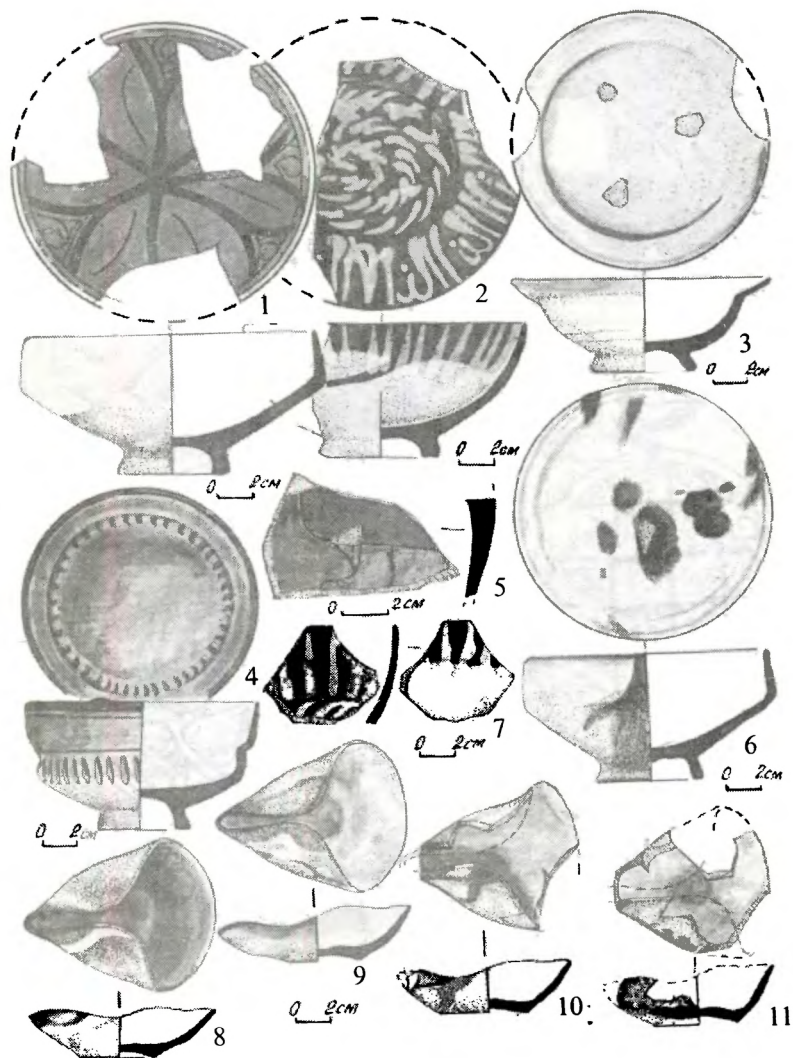

Рис. 15. Керамика 3 группы. Ю-В Крым.

1,2,4-7 - чаши; 3 - тарелка; 8-11 - светильники.

1,4,8-11 - я. 6; 2 - я. 25; 3 - я. 26; 5,7 - я. 21; 6 - я. 3.

Рис. 16. Керамика 3 группы. Ю-В Крым.

1 - альбарелло; 2 - крышка; 3,6 - кувшины; 4,5 - штампованные кувшины; 7-9 - кувшины со сливом.

1 - я. 25; 2 - я. 12; 3,5,6 - я. 32; 4 - я. 18; 7,9 - я. 6; 8 - я. 21.

редко (Рис.15,3). На раскопе обнаружен также единичный фрагмент чаши с совершенно необычной техникой орнаментации - под зеленой глазурью роспись ангобом на внешней поверхности и полурозетки, выполненные путем выскабливания ангоба по внутреннему краю бортика (Рис.14,8). В целом на сосудах открытой формы преобладающий тон глазури желтый (лимонного или темно-желтого оттенка), лишь немногие имеют глазури оттенков зеленого цвета (Рис.14,3,5,7,8; 15,1,4,5). Большая часть сосудов закрытой формы и светильники не орнаментировались. Среди техник орнаментации сосудов закрытых форм преобладают рельефный орнамент (Рис.16,7-9) и штампованный (Рис.16,4-5), значительно реже использовалась гравировка по ангобу (Рис.16,1-3) и расцветка аморфными коричневыми пятнами под желтой поливой. Преобладающий тон глазури - салатный, или темно-зеленый, редко лимонно-желтый (Рис.16,1). Сохранность полив на керамике 3 группы почти всегда хорошая, практически без ирризации, хотя из-за плохого ее сцепления с черепком она иногда осыпается. Можно выделить серии изделий, выполненных в едином стиле орнаментации и цветовой гамме с одинаковыми маргинальными элементами орнамента. Блюдообразные сосуды с концентрическим орнаментом, внешний пояс которого составляют вертикальные зеленые полосы на лимонно-желтом фоне (Рис.11,4). Чаши с гравированным орнаментом, расцвеченным пятнами зеленого и коричневого цвета по лимонно-желтому фону. Они имеют оформление внешней стороны бортика из треугольных гравированных фигур, расцвеченных попеременно поливой разного цвета (Рис.11,1-3; 12,1,5), чаши с гравированным орнаментом под темно-желтой поливой (Рис.13; 14,1-2) и др. Обращает на себя внимание серийность находок. Например, семь идентичных светильников в яме 6 (Рис.15,8-11) и два тождественных кувшина с салатной поливой (Рис.16,7,9) в том же комплексе.

Всеми исследователями признается крымское происхождение данной группы. В настоящее время она достаточно убедительно связана с производством городов Юго-Восточного Крыма (Солхат, Судак, Каффа, возможно и другие) [Баранов И.А.,1991 с.108-113; Волков И.В., 1992А, с.9-10]. В этих городах обнаружены следы производства подобной керамики, в т.ч. штампованных кувшинов [Баранов И.А.,1991, с.108-109,112].

Производство керамики этой группы превращается в массовое в кон. XIII в. [Баранов И.А. 1991, с.109]. О масштабах ее производства говорит, например, такой факт: в Маджаре, имевшем собственное производство поливной керамики, поливная керамика 3 группы превосходит количественно местную (информация Волкова И.В.). В очень небольшом количестве поливная керамика этой группы поступала в Нижнее Подонье в XIII в. Единичные ее находки имеются в материалах памятников предмонгольского времени (Мартышкина балка).

4-5 группы керамики происходят из городов Нижнего Поволжья (Селитренное городище (Сарай), Хаджи-Тархан, Красный Яр и др.), производивших близкую по своим характеристикам продукцию.

4 группа (Рис.17,6-7) - 279 ед., 6,8% импорта, найдена в 23 комплексах. Характерные признаки: 1) Формовочные массы с примесью значительного количества песка, шамота или глиняного концентрата и полностью выгорающей примеси, оставляющей очень заметные разноразмерные аморфные пустоты. 2) Обжиг сквозной, кирпично-красный. Поверхность часто имеет белесый (соляной?) налет. 3) Изготовлена на этапе РФК-3-5. Лощилась редко, непосредственно по черепку. Ангобы не применялись. Использовались те же виды орнамента, что и на местной неполивной керамике. Ассортимент поступавшей в Азак керамики ограничивается разнообразными по форме и размерам кувшинами (Рис.16,6), среди которых имеются крупные тарные сосуды [Гудименко И.В.1994, рис.2,8], и афтобами (Рис.17,7). Керамика этой группы хорошо изучена [Михальченко С.Е., 1973; Федоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М., 1989]. В Азак поступал далеко не весь ассортимент продукции этой группы. Обращает на себя внимание то, что в Азак достаточно большой процент такой керамики имеет лощение, в то время как в самом Нижнем Поволжье процент лощеной керамики составляет лишь 0,4-1,8% [Михальченко С.Е., 1973, с.121].

5 группа (Рис.17,1,5,9,13) - 26 ед., 0,6% импорта, найдена в пяти комплексах. Характерные признаки, совпадают с характеристиками 2-й группы керамики, отличаясь от нее лишь большей концентрацией и размером зерен песка [Волков И.В., 1992А, с.7], что говорит об их генетической близости.

Выделение керамики этой группы в материалах Азака в полном объеме пока проблематично. Можно отметить лишь некоторые наблюдения. В ней, например, не представлены кувшины со штампованным орнаментом (в работе Булатова Н.М. [Булатов Н.М., 1976, с.85, Таб. VI, 12], суммарно описывающей поливную керамику всех золотоордынских городов, представлены очень невыразительные фрагменты, без уточнения места производства). С уверенностью к ней можно отнести небольшое количество высокотехнологичной неполивной керамики, например, небольшой одноручный кувшин со сливом на венчике (Рис. 17, 1) и поливные чаши, расписанные белым ангобом под голубой глазурью (Рис. 17, 5). Глазурь такого цвета не использовалась гончарами Азака. К этой группе можно отнести некоторые фрагменты поливных чаш с росписью ангобом, резко выделяющиеся своей стилистикой росписи (антропоморфные? сюжетные композиции) (Рис. 17, 13) или технологическими особенностями (внешняя поверхность сплошь покрыта поливой, по внешнему краю бортика зеленые полосы на желтом фоне) (Рис. 17, 5). Возможно, нижеволжскими являются некоторые образцы, условно относимые к местной керамике (Рис. 9, 3). Опираясь на эти единичные находки, можно предположительно выделить некоторые специфические черты керамики 5 группы, не встречаемые на полуфабрикатах поливной керамики азакского производства: 1) Более светлая по сравнению с черепком поверхность, иногда имеющая белесый налет. 2) Конический выступ с внешней стороны в центре поддона. К сожалению, проверить эти предположения трудно, так, например, в работе Булатова Н.М. отсутствуют разрезы сосудов. Пока можно констатировать, что доля керамики этой группы в реальности была выше определяемой на настоящий момент.

6-7 группы происходят из Маджара, в котором, как и большинстве крупных золотоордынских городов, работали две группы гончаров с различными традициями [Волков И.В., 1991, с.29].

6 группа (Рис. 17, 10, 14) - 228 ед., 5,6% всего импорта, найдена в 23 комплексах. Характерные признаки: 1) Формовочные массы имеют примесь шамота или глиняного концентрата. Естественная примесь чешуек слюды в 2-3 раза выше, чем в азакской 1 группе.

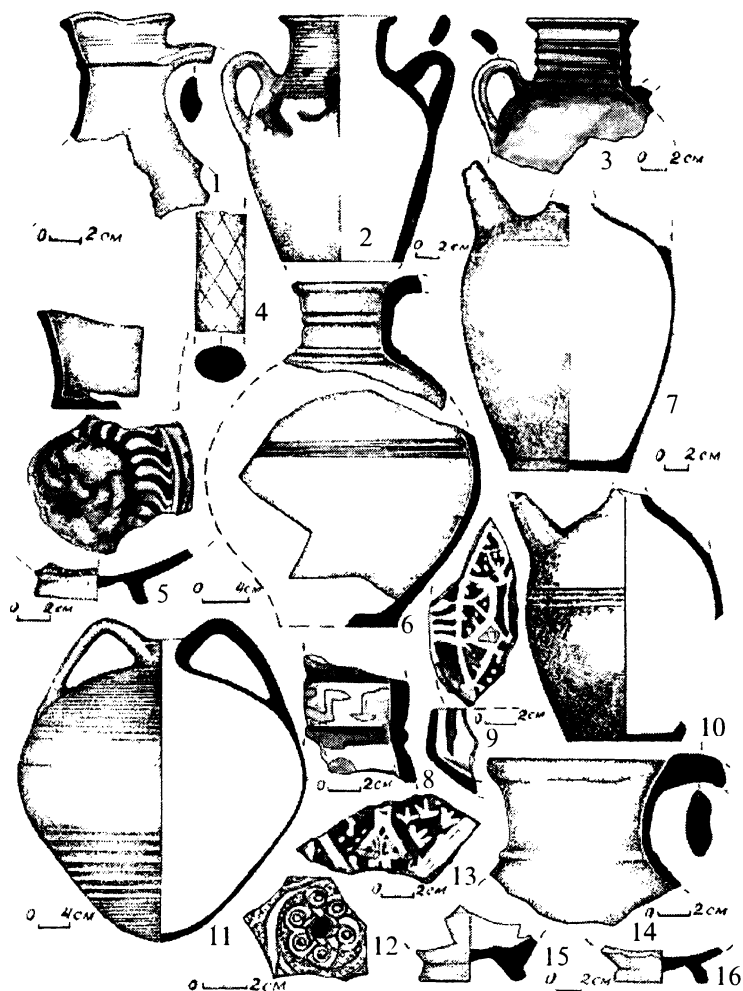

Рис. 17 Керамика. 3 группа (2,3), Ю-В Крым; 4 группа (6,7); 5 группа (1,5,9,13), Н. Поволжье; 6 (10,14) и 7 (4,8,12,15,16) группы, Маджар; 8 группа (11), Трапезунд.

1,6,14 - кувшины; 2,3 - горшковидные сосуды; 4 - ручка кувшина; 5,9,13, 15,16 - чаши; 7,10 - афтобы; 8,12 - фрагменты штампованных кувшинов; 11 - амфора.

1,6 - я. 18; 2,11,16 - я. 25; 3 - я. 4; 4,12 - я. 31; 5,9,13 - я. 6; 7,10 - жил. 2; 8 - я. 23; 12 - я. 31; 15 - я. 21

2) Обжиг, как правило, трехслойный, но в сравнении с местной керамикой сердцевина более светлая и тонкая. Внешние слои более светлые, холодного тона, границы слоев размыты, часто имеются промежуточные прослойки. 3) Изготавливалась на этапах РФК-3-5. Ангоб яркий, красно-оранжевого оттенка. Часто использовался ангоб белого цвета, не применявшийся азербайджанскими гончарами. Лощение наносилось тонкими линиями и, как правило, плохо заметно. Характеристики черепка более вариabельны, чем в I группе керамики. В Азербайджан поступали, в основном, разноразмерные кувшины (Рис.17,14) и много реже афтобы (Рис.17,10). Наиболее часты и наиболее заметны сосуды с белым ангобом, как правило, лощеные. Группа имеет истоки в местных гончарных традициях Северного Кавказа. В Венгрии исследованы производственные комплексы, в которых производилась керамика этой группы [Волков И.В.,1991, с.29].

7 группа (Рис.17,4,8,12,15,16) - 91 ед., 2,2% импорта, найдена в 19 комплексах. Характерные признаки: 1) Формовочные массы высокопористые, черепок очень легкий, что сразу выделяет керамику этой группы. В них присутствуют в большинстве случаев частицы измельченной сухой глины и заметны золотистые чешуйки. 2) Обжиг сквозной. Черепок светлый, с оттенками бежевого, светло-желтого и светло-оранжевого. 3) Изготавливалась на этапах РФК-5-7. Применялся ангоб ярких (красный, красно-оранжевый, коричневый) тонов и полосчатое лощение для традиционных форм. Производилась как поливная, так и неполивная керамика. Неполивная керамика этой группы встречается устойчиво, но профильные части очень редки, поэтому ассортимент неполивной керамики этой группы охарактеризовать сложно. В основном это, очевидно, кувшины с полосчатым лощением. Поливная керамика этой группы, поступавшая в Азербайджан, представлена чашами и горшками. Чаши либо неорнаментированные (Рис.17,16), либо с невыразительным гравированным орнаментом по ангобу. Горшки с болотно-зеленой поливой на внутренней поверхности, нанесенной непосредственно по черепку, имеют невысокий поддон (Рис.17,15). Очевидно, к этой группе относятся светлоглиняные, очень нарядные кувшины со штампованным орнаментом, расписанные бирюзовой глазурью (Рис.17,8,12). В Азербайджан поступали также брусковидные изразцы,

покрытые бирюзовой глазурью. Интересен фрагмент ручки с тонким врезным орнаментом (Рис.17,4). Возможно, маджарское происхождение имеет фрагмент светлоглиняного сферокопуса (Рис.21,6). По мнению Э.В. Ртвеладзе [Ртвеладзе Э.В., 1974, с.283] в городе было налажено местное их производство. В Маджаре были изучены производственные комплексы, в которых изготовлялась такая керамика [Волков И.В., 1991, с.27,30].

8 группа (Рис.17,11) (Трапезунд) - 1129 ед., 27,6% импорта, найдена в 26 комплексах. Характерные черты: 1) Формовочные массы со значительной концентрацией зерен кварца и чешуек слюды (до 15-20%). 2) Обжиг сквозной, цвет колеблется от оранжевого до кирпично-коричневого. 3) Высокотехнологична. По характеристикам черепка возможно выделение подгрупп, очевидно керамика этой группы производилась в нескольких близкородственных центрах. В литературе широко известна под описательным названием амфор с дуговидными ручками. На территорию Нижнего Подонья поступала в течение очень длительного времени (X-XIV в.). Выделена в материалах Азака Волковым И.В. и локализована им, как производство Трапезунда на основании анализа письменных источников [Волков И.В., 1989, с.87-93]. В Азак поступали почти исключительно амфоры. На данном раскопе найдено всего два фрагмента дна плоскодонного сосуда, но, возможно, и это амфора. В настоящее время локализация этой группы как трапезундской не встречает возражений [Коваль В.Ю., 1997, с.105].

Локализация четырех вышепозванных центров может быть подтверждена и общеисторическими соображениями. Очевидно, что керамика в большинстве случаев не выступала как самостоятельный товар. Ее перемещение происходило между теми центрами, которые имели хорошо налаженные торговые связи. Перемещение ее морем происходило легче, чем по суше. Очевидно, что наибольший процент керамики должен происходить из центров, являвшихся крупнейшими торговыми контр-агентами Азака, т.е. ближайшими к нему узловыми центрами на важнейших торговых путях. Именно такими центрами для Азака были порты Юго-Восточного Крыма (Сугдея, Каффа), Сарай, Хаджи-Тархан, Маджар и Трапезунд. Суммарно продукция этих центров дает 78,7% всей импортной керамики Азака (включая кашинную

Нижневолжского производства). Наиболее разнообразный ассортимент поступавших изделий имеет 3-я группа (Юго-Восточный Крым), что очень хорошо объяснимо. Через эти центры в Азак поступала продукция более далеких центров. Данный принцип - размещение центров-импортеров вдоль важнейших для Азака торговых путей может быть использован для локализации производства других групп керамики.

Другие группы встречены в заметно меньших количествах. Далеко не все они могут быть локализованы с уверенностью. При описании они были сгруппированы в рамках крупных культурно-географических ареалов, из которых происходят:

- 1) Причерноморско-Византийский;
- 2) Салтовско-Северо-Кавказский;
- 3) Славянский;
- 4) Восточный;
- 5) Средиземноморский.

Границы этих ареалов, естественно, условны.

9 группа (Рис.18,1-4) (Юго-Западный Крым-Мангуп? и др.) - 98 ед., 2,4% импорта, найдена в 16 комплексах. Характерные признаки: 1) Формовочные массы с большой примесью мелкого речного песка, слюды (15-20%) и карбонатов. 2) Обжиг, как правило, сквозной, темно-коричневого цвета, иногда с тонкой серой прослойкой в середине. 3) Изготовлена на этапе РФК-6-7. Днища срезаны с круга нитью. Поверхность тщательно заглажена. Очень тонкостенная. Значительная часть керамики (кувшины) имела роспись нестойкими минеральными красками: белой или в три цвета - бело-красно-черной. Детали росписи - вертикальные ленты с ласточками внутри, медальоны с концентрическими окружностями, розетки, плоды граната, фон заполнялся мелкими спиралевидными завитками. Ассортимент включает круглодонные горшки с ручкой (Рис.18,2) и разноразмерные одно- и двуручные кувшины с дутым венчиком и прилепом ручек к месту максимального расширения горла (Рис.18,1,3-4). Найденный крупный двуручный кувшин (Рис.18,1) покрыт изнутри темной смолистой массой (нефтепродукты?). Точная его аналогия происходит из Белгорода-Днестровского (Монкастро) [Кравченко А.А., 1986, с.49, рис.18,1]. Выделена для Азака и локализована Волковым И.В. [Волков И.В., 1992А, с.10-11]. В пользу локализации

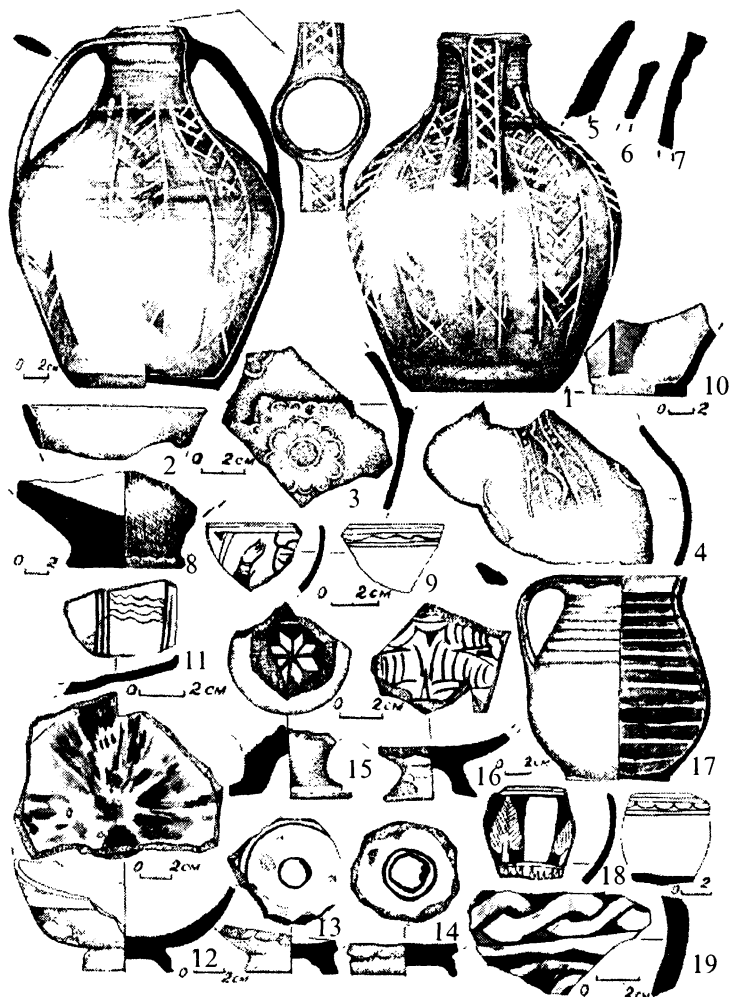

Рис. 18. Керамика. 9 группа (1-4), Ю-3 Крым; 10 группа (6,7), Колхида ?; 11 (5), неизвестный центр; 13,14 и 15 группы (8,11-14), неизвестные центры; группы 15а и 15б (9,10,15,16,18,19), Балканы.

1,3,4 - кувшины; 2,5-7,17 - горшки; 8 - пифос; 10 - кубок; 9,11-16,18 - чаши; 19 - кувшин.

1,6,7,9,16 - я. 6; 2,19 - я. 18; 3,15 - жил.2; 4,8 - я. 30; 5 - я. 23; 10,12 - я. 3; 11 - я. 29; 13 - я. 10; 14 - я. 32; 17 - я. 4; 18 - я. 6.

их производства в горных районах Юго-Западного Крыма (княжество Феодоро) говорит традиционность для этих районов, со времен раннего средневековья, росписи белым ангобом, более частая встречаемость их в этих районах [Айбабина Е.А., 1991, с.203], также традиционный ассортимент видов керамики (часты одноручные ойнохоевидные кувшины). В Азаке керамика этой группы встречается далеко не во всех районах.

10 группа (Рис.18,5,7) (Колхида?) - 44 ед., 1,1% импорта, найдена в 15 комплексах. Характерные признаки: 1) Формовочные массы с большим содержанием крупного, вероятно, речного песка и пироксена, иногда с небольшим добавлением дресвы. 2) Обжиг сквозной, темно-оранжевого, буро-красного иногда почти черного цвета. 3) Изготовлена на этапах РФК-5-7. Поверхность иногда бугристая. Сосуды несколько асимметричны. Представлена только круглодонными горшками с ручкой (Рис.18,6-7, и с отогнутыми наружу венчиками. В материалах Азака встречаются часто, но в небольших количествах. Известны целые экземпляры. Допустимо предположение о происхождении с Восточного побережья Черного моря (судя по составу теста).

11 группа (Рис.18,5) - 2 ед., найдена в одном комплексе. Характерные признаки: 1) Формовочные массы с большим количеством крупнодробленой кварцевой дресвы. 2) Обжиг трехслойный: красно-коричневый по краям и черный в сердцевине. 3) Изготовлена на этапе РФК-6-7. При обработке поверхности использовался мелкозубчатый штамп. Ассортимент ограничивается круглодонными горшками с высокими отогнутыми наружу венчиками (Рис.18,5). Очень редкая, но хорошо выделяемая группа керамики. Сколько-нибудь целых профилей в материалах Азака неизвестно. Место производства можно определить в пределах Черноморского бассейна.

12 группа (Рис.19,2) (Триллия) 2 ед., найдена в двух комплексах. Характерные признаки: 1) Формовочные массы с примесью навоза (большой в ручках амфор и слабо заметной в остальных частях сосудов), крупнодробленого шамота и известковых включений. 2) Обжиг, как правило, сквозной, кремово-коричневого цвета, с характерным фиолетовым оттенком. 3) Изготавливалась на этапах РФК-6-7. Применялся белый или зеленоватый ангоб. В основном, в Азак поступали амфоры,

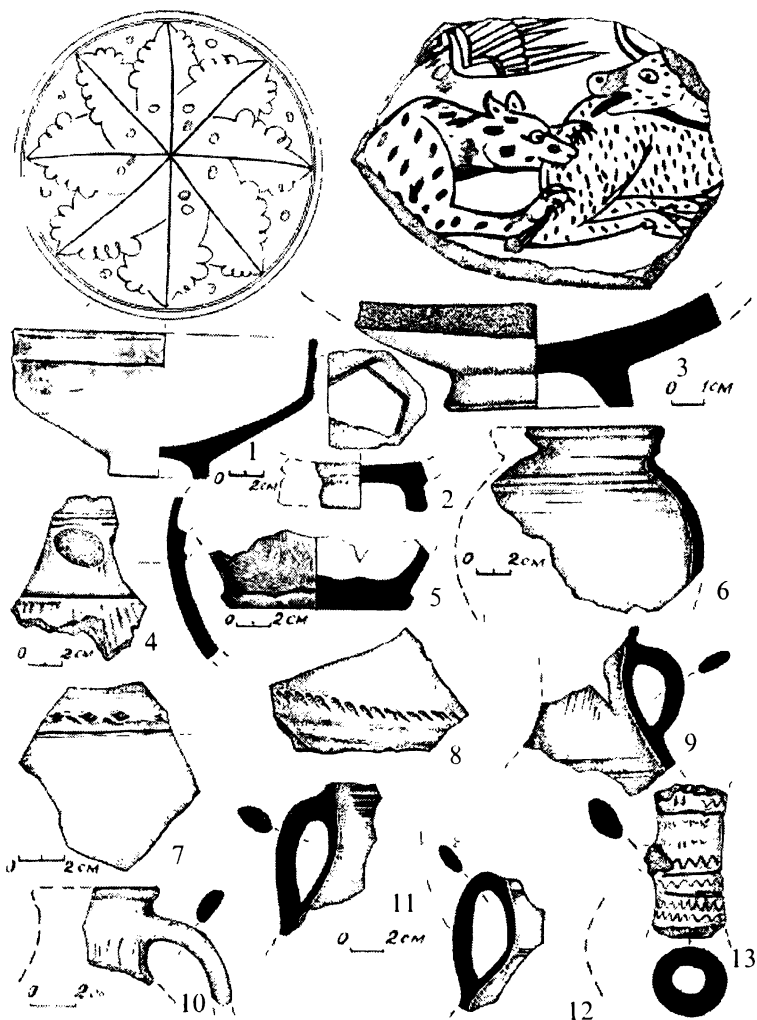

Рис. 19. Керамика. 12 группа (2), Трилья ?; 17 группа (6), Среднее Поволжье; 18 группа (4), Северный Кавказ; 19 группа (5, 7-12), керамика выполненная в салтовских традициях; неизвестных центров (1,2,13). 1-3 - чаши; 4,5,7-13 - кувшины; 6 - горшок; 7 - фрагмент котла. 1 - я. 27; 2 - я. 6; 3 - я. 4; 4 - я. 7; 5 - жил. 2, я. В; 6,11 - я. 18; 7 - я. 5; 8 - кв. 1А, шт. 3; 9 - я. 21; 10 - я. 31; 12 - я. 30; 13 - я. 3.

известные в литературе под описательным названием амфор с веретенообразным туловом, в их позднем варианте (с гребенчатыми расчесами, беспорядочно нанесенными по бокам сосудов). На данном раскопе их фрагменты не найдены. В небольшом количестве встречаются поливные чаши, которые могут быть отнесены к этой группе по характерному составу формовочной массы и цвету обжига. Чаши покрыты лимонно-желтой глазурью по белому ангобу и гравированным орнаментом (Рис.19,2), имеется специфика в профилировке поддонов. Выделена для Азака и локализована как триллийская Волковым И.В. [Волков И.В., 1992Б, с.150,153, рис.5] на основании анализа письменных источников.

13 группа (Рис.18,8) - 5 ед, 0,1% импорта, найдена в трех комплексах. Характерные признаки: 1) Формовочные массы с большим количеством крупнозернистого песка, дресвы и крупных включений бурого железняка. 2) Обжиг сквозной, темно-коричневого цвета. 3) Поверхность обрабатывалась при помощи зубчатого штампа. Ассортимент представлен исключительно пифосами. Форма венцов (муфтообразные, трапециевидного сечения) известна по находкам на памятниках предмонгольского времени в окрестностях Азака. Дно маленькое, толстостенное (Рис.18,8). Эти пифосы с шаровидным корпусом широко представлены в Северном Причерноморье и датируются там XII-XIII вв. [Якобсон А.Л., 1966, с.199-200, рис.8,1-3; Жажигина Л.Ю. 1996, с.118-119, рис.3,1]. Данная группа широко представлена в материалах памятников предмонгольского времени, но крайне редка в материалах Азака и может служить хронологическим индикатором. Их поступление в Азак прекратилось, видимо, не позднее рубежа XIV в.

14 группа (Рис.18,11-14) - 39 ед., 1,0% импорта, найдена в 15 комплексах. Характерные черты: 1) Формовочные массы с высокой концентрацией мелкого песка и слюды, иногда с мелким шамотом и мелкими пустотами от выгоревшей примеси. По составу формовочных масс возможно выделение двух подгрупп. Черепок достаточно рыхлый, легко крошится. 2) Обжиг сквозной, палево-коричневый. 3) Изготавливалась на этапе РФК-7. Специфична форма и технология изготовления поддона (из монолитного куска, в котором выбиралась неглубокая выемка). Ассортимент представлен исключительно чашами и пиалами, покрытыми

прозрачной желтой глазурью на внутренней поверхности и салатной по бортику с внешней стороны. Варианты орнаментации очень ограничены. Гравированный орнамент в виде концентрических окружностей в центре (Рис.18,13-14), от которых иногда отходят пучки волнистых вертикальных линий (Рис.18,11). Много реже гравированный растительный орнамент, расцвеченный пятнами зеленого цвета. Иногда чаши орнаментировались аморфными пятнами буро-коричневого цвета (Рис.18,12). Поливная керамика данной группы встречена в большом количестве на Семеновской крепости [Ларенок В.А., 1994, с.132-133, рис.1,7,10,11]. Ранее была опубликована значительная выборка керамики данной группы из Азака [Романчук А.И., Перевозчиков В.И., 1990, с.99,101]. Аналогичная керамика происходит из Херсонеса [Романчук А.И., Перевозчиков В.И. 1990, с.101], Белгорода-Днестровского [Кравченко А.А., 1986, рис.28,8]. По наблюдениям авторов, может выступать хронологическим индикатором, т.к. ее поступление прекратилось не позднее сер. XIV в.

XV группа (Рис.18,9,10,15,16,18,19) (Балканы) - 23 ед., 0,5% импорта, найдены в восьми комплексах. Характерные признаки: 1) Формовочные массы с небольшой примесью речного песка. 2) Обжиг сквозной оранжево-красный (известны другие оттенки). 3) Изготовлены на этапе РФК-7. Очень тонкостенные сосуды. Могут быть выделены две подгруппы, несколько различающиеся характеристиками черепка.

Подгруппа А. Представлена небольшими пиалами и плоскодонными кубками. Цвет поливы на внутренней стороне всегда светло-желтый, на внешней всегда салатно-зеленый. Стандартен орнамент на внешней стороне бортика чаш. Для орнаментации использовалась поангобная гравировка тонкой линией или резерв. Из сюжетов встречены монограммы, зооморфные и антропоморфные сюжеты (Рис.18,9,16), кипарисы (Рис.18,18). Керамика этой подгруппы представлена в Каффе, Румынии, Болгарии, Белгороде-Днестровском [Кравченко А.А. 1986, с.102-114, рис.40-43; 1991, с.114-116, рис.1-2]. По нашим наблюдениям, эта керамика поступала в Азак в середине - третьей четверти XIV в. Этому не противоречат материалы других раскопов [Бойко А.Л., 1991, с.5-6, рис.1,3].

Подгруппа Б. Сосуды этой подгруппы несколько более толстостенны. Представлена, за единственным исключением, кувшинами с двустольной ручкой, покрытыми темно-желтой глазурью по белому ангобу на внешней поверхности и по черепку на внутренней поверхности. Для орнаментации использовались гравировка тонкой линией и резерв. Излюбленные орнаментальные мотивы - плетенка из двух полос (Рис.18,19), кипарис и др. В Азак поступала в очень небольших количествах. Аналогии известны в Каффе, Константинополе, Белгороде-Днестровском [Кравченко А.А., 1986, с.113-114, рис.41,9-10; 1991, с.116, рис.2,3], Херсонесе [Якобсон А.Л., 1950, с.192, таб. XXIII, 89в]. Керамика 15 группы, очевидно, происходит из византийского или, находящегося под византийским влиянием, центра на Балканском полуострове.

16 группа (Рис.18,17) - 76 ед., 1,9% импорта, найдена в 14 комплексах. Характерные признаки: 1) Формовочные массы непластичные, с примесями разноразмерной дресвы, мелкого песка и бурого железняка. 2) Обжиг сквозной или невыразительный двухслойный, светлый или серо-глиняный, редко коричневый. 3) Изготовлена на этапе РФК-7, тонкостенная. Ассортимент представлен одноручными горшками, покрытыми изнутри поливой различных оттенков по черепку (Рис.18,17) и поливными же низкими котлами-сковородами с горизонтальными ручками. По своим характерным чертам может быть определена как продукция одного из Причерноморских центров. На Нижне-волжских городищах данная группа отсутствует (информация Волкова И.В.).

К Причерноморскому кругу, в широком смысле, следует отнести некоторые отдельные находки. Чаша с поангобной гравировкой тонкой линией под лимонно-желтой глазурью. Орнамент в виде "вихревой" восьмилепестковой розетки с фестончатыми краями лепестков занимает всю внутреннюю поверхность (Рис.19,1). Внешняя сторона бортика покрыта салатно-зеленой поливой. Черепок светлоглиняный, с примесью цветного среднезернистого песка. Не имеет аналогов в материалах Азака, дно чаши на кольцевом поддоне с сюжетной композицией, выполненной гравировкой под поливой лимонно-желтого цвета. Сохранилась только часть композиции, изображающей терзание

собакой (волком) оленя (быка?), над сценой терзания крыло летящей хищной птицы (Рис.19,2). В целом композиция, очевидно, изображала сцену охоты. Аналогии данному сюжету следует искать на предметах торевтики, об этом говорит, помимо прочего, характер изображения шерсти животного. Черепок красно-глиняный, со среднезернистым цветным песком. Возможно происхождение этих двух чаш с территории самой Золотой Орды.

К следующему кругу нами отнесена керамика, при изготовлении которой использовались традиции, восходящие к салтово-маяцкой культуре. В материалах Азака представлено большое число центров этого круга. Многие из них встречаются спорадически. Лишь некоторые группы керамики могут быть предположительно локализованы. В небольших количествах все эти группы встречаются в материалах Маджара и Нижневолжских городов (информация Волкова И.В.). По технологическим признакам все эти группы близки друг к другу. Следует учитывать, что керамика с близкими характеристиками черепка могла производиться в нескольких центрах.

17 группа (Рис.19,6) (Средняя Волга) - 8 ед., 0,2% импорта, найдена в трех комплексах. Характерные признаки: 1)Формовочные массы с примесью мелкого шамота или глиняного концентрата и слабо заметной примесью растительных волокон. 2) Обжиг трехслойный, с темно-серой сердцевинной и кирпично-коричневыми внешними слоями. 3) Изготовлена на этапах РФК-5-6. На раскопе найдено несколько фрагментов горшка с короткой шейкой и рифлеными полосами на плечиках (Рис.19,6). Аналогии ему известны в материалах Болгара [Хлебникова Т.А.,1988, с.54,67, рис.9,10]. В Азак керамика этой группы, очевидно, поступала в очень небольших количествах.

18 группа (Рис.19,4)(Северный Кавказ) - 25 ед., 0,6% импорта, найдена в 13 комплексах. По своим характерным чертам керамика почти идентична керамике группы 6 (Маджар), отличаясь характером лощения и формой сосудов. Обжиг почти всегда сквозной. Представлена исключительно одноручными кувшинами с узким высоким горлом, гофрированным туловом и налечами на ручке. Лощение наносилось по плотному яркому ангобу коричневого или красного цвета, блестящее, почти сплошное. Достаточно широко распространена в Азаке, хотя и в небольших

количествах.

19 группа (Рис.19,5,7-12) - 132 ед., 3,2% импорта, найдена в 20 комплексах. К этой группе отнесена продукция целого ряда близкородственных центров, стабильно присутствующая в материалах Азака в небольших количествах. Из-за малого числа профильных фрагментов их сложно охарактеризовать в полном объеме. Можно лишь отметить некоторые отличительные черты. При их изготовлении использовались более архаичные приемы, чем для изготовления 1 группы керамики. В черепке заметна примесь мелких органических волокон. Имеются специфические черты в профилировке отдельных деталей и орнаментации сосудов. По составу примесей можно выделить несколько подгрупп, которые в свою очередь могут быть продукцией более чем одного центра.

Подгруппа А. Выделяется очень большим количеством чешуек слюды в тесте и светлыми тонами поверхности (Рис.19,11).

Подгруппа Б. В формовочных массах очень высокая концентрация мелкого песка. Обжиг трехслойный, с темно-коричневой поверхностью (Рис.19,5,12).

Подгруппа В. С очень высокой (до 30%) концентрацией крупного шамота или глиняного концентрата в формовочной массе.

Подгруппа Г. Вместо мелких растительных волокон (травы?) использована примесь навоза (Рис.19,9).

Подгруппа Д. В формовочной массе присутствует примесь измельченной ракушки.

Подгруппа Е. Представлена котлами, орнаментированными оттисками зубчатого штампа по наклепному валику (Рис.19,7). В тесте примесь среднезернистого песка. Специфичен оттенок обжига. Трудно говорить о локализации центров производства этой керамики, но следует отметить, что большинство этих подгрупп представлено в материалах округа Азака куда большим количеством находок, чем на самом городище. К этому кругу, очевидно, следует относить ряд единичных находок (Рис.19,13).

20 группа (Рис.20,1,3-6) (славянская) - 74 ед., 1,8% импорта, найдена в 12 комплексах. Характерные черты: 1) Изготовлена на этапе РФК-3-4. По плечикам сосуды орнаментировались одной или несколькими волнистыми линиями. Ассортимент представлен

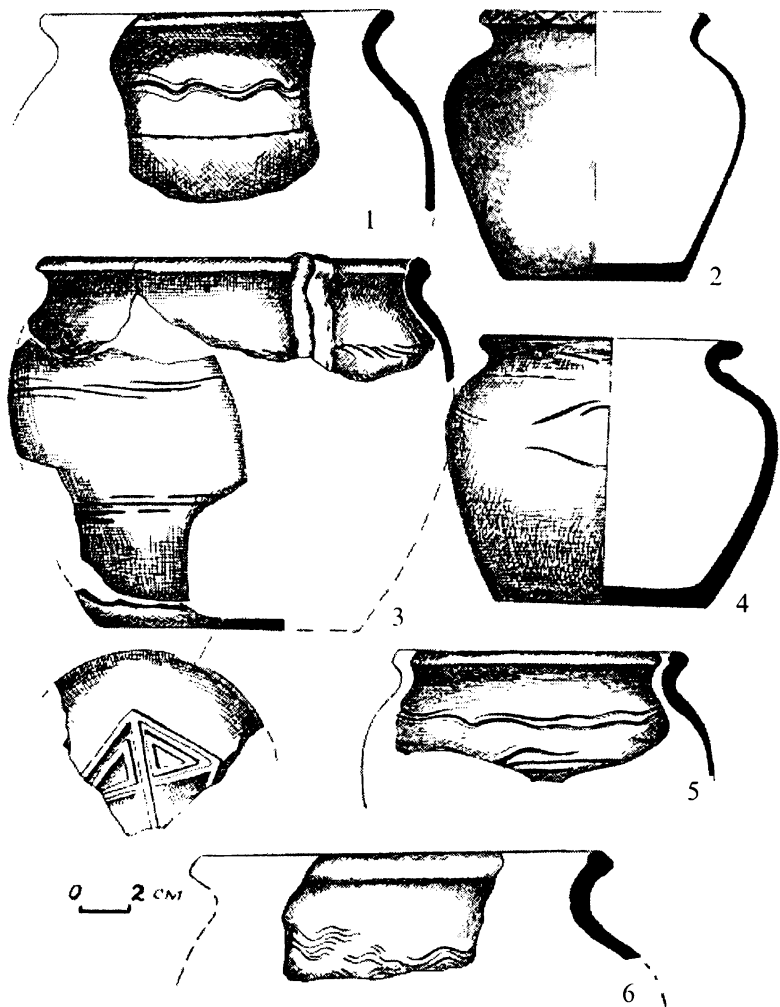

Рис. 20. Керамика 20 группы (1,3-6), славяне; неизвестного центра (2).
 1-6 - горшки.
 1,5 - я. 4; 2 - случайная находка; 3,4 - я. 18; 6 - я. 23.

исключительно горшками с короткой отогнутой наружу шейкой. По характеристикам черепка можно выделить несколько подгрупп, среди которых наиболее часто встречаются три.

Подгруппа А. Формовочные массы с большим количеством мелкого речного песка. Черепок в изломе белесо-бежевый.

Подгруппа Б. Формовочные массы с мелким песком и мелкодробленой дресвой. Черепок в изломе светло-серого цвета.

Подгруппа В. Формовочные массы с большим количеством кварцевого песка и включениями бурого железняка. На данном раскопе встречено необычно большое для Азака количество керамики этой группы. Окончательно решить вопрос о месте ее производства невозможно. Вряд ли такая керамика перевозилась на значительные расстояния. Но, возможно, частично такая керамика попадала в Азак с мигрантами. В таком случае местом ее производства могут быть Верховские земли, с которыми Азак был достаточно тесно связан торговлей [Федоров-Давыдов Г.А., 1960, с.109-110].

Выделение круга восточной керамики достаточно условно.

21 группа (Рис.21,1-3) (Средняя Азия?) - 25 ед., 0,6% импорта, найдена в девяти комплексах. Характерные признаки: 1) Формовочные массы с мелкой дресвой. 2) Обжиг сквозной темно-коричневый, либо трехслойный с серой прослойкой. 3) Изготавливалась на этапе РФК-3-4. На плечах заметны следы горизонтального срезания глины. Поверхность почти сплошь покрыта горизонтальным лощением. На дне лощение нанесено в "сеточку". По плечикам нанесен орнамент зубчатым штампом. Представлена только круглодонными котлами. Данная группа достаточно близка к 13 группе керамики Волжской Булгарии (типа Джукетау) [Хлебникова Т.А., 1988, с.29-31, рис.15,16] которая имеет истоки в керамике южных районов Средней Азии. Полный профиль (Рис.21,3) такого котла найден в Азаке впервые.

22 группа (Рис.21,4-5) (Хорезм) - 47 ед., 1,1% импорта, найдена в 11 комплексах. Характерные черты:

1) Формовочные массы не имеют видимых примесей, либо с мелким песком, на основании чего может быть выделено две подгруппы. 2) Обжиг сквозной, серого цвета. 3) Изготовлена на этапе РФК-5-6. Простая керамика (одноручные кувшины) (Рис.21,4) встречаются редко, хотя известны и целые сосуды. В основном посуда этой

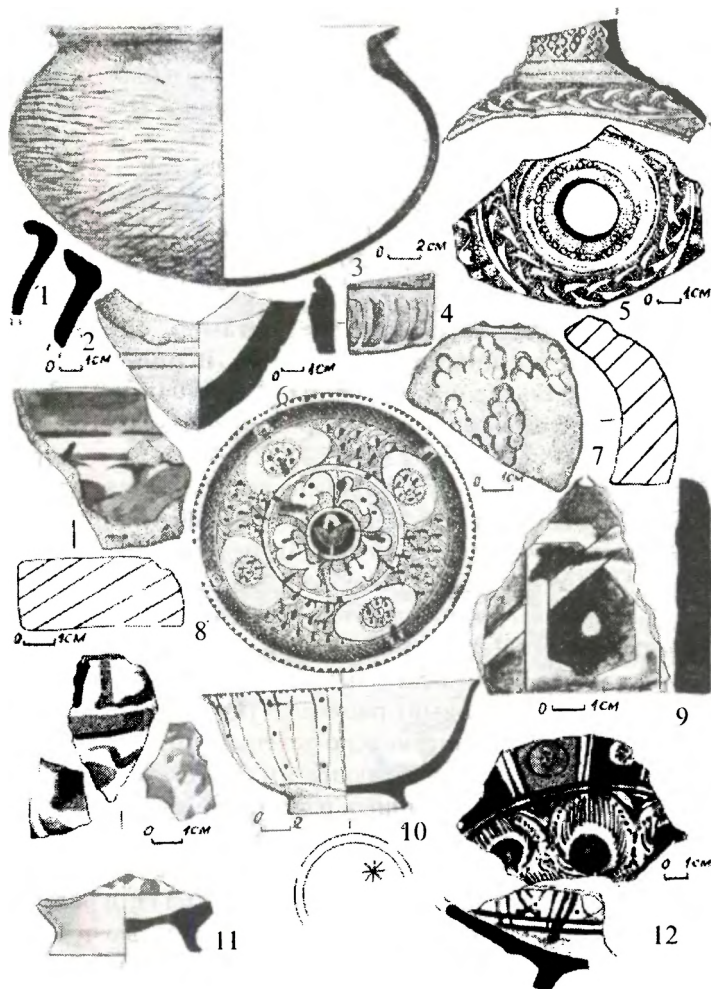

Рис. 21. Керамика. 21 группа (1-3), Средняя Азия; 22 группа (5,4), Хорезм; неизвестный центр (6); 23 группа (7) и 24 группа (8-12), Нижнее Поволжье, Иран.

1-3 - котлы; 4,5 - кувшины; 6,7 - сферокопусы; 8,9 - пазры; 10 - чаша; 11 - сосуд закрытой формы; 12 - блюдо.

1,11 - я. 3; 2,10 - я. 4; 3 - я. 18; 4,5 - я. 28; 6 - я. 31. 7 - жил. 2; 8 - я. 21; 9 - я. 25; 12 - я. 27.

группы представлена изящной штампованной керамикой: одноручными кувшинами (Рис.21,5) и флягами. Известны единичные находки с резным орнаментом, иногда дополненным росписью красками и позолотой. Локализация И.В. Волкова [Волков И.В., 1992А, с.13-14].

23 группа (Рис.21,7)(Маверрапахр) - 1 ед. К этой группе отнесены сферокопусы, повсеместно встречаемые на территории Золотой Орды [Михальченко С.Е., 1974, с.46-48; Ртвеладзе Э.В., 1974, с.281, рис.1,3,9; Волков И.В.,1994 Б, с.99]. Характерные признаки: 1) Серый или черный цвет черепка. 2) Орнаментированы каплевидными оттисками вогнутого штампа, образующего различные комбинации треугольников. Вероятный район производства Маверрапахр [Волков И.В.,1994, с.99]. В Азак поступали сферокопусы и других центров производства (Рис.21,6).

24 группа (Рис.21,8-12; 22,1-4,5-7) - 256 ед., 6,2% импорта, в 21 комплексах. В эту группу объединена вся кашинная керамика. Вероятно, наиболее исследованная группа керамики [Булатов Н.М., 1968;Перевозчиков В.И.,1988; 1991;Федоров-Давыдов Г. А., Булатов Н.М., 1989, с.195-199; Федоров-Давыдов Г.А., 1994, с.79-124 и др.]. Мы ограничиваемся упоминанием наиболее интересных находок. Чаша с трехцветной росписью и рельефной моделировкой (Рис.21,10). Фрагменты двух чаш с двуцветной (серо-зеленый и ультрамариновый) росписью (Рис.22,1,7). Фрагмент блюда с контурной росписью серо-зеленым по ангобной подгрунтовке, расцвеченной бирюзовым и ультрамариновым (Рис.21,12), фрагменты кашинных изразцов с трехцветной росписью (белый, серо-зеленый, бирюзовый) по ультрамариновому фону (Рис.21,8,9), фрагменты бутылеобразного сосуда с росписью кобальтом на внешней поверхности (Рис.21,11), фрагменты миниатюрного сосудика с ультрамариновой росписью под бирюзовой глазурью (Рис.22,2), единичные фрагменты, выполненные в технике минан (Рис.22,4). Интересна подделка под китайский селадон, выполненная на плотном кашине, с рельефным орнаментом (Рис.22,6). Центром производства высококачественных подделок под китайскую керамику считается Иран [Булатов Н.М.,1979]. Интересен также медальон, выточенный из дна кашинной чаши (Рис.22,3). Некоторые исследователи считают возможным определить место производства кашинной керамики

Рис. 22. Керамика. 24 группа (1-4,6,7), Нижнее Поволжье, Иран; 25 группа (5), неизвестный центр; 26 группа (8), Азербайджан; 28 группа (9), Крит; Отар (10).

1,3-8,10 - чаши; 2 - миниатюрный сосуд закрытой формы; 9 - пифос.

1 - я. 18; 2,6 - я. 25; 3 - я. 30; 4 - я. 24; 5 - я. 6; 7 - я. 25; 8 - я. 23; 9 - жил. 2; 10 - я. 5.

по плотности кашица [Коваль В.Ю., 1997, с.107]. Кашин сосудов Поволжского производства рыхлый, что, видимо, определяется особенностями его химического состава и способа его приготовления [Воскресенский А.С., 1970]. Не пытаясь определить место производства каждого фрагмента можно предположить, что до 90% кашинной керамики поступали в Азак из столичных городов Нижнего Поволжья, и лишь примерно 10% можно отнести к производству Ирана.

25 группа (Рис.22,5) - 3 ед., в двух комплексах. Представлена исключительно небольшими чашечками. Формовочные массы без видимых примесей. Обжиг сквозной, равномерный, красного цвета. Чаши покрывались матовой бирюзовой поливой непосредственно по черепку. Их находки редки, но хорошо заметны.

26 группа (Рис.22,8) - 4 ед. Найдены этой группы исключительно редки. Представлена чашами. Характерные признаки: 1) Формовочные массы с незначительным содержанием песчаной примеси. 2) Обжиг сквозной, красного цвета. 3) Характерный профиль поддона, в центре которого с внешней стороны ставилось клеймо. Найденные на раскопе фрагменты относятся к одной чаше с гравированным орнаментом, расцвеченным расплывающимися пятнами зеленого и буро-коричневого цвета, почти полностью закрывающими желтый цвет фона. В декоре чаши присутствует очень характерный элемент - мелкая вытянутая спираль. В материалах золотоордынских городов данная группа выделена Волковым И.В. [Волков И.В., 1995].

27 группа. Фарфор и селадон китайского производства на данном раскопе не встречен. Следует отметить, что редкие находки селадона происходят далеко не со всех раскопов, причем нельзя установить надежной корреляции между имущественным положением жителей и находками селадона. Как отмечено выше, из раскопа происходит высококачественная подделка под селадон (Рис.22,6).

В материалах Азака, вероятно, впервые встречены фрагменты пиалы производства Отрава. Формовочная масса со значительным количеством мельчайших чешуек слюды. Черепок сильно пористый, сквозного обжига, палево-коричневого цвета. С внутренней стороны пиала покрыта ярко-желтой краской по белому ангобу, поверх желтого выполнена контурная темно-

коричневая роспись-побеги с пятилепестковыми розетками, после чего фон был покрыт ярко-коричневой непрозрачной краской, центр розеток расцвечен зеленым (Рис.22,10), после чего вся роспись была покрыта бесцветной поливой. Локализация производства этой пиалы достаточно уверенная [Керамика средневекового Отрара, 1991, с.147,150,151 и др.].

Редкими находками представлены группы, связанные с производством средиземноморских центров.

28 группа (Рис.22,9) (Крит) - 1 ед. Характерные признаки: 1) Формовочные массы с высокой концентрацией крупнодробленого шамота (до 25%) и небольшой естественной примесью крупного песка и известковых включений. 2) Обжиг сквозной, кремово-коричневый. 3) Частое использование светлого ангоба. Представлена исключительно пифосами с яйцевидным корпусом. Локализация произведена Волковым И.В. [Волков И.В., 1992 Б, с.156, рис.7,1] на основании анализа письменных источников и находки клейма с венецианской эмблемой.

29 группа выделяется условно. В нее включены фрагменты амфор, которые из-за большой редкости предположительно могут быть отнесены к производству средиземноморских центров. Три разновидности амфор представлены суммарно 15 фрагментами.

30 группа (Рис.23,4) (Италия) - 2 ед. В материалах Азака итальянские майолики и полумайолики были выделены И.В. Белинским [Белинский И.В., 1994]. Крупный фрагмент молочника, найденный на раскопе, относится к числу полумайолик. Черепок сквозного обжига, палево-коричневого цвета, пористый, со значительной примесью чешуек слюды. Внешняя поверхность была покрыта белым ангобом, по которому выполнена роспись: контурная, буро-фиолетовая, с заполнением фигур травянисто-зеленой краской. Орнамент вероятно эпиграфический. Единичные находки полумайолик происходят из районов города тяготеющих к кварталам итальянских купцов.

31 группа (Рис.23,1,3) (Испания) - 13 ед., 0,3% импорта, найдена в двух комплексах. Черепок сквозного обжига, бежевого или розового тона, хорошо отмученный, без видимых включений. Полива белая, полупрозрачная или непрозрачная. Роспись производилась темно-синей краской и поверх нее люстром, чаще коричнево-вишневого цвета. Впервые в Азаке найдена

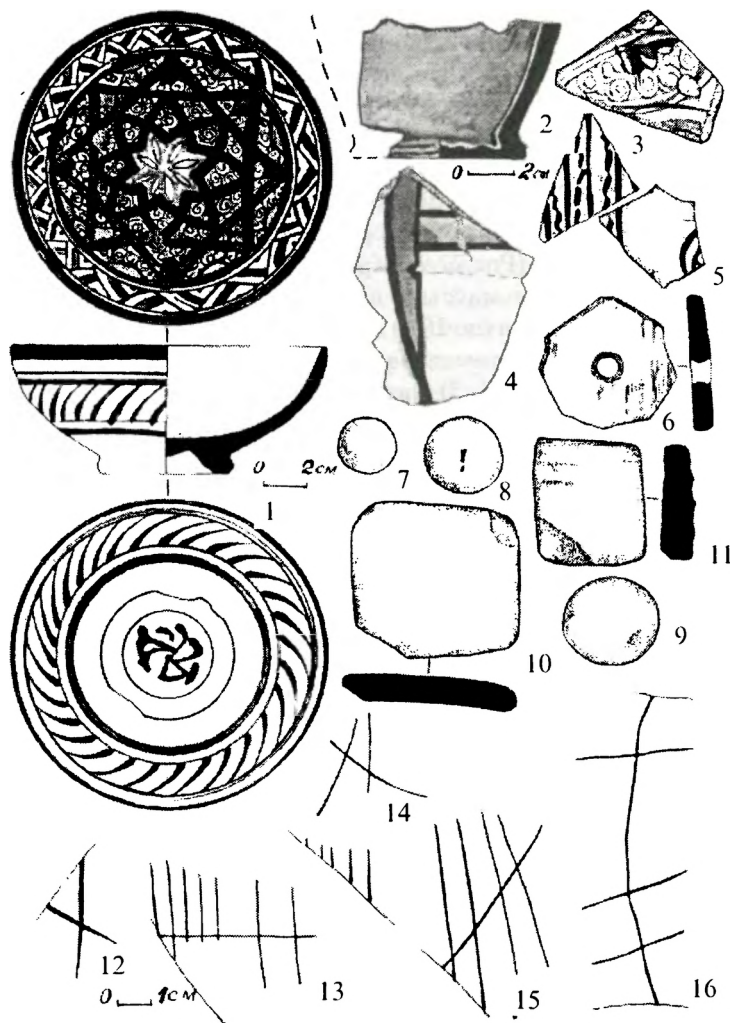

Рис. 23. Керамика. 30 группа (4), Италия; 31 группа (1,3), Испания; неизвестный центр (2,5). Керамические изделия (6-11). Граффити (12-16). 1,3 - чаши; 2,4,5 - кувшины; 6 - пряслице; 7-9 - шарики; 10,11 - крышки. 1 - я. 25; 2 - я. 12; 3 - кв. 1А, шт 3; 4,6 - я. 15; 5 - я. 23; 7 - я. 28; 8,11,9 - я. 6; 10,14 - я. 5; 12 - кв. 1А, шт 5; 13 - я. 3; 15 - я. 18; 16 - я. 27.

практически целая люстровая чаша. На внутренней поверхности - вписанные одна в другую синие розетки и квадраты. Заполнение фона и орнаментальный пояс по бортику выполнены люстром. На внешней стороне - концентрический пояс на тулове и розетка в центре поддона, выполнены люстром (Рис.23,1). Почти полная аналогия известна в материалах Каффы, через которую с генуэзскими купцами она могла попадать в Азак [Кравченко А.А.,1991, с.116-117, рис.4,5]. Данную чашу следует связывать, очевидно, с производством Валенсии [Коваль В.Ю.,1996, с.173-174].

К этому же кругу следует относить и некоторые другие единичные находки. Нижняя часть кувшина, изготовленного на этапе РФК-7, покрытого с внешней стороны специфической желтой полупрозрачной поливой по черепку. Черепок кремовый, со значительной примесью чешуек слюды (Рис.23,2). Выделяются и некоторые другие находки (Рис.23,5). Помимо посуды, имеется небольшое количество глиняных изделий (Рис.23,6-11), не считая большого количества вторично использованных сосудов. Использование иногда неожиданное, например, поливная чаша в качестве жаровни. Выборка граффити невелика (Рис.4,1; 8,5; 9,4,7; 14,4; 21,11; 23,12-16; 24,1). Обращает на себя внимание значительное число граффити на внешней стороне поддона поливных чаш (6), среди которых преобладают кресты. Интересно отметить небольшую выборку гончарных клейм на днищах сосудов I группы керамики (Рис.24, 2-6), в том числе и на крупных тарных сосудах (Рис.24,2,6).

Авторами предпринята попытка количественно оценить те или иные явления и попытаться проследить тенденции развития керамического комплекса. Для этого сделаны подсчеты в целом для раскопа и отдельно для указанных выше четырех периодов по нескольким признакам. На основании этих данных можно попытаться представить изменение керамического комплекса Азака на протяжении столетия, с целью выделить признаки, характерные для отдельных его этапов. Наиболее значимая статистическая информация приведена в таблицах (Таб.3-6), первичные данные имеются в отчете о раскопах Белинского И.В. Естественно речь идет не об абсолютных цифрах, а об общих тенденциях.

1) Уменьшение с течением времени процента импортной

керамики (Таб.3).

2) Уменьшение доли лощеной керамики в местном производстве (Таб.4).

3) Изменение техники орнаментации, как местной, так и импортной поливы (Таб.6): в ранних комплексах среди местной преобладала неорнаментированная, в более поздних - с росписью ангобом, что подтверждают материалы производственных комплексов этого времени [Перевозчиков В.И.,1993, с.210]; в украшении сосудов открытых форм импортной поливой для первого периода характерна орнаментация аморфными пятнами коричневого цвета, во второй-третий периоды максимума достигает гравированный орнамент с полихромной расцветкой. Эта информация может быть дополнена наблюдением за распределением по периодам групп керамики. Указанные тенденции фиксировались авторами на материалах других раскопов. На основании этих данных можно попытаться выделить, например, наиболее ранние комплексы второй половины XIII в. В Азаке ни разу не встречены комплексы этого времени, датированные монетным материалом. Однако, по письменным источникам известно о существовании Азака-Таны в XIII в. [Карпов С.П. 1997, с.9,11,14]. В XIII в. существовали лишь разрозненные очаги монетного обращения на территории Золотой Орды в Поволжье и Крыму [Федоров-Давыдов Г.А.,1960, с.110-102]. Обращение в Азаке монеты, прежде всего медной, которая главным образом и находится в комплексах, отсутствовало. Однако анализ керамического комплекса позволяет реконструировать следующие черты, характерные для этого периода: малый процент или полное отсутствие местной керамики, особенно 2 группы, наличие в ней керамики 13-14 групп. Обращает на себя внимание яма 29, к сожалению, очень сильно поврежденная, однако анализ находок из нее (20), сразу выявил ее необычность. Полностью отсутствует местная керамика. Совершенно необычен фрагмент поливной чаши (Рис.14,8) с росписью ангобом на внешней стороне и полурозеткой в технике выскабливания ангоба на внутренней, к тому же имеющий следы ремонта, что выражает иной, чем в Азаке XIV в., уровень отношения к поливе. Комплекс находок в целом (Таб.2) аналогичен материалам Семеновской крепости, для поливной керамики которых обычен гравированный

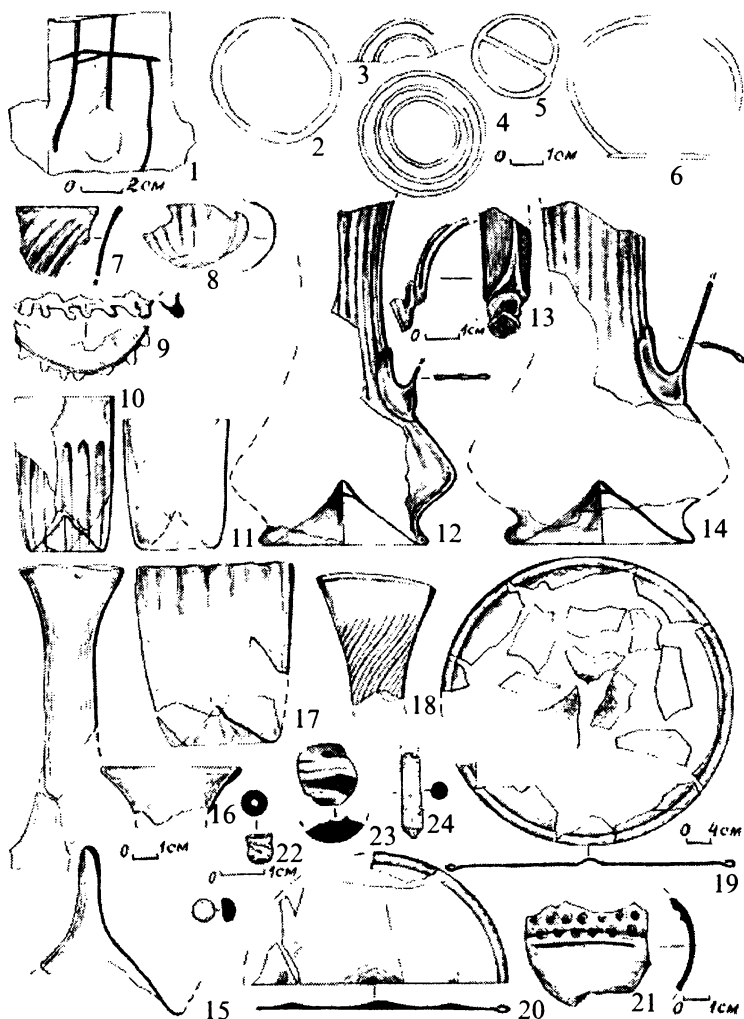

Рис. 24. 1-6 - керамика; 7-24 - стекло; 25 - бирюза.

1 - графити; 2-6 - гончарные клейма; 7, 12-14 - кувшины; 8, 21 - флаконы; 9-11, 17 - стаканы; 15, 16, 18 - графины; 19, 20 - оконные диски; 22-24 - бусы; 25 - вставка.

1 - жил. 2; 2, 11, 14, 21; 3, 5, 8, 12, 25 - я. 25; 4, 24 - я. 10; 6 - я. 15; 7 - я. 24; 9, 13, 10, 15, 18, 23 - я. 5; 11, 14, 21 - я. 6; 16, 19, 20 - я. 27; 17 - я. 4; 22 - я. 18.

орнамент маленькими концентрическими окружностями в центре чаши и роспись ангобом с внешней стороны [Ларенок В.А., 1994, с.133-136]. Материалы Семеновской крепости датируются первой половиной XIII в. [Ларенок А.А., 1994, с.80]. Таким образом, яму 29 можно датировать XIII в. с большой долей уверенности. Это не единственные материалы с раскопа, которые могут быть датированы более ранним, чем XIV в., временем. Из случайных находок происходит горшок с коротким отогнутым паружу венчиком, орнаментированным крестовидными оттисками (Рис.20,2). В тесте примесь навоза, ракушки и слюды. Аналогии ему известны в материалах Казачьего Ерика. Вероятная его датировка - XII-XIII вв.

На основании выявленных для данного раскопа тенденций изменения керамического комплекса был проведен анализ материалов хозяйственных ям, не датированных монетами. Он позволяет дать следующие предположительные датировки - первая половина XIV в. - ямы 12, 15, 18, 28, 30, 31, 32; середина XIV в. - ямы 4, 10, 27; вторая половина XIV в. - ямы 13, 20, 21.

Помимо керамики богато представлены другие материалы. К сожалению, кроме чугунолитейного производства Азака [Рязанов С.В., 1993; 1994] эти материалы остаются почти неисследованными. Наиболее интересные находки приведены в иллюстрациях (Рис.24,7-21; 25-26). Следует сказать два слова о стекле. Посудное и оконное стекло, найденное в Азаке, можно разделить на две группы. Первая группа наиболее многочисленная, представлена стаканами и колбообразными графинами, к ней принадлежит и часть оконного стекла (Рис.24,11,15-17,20). Стекло этой группы с зеленоватым оттенком, т.е. специально не окрашивалось и не обесцвечивалось. Как правило, оно сильно ирризуется. Вторую группу составляют изделия более толстостенные, из стекла специально обесцвеченного (Рис.24,8-9,10,18) или окрашенного в светло-зеленый (Рис.24,19,21), темно-зеленый (Рис.24,7) или темно-синий (Рис.24,12-14) цвета. Стекло химически более стойкое. Стаканы в этой группе редки, в основном это одноручные кувшинчики, разнообразные графины, флаконы, оконное стекло. Имеются темно-бордовые флаконы с росписью. Стекло второй группы, в отличие от первого, производилось, очевидно, несколькими центрами. Видовой ассортимент посуды

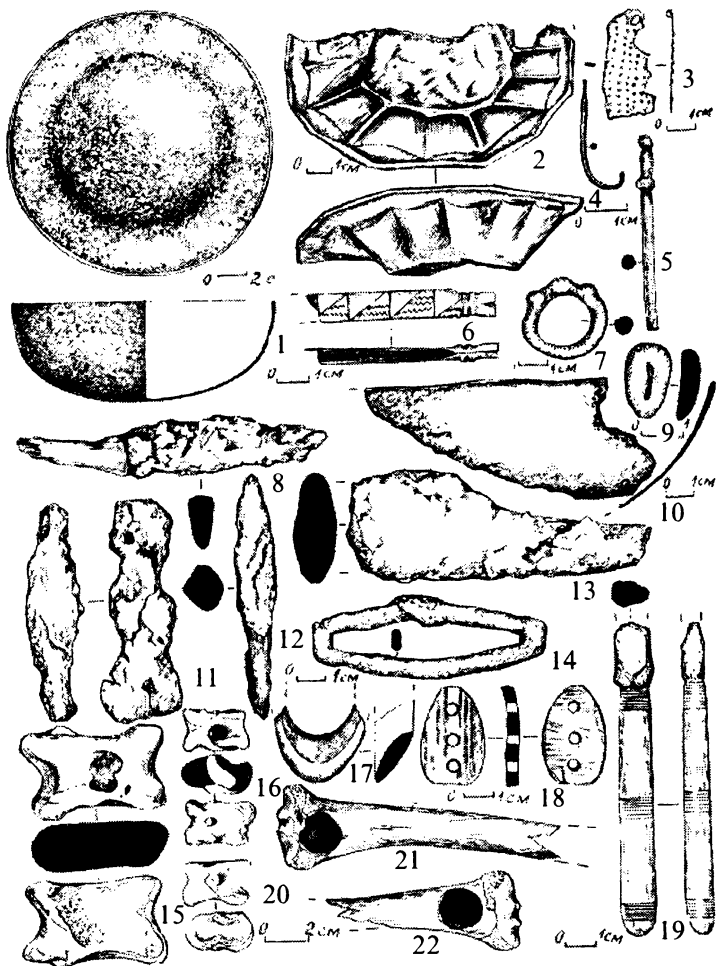

Рис. 25. 1-7,9,10 - бронза; 8,11-14 - железо; 15-19 - кость.

1,2,10 чаши; 3 - накладка; 4 - рыболовный крючок; 5 - булавка ?; 6 - предмет неизвестного назначения; 7 - перстень; 8 - нож; 9 - муфта рукояти ножа; 11 - ключ; 12 - наконечник стрелы; 13 - боевой ? нож; 14 - кресало; 15,16,20 - игральные альчики; 17 - кольцо; 18 - затыльник; 19 - рукоять ножа; 21,22 - сумак.

1 - я. 27; 2,4 - я. 24; 3 - я. 28; 5,7,8,10-12,18,19 - я. 6; 6,17 - я. 23; 9,21,22 - я. 4; 13,15 - я. 21; 14,16; 20 - кв. 1А, шт. 3.

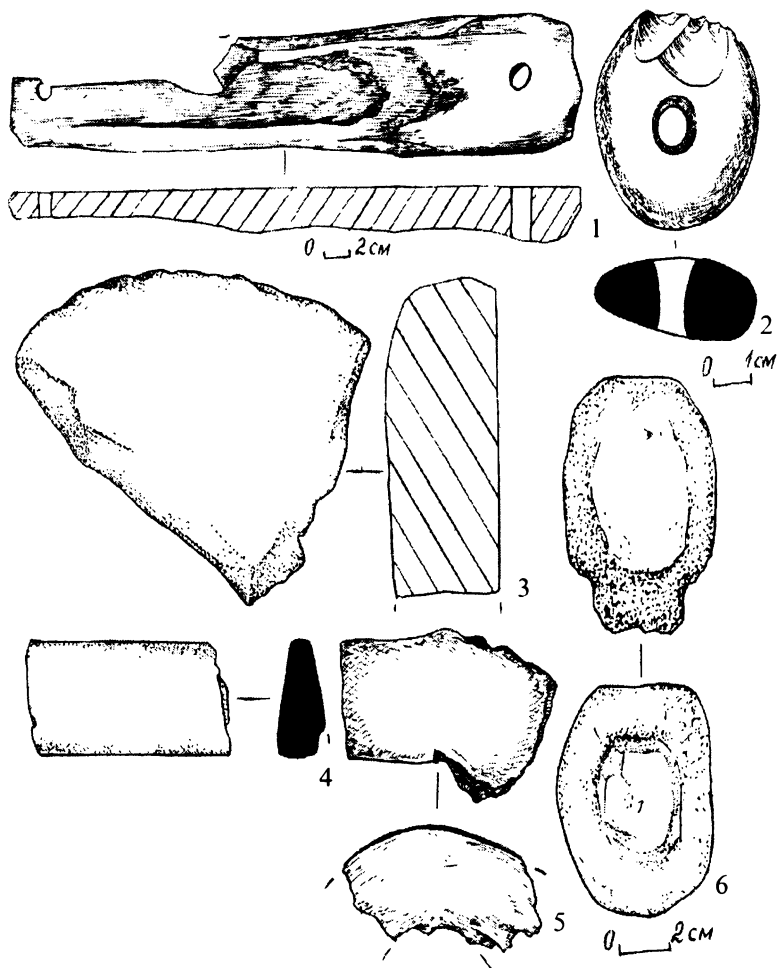

Рис. 26. 1 - кость; 2-4,6 - камень; 5 - керамика.

1 - ложило; 2 - пряслице; 3 - жернов; 4 - оселок; 5 - тигели, фрагмент; 6 - наверхие ?.

1,5 - я. 21; 2 - я. 6; 3 - кв. 1Д, шт. 5; 4 - я. 5; 6 - жил. 2.

стекла из раскопок в Азаке заметно отличается от материалов Нижнего Поволжья [Бусятская Н.Н., 1976, с.50-54, таб. IV-VIII].

Данная работа является схематичной классификацией материалов золотоордынского Азака. Очень важной представляется принципиальная возможность датировки керамических материалов в пределах нескольких десятилетий. Сделанные в статье выводы и наблюдения, несомненно, будут развиты и дополнены в последующих работах. Возможно, в них будут внесены коррективы. Но в целом эти наблюдения подтверждаются материалами других раскопок.

Литература.

1. Айбабина Е.А., 1991. Двуапсидный храм близ крепости Фуна Византийская // Таврика. Киев.
2. Баранов И.А., 1991. Застройка византийского посада на участке главных ворот Судакской крепости // Византийская Таврика. Киев.
3. Белинский И.В., 1994. Итальянские полумайолики и майолики в керамическом импорте Азака-Таны // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1993 году. Вып.12 Азов.
4. Бобринский А.А., 1978. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.
5. Бойко А.Л., 1991. Новые находки керамических импортов из раскопок средневекового Азака (по материалам 1989-1990 гг. // Археология на новостройках Северного Кавказа (1986-1990 гг.). Грозный.
6. Булатов Н.М., 1968. Классификация поливной кашинной керамики золотоордынских городов // СА. N4.
7. Булатов Н.М., 1976. Классификация красноглиняной поливной керамики золотоордынских городов // Средневековые памятники Поволжья. Москва.
8. Булатов Н.М., 1979. Иранская ваза с Селитренного городища // СА. N2.
9. Булатов Н.М., 1988. Археологические исследования культурного слоя г.Азова // Итоги исследования Азово-Донецкой экспедиции в 1987 году. Азов.
10. Бусятская Н.Н., 1976. Стекланные изделия городов Поволжья

- (XIII-XIV вв.) // Средневековые памятники Поволжья. М.
11. Волков И.В., 1989. Импортная амфорная тара золотоордынского города Азака // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII-XVI вв. Ростов/Дон.
 12. Волков И.В., 1991. Новые данные о керамике золотоордынского города Маджара // Археология на новостройках Северного Кавказа (1986-1990). Грозный.
 13. Волков И.В., 1992А. Керамика Азова XIV-XVIII вв. Автореферат дис...канд.ист.наук. М.
 14. Волков И.В., 1992 Б. О происхождении и эволюции некоторых типов средневековых амфор // Донские древности. Вып. I. Азов.
 15. Волков И.В., 1994 А. Импорт из Святой земли? (Амфоры группы клейма SSS в Северном Причерноморье и городах Древней Руси) // Проблемы истории (Тезисы докладов научной конференции). Ростов/Дон.
 16. Волков И.В., 1994 Б. Распространение сфероконусов в Золотой Орде как отражение международной // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов/Дон.
 17. Волков И.В., 1995. Керамические комплексы средневековых городов как отражение перемещений населения (Золотая Орда, XIV в) // Вторые научные чтения по всеобщей истории, посвященные памяти академика С.Д. Сказкина. Ростов/Дон.
 18. Воскресенский А.С., 1970. Новые данные о поливной архитектурной керамике золотоордынского Поволжья // СА. № 1.
 19. Гадло А.В., 1964. Поселение XI-XII вв. в дельте Дона // КСИА. Вып. 99.
 20. Галкин Л.Л., 1975. Керамические горны золотоордынского города Азака // СА. № 1.
 21. Гудименко И.В., 1994. Работы I Азовского археологического отряда в 1992 году // Историческо-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1992 году. Вып. 12. Азов.
 22. Гудименко И.В., 1997. Спасательные археологические раскопки в городе Азове и Азовском районе // Историко-археоло-

- гические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1994 году. Вып. 14. Азов.
23. Зажигина Л.Ю., 1996. Средневековые пифосы из собрания Анапского музея // Историко-археологический альманах (Армавирского краеведческого музея). Вып.2.
 24. Камеицкий И.С., 1974. Итоги исследования Подазовского городища // СА. N4.
 25. Карпов С.П. 1997. Когда и как возникла Тапа ? (о происхождении итальянской фактории на византийской окраине) // ВВ. Т.57.
 26. Керамика средневекового Отраара, 1991. Альбом /Авт. вступ. ст. и сост.: Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Алма-Ата.
 27. Коваль В.Ю., 1996. Испанская лостровая керамика в Москве // РА. N1.
 28. Коваль В.Ю., 1997. Керамика Востока в средневековой Москве (опыт систематизации) // РА. № 2.
 29. Кравченко А.А., 1986. Средневековый Белгород на Днестре (конец XII-XIV вв.). Киев.: Наукова Думка.
 30. Кравченко А.А., 1991. Импортная поливная керамика XIII-XIV вв. из Каффы (Собрание Одесского археологического музея) // Северо-Западное Причерноморье - контактная зона древних культур. Киев.
 31. Ляпушкин И.И., 1958. Карнауховское поселение // МИА, N 62
 32. Ларенок В.А., 1986. Поливная керамика Азака (к постановке вопроса) // Итоги исследований Азово-Донецкой экспедиции в 1985 г. Азов.
 33. Ларенок В.А., 1994. Поливная керамика Семеновской крепости // Историко-археологические исследования в г.Азове и на Нижнем Дону в 1992 году. Вып.12. Азов.
 34. Ларенок П.А., 1986. Об археологических раскопках в зоне строительства здания прокуратуры в г.Азове по ул. Ленинградская, 42 // Итоги исследований Азово-Донецкой экспедиции в 1985. Азов.
 35. Ларенок П.А., 1994. Охранные раскопки Семеновской крепости // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1992 году. Вып.12. Азов.
 36. Михальченко С.Е., 1973. Систематизация массовой неполивной керамики золотоордынских городов Поволжья // СА. N3.
 37. Михальченко С.Е., 1974. Сферокопусы Поволжья // КСИА. № 140

38. Перевозчиков В.И., 1988. Систематизация кашинной поливной керамики из г. Азова (по материалам раскопок 1963-1985 гг.) // Итоги исследований Азово-Донецкой экспедиции в 1989 г. Азов.
39. Перевозчиков В.И., 1990 А. Итоги раскопок I Азовской археологической экспедиции в 1989 г. // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. Вып. 9. Азов.
40. Перевозчиков В.И., 1990Б. Гончарный комплекс в раскопе по ул. Комсомольской // Там же.
41. Перевозчиков В.И., 1991. Кашинные чаши из фондов Азовского краеведческого музея // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1990 году. Вып. 10. Азов.
42. Перевозчиков В.И., 1993. Гончарный комплекс XIV века в котловане под дом быта "Юбилейный" // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1991 году. Вып. 11. Азов.
43. Романчук А.И., Перевозчиков В.И., 1990. Глазурованная керамика из Азова (херсоно-азакские параллели в орнаментике) // Античная древность и средние века. Византия и сопредельный мир. Свердловск.
44. Ртвеладзе Э.В., 1994. Сферокопические сосуды из Маджар // СА. № 4.
45. Рязанов С.В., 1990. Гончарная печь на Куричанском поселении // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989. Вып. 9. Азов.
46. Рязанов С.В., 1991. Раскопки в г. Азове по ул. Ленина 46 // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1990 г. Вып. 10. Азов.
47. Рязанов С.В., 1993. О чугунолитейном производстве в Азаке // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1991. Вып. 11. Азов.
48. Рязанов С.В., 1994. Международные отношения и судьба технических изобретений (чугун в Азаке, XIV в.) // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов/Дон.
49. Хлебникова Т.А., 1988. Неполивная керамика Болгара //

- Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М.
50. Федоров-Давыдов Г.А., 1960. Клады джучидских монет // НЭ. Т. I.
51. Федоров-Давыдов Г.А., 1964. Находки джучидских монет // НЭ. Т. IV
52. Федоров-Давыдов Г.А., 1994. Золотоордынские города Поволжья. М.
53. Федоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М., 1989. Керамическая мастерская Селитренного городища // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М.
54. Якобсон А.Л., 1950. Средневековый Херсонес (XII-XIV вв.) // МИА. № 17.
55. Якобсон А.Л., 1966. Средневековые пифосы Северного Причерноморья // СА. N2.

В.Ф.Петрунь.

Об аргиллитовых орудиях ряда археологических памятников Приазовья.

Предпринятое в 60-х годах изучение хранившегося в фондах Таганрогского краеведческого музея камня неолитических местонахождений с территории Нижнего Подонья [34, с.137] доказало наличие в его составе такого неожиданного минерального сырья, как аргиллиты или алевролиты-аргиллиты* По независящим от исследователя причинам этот факт не удалось тогда ввести в научный обиход, из-за чего аналогичный материал, а соответственно и индустрия региона, до сих пор безапелляционно именуются “сланцевыми” [22, с.64-66], подобно тому, как это имело место в послевоенные годы для Прикарпатья и Правобережной

* - В современной геологической литературе критерии отличия и условия образования [29, с. 99] обычных пластичных глин и неразмочающих с водой т.н. “сухарных” (“кремневок”, “флинткля”), аргиллитов и глинистых сланцев [7, с.174] определены достаточно однозначно. Соответственно, ниже под термином “аргиллиты” подразумеваются литифицированные, не образующие с водой теста

Украины [32, с.13-14; 33, с.75-78], что привносит, таким образом, элемент нежелательной археолого-петрографической [30, с.77-78] терминологической и технологической путаницы.

В свежих сколах алевролитов-аргиллитовые породы орудий низовьев Дона-Приазовья характеризуются макроскопически темной окраской (от темно-серой до черной, на поверхности, вследствие выветривания, нередко зеленоватой или буроватой), пахнут глиной, царапаются стальной иглой, хоть и “не берутся” медной (заимствованной из минералографической практики тест) или ногтем, обычно “мажут” по стеклу (но при наличии частых алевритовых зерен кластогенного кварца могут его избирательно процарапывать), в воде размокают, с соляной кислотой стандартного разведения в куске на холоде и даже порошке обычно не реагируют (за исключением в общем редких разновидностей, содержащих незначительную примесь аутигенных карбонатов). Мелкие обломочки аргиллитов иногда легко, иногда с усилием (в силицифицированных разностях) можно раздавить между двумя предметными стеклами (за счет пигментирующей углистой примеси), породы обнаруживают также присутствие редких рассеянных тонкодисперсных (в тысячные доли мм) зерен магнитного рудного минерала. При прокаливании на открытом огне порода несколько светлеет или слабо буреет, сохраняя при этом связность даже мелких (первые мм) кусочков, сравнительно легко обрабатываются шлифовкой на простейших, типа кварцевопесчанниковых, абразивных плитах, почти без особых усилий рассверливается элементарными кремневыми остриями и развертками даже при ручном, безлучковом варианте бурения.

Хотя аргиллиты археологических коллекций изучались не рядом с коренными выходами соответствующих пород, а в артефактах и манупортах, сырье которых явно попадало на по-

глинистые породы пелитоморфной структуры (то есть состоящие из частиц слоистых алюмосиликатов размером менее 0,01 мм) без признаков сланцеватости [8, с. 238], тогда как под алевролитами, более крупнозернистыми (0,01-0,1 мм), преимущественно обломочнокварцевые породы на глинистой связке; породы смешанного состава именуются алевролитов-аргиллитами (в случае преобладания пелитовой составляющей) либо аргиллитов-алевролитами (при обратном соотношении пороодообразующих минералов).

селения в результате достаточного целенаправленного отбора первобытным человеком где-то на стороне, они текстурно однородны. Почти все образцы использованных пород массивны, изредка, - неяснотонкослоисты и не обнаруживают сланцеватости, как определенного признака соответствующей стадии метаморфизма, хотя и в геологических публикациях до сих пор, применительно к конкретным обнажениям, по традиции продолжают именоваться “глинистыми сланцами” [9, рис. 231; 10, с.29, 164 и др.], тогда как реально это аргиллиты [15, с.19; 26, с.99, табл.31]. Для предметов изученных коллекций макродиагностика подтверждается также иммерсионно-микроскопическими исследованиями материала артефактов в эталонных жидкостях с варьирующими показателями преломления, которые контролируются на рефрактометре тип РЛУ [35, с.207], - предельно простой и оперативный метод, до сих пор, к сожалению, почему-то игнорируемый археологами [37, с.122], в единичных случаях, просмотром в прозрачных петрографических шлифах или диффракционно-термическим анализом [18, с.50].

Для иммерсионного изучения, от артефактов и манупортов соскобом или кусочком не более одного квадратного миллиметра отбирались микропробы минерального вещества и, хотя подобная методика обеспечивает получение преимущественно менее выразительной картины, по сравнению с прозрачным петрографическим шлифом (требующим для изготовления обломка породы хотя бы 1 см в поперечнике), при известных навыках и в более или менее значительных сериях определений гарантирует достаточно однозначные выводы при сохранении целостности предметов материальной культуры. Примечательно, что последним в коллекциях нередко присуща уплощенно-эллипсоидальная форма, определяемая исходной отдельностью (типичной для четковидных пелитовых, карбонатных, кремнистых обособлений, включая так называемые “угольные почки” переменного состава, длиной в среднем до дециметра по длинной оси из разреза угленосных толщ) конкреционных по природе агрегатов, иногда в них наблюдается рассеянная присыпка светлой тонкочешуйчатой слюды по микрослоистости, что фиксируется и в отдельных орудиях ряда конкретных памятников, открытых Н.Д.Прасловым [34, с.145-150] в Приазовье.

Так, два сверленных рыболовных грузила с раннеэоли- тического поселения Матвеев Курган II (разбитое и целое, последнее своеобразных полулунных очертаний, явно повто- ряющих естественные контуры исходного стяжения), сложены черным массивным аргиллитом пелитоморфной структуры, практически без примеси зерен кластогенного кварца. Термо- грамма первого из них аналогична тонштейну [14, рис. 6, N 362] района развития тощих и антрацитовых углей Донбасса, где каолиниты [13, с.48] тонштейнов в результате метазенеза сменяются гидрослюдами (хотя под микроскопом в иммерсии минеральное вещество описываемого грузила обнаруживает все-таки очень низкое агрегатное двупреломление, что обусловлено, по- видимому, тонкой дисперсностью материала). Черные, до чуть зеленоватых, алевроито-аргиллиты из того же памятника отмечены также в отщепе (N 1443*), осколке (N 1500), обломке (N 1141), в одном целом топоре-молоте того же состава (N 840) и в фрагментированных шлифованных орудиях из подъемных сборов этого же 1960 г (N 1, N 13). Судя по агрегатным показателям преломления глинистой составляющей перечисленных предметов, состав их варьирует, что при прочих равных условиях может доказывать различное происхождение сырья.

Сказанное относится и к артефактам неолитического поселения Грунтовский I: если фрагмент лезвийной части шлифованного топора (N 248) ближе к массивным черным аргиллитам (кстати, здесь обнаружен и необработанный желвак сходного материала, но с отпечатком ископаемого палеозойского растения и с незначительной примесью мелкочешуйчатой слюды, доказывающих происхождение из каких-то отличных месторождений соответствующего сырья), то остальные обломки аналогичных шлифованных орудий, как со следами намечающегося расщепления (N 247), так и однородно-массивной текстуры (N 249, 250) обнаруживают алевроито-аргиллитовый или даже (в первом случае) почти алевроито-микроресчаниковый состав, доказывая опять-таки южно-

* - Здесь и в дальнейшем полесвые номера предметов из коллекций по состоянию на 60-90-е гг в одном случае, - с подквадратной и глубиной привязкой.

аргиллитовый или даже (в первом случае) почти алевроито-микропесчаниковый состав, доказывая опять-таки южно-донбасское (палеозойское) происхождение материала, хотя, по-видимому, и из разных районов или обнажений одного района.

Также алевроито-аргиллитовым по составу является обломок шлифованного орудия (N 192) с дюнной стоянки Бугры II в дельте Дона (из подъемных сборов того же 1960 г.), но, судя по рассеянным точечкам микролимонитизации, это сырье происходит из более западных выходов каменноугольных отложений Донбасса по сравнению, например, с нижеописанным районом Раздорского II. Сходной породой сложен и небольшой плоский, трапецевидный в плане шлифованный топорик из Кобякова городища у г. Аксай, экспонировавшийся в 1964 г. в музее Танаиса (в комбинации с костяной муфтой). Поскольку к этому времени неолитический культурный слой на Кобяковом городище не был известен (присутствовали материалы только античного горизонта, перекрывавшего слои эпохи бронзы), не исключено, что здесь, если не прямая реутилизация более древнего орудия, то зафиксированное теперь на десятках разновозрастных памятников материальной культуры прошлого неутилизационное, любопытное-собирающее "протоколлекционирование" человеком каменного века (энеолита, эпохи бронзы и до нашего времени) привлекавших его внимание (составом, формой, окраской, механическими характеристиками и т.д.) артефактов своих более древних предшественников. Впрочем, среди материалов собственно Танаиса также отмечен лезвийный обломок каменного клиновидного топора эпохи энеолита или ранней бронзы, как считалось ранее [28, с. 164], а, судя по форме, - скорее всего неолитического и также аргиллитового по составу (осмотреть орудие, к сожалению, не удалось).

Хотя автору, в свое время, не пришлось ознакомиться и с неолитическими артефактами (грузила, топоры, и т.д.) Ракушечного Яра [2, с.108], можно не сомневаться, что т.н. сланцевые изделия этого памятника имеют преимущественно аргиллитовую природу, тем более, что алевролиты там палицо.

Однако наиболее представительным в этом отношении является частично изученный автором комплекс орудий Раздорского II [21, с.58], - всего 102 учтенных артефакта, их

обломки или манупорта, на две трети аргилитовой группы, позволяющие не только выделить несколько подгрупп минерального сырья, но и решать вопрос о их происхождении. Типологически это целые и разбитые рыболовецкие грузила с бороздовыми перехватами или сквозными отверстиями для крепления, относительно более мелкие сверленные подвески (украшения?), отбойники, стамесковидные орудия, абразивы, заготовки и просто складированное сырье, ближайшие коренные выходы которого располагались [10, карта] в нескольких десятках километров севернее этого раннеолитического поселения (хотя теоретически в переотложенном состоянии оно могло присутствовать и в аллювии бассейна р.Дон). По гранулометрии пелитолитовый материал коллекции Раздорского II разбивается на три подгруппы. Во-первых, это темно-серые до черных (за счет примеси органического вещества), обычно чуть зеленоватые на поверхности аргиллиты с преобладающей условно-каолинитовой (судя по агрегатным показателям преломления около 1,560) основой, иногда с мелкими (0,05 мм) рассеянными ромбоэдрическими кристалликами лимонитизированного карбоната анкерит-сидеритового (?) ряда, единичными угловатыми зернами кластогенного кварца алевритовой крупности, в пяти пробах, с тонкодисперсной пылеватой (тысячные доли мм) примесью черного при косом освещении магнитного рудного материала (NN 13, 22, 27, 28, 30). В более прочных разновидностях под микроскопом фиксируются признаки окремнения в форме разобщенных мелких редких сферолито-хлопьевидных индивидов [12, с. 3-7], диагенетически-катагенетического [25, с. 14-15] лютецита (в том числе в стамесочке N 125), нередко также отмечаемого в изделиях уже не на каолинитовой [17, с.422], а ориентировочно гидрослюдисто-железистомонтмориллонитовой (до субхлоритовой) глинистой основе с показателями агрегатного преломления $n=1,593-1,615$, например, в просверленной подвеске (N 115) и в отмытой конкреции с прямолинейным абразивным врезом (N 1040).

Наконец, в одном случае обнаружен удлиненный скол с довольно крупного отшлифованного рубящего (?) орудия с неясновыраженной тонкослоистой отдельностью на предположительно метагаллазитовой глинистой основе

(n агр.=1,536) с неравномерным распределением редких зерен углистого пигмента, кластогенного алевритового кварца и микрокристалликами кальцита.

Во-вторых, это также темноокрашенные алеврито-аргиллитовые артефакты на каолининовой основе уже с ощутимой примесью мелкозернистого (алевроитового) обломочного кварца, иногда с микрочешуйками хлорита (например, в одной из подвесок), микровыделениями лютецита в фрагменте одного из слабосиликатных стамесковидных изделий.

В-третьих, это зеленовато-серые, чуть буроватые и серо-бурые, нередко с рассеянной примесью микрочешуек бесцветной слюды на плоскостях, отдельности-слоистости алевролиты, в основном кварцсодержащие (на глинистом цементе), но обнаруживающие также отдельные зерна плагиоклаза, глауконита в кварцево-охристо-глинистом цементе соприкосновения (например, в отдельных грузилах).

Особняком стоит грузило N 135 на зеленовато-черной пелитоморфной породе, которая под микроскопом обнаруживает существенно хлоритовый состав (n агр.=1,592), напоминая этими признаками зеленые аповитрокластические туффоидные аргиллиты из слоистой пачки верхней части разреза т.н. "бурого девона" [1, с. 428], наблюдавшихся автором на левом берегу долины р.Кальмиус в Старо-Бешевском районе Донецкой области, у мостовых переходов близ с.Раздольное.

Помимо артефактов алевролитово-аргиллитового состава в коллекции налицо также два фрагмента петрифицированной древесины, из которых первый, в разбитом отбойнике, существенно халцедоновый, буро-коричневый, просвечивающий в обломках до 5 мм толщиной, скорее всего третичного возраста, второй, представленный непросвечивающей фитоморфозой, предположительно палеозойской. В нескольких случаях отмечены обломки сверленных грузил из светло-серых, существенно кварцевых песчаников или алевропесчаников на глинисто-кальцитовом цементе соприкосновения, участками вторично перекристаллизованном, гетерогранобластовой структуры, по-видимому, из пород неогенового разреза. Очевидно, к этой же группе неогеновых образований (полтавский ярус?) относится и разбитое грузило на охристо-сером мелкозернистом песчанике

алевро-псаммитовой структуры с лимонитовым цементом соприкосновения. Предположительно скобель (?) коллекции изготовлен из буровато-серого “сверкающего”, просвечивающего в осколках до 3 мм, редкомелкопористом, крупнозернистом третичном кварцитовидном песчанике с халцедоновым регенерационным, тонкоконцентрически слоистым (участками соприкосновения) цементом. Заготовка рубящего (?) орудия (N 131) оформлена на аналогичном, но уже буровато-красном, в основном среднезернистом (в среднем из зерен кварца по 0,3 мм в диаметре, хотя наблюдается примесь и алевритового материала) кварцитовидном песчанике, очевидно, палеогенового, как и для предыдущего образца, возраста; кстати, полоса выходов палеоген-неогеновых отложений закартирована южнее широты г. Шахты, в непосредственной близости к Раздорскому II [9, рис. 230]. Полипородность камня [21, с. 61, 65], таким образом, безусловна.

Идентификация алевролита-аргиллитового сырья коллекции (с учетом макроскопии и картографического материала), однозначно указывает на его исходно палеозойский, каменноугольный возраст при локализации его коренных выходов к северу от Раздорского II, хотя для более точной фиксации последних желательно проведение контрольно-ревизионных археолого-петрографических маршрутов, с отбором шتупных проб для последующего макро- и микроскопического сравнения с веществом изучавшихся манупортов и артефактов. Впрочем, судя по обнаружению на поселении небольшого “склада” галько-образных заготовок и необработанного сырья и учитывая устное сообщение А. В. Цыбрий и Н. И. Ромащенко о том, что сходный по фактуре камень наблюдался ими в составе обломочных пород бечевника р. Дон у подножия его правобережной террасы (к площадке которой приурочено Раздорское II), описываемое сырье частично может оказаться аллювиально переотложенным, что может подтвердить или опровергнуть опять-таки только ревизия на местности.

Однако, происходят ли описываемые обособления аргиллитового сырья из коренных обнажений, или же из террасовых отложений, форма их безусловно близка так называемым “угольным почкам”, не всегда обязательно карбонатного состава [8, с. 127], линзо-чечевицеобразным обособлениям, на которые при

выклинивании могут распадаться слои тонштейнов, наконец, вообще разнотипным по минералогии, структурно-текстурным параметрам или занимаемой стратиграфической позиции (например, в подошве или “подподошве” угольных пластов, в них самих, в подстилающих или перекрывающих слоях разреза и т.д.), в основном конкреционными [15, с. 27-204] образованиям, столь типичным для Донбасса.

И, в связи с этим, показательны факты использования алевролитно-аргиллитового сырья этого региона для производственной утилизации не только в неолите, но как в предшествующую, так и последующие эпохи. К первой относятся позднепалеолитические материалы Амвросиевки [3, с. 9], с которыми автор сумел познакомиться в фондах Музея Института археологии НАН Украины (г.Киев), благодаря инициативе А.А.Кротовой. Поскольку происходящие отсюда три изученных артефакта специальному трасологическому исследованию пока не подвергались, их типологическая характеристика в какой-то мере предварительна, хотя и не мешает породной диагностике этих, изготовленных уже не на кремневом, а глинистом сырье, предметов.

Это, во-первых, наковаленка-подложка на техногенно дополнительно заглаженной гальке (Амвр-50, кв.22-А, гл.0,5-0,7 м) субдисковидной формы, со следами сработанности на кромке, в результате использования в качестве ретушера (?), и на нижнем, слегка вогнутом, “брюшке”, из черного редкомикрокварц-содержащего аргиллита, судя по каолинитовому агрегатному показателю преломления основного глинистого базиса. Во-вторых, это наковаленка на топоровидном элювиально-галько-образном обломке, с подтеской по широкому основанию и забитостью по центру одной из двух широких граней. Порода - розовато-бежевый аргиллит на, предположительно, галлуазитовой, судя по агрегатному показателю преломления, основе. В-третьих, это выразительная топоровидная каменная подвеска [4, рис. 192, с. 361] на буроватом аргиллите ориентировочно железисто-монтмориллонитового состава с единичными алевроитовыми зернышками обломовочного кварца.

Таким образом, все три предмета представлены осадочными породами исходно глинистого состава, пелитоморфной структуры,

скрытослоисто-массивной, однородной текстуры, то есть аргиллитами палеозойского возраста, почти повсеместно обнажающимися вдоль Донецкого кряжа [6, карта], а частично также аллювиально переотложенными. Правда, судя по варьирующим твердости, окраске, минеральному составу, использованное сырье происходит из разных, пока ближе не определенных точек поля, как развитых непосредственно у самой Амвросиевки, так и более восточных - для наковаленки-подложки - участков открытого Донбасса.

Показательно, что и так называемое пряслице N 344, хранящееся в Мариупольском краеведческом музее и происходящее из одноименного энеолитического могильника [27, табл. XIX], состоит из черного алевролит-аргиллита с рассеянной примесью светлой микрочешуйчатой слюды, как и шлифовальный камень N 140 оттуда же [27, табл. XVI], в последнем случае, - без каких-либо признаков микрослоистости.

Артефакты и манупорты из аргиллитового или алевролит-аргиллитового сырья зафиксированы в культурном слое памятников эпохи бронзы Безименной группы, в Новоазовском районе Донецкой области, охватывающих период от срубной архаики до срубных комплексов белозерского времени [11, с. 23]. Материалы были изучены по предложению В.Н. Горбова на протяжении 1993-1994 гг., в том числе и непосредственно в полевых условиях. Аргиллитовые предметы коллекции из Безименного II со стандартными свойствами, - отсутствием сланцеватости, невысокой твердостью, темной окраской и т.д., чаще всего обнаруживают субкаолинитовый состав, судя по агрегатным показателям преломления $n_{\text{агр.}} = 1,560-1,562$, как например, плоская галечка-минипестик (предположительно для охры) N 11 на зеленовато-темносером сырье или оселок тонкой доводки N 30 на уплощенной разбитой гальке слабо лимонитизированного алевролит-аргиллита, редкие обломочные зерна кварца которого в глинистом субстрате обеспечивали необходимую абразивность изделия. Но, как и в Раздорском II, здесь палицо сырье и с иными оптическими характеристиками минеральной массы. Например, продольно расколотый пест на куске серого, чуть буроватого алевролит-аргиллита с белесоватым "псевдомицелиевым" узором выщелачивания на поверхности, характеризуется относительно

более низким агрегатным показателем преломления 1,535, условно сопоставимым с монтмориллонитовым или метагиллуазитовым. Наоборот, неотличимое от раздорских аргиллитов сырье пёста-курапта N 25 на крупной, предположительно переотлагавшейся в палеогене, судя по признакам глауконита, гальке обнаруживает $n_{\text{агр.}} = 1,601$. Наконец, в коллекции присутствует плитка случайной формы N 2 без признаков утилизации, возможно, пигментное сырье на коричневатовишневобуром лимонито-кварцево-глинистом алевролито-аргиллите. По-видимому, порода исходно была существенно сидеритового состава, - присутствие карбонатов железа характерно для подпочвы угольных пластов Донбасса, хотя бурожелезняковые образования отмечены также и в юрских, и в полтавских отложениях региона.

В связи с этим, заслуживает внимания своеобразный глинисто-сидеритовый обломок разбитого топора-молота N 82, который в 60-е годы хранился в институтской, позднее университетской, учебной коллекции Д.С.Цвейбель [20, с. 5] и тогда же был изучен автором. В свое время обнаруженный в районе г.Докучаевска на р.Сухой Волноухе, этот предмет, к сожалению, почему-то не попал в свод случайных находок из археологических собраний Донецкой области, где из этого района фигурирует только диабазовый топор [19, с. 25, N 84] с примечанием составителя, что “эта порода в Донбассе отсутствует”, хотя в пределах Донецкой области и всего Приазовья разновозрастные диабазы [36, с. 31, 36, 61] представлены достаточно широко.

Факт использования сидеритового (FeCO_3) материала, внешне напоминающего аргиллиты продуктивной толщи Донбасса, объясняется, несомненно, большим удельным весом стяжения, теоретически достигающем 3,9 г на кубический сантиметр, что в полтора раза превышает, например, таковой пелитоморфных известняков, аргиллитов или алевролитов. Это усиливало ударный эффект использования такого топора, хотя карбонатный в целом состав с совершенной спайностью минеральных зерен неизбежно снижал вязкость и прочность породы, что в конце концов и обусловило раскалывание этого энеолитического или эпохи бронзы орудия.

Целенаправленное археолого-петрографическое изучение

других коллекций не только описываемого региона, но и прилегающих территорий не терпит отлагательства. Например, ожидает своего решения и недавно возникшая проблема так называемых “кремнистых сланцев” в археологических комплексах Полтавщины [5, с. 65-66], разумеется, для начала также с помощью литологического анализа: настоящие кремнистые сланцы характерны для геосинклинальных областей типа Карпат, Кавказа или Урала, но не платформ или авлакогенов типа Днепровско-Донецкой впадины, к территории которой и приурочены местонахождения археологических памятников Полтавской области.

Суммируя, отметим, что преимущественно субконкреционные по условиям формирования, наиболее качественные пелитоморфные аргиллиты и алевроито-аргиллиты в орудиях труда, от палеолита до эпохи бронзы, из Приазовья отличаются от классических глинистых сланцев отсутствием как послойной, так и секущей сланцевитости, что, естественно объясняется, во-первых, не слишком интенсивными метаморфизмом и складчатостью, которые претерпели породы и угольные пласты бассейна в целом, и, во-вторых, тяготением соответствующих пелитолитов именно к последним, в форме подошвенных или подподошвенных желваковых стяжений, “угольных почек”, “топштейновых” горизонтов. При всякого рода тектонических воздействиях уголь пласта “принимал на себя” основную часть нагрузок, этим самым смягчая динамометаморфическое изменение содержащихся в нем, в его подошве и кровле желвакоконкреционных обособлений.

В дальнейшем, при выходе соответствующих угольных пластов в результате эрозионных процессов на дневную поверхность, менее прочные, трещиноватые каустобиолиты в ходе физического выветривания дезинтегрировались первыми, а высвобождавшиеся при этом стяжения и аналогичные более прочные, массивные диагенические, катагенические и метагенические образования попадали из элювиальной зоны в делювий или аллювий рек региона, откуда их, скорее всего, и извлекал первобытный человек для последующей обработки. Сохраняя исходную однородность, они выигрывали по сравнению с сырьем нередко сланцеватых, выдержанных глинистых горизонтов трех- или четырехчленных седиментационных ритмов

(“уголь-известняк-пелитолит-песчаник”) продуктивной толщи Донбасса, особенно в зонах раннего и позднего метазенеза [26, рис. 64].

Определяемые под микроскопом значения агрегатных показателей преломления позволяют хотя бы в первом приближении, без точной кристаллооптической или рентгеноструктурной характеристики отдельных слагающих полиминеральных породных смесей аргиллитового сырья оценивать как степень изменчивости этих использовавшихся в первобытной технике пород, так и вероятных ареалов из естественного, дотехногенного распространения. Задача будущего, накопление банка соответствующих данных как по орудийному материалу, так и по породам естественных выходов Донбасса, но и на сегодняшний день изученное аргиллитовое сырье можно подразделить на четыре группы. Это материалы, во-первых, с преобладающими “каолинитовыми” показателями преломления; во-вторых, с заметно более низкими, условно названными “монтмориллонитово-метагаллуазитовыми”: галлуазит доказан для глинистых “сланцев” Белокалитвенского и Шахтинского районов, где он присутствует в мелкозернистых агрегатах с $n=1,549$ [23, с. 215]; в-третьих, с относительно более высокими “гидрослюдистыми” параметрами (отобранные для сопоставления “методом дикой кошки” единичные пробы обычно более светлых, серовато-бурых, иногда с неясно намечающейся в результате выветривания сланцеватостью породы из окрестностей городов Донецка, Амвросиевки и других населенных пунктов Донбасса, кстати, также характеризуются агрегатными показателями преломления в пределах 1,568-1,575); в-четвертых, с максимальными значениями соответствующих констант, заставляющих предполагать железистомонтмориллонито-смешаннослойный или даже хлоритовый состав (n агр. до 1,620) подобных, в основном, конкреционных по условиям формирования образований.

Учитывая реальные возможности археолого-петрографического прогнозирования [31, с.163] на базе пока условных данных, для их уточнения всегда желательно проведение контрольно-ревизионных маршрутов в конкретных зонах, в случае Раздорского II, например, в пределах Шахтинско-Несветаевского угленосного района [9, с. 836, рис. 23]; первая “каолинитовая”,

частично диагенетически окременная с появлением лутецита, и вторая, “метатагаллауазито-монтмориллонитовая” подгруппы при прочих равных условиях типичны для более западных участков открытой части Восточного Донбасса, тогда как две остальных, - для более восточных, хотя однозначная оценка возможного происхождения сырья зависит также от специфического состава исходных отложений, наличия в них типоморфных минералов, как аутигенные формы SiO_2 , сидерит, дисульфиды железа, хлорит и многие другие, раскрывающие онтогению породообразования [12. с. 3-7].

Но, во всяком случае, ясно, что между “сланцевыми” индустриями Приазовья и Приднестровья в петрографическом отношении почти ничего общего, кроме такого обобщающего, однако, по сути, технологически неверного термина, нет, что следует иметь в виду при всякого рода историко-археологических реконструкциях: на Западе это преимущественно кремнисто-карбонатное, лишь в случае пород “типа Дерло” алевролитовое сырье, на Востоке - слабо окремененные глинисто-гидрослюдистые, иногда микрокластокварцевые породы алевролитов-аргиллитов группы со всеми вытекающими последствиями.

Литература

1. Айзенберг Д.Е., Лагутин П.К. 1970. Стратиграфия девонских отложений Донецкого бассейна // Очерки по генеалогии Кузнецкого и Донецкого бассейнов. - Л.
2. Белановская Т.Д. 1975. К вопросу о рыболовстве в период неолита на Нижнем Дону // КСИА. N 141.
3. Борисковский П.И. 1951. Раскопки в Амвросиевке и проблема палеолитических культовых мест // КСИИМК. Вып. 37
4. Борисковский П.И. 1953. Палеолит Украины. Историко-археологические очерки. М.-Л. МИА. N 40.
5. Гавриленко И.Н. 1990. Новые памятники эпохи неолита на Полтавщине // Охорона і дослідження пам'яток Полтавщини. 3-й обл.науково-практичний семінар. Тези доповідей. - Полтава.
6. Геологическая карта Украинской ССР и Молдавской ССР масштаба 1:1000000. Объяснительная записка. 1979. Киев.

7. Геологический словарь. Издание 2-е исправленное. 1978. Том 1. М.
8. Геологический словарь. Издание 2-е исправленное. 1978. Том 2. М.
9. Геология месторождений угля и горючих сланцев СССР 1963. Том 1. М.
10. Геология СССР Ростовская, Волгоградская, Астраханская области и Калмыкская АССР 1970. Том 46. М.
11. Горбов В.Н., Усачук А.Н. 1993. Исследования поселений срубной культуры в Приазовье // Археологічні дослідження в Україні 1991 року. Луцьк.
12. Григорьев Д.П., Жабин А.Г. 1975. Онтогенез минералов. М.
13. Зарицкий П.В. 1966. Каолинитовые прослои (так называемые 'тонштейны') в угольных пластах Донецкого бассейна // Сопровождение по исследованию и использованию глини и глинистых минералов. Тезисы докладов. М.
14. Зарицкий П.В. 1970. Межугольные каолинитовые прослои ("тонштейны") Донбасса // ЗВМО. Ч. 99. Вып. 5.
15. Зарицкий П.В. 1970а. Минералогия и геохимия диагенеза угленосных отложений (на материалах Донецкого бассейна). Часть 1. Харьков.
16. Зарицкий П.В. 1967. О геохимическом воздействии в диагенезе соседних в разрезе разнофациальных слоев // ДАН. Том 180. N 1.
17. Зарицкий П.В. 1967а. Так называемые тонштейны в угольных пластах Донбасса и их генезис // ДАН. Том 177 N 2.
18. Иванов В.П. 1961. Термограммы минералов // ЗВМО. Ч.90. Вып. 1.
19. Каталог случайных находок из археологических собраний Донецкой области // Археологический альманах N 1 Донецкого областного краеведческого музея. 1993. Донецк.
20. К 75-летию со дня рождения Доротеи Самойловны Цвейбель (1917-1990) // Донецкий археологический сборник. 1992. Вып. 2. Донецк.
21. Кияшко В.Я., Ромащенко Н.И. 1994. Раздорское II - новое местонахождение каменного века на Нижнем Дону // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1993 году. Вып 13. Азов.
22. Крижевская Л.Я. 1991. Начало неолита в степях Северного Причерноморья. Спб.

23. Лазаренко Е.К., Панов Б.С., Павлишин В.И. 1975. Минералогия Донецкого бассейна. Ч. II. Киев.
24. Логвиненко Н.В. 1963. О распространении древних кор выветривания на юге Европейской части СССР // КВ. Вып. 5.
25. Логвиненко Н.В. 1968. Постдиагенетические изменения осадочных пород. Л.
26. Логвиненко Н.В., Орлова Л.В. 1987. Образование и изменение осадочных пород на континенте и в океане. Л.
27. Макаренко М.О. 1933. Мариупільський могильник. Київ.
28. Наливкина М.А. 1965. Раскопки юго-восточного участка Тапайса (1960-1961 гг.) // Древности Нижнего Дона. М.
29. Петров В.П. 1957. Глины как важнейшее нерудное полезное ископаемое // Совещание по исследованию использованию глин. Тезисы докладов. Львов.
30. Петрунь В.Ф. 1990. Петроархеология или археологическая петрография? // Материалы международного (VIII Киевского) симпозиума по науковедению и научно-техническому прогнозированию "Современное науковедение и перестройка Советской науки" Часть 1. Киев.
31. Петрунь В.Ф. 1991. О принципах археолого-петрографического прогнозирования применительно к историческому прошлому...// Тезисы областной историко-краеведческой научно-практической конференции, посвященной 200-летию основания Одессы и 25-летию создания Украинского общества охраны памятников истории и культуры. Одесса.
32. Петрунь В.Ф. 1992. Реперні гірські породи "сланцевих" сокирок сходу трипільської ойкумени // Тези доповідей одинадцятої вінницької обласної Історико-краєзнавчої конференції. Вінниця.
33. Петрунь В.Ф. 1994. К вопросу о материале рубяще-вскапывающих шлифованных орудий раннеземледельческих культур Северного Причерноморья // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. VI в. н.э. Тирасполь.
34. Праслов Н.Д. 1964. К вопросу о неолите Северо-Восточного Приазовья // КЗТКМ. Ростов.
35. Татарский В.Б. 1965. Кристаллооптика и иммерсионный метод. М.
36. Шарапов Н.И. 1986. Дайки Приазовья. Киев.
37. Щапова Ю.Л. 1988. Естественно-научные методы в археологии. М.

Новые клады серебряных монет XIV в. из Азова

В статье “Находки джучидских монет”, опубликованной в 1964 г. Г.А. Федоров-Давыдов отмечал неполноту обзора денежного обращения в Золотой Орде в связи с отсутствием достаточных данных по таким важным центрам чеканки монет, какими были в те времена города Крым и Азак. К настоящему времени из пяти кладов серебряных монет XIV-XV вв., обнаруженных в Азове и его ближайшей округе, сведения опубликованы лишь по двум из них: кладу 1938 г. из урочища “Сепник”, располагавшегося за железнодорожным вокзалом в г. Азове (48 дирхемов) и кладу 1963 г. из хутора “Задонье”, расположенного на правом берегу Дона, напротив г. Азова (183 дирхема). Новые находки кладов монет XIV в. восполняют недостаток наших знаний.

В коллекции монет краеведа К.Н. Иванова (фонды АКМ) имеется клад из 13 дирхемов, обнаруженных в погребении при рытье котлована под дом у перекрестка ул. Московская-пер. Коллонтаевский. Все дирхемы однотипные, чеканки Узбека, без места и года, с символом веры на реверсе.

В 1962 г. в котловане под зданием больничного корпуса, в горшке рабочими обнаружен клад серебряных монет. Археологу музея Л.М. Казаковой удалось собрать 750 монет. В 1977 г. на ул. Толстовской, в траншее за кинотеатром “Октябрь” обнаружен клад, состоявший из двух частей, расположенных вблизи друг от друга. Собрано 3711 дирхемов.

Самые ранние монеты этих двух кладов датируются 710 г. Хиджры, самые поздние монеты клада 1962 г. датируются 789 г. Хиджры, а клада 1977 г. 796 г. Хиджры. Судя по однородному составу обоих кладов, они были зарыты в 1395 г. н.э. во время погрома Азака войсками Тамерлана. Монеты этих кладов представлены следующими правителями Золотой Орды: Токта, Узбек, Джанибек, Бердибек, Кульна, Навруз, Хызр, Кидьдибек, Абдуллах, Мухаммед Бюлек, Токтамыш, Бек-Булат; и следующими монетными дворами: Сарай ал-Махруса (Сарай, ас-Сарай), Сарай ал-Джедид, Гюлистан, Азак (Азак ал-Махруса), Крым, Орду (Орду ал-Муаззам), Сарайчук, Маджар ал-Джедид, Ховарезм.

Иноземные монеты в этих кладах представлены джелаиридскими дирхемами Хусейна, а в кладе 1962 г. - византийскими динарами Иоанна V (1341-1391). На составе монет в этих кладах ярко отразилось действие реформы Токтамыша 1380 г. Лишь девять процентов монет относится к дореформенному периоду. Более половины монет были отчеканены в Азаке. Судя по этим кладам, в 80-е годы крупнейшими торговыми партнерами Азака были Сарай ал-Джедид и Орду. Незначительный процент монет Крыма связан с сокращением торговой активности венецианцев и генуэзцев в результате Кюджской войны 1376-1381 гг., в которой одним из важнейших объектов конфликта была колония Тапа. Исследование этих кладов позволяет хорошо проследить динамику работы монетного двора Азака в 80-90 гг. XIV в.

С.И. Безуглов

**О находках электровых боспорских статеров
близ Сухо-Чалтырского городища.**

Находки боспорских монет высшего номинала, относящихся к римской эпохе, в нижнедоицком регионе достаточно редки. Можно вспомнить лишь два клада, приуроченные к Гпиловскому городищу. Один из них найден в 1868 г. (его состав не вполне ясен) [Яценко, 1993, с.43; Фролова, 1997, т. II, с.168 - ср. Голенко, 1974, с.74, прим.57], другой - в 1958 г. [Яценко, 1993, с. 43-54]. Лишь в 1996 г. стала известной первая достоверная находка электрового статера на Недвиговском городище (монета Рискупорида III 511 г. босп. эры Bezuglov, 1998, № 114). Поэтому каждый новый экземпляр, имеющий сведения об обстоятельствах нахождения, представляет значительный интерес для характеристики особенностей денежного обращения в сфере экономического влияния Тапаиса.

В 1996 г. в западной части х. Каратаево, на своей усадьбе

местным жителем была найдена электровая монета царя Евпатора (Рис. 1,1)*

Описание: диаметр 19 мм, соотношение осей - 12.

Аверс. ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΕΥΠΑΤΟΡΟΣ Драпированный бюст

Рис. 1. Боспорские монеты.

1 - статер Евпатора; 2 - статер Савромата II.

царя в диадеме вправо. Точечный ободок.

Реверс. Головы Марка Аврелия и Луция Вера, обращенные друг к другу; внизу дата - ΞV - 460 г. босп. эры 163 г н.э. Точечный ободок.

Монета принадлежит к хорошо известному типу [Frolova, 1979, табл. XXVI, 23; Анохин, 1986, № 539а; Фролова, 1997, т. 1,

* - ввиду возможности перехода в посторонние руки монета была выкуплена у находчика автором настоящей заметки.

История покупки монеты в изложении В.П. Копылова (его текст в настоящем сборнике) в малой степени соответствует действительности. С недоумением оставляю на совести выдающегося донского исследователя и недоброжелательный тон, и деформации реальности. Вопрос о месте постоянного хранения сухо-чалтырской находки полагаю решить без его дружеского участия.

табл. LXVIII, 19 - та же штемпельная пара]. Н.А. Фроловой учтено 28 монет этого года (три из них чеканены той же парой штемпелей), у В.А. Анохина значится 37 экземпляров. Статеры Евпатора 459-461 гг. босп. эры относятся к числу наиболее распространенных в чеканке этого царя.

После детального опроса населения мною было установлено, что в начале 80-х годов, примерно в 100-150 метрах к ЮЮВ от находки 1996 г. был найден другой электроый статер, чеканенный при Савромате II (Рис.1, 2).**

Описание: диаметр 18,5 мм, соотношение осей - 1.

Аверс. ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΣΑΥΡΜΑΤΟΥ. Драпированный бюст царя в диадеме вправо. Точечный ободок.

Реверс. Голова Септимия Севера в лавровом венке вправо, перед ним в поле - дифферент "трезубец", внизу дата - ΔϞV 494 г. босп. эры - 197 г. н.э. Точечный ободок.

Статеры Савромата II 494 г. босп. эры принадлежат к числу достаточно распространенных [Frolova, 1979, табл. XXXII, 15 (штемпель аверса; использовался и в 495-496 гг. босп. эры); 20 (штемпель реверса); Анохин, 1986, № 575; Фролова, 1997, т. I, табл. LXVII, 16-26; LXVIII, 1-6]. В.А. Анохиным учтено 24 монеты этого года; Н.А. Фроловой - 21. В каталоге Н.А. Фроловой не значатся четыре монеты 494 г. босп. эры, происходящие из Гниловского клада 1958 г. [Яценко, 1993, рис.2, 19-22]. Один из гниловских экземпляров имеет общий штемпель реверса с публикуемым (№ 22 у В.В. Яценко).

Обе монеты найдены в непосредственной близости от Сухо-Чалтырского городища, к ССВ от него. Более определенная топографическая характеристика находок затруднена тем, что пространство между местом находки и основной территорией городища занято современной застройкой. По свидетельствам местных жителей рельеф в этой части очень сильно изменен за последние двадцать лет.

Находка двух боспорских статеров неподалеку друг от друга позволяет предположить, что мы имеем дело с остатками разрозненного клада. Характерной чертой кладов боспорских статеров

** монета была любезно предоставлена для публикации владельцем.

II начала III вв. является достаточно длительный период накопления (разница старшей и младшей монет в нашем случае - 34 года; в кладах у Гниловского городища: 1868 г. - несколько десятилетий, 1958 г. - 61 год). Подтверждают это наблюдение и клады статеров, обнаруженные на основной территории Боспора (Керченский клад 1867 г. - не менее 94 лет, Нимфейский клад 1949 г. - 44 года и др.). Такое хронологическое распределение монет в кладах, несомненно, служит хорошим подтверждением точки зрения о том, что статеры II - начала III вв. служили в первую очередь сокровищем, выгодно отличавшимся качеством металла от монет второй четверти III в. Статеры Евпатора и Савромата II стабильно входят в состав кладов, зарытых, в основном, в ранней части III в. [Голенко, 1974, с.74].

Сухо-Чалтырское городище является вторым памятником округа Танаиса, с которым достоверно связывается находка боспорских электровых статеров. Привлекает внимание тот факт, что дорогая боспорская валюта оказывается более характерной для варварских поселений, нежели для самого Танаиса.

Дефицит информации не позволяет нам определенно высказываться о сухо-чалтырской находке. Вероятно, близким аналогом ей может быть более известный Гниловский клад 1958 г сопоставимый с другими монетными комплексами на боспорской территории [Фролова, 1997, т. II, с. 168-169]. Соккрытие этой группы кладов было обусловлено двумя взаимосвязанными факторами: резким ухудшением качества металла статеров при Котисе III (227-233 гг. н.э.) и осложнением этнополитической ситуации в Южноорусско-поитийском регионе в связи с готской экспансией и масштабными перемещениями кочевников. Эти события имели непосредственное отношение к Танаису и его ближайшей округе.

Литература

1. Анохин В.А. 1986. Монетное дело Боспора. Киев
2. Bezuglov S.I. 1998. Die Munzfunde aus den Ausgrabungen der deutsch-russischen Expedition in Tanais 1993-1996 (in print).
3. Голенко К.В. 1974. Монеты из раскопок Нимфея 1939-1970 гг. // НЭ. Т. XI. М.
4. Frolova N.A. 1979. The Coinage of the Kingdom of Bosphorus.

5. Фролова Н.А. 1997. Монетное дело Боспора. Т. I,II. М.
6. Яценко В.В. 1993. Клад электровых боспорских статеров с Гниловского городища // ВДИ. № 2.

Н.Б. Леонова, Е.А. Виноградова, Н.А. Хайкунова.
Новые данные по исследованию верхнепалеолитических
стоянок района дельты Дона.
(Каменнобалковская археологическая культура).

Памятники каменнобалковской культуры, расположенные в районе дельты Дона, исследуются более 30 лет и могут служить прекрасной основой для проведения комплексного системного анализа, имеющего своей конечной целью построение корректной палеоэкологической реконструкции условий обитания и системы жизнеобеспечения древних коллективов в позднплейстоценовое время. Раскопки этих памятников производятся с использованием самых современных полевых методик, принятых в мире, причем многие из этих методов созданы и отработаны коллективом Донской археологической экспедиции МГУ в процессе многолетних исследований и пользуются признанием специалистов, как у нас в стране, так и за рубежом. При исследовании памятников собраны обширные коллекции обработанного кремня, насчитывающие многие сотни тысяч предметов. Все эти коллекции имеют добротную документацию, хранятся в Музее Антропологии МГУ и легко доступны для использования всеми заинтересованными специалистами.

На памятниках кропотливо и тщательно исследованы сотни квадратных метров насыщенного культурного слоя, что также находит отражение в большом количестве графической документации. Здесь регулярно проводятся геолого-геоморфологические, палеозоологические, палеоботанические и прочие естественнонаучные исследования.

Судя по данным абсолютного датирования, этот район обитался в течение продолжительного времени - порядка 5 - 4,5 тысяч лет, предположительно начиная с 16000 - 17000 до 12000 лет

(в настоящее время имеется более 15 радиоуглеродных дат для двух памятников, и датировка по споропыльцевому методу для стоянки Третий мыс).

Все изучаемые памятники представлены базовыми стоянками, т.е. такими стойбищами, на которых проходила жизнь большей части всего коллектива. Судя по различиям в структуре этих памятников, длительность обитания на них была различной, но, тем не менее, это достаточно долго обживаемые места, а не кратковременные стоянки.

Стоянка Каменная Балка I (открыта М.Д. Гвоздовер в 1957 г и первоначально исследовалась ею) однослойный памятник, в настоящее время полностью исследовано более 450 кв.м. культурного слоя. Исследованная площадь как будто исчерпывает все пространство, на котором располагались наиболее насыщенные находками участки. Здесь обнаружено две жилые площадки или остатки двух, довольно больших по площади легких наземных жилищ, окруженные разнообразными производственными центрами, на которых, в основном, производилось первичное раскалывание и другие, наиболее грубые, трудовые операции. Внутри жилищ, у очагов происходила работа орудиями и выделка более тонких изделий. Радиоуглеродная дата, полученная из очага в одном из жилых объектов 14670 +/- 105 (AA-4797). Вопрос о синхронности обоих жилых объектов пока не решен, проводятся дополнительные типологические и планиграфические исследования [Гвоздовер, 1967; Леонова, 1993; Leonova, 1993].

Стоянка Каменная Балка II (открыта в 1958 году М.Д. Гвоздовер) - трехслойный памятник, нижний слой - самый древний из всех каменнобалковских памятников, но, к сожалению, для него не имеется даты по C-14. Второй слой, наиболее мощный и насыщенный, оставлен поселением, которое существовало в течение нескольких сезонов. Здесь также выделяются разнообразные жилые и производственные зоны, многочисленные очаги, элементы строительных (?) конструкций, кремневые клады, а также, возможно, остатки культового объекта, связанного с охотничьей магией (Рис.1).

В настоящее время детально исследовано более 1000 кв.м. насыщенного культурного слоя, материал, собранный в процессе

Рис. 1. Типичный участок 2 слоя на Каменной Балке II-95 г

раскопок, громаден и исследуется в самых разнообразных направлениях [Гвоздовер, 1967; Гвоздовер, Леонова, 1977; Leonova and Minkov, 1988; Леонова, Несмеянов, 1991; Леонова 1993; Leonova, 1993; Миньков, 1993; Леонова, 1996].

Радиоуглеродные даты второго слоя стоянки варьируют, но наибольшее количество достоверных значений колеблется вокруг возраста 15500-15700 лет, что указывает на то, что этот слой предшествует на 1000 лет поселению Каменная Балка I. Данные типологического анализа инвентаря и результаты других исследований не противоречат такому соотношению памятников.

Верхний культурный слой стоянки Каменная Балка II очень беден и тонок, здесь не прослежено пока, несмотря на большую исследованную площадь, каких-либо мощных скоплений культурных остатков жилого характера, не обнаружено также и выразительных очагов, что исключило пока возможность получения радиоуглеродной даты. Судя по естественнонаучным данным и типологическим характеристикам инвентаря, этот слой может быть датирован существенно более молодым временем - около 12-ого тысячелетия.

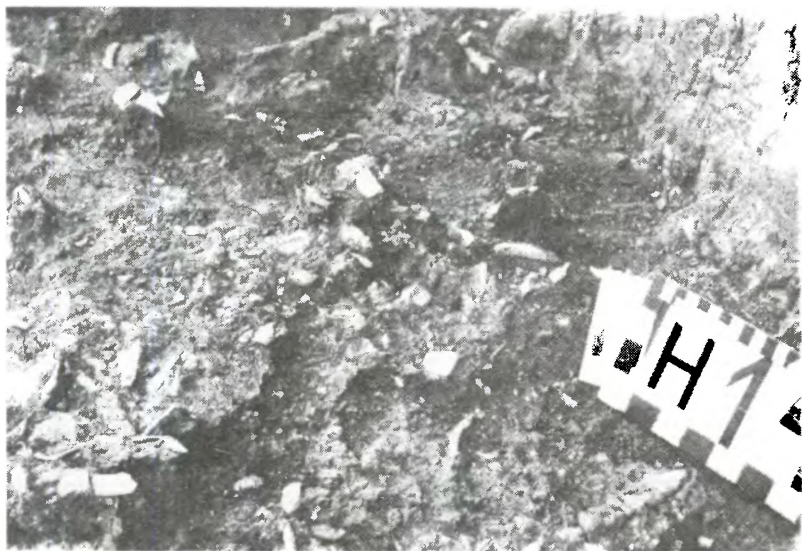

Рис. 2. Каменная Балка II-94г Основной слой - типичный участок. Скопление кремня на кв. А-14. Вид с С.

Стоянка Третий Мыс (Каменная Балка III) открыта М.Д. Гвоздовер и исследовалась ею в 1968-70 гг. В настоящее время исследования продолжаются экспедицией Государственного Исторического Музея под руководством к.и.п. Н.А. Хайкуновой. Культурный слой этого однослойного памятника изучен сейчас на площади около 150 кв.м. Здесь прослеживаются достаточно выразительные скопления расщепленного кремня, очаги и кухонные отбросы, следы разнообразной производственной деятельности. Тем не менее, поселение имеет иной, по сравнению с другими памятниками, характер. Хотя это, несомненно, также базовая стоянка, здесь не произошло накопления большого количества культурных остатков, что, скорее всего, может объясняться меньшей продолжительностью периода обитания.

Кремневый инвентарь памятников свидетельствует о разнообразной трудовой и бытовой хозяйственной деятельности.

Обилие обработанного кремня удивляет, особенно при учете того обстоятельства, что ближайшие выходы сырья располагаются в 120-150 км к юго-западу, в бассейне реки Миус. Характер исполь-

зования сырья в таких условиях (бережное использование качественного кремня, переоформление сломанных изделий, способы транспортировки)- тема отдельного исследования, которое необычайно важно для понимания общей системы природопользования у древнейшего населения региона. Так, например, представляется очень любопытным то обстоятельство, что до сих пор мы не знаем стоянок со сколько-нибудь выразительным культурным слоем непосредственно у выходов кремневого сырья. Возможно, что такие участки представлялись “местами общественного использования” и не обживались в качестве постоянного места обитания носителями какой-то определенной культуры. Примеры такого использования природных ресурсов хорошо известны в этнографии охотников-собирателей [Шнирельман, 1982]. Изучение проблемы распространения и использования каменного сырья - одна из текущих задач исследований, проводимых на Каменной Балке. В ближайшем будущем мы планируем совместные работы с нашими украинскими коллегами из Донецка, изучающими кремнедобывающие мастерские в Приазовье.

Возвращаясь к характеристике культурных слоев на стоянках Каменной Балки, хотелось бы подчеркнуть, что обилие кремня в нашем случае свидетельствует в пользу долговременного использования этого района.

Само понятие “длительность обитания” очень варьирует в представлениях различных исследователей. Так, одни авторы считают, что долговременное поселение существовало годы или десятилетия, другие полагают, что продолжительным можно считать обитание от нескольких месяцев (сезон) до года (Soffer, 1985). Точных критериев для однозначного определения длительности обитания в современном палеолитоведении не существует, тем не менее данные этноархеологических исследований свидетельствуют о том, что даже при относительно невысоком уровне мобильности у охотников-собирателей долговременным можно считать поселение, на котором живут несколько месяцев [Binford, 1978, 1984].

Структура изучаемых памятников позволяет предполагать достаточно продолжительное обитание на каждом из них в течение сезона или нескольких сезонов.

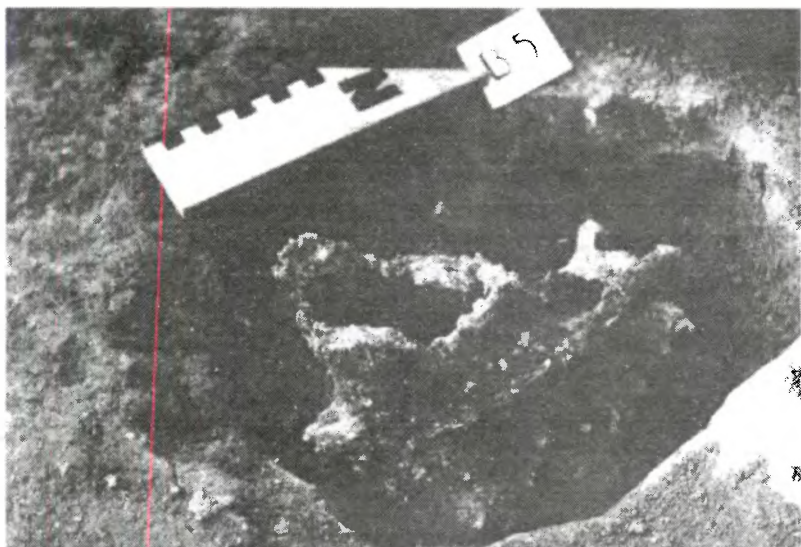

Рис.3. Фрагмент рога зубра в культурном слое Каменной Балки II-95 г.

Набор промысловой фауны весьма разнообразен, здесь представлены следующие виды: бизон (*Bison pr.*, *Bison bis.*, *Bison bos.*), дикая лошадь (*Equus cab*), северный олень (*Rangifer tar.*), баран (*Ovis ov.*), бурый медведь (*Ursus arс.*), заяц (*Lepus sp.*), сурок (*Marmota bobak*). Судя по прокаленности костей сурков, они активно использовались в пищу. На стоянке Каменная Балка I, во втором жилом комплексе обнаружены кости рыб.

В количественном отношении кости бизона и лошади преобладают, минимальное количество особей того и другого вида примерно одинаково. В последние годы проявилась тенденция считать бизонов зубрами, т.е. животными, обитающими не столько в степных, сколько в лесостепных условиях, что очень хорошо сочетается с новыми данными палинологического изучения района, о чем см. ниже (Рис.3).

Анализ фаунистических остатков показывает, что крупная охотничья добыча разделялась вне площади поселений [Leonova, Min'kov, 1988; Миньков, 1993].

Все имеющиеся археологические факты позволяют уверенно считать, что район правого берега Дона в его устьевой части был

привлекателен для древних охотников - собирателей позднего плейстоцена и использовался ими в продолжении весьма длительного времени.

Для уточнения условий обитания на протяжении финала плейстоцена нами проделан ряд геолого-геоморфологических исследований, а также проведен споро-пыльцевой анализ всех памятников, причем для стоянок Каменная Балка I и II имеется по две колонки, а для позднего памятника Третий Мыс пока одна. Исследования состава и эволюции растительного покрова являются, как уже говорилось выше, одним из важнейших компонентов палеоэкологической реконструкции.

Представляя характер растительного покрова и динамику его развития можно составить представление о емкости той или иной экологической ниши и степень ее использования древним населением. Это чрезвычайно важно для решения вопроса об относительной мобильности или оседлости человеческих коллективов, так как достаточное количество ресурсов или, напротив, их резкая нехватка служит побудительным мотивом к освоению новых территорий - то есть новых экологических ниш, и определяет жизненную стратегию в использовании последних. При усиленной эксплуатации емкости экологической ниши нарушается экологическое равновесие и формируются новые, качественно иные параметры, что в свою очередь вызывает новые пути адаптаций.

Организация системы "природа и человек" во времена господства присваивающего хозяйства известна очень мало и привлекает внимание ученых многих специальностей. Поэтому, появление новых данных по конкретному региону очень важно для уяснения всей проблемы в целом.

До относительно недавнего времени для Северного Причерноморья в эпоху позднего плейстоцена реконструировались холодные перегляциальные степи, где и существовали громадные стада бизонов. Модель охотничьего промысла строилась по аналогии с Североамериканскими Великими Равнинами.

Считалось, что холодные редкотравные степи позднего плейстоцена не могли служить хорошей кормовой базой для большого поголовья животных, и поэтому крайняя подвижность стад копытных определяла и очень высокую мобильность

населения.

Полученные нами данные для района дельты Дона говорят о принципиально иной картине растительности и климата. На основании изменения состава палинологических спектров на стоянке Каменная Балка II в изученной толще отложений удалось выделить девять различных спорово-пыльцевых комплексов.

Первые несколько комплексов (1-5) выделяются в толщах пестроцветных зеленоватых глин, интенсивно краснеющих в верхней части. В верхней части этой толщи, на глубине около 170-180 см от современной дневной поверхности, располагался самый древний слой памятника, не имеющий пока радиоуглеродной даты. По свидетельству палинолога, доктора геологических наук Е.А. Спиридоновой, для соответствующего этому отрезку толщи IV комплекса характерно наличие пыльцы как древесных пород (35-40%), так травянистых и кустарниковых, роль которых увеличивается. Среди древесных пород характерно преобладание березы и ольхи.

Состав пыльцы травянистых растений богат в видовом отношении, преобладают злаки и осоки, велико участие разнотравья, около 20% в спектрах приходится на долю водных растений. Среди споровых велико участие зеленых мхов и папоротников.

Время формирования данного комплекса отвечает периоду, когда в пределах исследований территории лес постепенно утрачивал свое господствующее положение в ландшафте, и возрастала роль луговых сообществ. Это был наиболее теплый отрезок всего временного интервала заселения района. Широкое развитие получили не только сосновые леса, но и березняки. В состав этих лесов входили также ольха и такие широколиственные породы, как липа и дуб.

V споро-пыльцевой комплекс, относящийся ко времени формирования стерильной прослойки между первым и вторым культурными слоями, показывает значительное осушение климата и господство в ландшафте сухих степей.

VI споро-пыльцевой комплекс достаточно резко сменяет предыдущий и характеризует природную среду времени существования второго слоя. Во всех образцах присутствует небольшое количество органических остатков, в том числе и

мелких угольков. Встречены водоросли *Pediastrum*, которые могли существовать в небольших весенних лужах и маленьких водоемчиках.

Здесь, в общем составе спектров господствует пыльца древесных пород, составляя около 50% велико участие споровых и трав.

Среди древесных пород доминирует пыльца березы и сосны, появляется пыльца широколиственных пород, таких как вяз, дуб.

Состав травянистых растений довольно богат в видовом отношении, велико участие мезофильного разнотравья, злаков, а также полыней и маревых. Определена пыльца прибрежно-водных растений.

Среди споровых во всех образцах этого комплекса безраздельно господствуют зеленые мхи.

В целом ландшафт изучаемой территории образовывали островные сосновые и березовые перелески, в состав которых могли входить и широколиственные породы. Однако, принимая во внимание видовой состав трав видно, что часть территории была покрыта травяно-кустарничковыми группировками различного состава. Избирательность растительных группировок, бесспорно, определялась характером рельефа территории.

Таким образом, исходя из особенностей самих спорово-пальцевых спектров, время формирования данного палинологического комплекса связано со второй половиной межстадиального ритма позднего валдая. И, хотя радиоуглеродные даты второго слоя стоянки варьируют, наибольшее количество достоверных значений колеблется вокруг возраста 15500-1570 лет, что соответствует данным споропыльцевому анализу.

VII споро-пальцевой комплекс соответствует времени образования стерильной прослойки между 2 и 3 слоями, т.е. времени перерыва в обитании памятника. Этот период отвечает стадияльному похолоданию позднего Валдая. По сравнению с предыдущим этапом климат изменился в сторону похолодания и большей сухости.

В течение этого этапа небольшие островки леса из сосны и березы, наряду со степью, являлись зональными типами растительности.

Следующий VIII споро-пыльцевой комплекс прослеживается

на уровне залегания верхнего культурного слоя. Переход от предыдущего палинологического комплекса очень постепенный. Он характеризуется преобладанием в общем составе пыльцы древесных пород, хотя пыльца травянистых растений составляет довольно большую долю (35%). В группе древесных пород несколько возрастает значение пыльцы сосны при высоком участии березы. Особенности спектров позволяют говорить о некотором увеличении площадей, занятых лесом, и уменьшении открытых степных ландшафтов. Лес, образованный сосной и березой, становится в большей степени зональным типом растительности. Климат становится более теплым по сравнению с предыдущим этапом. Это было время начала следующего межстадиального ритма позднего Валдая. Исходя из приведенных данных, характеризующих динамику развития растительного покрова, становится очевидным, что все три периода обитания на стоянке Каменная балка II связаны с существованием значительной облесенности ландшафта, что сопровождалось увлажнением и потеплением климата. Все периоды распространения сухих степей приходится на отсутствие обитания.

Культурный слой стоянки Каменная Балка I существовал в более холодный, но также достаточно влажный период с высокой долей облесенности, с тем лишь отличием, что доминирующим деревом была ель. Дата по С-14, полученная из очага жилого комплекса - $14\,670 \pm 105$ (AA 4797).

Лишь на самой поздней стоянке этой культуры Третий Мыс, действительно наблюдается общая остепненность территории, но и это не холодная, а весьма продуктивная, в качестве кормовой базы, разнотравная степь. Период заселения стоянки может быть соотнесен с первой половиной среднего дриаса - от 12200 до 12000 лет назад.

Данные других исследований (состав микрофауны, малакофауны) соответствуют палинологическому анализу. Присутствие в фаунистическом списке бурого медведя может объясняться наличием лесов.

Исследования палеорельефа позволяют говорить о его значительном отличии от ныне существующего в сторону большей сглаженности, что не противоречит возможности существования мелких водоемов, в которых застаивалась вода и могли сущест-

зовать наблюдаемые в споро-пыльцевых колонках водоросли и прочие водные растения.

Таким образом, благодаря новым комплексным исследованиям, начинает вырисовываться картина условий обитания, разительно отличающаяся от традиционной "степной модели". Значительная облесенность территории не позволяет относить ископаемых бизонов к степным формам, а бизоны, обитающие в лесных и лесостепных областях, ведут абсолютно разный образ жизни, начиная с ограниченного количества поголовья стада (до 50) и кончая характером миграций [Баскин, 1976]. В этом случае стратегия и тактика древнего охотничьего промысла также должна была быть иной [Леонова, Миньков, 1987].

Наличие в ближайшем окружении большого количества древесины должно найти отражение во всем облике материальной культуры, начиная от домостроительства и кончая наборами орудий, специализированных для работ по дереву.

Полученные факты, которые несомненно нуждаются в дополнительной проверке, как археологическими, так и естественно-научными методами, свидетельствуют о принципиально отличных от предполагаемых ранее условий обитания и создание иной модели природопользования.

Проведение комплексных палеоэкологических и археологических исследований было возможно благодаря финансированию со стороны National Geographic Society (грант 5216-94), Международного Научного фонда (грант) Российского Гуманитарного Научного фонда (грант 95-06-17295).

Литература:

1. Баскин Л.М., 1976. Поведение копытных животных. М.:Наука.
2. Гвоздовер М.Д., 1967. О культурной принадлежности позднепалеолитических памятников Нижнего Дона // ВА. Вып.27.
3. Гвоздовер М.Д., Леонова Н.Б., 1977. Клад кремня из верхнепалеолитической стоянки Каменная Балка 2 // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. Л.
4. Леонова Н.Б., Миньков Е.В., 1987. К вопросу об интерпретации Амвросиевского костяка - уникального памятника позднего палеолита Приазовья // Проблемы интерпретации

- археологических источников. Орджоникидзе. Изд-во СОГУ
5. Leonova N.B., Min'kov E.V., Spatial analysis of faunal remain from Kamennaya Balka 2 // Journal of Anthropological Archaeology. N/Y, 7. 1988.
 6. Леонова Н.Б., Несмеянов С.А., 1991. Проблемы палеоэкологической характеристики культурных слоев // Методы реконструкции в археологии. Новосибирск.
 7. Леонова Н.Б., 1993. Длительность обитания на верхнепалеолитических памятниках // Проблемы палеоэкологии древних обществ. М. Изд. Российского открытого Университета.
 8. Leonova N/B/, 1994. The Upper Paleolithic of the Steppe Zone // Journal of World Prehistory. Vol.8. N2. Lune. Plenum Press.
 9. Миньков Е.В., 1993. Система природопользования в позднем палеолите: метод и достоверность реконструкций // Проблемы палеоэкологии древних обществ. М. Изд. Российского открытого Университета.
 10. Шнирельман В.А., 1982. Протоэтнос охотников и собирателей (по австралийским данным) // Этнос в доклассовом обществе. М. Наука.
 11. Binford L.R., 1978. Nunamiut ethnoarchaeology N/Y: Academic Press.
 12. Binford L.R., 1984. Butchering, sharing and archaeological record // Journal of Anthropological Archaeology. New York: Academic Press. V.3. N.3.
 13. Soffer O.A., 1985. Paleolithic of the Central Russian Plain. New York: Academic Press.

И.В. Гудименко

**Археологические свидетельства погрома Азака
Тамерланом в 1395 году**

Не часто события, происходившие в далеком средневековье, можно воссоздать с большей или меньшей степенью правдоподобности. Трудности возникают в результате отсутствия или сильной фрагментированности как письменных, так и

археологических источников. К счастью, бывает иначе. Так, 1995 год никак нельзя списать в безвозвратно ушедшие, не вспомнив об одном очень значительном для масштабов такого небольшого города, как Азов, событии: 600-летию разгрома Азака Тамерланом в 1395 году. Это, разумеется, не совсем подходящая для празднования годовщина, но и полностью игнорировать данное событие не следует. Удивляет тот факт, что в то время, как в среднеазиатских республиках 1995 год был объявлен ни много, ни мало - годом Тамерлана, в наших средствах массовой информации, да и не только в них, никто об этом даже и не вспомнил, хотя вряд ли кто из жителей Азова не знает этого великого полководца древности или, по крайней мере, хотя бы слышал о нем.

Исходя из того, что о столь известной личности, как Тимур (Тамерлан) написано более чем достаточное количество трудов как в далеком прошлом, так и в наши дни, мы остановимся только на тех фактах его биографии, которые связаны непосредственно с Азаком. Об этом событии, а именно о разгроме Азака и бойне, учиненной по приказу Тимура в этом городе, упоминают многие средневековые источники, в частности, такие как Гисийаддин Али [1], Руи Гонсалес де Клавихо [2], Фома Мецопский [3] и другие. К сожалению, данные средневековых письменных источников о событиях, связанных с взятием и разгромом Азака, чрезвычайно скупы и отрывочны. Завоевание и разрушение рядового среди десятков других, перед этим разоренных и стертых с лица земли городов, а также произведенная в Азаке массовая резня (опять же, судя по письменным источникам, не одна из самых значительных, учиненных Тимуром, по количеству убиенных) не привлекли внимания средневековых авторов. Все их сообщения удивительно однообразны и, за исключением отдельных мелких деталей, ничем друг от друга не отличаются. Следует в виде примера привести одно из них, возможно, наиболее полное, из труда "Книга побед" Шираф-ад-Дина Иезди: "Когда он (Тимур) достиг крепости Азака, мирза Мираншах с бывшим при нем войском, пройдя по берегу реки Тан, и ограбив неприятеля, присоединился там к царственному поезду. Последовал обязательный приказ, чтобы в Азаке мусульман отделили от прочих общин и отпустили, а всех неверных придали мечу Джихада, и ограбив дома их, сожгли. Так оправдалась истина слов "Многие из деревень мы сожгли"

[4, с.180]. Практически слово в слово вторит ему Низами-ад-дин Шами [4, с.121-122].

О том, что приказ Тимура был выполнен очень тщательно и разорение Азака действительно было широкомаштабным, подтверждают сообщения венецианских торговцев, а также венецианского консула, побывавших на месте погрома в 1396 году. В Протоколах Венецианского Сената от 1396 года говорится об истреблении во время погрома всяких письменных источников, в том числе указов, выданных в пользу венецианцев татарскими ханами [Senato misti. Т.34, fol.171].

В более позднем по времени акте Венецианского Сената значится, что "...как всем известно, в пределах Таны все было разорено и предано пожарам Тамерланом" [5, с.143]. Как свидетельствует Сенат в своем обращении к татарскому хану в 1397 году, посланный к нему с галерами уполномоченный не мог высадиться в Тане, так как в ней недоставало жителей и пожар поглотил собою целые улицы, ввиду этого послу показалось опасным оставаться в этом месте. Галеры, на которых было отправлено посольство, посетили берега Азовского моря в 1396 году, и еще застали поселение в Тане в пепелищах, а народ разбежавшимся во все стороны [Senato misti. Т.37, fol.180; 5, с.143-144].

Но это данные письменных источников. Что же касается археологических подтверждений погрома Азака Тамерланом, за последние два десятилетия раскопок на территории города обнаружено значительное количество объектов, прекративших свое существование, в основном, в результате пожаров в 1395 г.

Так, в 1962 году в траншее у котлована под здание больничного корпуса Азовской городской больницы, в горшке был обнаружен клад серебряных монет XIV в. (750 экз.). В 1977 г. на улице Толстовской, за кинотеатром "Октябрь" обнаружен клад монет XIV в. (3711 серебряных дирхемов). Клады 1962 и 1977 гг. были, видимо, зарыты во время разгрома Азака войсками Тимура [6, с.109].

Весной 1979 г. в котловане под строительство девятиэтажного жилого дома по ул. Социалистической в г. Азове, в стене котлована было обнаружено и доисследовано жилище земляночного типа, уничтоженное в результате сильного пожара.

Жилище было очень интересной конструкции: двухкамерное, прямоугольной в плане формы, два помещения отделялись друг от друга стенкой, сложенной из сырцового кирпича. Перед входом располагался частично исследованный деревянный навес, состоявший из длинных и широких досок (Рис.1,1-2). Внезапность гибели жилища подтверждается множеством вещей, оставленных на полу в момент пожара: железный котел, железный топор, а также большое количество обугленных, и в результате этого хорошо сохранившихся плодов, лежавших компактными кучками, возможно, указывавшими на то, что они находились в отдельных сосудах или матерчатых мешках: грецких орехов, инжира, винограда, чеснока, фиников. Также было обнаружено просо, находившееся, вероятно, в деревянной таре. Часть грецких орехов находилась под перевернутой вверх дном поливной чашей с зеленой поливой на внутренней поверхности [7, с.5-12].

По монетам гибель данного жилища можно отнести к времени разгрома Азака Тамерланом. Запасы и виды фруктов позволяют высказать предположение, что гибель данного жилища пришлось на период ранней осени - скорее всего не ранее конца августа, но не позднее конца октября. Кстати, в письменных источниках не сохранилось упоминание о том, в какое именно время года был разрушен город, поэтому исследование данного жилища может внести некоторую ясность в этот вопрос.

Еще одно жилище, но скорее всего уже не земляночного, а наземного типа, было обнаружено в 1981 г. на раскопе по ул. Ленинградской. Из-за малой площади раскопа исследовалась только северо-восточная часть жилища, входившая в пределы раскопа. Раскопанный участок представлял собой фрагмент глинобитного пола, ограниченный ровиком, заполненным горелым камышом с многочисленными фрагментами глины-сырца с отпечатками камышовых стеблей. По монетным находкам, обнаруженным в пределах жилища, оно также относится ко времени погрома Азака войсками Тимура [8, с.42].

О том, что погром сопровождался действительно многочисленными человеческими жертвами, свидетельствуют находки человеческих костяков и их частей, располагавшихся в анатомическом порядке, обнаруженные в нескольких хозяйственных ямах, по находкам монет датирующихся 90-ми годами

XIV в. В траншее по ул. Московской, в южном ее борту, при доисследовании хозяйственных ям в бортах траншеи летом 1982 г., была исследована яма 4. Яма 4 в верхней своей части имела рыхлое пепельно-золотистое заполнение и содержала многочисленнные находки. На глубине 2,6 м по всей ширине ямы выявилась пустота, под которой находился слой гумуса без каких-либо находок. В гумусе расчищены до десятка человеческих скелетов, лежащих в различных позах. Положение скелетов было нарушено в результате проседания гумусного слоя, но по состоянию костяков можно сказать, что тела брошены были в яму еще до разложения мягких тканей. Позы костяков были самые различные - ничком, боком и т.д. [9, с.62].

В данном случае четко прослеживается один из эпизодов последствий погрома - уничтожение жителей и сожжение города. Естественным кажется и нахождение в яме скелетов и мощного слоя золы. Явно, уцелевшие жители первоначально спешили избавиться от трупов, чтобы избежать эпидемии, а затем расчищали пожарища, сваливая золу и угли в незаполненные хозяйственные ямы.

Человеческие останки были обнаружены в яме 6, при производстве раскопок летом 1987 г. во дворе Азовской городской станции юных натуралистов. Хозяйственная яма также была заполнена в верхней части слоями и прослойками угля, гари и золы. На глубине 1,5 м под золистыми прослойками найдено три человеческих черепа без нижних челюстей. Яма хорошо датируется медной монетой времен хана Тохтамыша (возможно, 1394 г. ?). В данном случае мы также видим человеческие останки, перекрытые мощным слоем горелой органики [10, с.27].

Все вышеописанные археологические объекты, исследованные на территории Азова и содержавшие останки жертв погрома или следы пожаров, располагались в центральной части города, скорее всего заселенной зажиточными обитателями, купцами и т.д. (о богатстве жителей данного района говорят находки из хозяйственных ям, а также обнаруженные и описанные выше клады). Возможно, данные районы были заселены зажиточными мусульманами, так как, судя по письменным источникам, кварталы иноверцев находились ближе к берегу Дона и концентрировались в районе венецианской торговой колонии

Таны, где с ней граничили, буквально через ров, генуэзский и еврейский кварталы. [11, с.8]. Судя по находкам многочисленных жертв в центре города, приказ Тимура об истреблении только иноверцев мог выполняться не очень строго.

Таким образом, археологические данные раскопок последних лет достаточно полно подтверждают свидетельства письменных источников о значительных масштабах разгрома Азака в 1395 г. К сожалению, чрезвычайно малые по объемам раскопки производились до сих пор на территории самой колонии Таны и прилегающих к ней районов, возможно, подвергшихся наиболее жестокому разгрому. Широкомасштабные археологические исследования на данной территории позволили бы более четко обрисовать картину событий 1395 года и получить новые подтверждающие материалы, касающиеся этого периода.

Литература

1. Гисийаддин Али. 1958. Дневник похода Тимура в Индию. М.
2. Клавихо Руи де Гонсалес. 1881. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура: 1403-1406 гг. (пер. со староиспанского). СПб.
3. Мецопский Фома. 1957. История Тимур-Ланка и его преемников (пер. с древнеармянского). Баку.
4. Шераф-ад-дин Йезди. 1941. Книга побед // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. АН СССР.
5. Ковалевский М.М. 1902. К ранней истории Азова // Труды XII археологического съезда в Харькове. СПб.
6. Фомичев Н.М. 1995. К истории формирования нумизматической коллекции Азовского краеведческого музея // Третья Всероссийская нумизматическая конференция. Владимир. 17-21 апреля 1995 г. М.
7. Чалый В.В. 1980. Отчет о спасательных археологических раскопках в г. Азове в 1979 г. Азов. АКМ. КВФ 10190/47.
8. Чалый В.В. 1982. Отчет об археологических раскопках в г. Азове и Азовском районе в 1981 г. Азов. АКМ. КВФ 10190/68.
9. Чалый В.В. 1983. Отчет об археологических раскопках в г. Азове в 1982 г. Азов. АКМ. КВФ 10190/74.
10. Перевозчиков В.И. 1988. Отчет о раскопках I Азовского археологического отряда в 1987 г. Азов. АКМ. КВФ 11011/1.

11. Фомичев Н.М. 1994. Некоторые данные о культовых сооружениях и религиозной жизни средневекового Азака в XIV-XV вв. // Очерки истории Азова. Вып. 2. Азов.

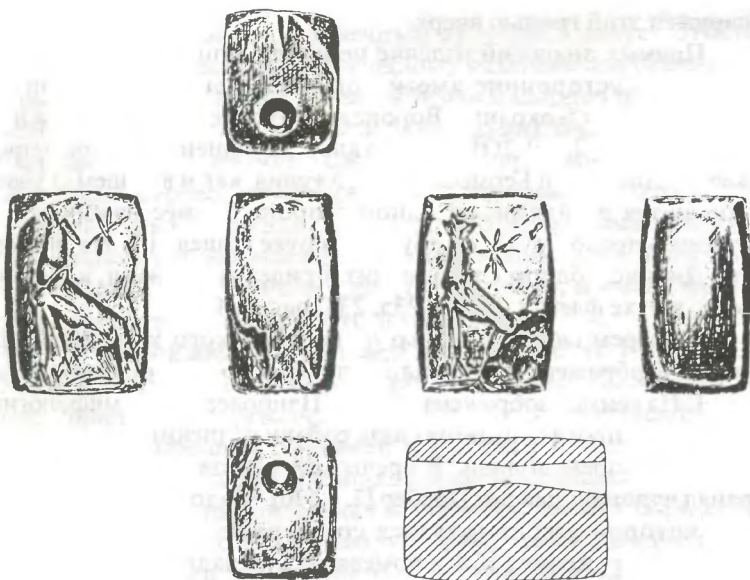
Т.А. Прохорова

**Резные камни из погребения в кургане 10
Кобяковского могильника.**

Открытое в 1987 г. царское погребение конца I-первой половины II вв. н.э. в кургане на восточной окраине г. Ростова-на-Дону содержало богатый и разнообразный инвентарь, разработке которого посвящено уже достаточно большое количество работ. Тем не менее, материал не исчерпан и настоящая статья посвящена двум амулетам с резными изображениями из этого погребения.

Россыпь амулетов была обнаружена около правой плечевой кости погребенной. Изготовлены амулеты из пирита, сердолика, сардера, аметиста, карнеолоникса, кварца, моховика, атласного платя, стекловидной пасты. Камни для амулетов подбирались пестрые: пятнистые моховики, переслаивающиеся генерации сердолика и сардера, кварца и моховика, двухцветные сердолики. Все амулеты, кроме кубика из пирита, имели отверстия для нанизывания. В связку амулетов входили два колечка - золотое и серебряное.

Резные камни располагались несколько особняком от общего скопления амулетов. Один из них найден к югу от общей россыпи. Изготовлен из бледно-оранжевого сердолика. Имеет форму параллелепипеда. Сквозное продольное отверстие смещено от центра изделия к одной из узких граней. Резные изображения (интальо) располагаются на широких гранях. Один и тот же сюжет на каждой грани отличается деталями. На одной стороне интальо изображена собака или волк в стоящей позе влево, морда задрана вверх. За головой животного, справа, шестилучевая звезда. На противоположной грани это же животное изображено в сидящей позе влево, голова повернута назад вправо, пасть раскрыта. Перед мордой восьмилучевая звезда (Рис. 1, 1). В погребении амулет

I.

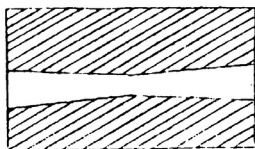

Рис. 1. Интальо из погребения в кургане 10 Кобяковского могильника.

обнаружен этой гранью вверх.

Прямых аналогий изделие не имеет. Близкими аналогами являются двусторонние аметистовые геммы из погребения в кургане 4 у южной окраины Воронежа, которое датируется I в.н.э. [1, с. 237, рис. 2, 19-20]. На инталье помещены изображения божеств - Диониса и Гермеса. Изображения, как и в нашем случае, различаются деталями: на одной стороне Гермес изображен с кадуцеем в правой руке, на другой - в руке кошель (?). На второй гемме Дионис в одном случае сидит, придерживая жезл, в другом - стоит, в руке флейта (?) [1, с.235, 238, рис. 3, 1-2].

Разберем сюжет инталье из кобяковского комплекса, на котором изображена собака или волк. Рассмотрим оба варианта.

1. На гемме изображена собака. Наиболее ярко в мифологии и фольклоре прослеживается связь собаки с “низом” мироздания и владыкой преисподней. В греческой мифологии вход в Аид охранял чудовищный пес Цербер [2, с.640]. Малоазийской Гекате, образ которой ассоциировался со смертью, была посвящена собака. Изображения собаки помечались на надгробиях [3, с. 178, 195]. Два четырехглазых пса были спутниками, стражниками и вестниками древнеиндийского владыки преисподней Ямы. Четыре пса сопровождали древнеиранского Йиму, дозораострийские характеристики которого позволяют реконструировать его связь с преисподней [4, с. 680]. Иранская мифология содержит образ крылатой собаки, которая, кроме того, еще характеризовалась признаками то мускусного животного, то рыбы. Крылатая собака - Сэнмурв, была посредником между разными мирами мироздания и могла приносить как добро, так и зло [5, с. 16, 26-28]. В Авесте собака характеризуется как одно из благих творений Ахура Мазды. Взгляд собаки помогал изгнать трупного демона Насу. Поэтому собака являлась участницей погребальных ритуалов [6, с. 36]. В осетинском варианте нартовского эпоса только собака знала дорогу в подземный дом-лабиринт Сырдона, образ которого содержит много характеристик божества царства мертвых. Сырдон свою собаку украл у Сослана, в чертах которого нартовский эпос законсервировал, как небесные, так и хтонические характеристики солнечного бога [7, с. 92-95]. Яма являлся сыном солярного божества Вивасвата, а Йима считался сыном Вивахванта, воплощения солнца [4, с. 682; 2, с. 599]. Как будто, улавливается

смутная связь собаки с солнечным культом. Следует отметить также привязанность собаки к одному из близнецов (близнечные пары Яма и Ями, Йима и Йимак, Сослан и Сырдон по некоторым вариантам сказаний также были близнецами). Очевидно, поэтому сам мифологический образ собаки несет черты множественности: трехглавый Цербер, два четырехглазых пса Ямы, четыре пса Йимы, Сэнмурв о трех естествах. Думается, что, хотя в мифопоэтическом сознании собака теснее всего связывается со смертью и божеством преисподней, роль ее была значительно шире, и имела функции посредничества со всеми мирами мироздания.

2. Второй вариант - на гемме изображен волк. Прежде всего, следует отметить, что изображения волка являются характерной особенностью искусства иранского населения евразийских степей. В искусстве иранцев Передней и Средней Азии преобладали изображения кошачьих хищников и фантастических животных. Волк в мифопоэтическом сознании - символ мужества [3, с. 101]. Очевидно, поэтому от волка вели свою родословную родоначальники и племенные вожди, а рядовые воины уподоблялись волкам волчьей стаи. Волки сопровождали скандинавского бога войны Одина в качестве его псов [2, с.242]. В осетинском эпосе имя родоначальника нартов Уархага произошло от слова, означающего “волк” [8, с. 25].

Другой герой нартовского эпоса Сослан проходит инициацию посредством закаливания в волчьем молоке. В зрелом возрасте рядится в шубу из волчьих шкур. Это уподобление волку позволяет ему одержать победу в поединке. Волк являлся одним из воплощений солнечного бога сарматов и указывал на хтонический аспект его природы [9, с. 177]. Другой солнечный бог - Аполлон, был покровителем волков и сам мог выступать в роли волка. Одно из его культовых прозвищ - “светящийся волк”. Роль волка, как существа хтонической природы, характерна для мифологий многих народов мира. Собака, как правило, являлась спутником бога преисподней, а волк его воплощением [3, с. 196-198, 229]. Волк, как и собака, связан с близнецами. Уархаг являлся отцом близнецов, капитолийская волчица вскормила близнецов Ромула и Рема. Отец Ромула и Рема - Марс, почитался в образе волка. В иранской мифологии обличье волка имел демон бури [3, с. 197, 223]. По древнеиранской легенде волчица вскормила Кира

[2, с. 242].

На основании всего изложенного можно констатировать, что собака и волк имеют не только общий биологический тип, но и схожую мифологию.

Изображенные на гемме шестилучевая и восьмилучевая звезды имели солярную символику и являлись изображениями двух солнц. Уже отмечалось, что солнечное божество сармато-алан имело двойственную природу. Представление о множественности солнца и солнечных фаз присуще мифологизированному сознанию. Индоевропейцы делили год на четыре части в соответствии с точками солнцестояний и равноденствий. Различались летнее и зимнее солнце, дневное и ночное, восходящее и заходящее [3, с. 110], что находилось в соответствии с множественностью природы солнечного божества. Летнее, дневное, восходящее солнца ассоциировались с жизнью; зимнее, ночное, заходящее - со смертью. Шестилучевой солярный знак на гемме, таким образом, должен иметь хтонический аспект, а восьмилучевой - семантику расцвета солнечной и жизненной силы. Восьмилучевой знак, кроме того, может рассматриваться как сочетание прямого и косоугольного креста, являвшихся мужским и женским символами, а также символами солнца [3, с.119]. Такой знак как бы выпячивает плодородную, созидательную, порождающую функцию солнца.

Для полноты картины следует рассмотреть сюжеты изображений воронежских гемм. На одной из них изображен Гермес - вестник богов, проводник душ умерших, посредник между богами и людьми. На одной стороне амулета он изображен с жезлом в руках. Этот же жезл обладал способностью усыплять и пробуждать людей; в руках с ним Гермес сопровождал души умерших в царство мертвых [2, с.292]. На другой стороне этой геммы он изображен с дискообразным предметом, от которого отходят три черточки. Автором раскопок этот предмет определен как кошель. Однако, скорее всего это черепаха, из которой Гермес изготовил лиру. Черепаха - существо хтонической природы, имела отношение к заупокойному культу. Панцири черепах довольно часто встречаются в погребениях ранних эпох. Существа, соотносимые с преисподней, часто представлялись хромыми, трехногими и колченогими [10, с. 157; 7, с. 94, 97]. Поэтому дискообразный предмет с тремя черточками на гемме мог

обозначать трехногую черепаху.

На другом амулете из этого же погребения изображен Дионис - умирающий и воскресающий бог плодоносящих сил природы. Все символы Диониса изображались на могилах. Умирающие и воскресающие боги выступали в роли богов-спасителей. В архаических мирах Гермес и Дионис были богами андрогинной природы и в дальнейшем сохраняли черты гермафродитов [2, с. 380, 499].

Таким образом, все описанные сюжеты являются изображениями божеств или существ, имеющих отношение к нескольким мирам единого космоса, обладающих множественной природой и/или являющихся проводниками при переходе из одного мира в другой. Четырехгранная форма амулетов моделирует вселенную, как нечто стабильное и целостное [11, с. 23], хотя и имеющее сложную структуру. На кобяковской гемме с верхним миром может быть соотнесен сюжет, где изображено восьмилучевое солнце в зените и сидящая собака (волк). С низом вселенной соответственно соотносится сюжет на оборотной стороне. На гемме с изображениями Гермеса космический верх следует соотнести с той стороной амулета, на которой Гермес изображен с вертикально расположенным жезлом, так как жезл был фаллическим символом, и культ Гермеса в своих архаических формах был фаллическим. Гермес с трехногой черепахой выступает в своей хтонической ипостаси. Семантика изображения не изменится и в том случае, если Гермес держит в руке не черепаху, а кошель, так как ценности, клады, сокровища находились в компетенции хтонических божеств [3, с.81, 193]. На гемме с изображениями Диониса с сюжетом, маркирующим низ вселенной, следует отнести изображение сидящего бога, придерживающего жезл, который находится в горизонтальном положении, на основании той же фаллической семантики жезла. Культ Диониса имел ярко выраженные фаллические и эротические компоненты [2, с.380].

Второй резной камень в кобяковском комплексе найден к северо-востоку от общей россыпи амулетов под крышкой шкатулки. Гемма представляет собой многогранную пронизь с пирамидальной фаской. Изготовлена из красного кварца. Изображение (интальо) помещено на широкой грани изделия.

Могла использоваться не только в качестве амулета, но и служить личной печатью (Рис.1,2).

Полные аналогии не найдены. В качестве аналога типу изделия может быть указан амулет-многогранник из синего стекла, на широкой грани которого изображена лошадь с жеребенком, из погребения в кургане 4 на окраине Воронежа [1, с.7235, с.237, рис. 2,27, с.238, рис.3,3]. Возможно, имеются и более близкие аналогии, но статья М.И.Максимовой, посвященная многогранным печатям, найденным на территории Грузии, оказалась мне недоступной. Максимова М.И. центром изготовления многогранных амулетов-печатей называет Малую Азию [1, с.238]. Амулеты пирамидальной формы являлись символами священной горы и вели свою родословную из Малой Азии, где с эпохи неолита известен знак земли в виде вписанных друг в друга прямоугольников, а так же обнаружены гробницы ступенчато-пирамидальной формы. Многогранные амулеты с пирамидальной фаской являются объемной формой знака, известного в литературе под названием “вавилон” Священная гора, символами которой были изделия, гробницы и постройки пирамидальной формы, располагалась в центре мира и являлась местом обитания богов, как небесной (вершина горы), так и хтонической (основание горы, пещеры) природы. Символами горы являлись также конические амулеты [3, с.91-92, 131]. Амулеты конической формы из халцедона с резными изображениями, помещенными на основании конуса, входили в состав ожерелья сарматской жрицы из погребения 3 I в. н.э. кургана Соколова могила [12, с.33, рис.29, с.103, рис.108]. Пирамидальные и конические амулеты моделировали космос по вертикали и отражали динамично развивающиеся процессы.

На кобьяковском инталье изображено лежащее копытное животное с сидящей на нем хищной птицей. Копытное, судя по отсутствию рогов, наличию подчеркнуто больших ушей - осел. Птица с хищным клювом орел или ворон. Рассмотрим все возможные варианты.

В древности осел считался священным животным. Мифологический образ осла несет в себе как благое, так и демоническое начала. Образ осла рассмотрен подробно О.М.Фрейденберг в работе “Въезд в Иерусалим на осле”.

Проанализировав сюжеты греческой, библейской и египетской мифологии, исследовательница обнаружила солнечную природу в культе почитания осла. По имеющимся сообщениям античных авторов древние евреи поклонялись золотой ослиной голове и существу, имеющему ослиную наружность. Золотом украшали ослов, участвующих в дионисийских мистериях. В ритуалах, связанных с египетским Тифоном, почитаемым в образе осла, участвовали люди и животные с огненным цветом волос. С ослом были связаны богослужения в честь солнца, при этом существовало табу на ношение золота и кормление осла. Осел был культовым животным Аполлона [13, с.500-503, 514-516]. В одном индийском мифе осел превращал в золото все, что съедал [3, с.48]. Демоничность осла связана с тем, что он соотносился с той ипостасью солнца, которая связывалась со смертью и возрождением. В древнем Иране осла почитали на празднествах, посвященных весеннему пробуждению природы [3, с.48]. Осел фигурировал в культах богов, связанных с преисподней. Он являлся культовым животным Ареса и Диониса, принимал участие в фаллологиях дионийского культа, имел отношение к культу Гефеста [13, с.500, 502, 509]. В образе осла почитался Приап - специфическое итифаллическое божество греческой мифологии [4, с.335]. Осел, как ярко выраженное фаллическое животное, являлся участником мифов, культов и ритуалов, содержание которых было связано с почитанием фалла, как символа и атрибута плодородия. О.М.Фрейденбург указала на связь образа осла с богами-спасителями, и проследила генезис идеи спасения от понимания ее как рождения-возрождения через эротику до спасения через очищающую мученическую смерть [13, с.496, 519-520].

Почитание орла носило глобальный характер. На золотой аппликации кобьяковской диадемы, являющейся иллюстрацией общеиндоевропейского космогонического мифа, были изображены четыре золотых орла, которые соотносились с верхом мирового дерева, а соответственно, и с верхом мироздания [9, с.175, рис.1, с.178]. Орел являлся символом солнечной силы, огня и бессмертия [4, с.258]. Как уже говорилось, солнечное божество сармато-алан характеризовалось множественностью природы и соотносилось с фазами солнца. Орел ассоциировался с верхом,

небом и солнцем, но в архаических вариантах мифов орел “громовая птица”, хтонической природы [3, с.232]. На сасанидских геммах солнечное божество изображалось в виде орла [6, с.34].

В некоторых индоевропейских традициях с орлом сближается ворон [3, с.200]. Мифологизированное сознание связывает ворона с подземным миром, землей, водой, небом и солнцем [2, с.245]. На сасанидских геммах в образе ворона изображался Митра [6, с.34].

На основании изложенного мифологического материала, представляется, что на гемме из кобяковского комплекса изображено солнечное божество в двух своих ипостасях: небесной, представленной птицей, сидящей сверху, и загробной, в виде осла, лежащего внизу. Эту же символику содержит сюжет на стеклянной гемме из воронежского комплекса, где изображена лошадь с жеребенком. Связь коня с солнцем в мифологии носит глобальный характер. На гемме изображено старое солнце - лошадь и молодое жеребенок. Лошадь, как взрослое животное женского пола, символизирует загробное, порождающее солнечное начало. Жеребенок - новое, молодое солнце - небесная ипостась солнечного бога.

Сюжеты изображений на всех рассмотренных нами амулетах семантически одинаковы и в контексте погребального обряда являются идеограммами мифологемы спасения. Небесный бог древних греков Зевс, сотерологическая функция которого закреплена соответствующим прозвищем, принимал образы Минотавра, быка, лебедя, орла, змея [2 с.464-465; 14, с.235]. Функция бога-спасителя обнаруживается в мифологии Диониса. Причем идея спасения от смерти в дионисийском культе реализовалась с помощью производительного акта и понималась как новое рождение. С Дионисом соотносились медведь, бык, лев, черный козел, осел, змея, фалл, виноградная лоза, вино, плоды [2, с.380; 136 с.513]. Гермес, чья роль как спасителя от смерти менее выпукла, имел атрибуты, указывающие на его связь с птицами и змеями, и был фаллическим божеством [2, с.292; 15, с.153]. Образ Спасителя наиболее ярко представлен в христианской религии. В языческих культах спасение понималось как перевоплощение и носило циклически повторяющийся характер. В христианстве эта идея означает бессмертие в виде вечной жизни на небесах и имеет

характер одномоментного акта [15, с.153]. Символами Иисуса Христа являлись агнец, рыба, лев, змея на кресте, молодой осел, осел на кресте, единорог, образ Христа связан с виноградной лозой, вином и хлебом [13, с.500, 504, 513; 14, с.236]. Некоторые символы Иисуса Христа остались в употреблении до настоящего времени. Роль спасителей присуща и солнечным божествам [2, с.499]. Древнеиранский солнечный бог Митра изображался в виде всадника, быка, льва, змея, ворона, петуха [6, с.34]. Символика солнечного бога сармато-алан также имела многоэлементный характер: орел, лев, олень, конь, волк, осел, многолучевой знак, что находилось в соответствии с множественностью природы этого бога. Архетип идеи спасения древними иранцами был одухотворен и реализовался в образах мифологизированного солнечного цикла.

Литература.

1. Разуваев Ю.Д. 1992. Курганы I в. н.э. у южной окраины г.Воронежа // СА, N 1.
2. Мифы народов мира. 1987. Т.I. М.
3. Голан А. 1994. Миф и символ. Иерусалим-Москва.
4. Мифы народов мира. 1988. Т.II. М.
5. Тревер К.В. 1937. Сэнмурв - Паскудж. Собака - птица. Л.
6. Борисов А.Я., Луконин В.Г. 1963. Сасанидские геммы.
7. Прохорова Т.А. 1994. О семантике изображения на золотой пластине из кургана у мехзавода // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1992 году. Вып. 12. Азов.
8. Абаев В.И. 1945. Нартовский эпос // Известия Северо-Осетинского НИИ. Т.10. Вып. 1. Дзауджикау.
9. Прохорова Т.А. 1994. Некоторые аспекты идеологии сармато-алан (По материалам кургана 10 Кобяковского могильника) // ВДИ. N 4.
10. Леви-Строс К. 1970. Структура мифа // ВФ. N 7.
11. Топоров В.Н. 1980. О числовых моделях в архаических текстах // Структура текста. М.
12. Ковпаненко Г.Т. 1986. Сарматские погребение I в. н.э. на Южном Буге. Киев.
13. Фрейденберг О.М. 1978. Миф и литература древности. М.
14. Яффе А. 1997. Символы в изобразительном искусстве // Юнг

А.В. Васильева

Об остатках рыб времен Золотой Орды.

Материалом для данной работы послужили костные остатки рыб из раскопок древнего Азака (г. Азов, Ленинградская, 71).

Для определения было предоставлено 309 костных остатков рыб, из них до вида удалось определить 131 кость (42,4%). Из 48 неопределенных экземпляров 31 являются позвонками и относятся, по-видимому, к семейству карповых; 130 фрагментов костей рыб неопределимы.

Кости принадлежат следующим семи видам рыб: севрюга *Acipenser stellatus* Pallas, сазан обыкновенный *Cyprinus carpio carpio* Linnaeus, лещ *Abramis brama* Linnaeus, тарань (плотва) *Rutilus rutilus* sp., жерех *Aspius aspius* Linnaeus, сом обыкновенный *Silurus glanis* Linnaeus, судак обыкновенный *Stiostedion lucioperca* Smitt.

По возможности определялись размеры и возраст рыб. Для сома рассчитывалась абсолютная длина тела L (от вершины рыла до конца хвоста), для остальных видов рыб - максимальная длина тела l (от вершины рыла до конца чешуйного покрова).

Севрюга: 12 костей, а именно фрагменты *marginalia* (2 экз.), фрагменты покровных костей (4 экз.), жучки (4 экз.), их фрагменты (2 экз.).

Кости могли принадлежать одной особи севрюги.

Сазан обыкновенный: 17 костей: сложный позвонок от рыбы возрастом шесть лет и длиной 50,0 см, *dentale dext.*, *parietale sin.*, глазная кость *sin.* от особи длиной 58,2 см, *hyomandibulare dext.* от рыбы длиной 62,5 см, *ceratohyale dext.* от особи длиной 54,4 см, *pharyngialia sin.* от особи длиной 60,6 см, *dext.* (2 экз.), одна из них от особи длиной 52,8 см, *suboperculum sin.*, *interoperculum sin.*, *dext.* (2 экз.), от рыб длиной 48,8 и 61,8 см, *supracleithrum sin.*,

лучи анального или спинного плавника (3 экз.).

Вышеперечисленные кости могли принадлежать двум особям сазана (в расчете по минимуму с учетом размеров рыб) - с приблизительной длиной 51,5 и 61,9 см.

Лещ: 47 костей: *dentale sin.* (2 экз., один из которых принадлежит особи длиной 49,5 см), *dext.* (2 экз.) от рыб длиной 42,0 и 49,5 см, *praemaxillare sin.*, *dext.* (последний от особи размером 44,2 см), *frontale dext.* от особи длиной 39,8 см, глазная кость *sin.*, *articulare sin.* от особи длиной 45,9 см, *dext.* от рыбы размером 44,9 см, *quadratum dext.* от рыбы длиной 45,9 см, *hyomandibulare sin.* (3 экз.) от рыб длиной 48,3; 55,4 и 68,6 см, *ceratohyale sin.* от рыбы длиной 38,6 см, *operculum sin.* (7 экз.) от рыб размером 31,6; 32,5; 35,2; 40,0; 41,0; 41,5 и 43,6 см, *dext.* (4 экз.) от рыб длиной 37,3; 39,1; 40,0 и 43,6 см, *praepoperculum dext.* (3 экз., один из которых принадлежит особи длиной 43,9 см), фрагмент *praepoperculum*, *interoperculum sin.* (3 экз., два из которых от особей длиной 43,8 и 49,6 см), *dext.* (5 экз., три из них от рыб длиной 32,3; 36,7 и 44,9 см), *scapula sin.* (2 экз.), *dext.*, *coracoideum sin.* от особи длиной 37,0 см, *cleithrum sin.* (2 экз., один из которых от особи длиной 44,5 см), *dext.*, *scapula* (3 экз., два из которых относятся к рыбам длиной 48,6 и 51,0 см).

Кости принадлежат как минимум 11 особям леща примерно следующих размеров (в см): 31,6; 32,4; 36,7; 39,2; 40,0; 41,0; 41,8; 44,5; 49,1; 53,2 и 68,6.

Тарань (плотва): 3 кости, а именно *pharyngialia sin.* (2 экз.), *dext.*

Кости принадлежат двум особям данного вида (минимально).

Жерех: 1 кость - *pharyngialia sin.* от одной особи.

Сом обыкновенный: 42 кости: позвонок от рыбы возрастом девять лет, *dentale dext.* (3 экз., одна из которых принадлежит особи длиной 119,7 см), *frontale sin.* от особи длиной 80,1 см, *dext.* (2 экз., один из которых принадлежит сому длиной 88,4 см), *nasale* от особи размером 76,8 см, *articulare sin.* от особи длиной 80,6 см, *dext.* (2 экз., один от особи длиной 144,7 см), *epihyale dext.* от рыбы длиной 93,7 см, *ceratohyale sin.* от особи длиной 75,5 см, *dext.* от рыбы длиной 106,4 см, *ceratobranchyale*, *malleus dext.* от рыбы длиной 84,7 см, *operculum sin.* от сома длиной 112,4 см, *dext.* (2 экз.) от рыб

длиной 71,9 и 95,3 см, *coracoideum dext.* отсома длиной 42,6 см, *cleithrum sin.* (5 экз., три из которых принадлежат рыбам размером 52,4; 88,7 и 103,2 см), *dext.* (8 экз., семь из которых принадлежат рыбам следующих размеров (в см): 49,0; 51,9; 52,4; 55,3; 55,3; 95,0 и 113,1), фрагменты *paraspheenoideum* (5 экз. минимально от трех особей, две из которых возрастом три года имели размеры 68,0 и 70,6 см, третья особь имела возраст семь лет), *marginalia sin.* (2 экз.) от особей длиной 97,6 и 109,9 см, неопределимые кости сома (2 экз.).

Вышеупомянутые кости принадлежат как минимум 11 особям сома, имеющим приблизительно следующие размеры (в см): 45,8; 51,9; 52,4; 55,3; 55,3; 68,0; 73,7; 84,5; 98,5; 113,8 и 144,7

Судак обыкновенный: 9 костей, а именно: *dentale sin.* (2 экз., один из которых принадлежит особи длиной 63,8 см), *hyomandibulare sin.* от особи длиной 58,8 см, *praeperculum sin.* (2 экз., один из них от особи длиной 44,5 см), *interoperculum dext.* от особи длиной 60,0 см, *cleithrum sin.* от особи длиной 48,2 см, *dext.* от рыбы длиной 52,3 см, *pelvis sin.*

Кости могли принадлежать как минимум двум особям судака с приблизительно длиной 48,3 и 60,9 см.

ОБОБЩЕНИЯ И ВЫВОДЫ

Таблица 1

Видовой состав рыб из Золотой Орды.

Виды рыб	Кол-во костей	% костей	Кол-во особей	% особей
Севрюга	12	9,16%	1	3,(33)%
Сазан	17	12,98%	2	6,(66)%
Лещ	47	35,88%	11	36,(66)%
Тарань (плотва)	3	2,29%	2	6,(66)%
Жерех	1	0,76%	1	3,(33)%
Сом	42	32,06%	11	36,(66)%
Судак	9	6,87%	2	6,(66)%
ИТОГО	131	100,00%	30	100,00%

Учитывая, что количество особей дает более реальную картину численного соотношения между видами рыб, чем количество костей, следует отметить, что основное место в улове занимали лещ и сом. Не исключено, что они были объектами специального промысла. Значительно меньшую роль играли сазан, судак и тарань, еще реже, по-видимому, вылавливалась севрюга, в то время как жерева можно отнести к случайному в улове виду.

Таблица 2

Средние размеры некоторых видов рыб из Золотой Орды и их сравнение с современными и ископаемыми рыбами бассейна Азовского моря

Виды рыб	Средние размеры рыб, см					
	Ленинград- ская-71	А	Б	В	Г	Современные рыбы бассейна Азов- ского моря
Сазан	51,5; 61,9 (2 экз.)	68	71	67,9	60,3	40 33-42 А.Н.Световидов, 1948 В.В.Петров, 1931
Лещ	43,5	46,1	40,5	-	46,7	24-38 Н.А.Дмитриев, 1931
Сом	76,7	171,1	164,9	172,3	142,5	78,5 Б.И.Вещезеров, 1934
Судак	48,3; 60,9 (2 экз.)	67,9	61,4	65,8	61,5	40,6-47,6 Н.И.Чугунова, 1931

Примечание. В этой таблице А - рыбы из поселений Нижнего Дона (середина II тыс. до н. э. - IV в. н. э., по данным Е. А. Цепкина, 1989 г.); Б и В соответственно Кобяковского и Нижне-Гниловского городищ (эпоха бронзы - I-III вв. н. э., по данным Л. Д. Житеневой, 1966, 1968 гг.); Г - рыбы из городища Танаис (IV-V вв. н. э., по моим данным, 1995-1996 гг.).

Как следует из таблицы 2, средние размеры четырех видов рыб - сазана, леща, сома и судака были меньше размеров этих же видов из других городищ Нижнего Дона (исключая леща Кобяковского городища); эта разница особенно выражена в случае

сома. Подобное явление можно объяснить как отличиями в условиях обитания рыб, так и большим влиянием промысла в XIV в. н. э. по сравнению с более ранними временами. Однако при сравнении этих видов с современными заметно, что рыбы древнего Азака были крупнее (по своим средним размерам) современных, обитающих в данном регионе, что, по-видимому, связано с более интенсивной промысловой деятельностью современного человека. Исключение составляет сом данного исторического памятника, мелкие размеры которого, вероятно, связаны с особенностями условий обитания в дельте реки Дон.

Также не исключена возможность эпизоотии для данного вида в изучаемый отрезок времени, что и могло способствовать снижению численности и уменьшению размеров сома в этот исторический период. Что касается большого количества леща в уловах, то это явление можно объяснить как гастрономическими предпочтениями населения Азака, так и необходимостью вылавливать леща вместо сома вследствие предположительного уменьшения численности последнего.

Литература

1. Вешезеров Б. И. 1934. Лещ, сазан и сом Азовско-Донского района // Тр. Всесоюзного научно-исследовательского института рыбной промышленности. Т.111. С.13-42.
2. Дмитриев Н. А. 1931. Лещ Азовского моря (биология и промысел) // Труды Азово -Черноморской научно-промысловой экспедиции. Вып.6. С.1-104.
3. Житенева Л. Д. 1966. Рыбы Нижне-Гниловского городища (эпоха бронзы, I-III века н. э.) // Вопросы ихтиологии. Т.6. Вып.2. С. 222-236.
4. Житенева Л. Д. 1968. Рыбы Кобякова городища (эпоха поздней бронзы, I-III века н. э.)// Зоологический журнал. Т. XLVII. Вып.2. С.269-282.
5. Петров В. В. 1931. Материалы по росту и возрасту азовского сазана // Труды Азово-Черноморской научно-промысловой экспедиции. Вып.8. С. 25-31.
6. Световидов А. Н. 1948. К истории ихтиофауны реки Дон // МИА. № 8. С.124-127.
7. Цепкин Е. А. 1989. К истории промысловой ихтиофауны и

рыболовства в бассейне реки Дон // Вопросы ихтиологии.
Т.29. Вып.5. С.771-776.

8. Чугунова Н. И. 1931. Биология судака Азовского моря // Труды Азово -Черноморской научно-промысловой экспедиции. Вып.9. С. 3-170.

В.С. Байгушева, М.Ю. Тишков

О находке скелета гигантского динотерия *Deinotherium giganteum* kaup близ города Новочеркасска Ростовской области

Остатки динотерия относятся к отряду хоботных Proboscidea и являются родственниками слонов, с которыми у них одинаково крупные размеры и строение конечностей. Однако, их резко отличало от остальных хоботных отсутствие верхних бивней при наличии крупных загнутых бивней на нижней челюсти. Сдвинутые назад отверстия ноздрей говорят о развитии хобота или сильно развитой губы, однако, форма черепа совсем не такая, как у настоящих слонов. В общем он сильно уплощен, затылок разрастается далеко вниз, обеспечивая поверхность для прикрепления мощных мышц, поднимающих голову и вращающих череп в стороны. Все коренные зубы, кроме М1, бифодонтные (с двумя поперечными гребнями). Брахиодонтность (низкокоронковость) сохраняется на протяжении всей истории группы, изменяя только размер. Нижние резцы, отогнутые вниз, образовывали своеобразную конструкцию, подобную сохе. Такая “двурогая соха” помогала сгребать корм в воде и была опорой для губы или хобота при питании. Кремнезем на зубы не попадал, иначе они быстро бы изнашивались. Эмаль на зубах при большой величине зубов была относительно тонкой (3-4 мм). Цемент в коронке полностью отсутствовал, а высота была небольшой. Смена зубов вертикальная, а не горизонтальная как у слонов. Все это свидетельствует о мягком растительном корме динотериев, который, скорее всего, добывался животными в проточной чистой воде. Мощный скелет свидетельствует о том, что динотерий большую часть жизни проводил в воде. Скорее всего, они были

лишены волосяного покрова и их кожа была похожа на кожу бегемота и сирен.

Динотерии от своих хоботных предков отделились в начале кайнозойской эры. На всю свою геологическую жизнь они сохранили в строении черепа, зубов и конечностей примитивные признаки предка хоботных и сиреновых, который был наземным обитателем, предпочитавшим жить около воды. Их остатки до сих пор не обнаружены. Наиболее древние находки динотериев описаны из нижнего миоцена (около 20 млн. лет назад) Центральной Африки. Далее в верхнем миоцене и нижнем плиоцене они распространяются на юго-восток Европы и отсюда проникают в Индию. Последние находки в отложениях среднего плейстоцена Африки (около 300 тысяч лет назад) разнообразных форм не дали. Это редкий случай в эволюции животных.

Случаи находок остатков динотерия нечасты. Тем более на учете как чрезвычайное событие находки скелетов. Первый более или менее полный экземпляр *D. bavaricum* был найден в прошлом веке в Чехословакии (верхний миоцен неогена). Полный скелет *D. giganteum* экспонируется в Кишиневском музее (Молдавия). Копия скелета есть в музее природы г. Киева (Украина). В Бухаресте (Румыния) и Софии (Болгария) смонтированы неполные скелеты, отнесенные к *D. gigantissimum*. Высота румынской находки - 3,9 м. В Болгарии скелет был с черепом длиной 1,25 м, высотой затылка 70 см, длиной бивней (J) 85 см, длиной большой берцовой (tibia) 1 м 30 см, что свидетельствует о росте животного в 4,5 - 5 м. Самый маленький скелет - 2,5 м высоты. В Праге (Чехия), Одессе (Украина) есть немонтированные скелеты.

У г. Новочеркаска (В.В. Богачевым) были найдены отдельные зубы *D. giganteum*. Отложения, в которых обнаружены эти остатки, составлены из косослоистых песков белого цвета, мощностью до 12 метров, залегающих между понтическим ракушняком сверху (нижний плиоцен) и размытым сарматом снизу (верхний миоцен). В песках имеются прослой глины с диатомовыми водорослями, куски окаменевшей и другой сохранности древесины. У хутора Янова в таких песках, вместе с моллюсками родов *Congerina*, *Neretina*, найдены кости окуня *Perca* sp., судака *Lucioperca* sp., и сома *Silurus* sp. (определение В.В. Богачева). Остатки млекопитающих, добытые К. Лисицыным и А. Быкадоровым у

хуторов Янова и Поповка, в карьерах по р. Тузлову, по определениям И.П. Хоменко, В.В. Богачева и И.И. Соколова принадлежат, кроме динотерия, двум видам мастодонтов (в том числе *Zygodontophodon borsoni*) и антилопе "*Palaeoryx longicerphalus*" Г.Н. Родзянко (1986) выделяет эти отложения в аллювиальную верхнесарматско-мэотическую яновскую свиту, время образования которой охватывает около 4,2 - 5 миллионов лет.

В августе 1982 года при погрузочных работах в Обуховском карьере под Новочеркасском, 1,5 км на запад от х. Янова, экскаваторщики М.И. и С.М. Бубновы обнаружили челюсти с зубами, фрагменты крупных костей. Из толщи песка на глубине около 5 м торчали кости крупного животного. О находке сообщили в Музей истории донского казачества и прекратили работу на данном участке карьера. По совету доцента кафедры зоологии Ростовского университета В.С. Байгушевой, определившей динотерия, Азовский краеведческий музей под руководством М.Ю. Тишкова начал раскопки. На территории карьера были проведены вскрышные работы и верхние перекрывающие слои были сняты. Под ними оставался слой серо-голубоватой глины с тонкими прослойками и линзочками алевроит- и мелкозернистого песка мощностью до 26 см. Ниже залежали понтический известняк-ракушечник, детритусовый ржаво-бурый, мощностью от 25 см до 2,5 м с многочисленными прослоями коричневато-серых глин небольшой мощности, подстилаемой прослойкой кварцита. Под ним лежат кварцитовые пески речных отложений. Пески в основной массе белые, с прослоем ожелезнения разной степени и разной мощности, многослойные, сильно перемытые, разделенные послойно по зернистости с многочисленными конкрециями песчаника округлой формы, увеличивающиеся сверху вниз по диаметру и частоте встречаемости. Слои светлого песка перемежаются прослоями голубовато-серых высокопластичных глин, окруженных буро-железистыми песками. Кости динотерия - правая и левая плечевые и ребро, выходили на глубине 5,9 м и 6,2 м.

До начала работ были перебраны осыпи и отвалы песка у местонахождения скелета и собраны обломки костей из отвезенного на завод стройматериалов песка. Над местом выхода остатков был разбит раскоп юго-западного направления с

шириной по фронту 12 м с углублением в борт карьера на 6 м. С глубины 3,07 м до глубины 6,1 м в толще песка встречалось большое количество древесины ржаво-бурого цвета плохой сохранности. Ствол такого дерева находился непосредственно среди ребер и плечевых костей. Древесина и поверхность находок были покрыты ржаво-бурым песком с образованием слабосцементированного песчаника-рыхляка и гравелита. На уровне таза динотерия, на глубине 7,4 м залегал мощный слой конкреций песчаника (ризолитов) причудливой формы и разных размеров, образовавших непрерывный слой мощностью до 20 см, местами включающий в себя кости таза и хвоста. Кости скелета динотерия лежали в слоях песка на глубинах 5,4 м и до 7,13 м (кончик хвоста). Наиболее глубоко залегавшие кости таза и хвостовые позвонки лежали на слое голубовато-серых глин. Здесь были вскрыты кости передних конечностей от плечевых до фаланг пальцев, кости задних конечностей до некоторых фаланг, 4 поясничных позвонка, крестец (sacrum), 12 хвостовых позвонков, нижние части 9 левых ребер. Найденные во влажном грунте фрагменты просушивались и проклеивались. Крупные кости снимались кусками.

Залегание скелета (Рис. 1) позволяет установить, что труп находился в положении, которое можно назвать “сидящим” с заваливанием на левый бок. Передние конечности погрузились несколько ниже уровня задних ног. Причиной гибели взрослого нестарого самца динотерия могли быть как гибель животного от болезни, так и чрезвычайные обстоятельства, связанные на наш взгляд с обвалом берегового навеса с древесной растительностью, которая окружила труп животного, способствовала заносу его песком и глиной и в таком состоянии без доступа воздуха началась фоссилизация его останков. Направление залегания древесины дуба (*Quercinium montanum* по определению И.А. Шилкиной, сотрудницы Ботанического института РАН) и разнос дистальных костей стопы указывают направление течения древней реки - с востока на запад.

В настоящее время скелет динотерия полностью пропитан клеем, отреставрирован и требует научной обработки, особенно в освещении механизма передвижения, так как ни в одном из найденных скелетов не сохранились так полно кости конечностей.

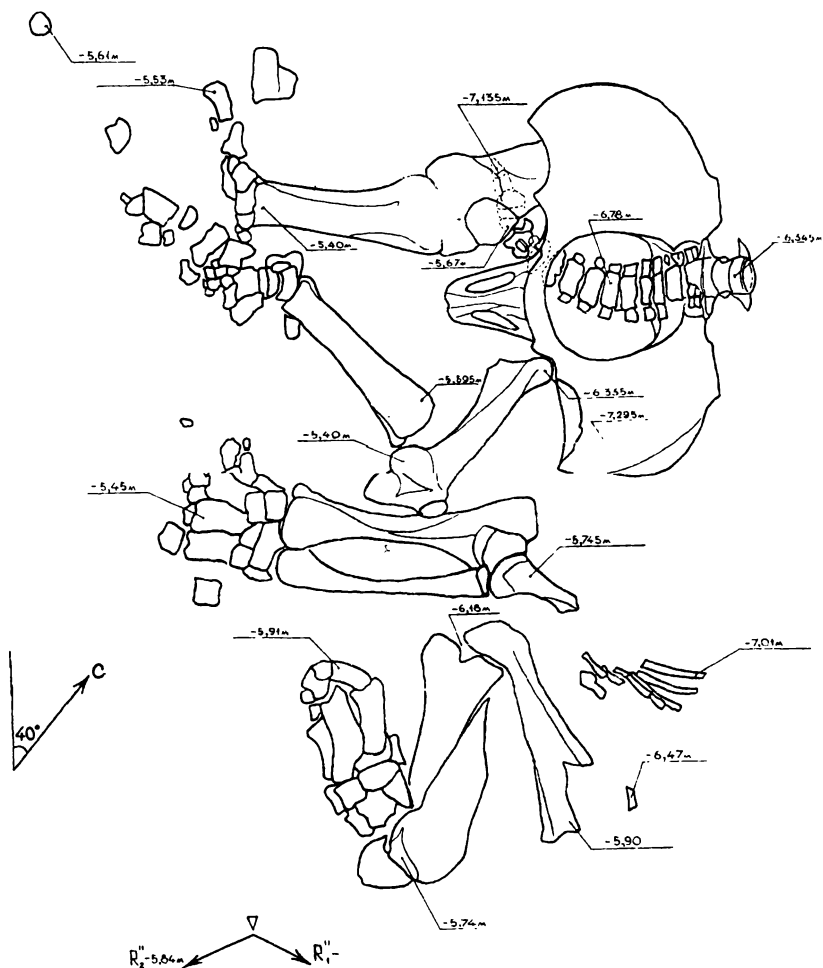

Рис. 1. Схема залегания костей скелета динозавра в Обуховском карьере у г. Новочеркасска Ростовской области

В дальнейшем массивный скелет динотерия *D. giganteum* будет, после дополнения позвоночного столба и черепа, смонтирован. Его высота с мускулатурой и подушкой под пальцами - более 4 метров.

Прежнее определение возраста отложений яновской свиты вызывает возражение. Е.Л. Короткевич (1988) выделила несколько фаунистических комплексов гиппарионовой фауны на территории Северного Причерноморья. К плиоценовому этапу она относит, наряду с типовым мстонахождением - Шкодова гора в окрестности Одессы, ряд пунктов единичных находок (Крым, Керчь, Евпатория, Кривой Рог и др.) Таврического комплекса.

К типичным автохтонным (аборигенным) элементам она относит: мастодонта (*Tetralophodon longirostris*), динотерия (*D. giganteum*, *D. gigantissimum*), гиппариона (*Hipparion* sp. (? *crassum*)), рогатых носорогов (? *Diceros pachionatus*, *Dicerorhinus schleiermacheri*), возможно (редки)ацератерии (*Aceratherium incisivum*), прокапреолус (*Procapreolus* sp.), элладотерий (*Helladotherium* sp.), палеорикс ("Palaeoryx longicephalus"). К числу новых, аллохтонных форм относятся, по ее мнению, гребнезубый мастодонт (*Zygalophodon borsoni*), олени (*Neomegaloceros*) и верблюды (*Paracamelus*). Этот состав фауны согласуется с теми находками животных, которые были прежде определены в окрестностях г. Новочеркасска.

Следует обратить внимание на то, что гребнезубый мастодонт появляется впервые в составе таврического комплекса. В музее донского казачества этот пришелец хорошо представлен несколькими зубами более крупными и широкими, чем у *Turicius* и которые не имеют характерных для рода *Turicius* дополнительных образований между гребнями. Это позволяет относить их к роду *Zygalophodon*. Мастодонт рода *Turicius* не доживает до верхнего мзотиса. Следовательно, возраст этих отложений, скорее всего, не верхне-мзотический, а более молодой - позднемзотическо-понтический. Такое решение подтверждает еще одна находка из этого же музея - бедренная кость (*femur*). Она найдена в этих же песках и принадлежит носорогу, очень низкорослому, размером с современного маленького суматранского. Ближе всего она по пропорциям дистальной части кости к *Diceros pachignathus* из Таврического комплекса.

Следовательно динотерий, скелет которого найден в Обуховском карьере под Новочеркасском и является единственной находкой в России, жил около 5 миллионов лет назад.

Литература

1. Короткевич Е.Л. 1988. История формирования гиппарионовой фауны Восточной Европы. Наукова думка. Киев

Сведения об авторах

- Арсеньева Татьяна Михайловна** - к.и.н., старший научный сотрудник ИА РАН.
- Байгушева Вера Северьяновна** - кандидат геолого-минералогических наук, доцент, старший научный сотрудник АМК
- Безуглов Сергей Михайлович** - старший научный сотрудник археологической лаборатории РГУ
- Беспалый Евгений Иванович** - научный сотрудник Танаисского музея-заповедника.
- Беспалый Геннадий Евгеньевич** - студент 5 курса истфака РГУ
- Белинский Игорь Владимирович** - старший научный сотрудник АМК
- Бойко Андрей Леонидович** - преподаватель кафедры истории древнего мира и средних веков истфака РГУ
- Васильева Анастасия Викторовна** - студентка 2 года магистерской подготовки биолого-почвенного фак-та РГУ
- Виноградова Екатерина Александровна** - аспирантка кафедры археологии МГУ
- Власкин Михаил Васильевич** - зам. начальника областной инспекции по охране и эксплуатации памятников истории и культуры
- Волков Игорь Викторович** - нач. комплексной Южно-Российской экспедиции НИИ культурного наследия, г. Москва
- Глебов Вячеслав Петрович** - сотрудник хозрасчетной археологической группы Ростовского областного отделения ВООПИиК
- Горбенко Анатолий Александрович** - директор Азовского краеведческого музея, заслуженный работник культуры РФ
- Гудименко Игорь Викторович** - старший научный сотрудник АМК
- Житников Виктор Георгиевич** - к.и.н., старший научный сотрудник археологической лаборатории РГУ
- Зоров Юрий Николаевич** - научный сотрудник Аксайского музея
- Иванов Алексей Александрович** - аспирант кафедры археологии Волгоградского университета
- Илюков Леонид Сергеевич** - старший научный сотрудник археологической лаборатории РГУ
- Казакова Людмила Михайловна** - заведующая археологической лабораторией РГУ

- Кияшко Владимир Яковлевич** - к.и.н., зав. кафедры отечественной истории эпохи феодализма РГУ
- Козюменко Евгений Владимирович** - член Донского археологического общества
- Копылов Виктор Павлович** - доцент РГПУ
- Косяненко Виктория Мечиславовна** - старший научный сотрудник РОМК
- Ларенок Вера Алексеевна** - старший научный сотрудник Таганрогской археологической экспедиции
- Ларенок Павел Анатольевич** - начальник Таганрогской археологической экспедиции
- Ле Биан Жап Поль** - директор центра археологических исследований провинции Финистер, Франция
- Леонова Наталья Борисовна** - д.и.н., истфак МГУ
- Лукияшко Сергей Иванович** - к.и.н., доцент кафедры истории древнего мира и средних веков РГУ
- Масловский Андрей Николаевич** - мл. научный сотрудник АКМ
- Парусимов Игорь Николаевич** - начальник археологического отряда экспедиции НМИДК
- Перевозчиков Вадим Иванович** - главный хранитель АКМ
- Петрунь Виктор Федорович** - кандидат геолого-минералогических наук, член Одесского археологического общества, член ОФ УКИФЕТ
- Потапов Вадим Валерьянович** - сотрудник хозрасчетной археологической группы Ростовского областного отделения ВООПИиК
- Прохорова Татьяна Александровна** - старший научный сотрудник археологической лаборатории РГУ
- Симопско Виктор Анатольевич** - директор Сальской железнодорожной школы № 8
- Смоляк Александр Ричардович** - ассистент кафедры истории древнего мира и средних веков РГУ
- Томашевич-Бук Т.** - доктор археологии, профессор Фрейбургского университета
- Фомичев Николай Михайлович** - ст. научный сотрудник АКМ
- Хайкунова Нина Анатольевна** - к.и.н., научный сотрудник ГИМа
- Яценко Вячеслав Валерьянович** - начальник хозрасчетной группы Ростовского областного отделения ВООПИиК

Список сокращений

АКМ -	Азовский краеведческий музей
АМЗ -	Археологический музей-заповедник
АНИБ -	Археологическое научно-исследовательское бюро
ВА -	Вопросы антропологии
ВВ -	Византийский временник
ВДИ -	Вестник древней истории
ВООПИиК -	Всесоюзное общество охраны памятников истории и культуры
ВФ -	Вопросы философии
ГИМ -	Государственный исторический музей
ДАН -	Доклады Академии наук
ЗВМО -	Записки Всесоюзного минералогического общества
ИАИАИАНД -	Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону
ИА РАН -	Институт археологии Российской Академии наук
КЗТКМ -	Краеведческие записки Таганрогского краеведческого музея
КСИА -	Краткие сообщения института археологии
КСИИМК -	Краткие сообщения института истории материальной культуры
МГУ -	Московский государственный университет
МИА -	Материалы и исследования по археологии
НМИДК -	Новочеркасский музей истории донского казачества
НЭ -	Нумизматика и эпиграфика
РА -	Российская археология

РАИМК -	Российская Академия истории материальной культуры
РГПУ	Ростовский государственный педагогический университет
РГУ	Ростовский государственный университет
РОМК -	Ростовский областной музей краеведения
СА -	Советская археология
САИ -	Свод археологических источников
ТКМ -	Таганрогский краеведческий музей
ТЛИАМЗ -	Таганрогский литературно-историко-архитектурный музей-заповедник

СОДЕРЖАНИЕ

К юбилею Л.М. Казаковой	5
<i>А.А. Горбенко</i>	
Донская археология и музеи	7

ИНФОРМАЦИОННЫЕ СООБЩЕНИЯ

<i>Т.М. Арсеньева</i>	
Работы Нижне-Донской экспедиции в 1995-1997 гг.	15
<i>Т.М. Арсеньева, М.В. Власкин</i>	
Археологические исследования северного участка грунтового некрополя Танаиса в 1996-1997 гг.	17
<i>И.В. Белинский</i>	
Спасательные археологические раскопки в Азове по ул. Московской, 7	18
<i>Е.И. Беспалый</i>	
Курганы сельской округи Танаиса	20
<i>Г.Е. Беспалый</i>	
Исследование Хапровского городища в 1997 г.	24
<i>М.В. Власкин</i>	
Археологические исследования в гг. Ростове-на-Дону и Аксас в 1995-1996 гг.	32
<i>И.В. Волков</i>	
Исследования Южнороссийской комплексной экспедиции в Приазовье в 1995-1997 гг.	48
<i>В.П. Глебов</i>	
Археологические разведки в Веселовском районе Ростовской области	54
<i>В.П. Глебов, В.В. Потапов, В.В. Яценко</i>	
Работы экспедиции археологического научно-исследовательского бюро в Ростовской области в 1995 и 1997 годах	55
<i>И.В. Гудименко</i>	
Итоги археологических исследований отряда "Дельта" экспедиции Азовского краеведческого музея в г. Азове и Азовском районе в 1995-1996 гг.	60
<i>В.Г. Житников, Л.С. Илюков</i>	
Исследование курганов на окраинах г. Ростова н/Д	72
<i>В.Г. Житников</i>	
Раскопки курганов у пос. Ливенцовка	74
<i>Ю.Н. Зоров</i>	
Некоторые итоги археологических разведок в Аксайском районе в 1995-1997 гг.	76

<i>Л.М. Казакова, Г.Е. Беспалый, Е.В. Козюменко</i>	
Итоги охранных археологических работ на Хапrowsком городище. 1995 г.	84
<i>В.Я. Кияшко</i>	
Работы на поселении Раздорское I в 1995-96 гг.	96
<i>В.П. Копылов, Т. Томашевич-Бук, А.А. Иванов</i>	
Разведочные работы на Сухо-Чалтырском городище в 1996-1997 гг.	99
<i>В.П. Копылов</i>	
Спасательные работы на Елизаветовском городище в дельте Дона	104
<i>Е.В. Козюменко, А.Л. Бойко</i>	
Работы в Азовском районе в 1997 г.	111
<i>П.А. Ларенок</i>	
Раскопки Таганрогской археологической экспедиции и Донского археологического общества в 1995-1997 гг.	113
<i>В.А. Ларенок, П.А. Ларенок</i>	
Охранные раскопки поселения Ломакин-IV	118
<i>Ж.П. Ле Биан, Л.С. Ильюков</i>	
Сарматский курган	121
<i>Ж.П. Ле Биан, Л.С. Ильюков, Н.М. Фомичев</i>	
Исследование кургана у г. Азова в 1997 году	123
<i>Н.Б. Леонова, Е.А. Виноградова</i>	
Исследования стоянки Каменная Балка-2 в 1995-1997 гг.	125
<i>С.И. Лукьяшко, В.Я. Кияшко</i>	
Спасательные раскопки в Сальском районе	130
<i>А.Н. Масловский</i>	
Работы I Азовского отряда в 1997 г.	133
<i>И.Н. Парусимов</i>	
Раскопки в Зимовниковском и Усть-Донецком районах Ростовской области	137
<i>В.И. Перевозчиков</i>	
Спасательные археологические работы на территории Азовского краеведческого музея в 1995-1996 гг.	142
<i>В.В. Потапов</i>	
Раскопки курганов в Аксайском районе Ростовской области	151
<i>Т.А. Прохорова</i>	
Раскопки некрополя на Беглицкой косе в 1995 г.	153
<i>В.А. Симоненко</i>	
Археологическая разведка на р. Маныч	157

<i>А.Р. Смоляк</i>	Археологические исследования на острове Поречный в 1995- 97 гг.	160
<i>Н.М. Фомичев</i>	Археологическая экспедиция на острове Уэссан	161

ЗАМЕТКИ И ПУБЛИКАЦИИ

<i>В.М. Косыненко</i>	Зооморфная керамика некрополя Кобякова городища: искусство и магия	167
<i>И.В. Белинский, А.Н. Масловский</i>	Типологическая характеристика материалов раскопок участка золотоордынского Азака (г. Азов, ул. Москв-ская,7)	179
<i>В.Ф. Петрунь</i>	Об аргиллитовых орудиях ряда археологических памятников Приазовья	251
<i>Н.М. Фомичев</i>	Новые клады серебряных монет XIV в. из Азова	267
<i>С.И. Безуглов</i>	О находках электровых боспорских статеров близ Сухо-Чалтырского городища	268
<i>Н.Б. Леонова, Е.А. Виноградова, Н.А. Хайкупова</i>	Новые данные по исследованию верхнепалеолитических стоянок района дельты Дона. (Каменнобалковская археологическая культура)	272
<i>И.В. Гудименко</i>	Археологические свидетельства погрома Азака Тамерланом в 1395 году	283
<i>Т.А. Прохорова</i>	Резные камни из погребения в кургане 10 Кобяковского могильника	290
<i>А.В. Васильева</i>	Об остатках рыб времен Золотой Орды	300
<i>В.С. Байгушева, М.Ю. Тишков</i>	О находке скелета гигантского динотерия <i>Deinotherium giganteum</i> каур близ города Новочеркасска Ростовской области	305
	Сведения об авторах	312
	Список сокращений	314

Научное издание

**Историко-археологические исследования
в Азове и на Нижнем Дону в 1995-1997 гг.
Выпуск 15.**

Ответственный редактор В.Я. Кияшко
Технический редактор И.П. Кирсанова

ЛР 65-02 от 13 октября 1998 г.

Сдано в набор 25.06.98 г. Подписано в печать 2.11.98 г. Формат
60x84/16. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman Суг.
Печать офсетная. Усл. п. л. 20. Тираж 1000 экз. Цена договорная
Заказ № 256

Азовский краеведческий музей
346740, г. Азов, Ростовской обл., ул. Московская, 38/40.

ЗАО "Книга"
344019, г. Ростов н/Д, ул. Советская, 57

24 =